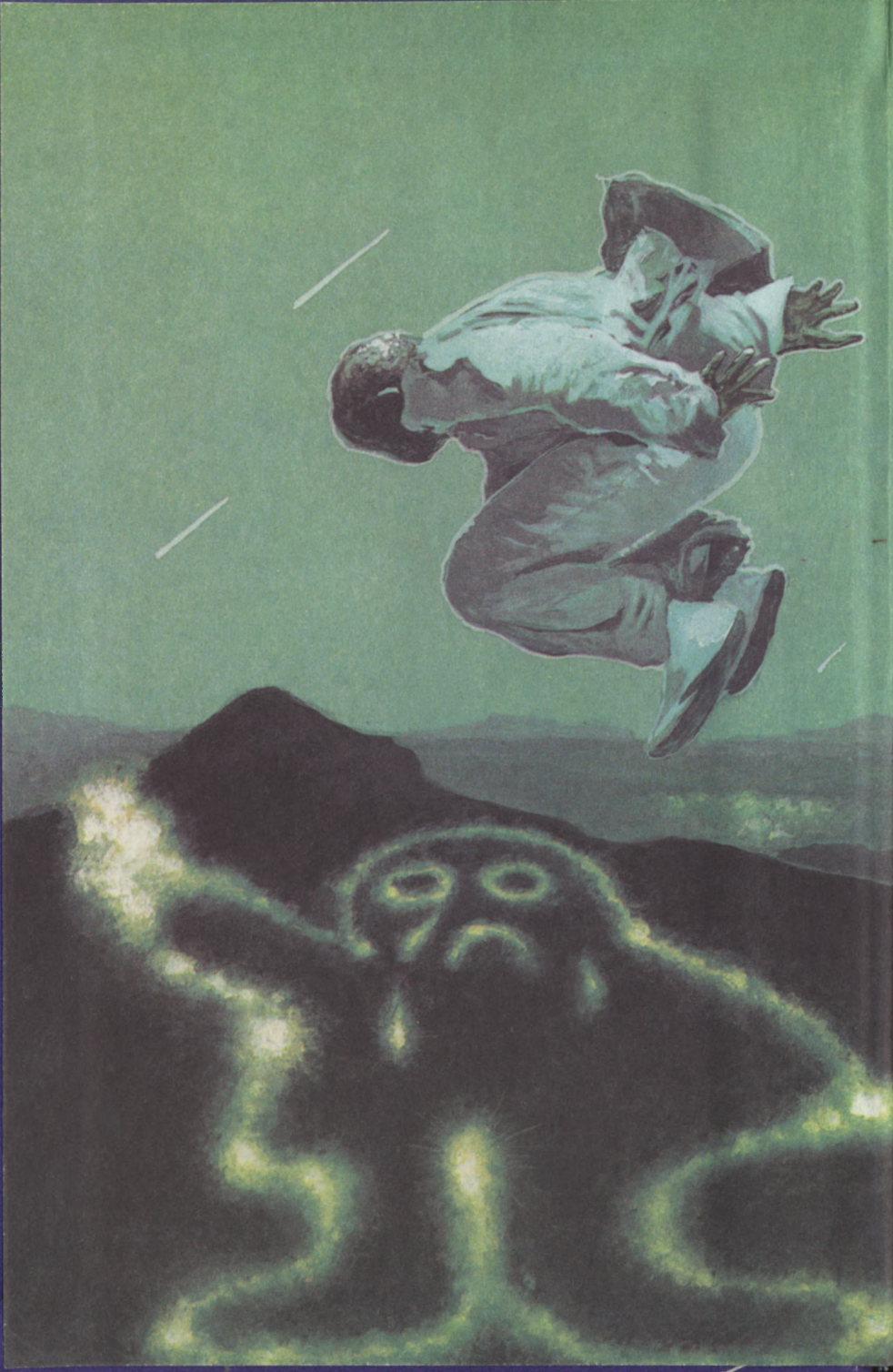

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

**STRANGERS IN
THE UNIVERSE
,
ALL THE TRAPS OF EARTH**

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

НЕЗНАКОМЦЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ

Издательская фирма «Полярис»
1994

Strangers in the Universe
New York, Simon and Schuster, 1956

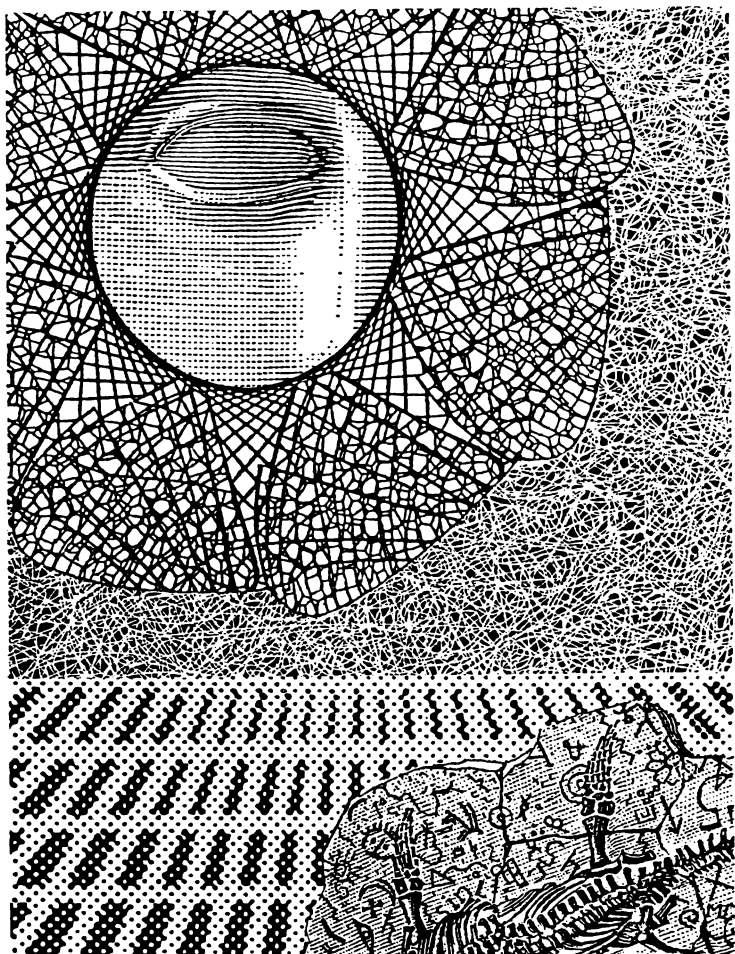
All the Traps of Earth
New York, Doubleday, 1962

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
составление

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Перепечатка отдельных рассказов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-117-0

НЕЗНАКОМЦЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ

ИЗГОРОДЬ

Он спустился по лестнице и на секунду остановился, давая глазам привыкнуть к полутьме.

Рядом с высокими бокалами на подносе прошел робот-официант.

— Добрый день, мистер Крейг.

— Здравствуй, Герман.

— Не хотите ли чего-нибудь, сэр?

— Нет, спасибо. Я пойду.

Крейг на цыпочках пересек помещение и неожиданно для себя отметил, что почти всегда ходил здесь на цыпочках. Дозволялся только кашель, и лишь самый тихий, самый деликатный кашель. Громкий разговор в пределах комнаты отдыха казался святотатством.

Аппарат стоял в углу, и, как все здесь, это был почти бесшумный аппарат. Лента выходила из прорези и спускалась в корзину; за корзиной следили и вовремя опустошали, так что лента никогда-никогда не падала на ковер.

Он поднял ленту, быстро перебирая пальцами, пробежал ее до буквы К, а затем стал читать внимательнее.

Кокс — 108,5; Колфилд — 92; Коттон — 97; Кратчфилд — 111,5; Крейг — 75...

Крейг — 75!

Вчера было 78, 81 позавчера и 83 третьего дня. А месяц назад было 96,5 и год назад — 120.

Все еще сжимая ленту в руках, он оглядел темную комнату. Вот над спинкой кресла виднеется лысая голова, вот вьется дымок невидимой сигареты. Кто-то сидит лицом к Крейгу, но почти неразличим, сливаясь с креслом; блестят только черные ботинки, светятся белоснежная рубашка и укрывающая лицо газета.

Крейг медленно повернул голову и, внезапно слабей, увидел, что кто-то занял его кресло, третье от камина. Месяц назад этого бы не было, год назад это было бы немыслимо. Тогда его индекс удовлетворенности был высоким.

Но они знали, что он катится вниз. Они видели ленту и, несомненно, обсуждали это. И презирали его, не смотря на сладкие речи.

— Бедняга Крейг. Славный парень. И такой молодой, — говорили они с самодовольным превосходством, абсолютно уверенные, что уж с ними-то ничего подобного не произойдет.

Советник был добрым и внимательным, и Крейг сразу понял, что он любит свою работу и вполне удовлетворен.

— Семьдесят пять... — повторил советник. — Не очень-то хорошо.

— Да, — согласился Крейг.

— Вы чем-нибудь занимаетесь? — Отшлифованная профессиональная улыбка давала понять, что он в этом совершенно уверен, но спрашивает по долгу службы. — О, в высшей степени интересный предмет. Я знал нескольких джентльменов, страстно увлеченных историей.

— Я специализируюсь, — сказал Крейг, — на изучении одного акра.

— Одного акра? — переспросил советник, совершенно не удивленный. — Я не вполне...

— Истории одного акра, — объяснил Крейг. — Надо проследживать ее вдаль, час за часом, день за днем, по темповизору, регистрировать детально все события,

все, что случилось на этом акре, с соответствующими замечаниями и комментариями.

— Чрезвычайно интересное занятие, мистер Крейг. Ну и как, нашли вы что-нибудь особенное на своем... акре?

— Я проследил за ростом деревьев. В обратную сторону. Вы понимаете? От стареющих гигантов до ростков; от ростков до семян. Хитрая штука, это обратное слежение. Сначала сильно сбивает с толку, но потом привыкаешь. Клянусь, даже думать начинаешь в обратную сторону... Кроме того, я веду историю гнезд и самих птиц. И цветов, разумеется. Регистрирую погоду. У меня неплохой обзор погоды за последние пару тысяч лет.

— Как интересно, — заметил советник.

— Было и убийство, — продолжал Крейг. — Но оно произошло за пределами акра, и я не могу включать его в свое исследование. Убийца после преступления пробежал по моей территории.

— Убийца, мистер Крейг?

— Совершенно верно. Понимаете, один человек убил другого.

— Ужасно. Что-нибудь еще?

— Пока нет, — ответил Крейг. — Хотя есть кое-какие надежды. Я нашел старые развалины.

— Зданий?

— Да. Я стремлюсь дойти до тех времен, когда они еще не были развалинами. Не исключено, что в них жили люди.

— А вы поторопитесь немного, — предложил советник. — Пройдите этот участок побыстрее.

Крейг покачал головой:

— Чтобы исследование не утратило своей ценности, надо регистрировать все детали. Я не могу перескочить через них, чтобы скорее добраться до интересного.

Советник изобразил сочувствие.

— В высшей степени интересное занятие, — сказал он. — Я просто не представляю, почему ваш индекс падает.

— Я осознал, — проговорил Крейг, — что всем все равно. Я вложу в исследование годы труда, опубликую результаты, несколько экземпляров раздам друзьям и

знакомым, и они будут благодарить меня, потом поставят книгу на полку и никогда не откроют. Я разошлю свой труд в библиотеки, но, вы знаете, сейчас никто туда не ходит. Я буду единственным, кто когда-либо прочтет эту книгу.

— Но, мистер Крейг, — заметил советник, — есть масса людей, которые находятся в таком же положении. И все они сравнительно счастливы.

— Я говорил себе это, — признался Крейг. — Не помогает.

— Давайте сейчас не будем вдаваться в подробности, а обсудим главное. Скажите, мистер Крейг, вы совершенно уверены, что не можете более быть счастливы, занимаясь своим акром?

— Да, — произнес Крейг. — Уверен.

— А теперь, ни на минуту не допуская, что ваше заявление отвечает однозначно на наш вопрос, скажите мне: вы никогда не думали о другой возможности?

— О другой?

— Конечно. Я знаю некоторых джентльменов, которые сменили свои занятия и с тех пор чувствуют себя превосходно.

— Нет, — признался Крейг. — Даже не представляю, чем можно еще заняться.

— Ну, например, наблюдать за змеями, — предложил советник.

— Нет, — убежденно сказал Крейг.

— Или коллекционировать марки. Или вязать. Многие джентльмены вяжут и находят это весьма приятным и успокаивающим.

— Я не хочу вязать.

— Начните делать деньги.

— Зачем?

— Вот этого я и сам не могу взять в толк, — доверительно сообщил советник. — Ведь в них нет никакой нужды, стоит лишь сходить в банк. Но есть немало людей, которые с головой ушли в это дело и добывают деньги, порой, я бы сказал, весьма сомнительными способами. Но, как бы то ни было, они черпают в этом глубокое удовлетворение.

— А что потом они делают с деньгами? — спросил Крейг.

— Не знаю, — ответил советник. — Один человек зарыл их и забыл где. Остаток жизни он был вполне счастлив, занимаясь их поисками с лопатой и фонарем в руках.

— Почему с фонарем?

— О, он вел поиски только по ночам.

— Ну и как, нашел?

— По-моему, нет.

— Кажется, меня не тянет делать деньги, — сказал Крейг.

— Вы можете вступить в клуб.

— Я давно уже член клуба. Одного из самых лучших и респектабельных. Его корни...

— Нет, — перебил советник. — Я имею в виду другой клуб. Знаете, группа людей, которые вместе работают, имеют много общего и собираются, чтобы получить удовольствие от беседы на интересные темы.

— Сомневаюсь, что такой клуб решил бы мою проблему, — проговорил Крейг.

— Вы можете жениться, — предложил советник.

— Что? Вы имеете в виду... на одной женщине?

— Ну да.

— И завести кучу детей?

— Многие мужчины занимались этим. И были вполне удовлетворены.

— Знаете, — произнес Крейг, — по-моему, это как-то неприлично.

— Есть масса других возможностей, — не сдавался советник. — Я могу перечислить...

— Нет, спасибо. — Крейг покачал головой. — В другой раз. Мне надо все обдумать.

— Вы абсолютно уверены, что стали относиться к истории неприязненно? Предпочтительнее оживить ваше старое занятие, нежели заинтересовать новым.

— Да, я отношусь неприязненно, — сказал Крейг. — Меня тошнит от одной мысли о нем.

— Хорошенько отдохните, — предложил советник. — Отдых придаст вам бодрости и сил.

— Пожалуй, для начала я немного прогуляюсь, — согласился Крейг.

— Прогулки весьма, весьма полезны, — сообщил ему советник.

— Сколько я вам должен? — спросил Крейг.

— Сотню, — ответил советник. — Но мне безразлично, заплатите вы или нет.

— Знаю, — сказал Крейг. — Вы просто любите свою работу.

На берегу маленького пруда, привалившись спиной к дереву, сидел человек. Он курил, не сводя глаз с поплавка. Рядом стоял грубо вылепленный глиняный кувшин.

Человек поднял голову и увидел Крейга.

— Садитесь, отдохните, — сказал он.

Крейг подошел и сел.

— Сегодня пригревает, — сказаал он, вытирая лоб платком.

— Здесь прохладно, — отозвался мужчина. — Днем вот сижу с удочкой. А вечером, когда жара спадает, вожусь в саду.

— Цветы, — задумчиво проговорил Крейг. — А ведь это идея. Я и сам иной раз подумывал, что это небезынтересно — вырастить целый сад цветов.

— Не цветов, — поправил человек. — Овощей. Я их ем.

— То есть вы хотите сказать, что работаете, чтобы получить продукты питания?

— Ага. Я вспахиваю и удобряю землю и готовлю ее к посеву. Затем я сажаю семена, и ухаживаю за всходами, и собираю урожай. На еду мне хватает.

— Такая большая работа!

— Меня это нисколько не смущает.

— Вы могли бы взять работа, — посоветовал Крейг.

— Вероятно. Но зачем? Труд успокаивает мои нервы, — сказал человек.

Поплавок ушел под воду, и он схватился за удочку, но было поздно.

— Сорвалась, — пожаловался рыбак. — Я уже не первую упускаю. Никак не могу сосредоточиться. — Он насадил на крючок червя из банки, закинул удочку и снова привалился к стволу дерева. — Дом у меня небольшой, но удобный. С урожая обычно остается немного зерна, и, когда мои запасы подходят к концу, я делаю брагу. Держу собаку и двух кошек и раздражаю соседей.

— Раздражаете соседей? — переспросил Крейг.

— Ну, — подтвердил человек. — Они считают, что я спятил.

Он вытащил из кувшина пробку и протянул его Крейгу. Крейг, приготовившись к худшему, сделал глоток. Совсем недурно.

— Сейчас, пожалуй, чуть перебродила, — виновато произнес человек. — Но вообще получается неплохо.

— Скажите, — произнес Крейг, — вы удовлетворены?

— Конечно, — ответил человек.

— У вас, должно быть, высокий ИУ.

— ИУУ?

— Нет. ИУ. Личный индекс удовлетворенности.

Человек покачал головой:

— У меня такого вообще нет.

Крейг чуть не онемел.

— Но как же?!

— Вот и до вас приходил тут один. Довольно давно... Рассказывал про этот ИУ, только мне что-то слышалось ИУУ. Уверял, что я должен такой иметь. Ужасно расстроился, когда я сказал, что не собираюсь заниматься ничем подобным.

— У каждого есть ИУ, — сказал Крейг.

— У каждого, кроме меня. — Он пристально посмотрел на Крейга. — Слушай, сынок, у тебя неприятности?

Крейг кивнул:

— Мой ИУ ползет вниз. Я потерял ко всему интерес. Мне кажется, что что-то у нас не так, неправильно. Я чувствую это, но никак не могу определить.

— Им все дается даром, — сказал человек. — Они и пальцем не пошевелият, и все равно будут иметь еду, и дом, и одежду и утопать в роскоши, если захотят. Тебе нужны деньги? Пожалуйста, иди в банк и бери сколько надо. В магазине забирай любые товары и уходи; продавцу плевать, заплатишь ты или нет. Потому что ему они ничего не стоили. Ему их дали. На самом деле он просто *играет* в магазин. Точно так же, как все остальные играют в другие игры. От скуки. Работать, чтобы жить, никому не надо. Все приходит само собой. А вся эта затея с ИУ?.. Способ ведения счета в одной большой игре.

Крейг не сводил с него глаз.

— Большая игра, — произнес он. — Точно. Вот что это такое.

Человек улыбнулся.

— Никогда не думали об этом? В том-то и беда. Никто не задумывается. Все так страшно заняты, стараюсь убедить себя в собственном благополучии и счастье, что ни на что другое не остается времени. У меня, — добавил он, — времени хватает.

— Я всегда считал наш образ жизни, — сказал Крейг, — конечной стадией экономического развития. Так нас учат в школе. Ты обеспечен всем и волен заниматься чем хочешь.

— Вот вы сегодня перед прогулкой позавтракали, — после некоторой паузы начал человек. — Вечером пообедаете, немного выпьете. Завтра поменяете туфли или наденете свежую рубашку...

— Да, — подтвердил Крейг.

— Что я хочу сказать, это откуда берутся все эти вещи? Рубашка или пара туфель, положим, могут быть сделаны тем, кому нравится делать рубашки или туфли. Пишущую машинку, которой вы пользуетесь, тоже мог изготовить какой-нибудь механик-любитель. Но ведь до этого она была металлом в земле! Скажите мне: кто собирает зерно, кто растит лен, кто ищет и добывает руду?

— Не знаю, — сказал Крейг. — Я никогда не думал об этом.

— Нас содержат, — проговорил человек. — Да-да, нас кто-то содержит. Ну а я не хочу быть на содержании.

Он поднял удочку и стал укладываться.

— Жара немного спала. Пора идти работать.

— Приятно было поговорить с вами, — произнес, поднимаясь, Крейг.

— Спуститесь по этой тропинке, — предложил человек. — Изумительное место. Цветы, тень, прохлада. Если пройдете подальше, наткнетесь на выставку. — Он взглянул на Крейга. — Вы интересуетесь искусством?

— Да, — сказал Крейг. — Но я понятия не имел, что здесь поблизости есть музеи.

— О, неплохой. Недурные картины, пара приличных деревянных скульптур. Очень интересные здания, толь-

ко не пугайтесь необычности очертаний. Сам я там частенько бываю.

— Обязательно схожу, — сказал Крейг. — Спасибо.

Человек поднялся и отряхнул штаны.

— Если задержитесь, заходите ко мне, переночуете. Моя лачуга рядом, на двоих места хватит. — Он взял кувшин. — Мое имя Шерман.

Они пожали руки.

Шерман отправился в свой сад, а Крейг пошел вниз по тропинке.

Строения казались совсем рядом, и все же представить их очертания было трудно. «Из-за какого-то сумасшедшего архитектурного принципа», — подумал Крейг.

Они были розовыми до тех пор, пока он не решил, что они вовсе не розовые, а голубые, а иногда они казались и не розовыми, и не голубыми, а скорее зелеными, хотя, конечно, такой цвет нельзя однозначно назвать зеленым.

Они были красивыми безусловно, но красота эта раздражала и беспокоила — совсем незнакомая и необычная красота.

Здания, как показалось Крейгу, находились в пяти минутах ходьбы полем. Он шел минут пятнадцать, но достиг лишь того, что смотрел на них чуть под другим углом. Впрочем, трудно сказать — здания как бы постоянно меняли свои формы.

Цель не приблизилась и еще через пятнадцать минут, хотя он мог поклясться, что шел прямо.

Тогда он почувствовал страх.

Казалось, что, продвигаясь вперед, он уходил вбок. Как будто что-то гладкое и скользкое перед ним не давало пройти. Как изгородь, изгородь, которую невозможно увидеть или ощутить.

Он остановился, и дремавший в нем страх перерос в ужас.

В воздухе что-то мелькнуло. На мгновение ему почудилось, что он увидел глаз, один-единственный глаз, смотрящий на него. Он застыл, а чувство, что за ним наблюдают, еще больше усилилось, и на траве по ту сторону незримой ограды заколыхались какие-то тени. Как будто там стоял кто-то невидимый и с улыбкой наблюдал за его тщетными попытками пробиться сквозь стену.

Он поднял руку и вытянул ее перед собой, никакой стены не было, но рука отклонилась в сторону, пройдя вперед не больше фута.

И в этот миг он почувствовал, как смотрел на него из-за ограды этот невидимый — с добротой, жалостью и безграничным превосходством.

Он повернулся и побежал.

Крейг ввалился в дом Шермана и рухнул на стул, пытливо глядя в глаза хозяина.

— Вы знали, — произнес он. — Вы знали и послали меня.

Шерман кивнул:

— Вы бы не поверили.

— Кто они? — прерывающимся голосом спросил Крейг. — Что они там делают?

— Я не знаю, — ответил Шерман.

Он подошел к плите, снял крышку и заглянул в котелок, из которого сразу потянуло чем-то вкусным. Затем он вернулся к столу, чиркнул спичкой и зажег древнюю масляную лампу.

— У меня все по-старому, — сказал Шерман. — Электричества нет. Ничего нет. Уж не обессудьте. На ужин кроличья похлебка.

Он смотрел на Крейга через коптящую лампу, пламя закрывало его тело, и в слабом мерцающем свете казалось, что в воздухе плавает одна голова.

— Что это за изгородь? — почти выкрикнул Крейг. — За что их заперли?

— Сынок, — проговорил Шерман, — отгорожены не они.

— Не они?

— Отгорожены мы, — сказал Шерман. — Неужели не видишь? Мы находимся за изгородью.

— Вы говорили днем, что нас содержат. Это они?

Шерман кивнул:

— Я так думаю. Они обеспечивают нас, заботятся о нас, наблюдают за нами. Они дают нам все, что мы просим.

— Но почему?!

— Не знаю, — произнес Шерман. — Может быть, это зоопарк. Может быть, резервация, сохранение последних представителей вида. Они не хотят нам ничего плохого.

— Да, — убежденно сказал Крейг. — Я почувствовал это. Вот что меня напутало.

Они тихо сидели, слушая, как гудит пламя в плите, и глядя на танцующий огонек лампы.

— Что же нам делать? — прошептал Крейг.

— Надо решать, — сказал Шерман. — Быть может, мы вовсе не хотим ничего делать.

Он подошел к котелку, снял крышку и помешал.

— Не вы первый, не вы последний. Приходили и будут приходить другие. — Он повернулся к Крейгу. — Мы ждем. Они не могут дурачить и держать нас в загоне вечно.

Крейг молча сидел, вспоминая взгляд, преисполненный доброты и жалости.

ИСТИНА

1

Едва они вышли из корабля, все сразу стало ясным и понятным. Разумеется, они не могли предугадать, что их ждет, ибо откуда им было знать, на что рассчитывать; тем не менее, осознание пришло словно само собой. Трое из них просто стояли и смотрели, а четвертый даже подплыл поближе. Рассудок, сердце или интуиция — назвать можно как угодно — подсказывали каждому из них, что они наконец-то добрались до последнего приюта или одного из последних приютов той прославленной в легендах группы людей, которая сумела разорвать путы обыденности и вырвалась в темные просторы Галактики. Однако о том, от чего они бежали — от посредственности, ответственности или чего-то еще, — можно было только догадываться; ученые, пытавшиеся разгадать эту загадку, разделились в итоге на несколько культов и до сих пор вели между собой весьма жаркие, насквозь научные споры.

Впрочем, четверо исследователей ни на мгновение не усомнились в том, что перед ними место, поиски которого продолжались более или менее успешно на протяжении сотни тысяч лет. Название «место» подходило к нему как нельзя лучше, поскольку на город оно явно не тянуло, хотя, возможно, в былые времена здесь

и впрямь возвышался город. Это было место обитания, учености и работы, место, застроенное множеством зданий, которые, однако, с течением лет превратились в детали ландшафта и уже не нарушали целостности картины своими размерами или нарочитым пренебрежением по отношению к окружающей природе. Тут ощущалось величие, но не такое, что присуще громады друг на друга гигантским валунам, не подавляющее величие архитектуры, даже не грандиозность несокрушимости. По правде сказать, архитектура была ничем не примечательной, какая-либо монументальность начисто отсутствовала, некоторые здания разрушились, а другие спрятались за деревья, укутались в мох и как бы слились в единое целое с холмами, на которых стояли. Тем не менее, в них ощущалось величие — величие смирения, целесообразности и упорядоченной жизни. Стоило лишь взглянуть на них, как возникало понимание: это был, конечно, никакой не город, а большой поселок, деревня, причем обладавшая в избытке всем тем, что обычно связывается с подобным словом.

Главным же было то, что в поселении чувствовалось присутствие человека, этаким налетом человечности, благодаря которому у наблюдателя не оставалось ни малейшего сомнения в том, что здания спроектированы и возведены людьми. Не то чтобы можно было ткнуть во что-то пальцем и сказать: «Се человек», поскольку любая архитектурная деталь могла оказаться творением иной расы. Но общая панорама позволяла заявить с полной уверенностью: здесь жил человек.

Существа, искавшие поселение, пытались обнаружить хотя бы намек на то, куда ушла легендарная раса; придя в отчаяние от бесплодных поисков, некоторые засомневались в том, существует ли оно вообще, и стали все с большим недоверием воспринимать свидетельства, подтверждающие факт его существования. Находились и такие, кто утверждал, что искать бессмысленно, ибо, если вдуматься, что ценного могли оставить после себя ничтожества вроде людей? «Кто такие люди? — спрашивали эти вольнодумцы и сами же отвечали на свой вопрос, не дожидаясь отклика собеседников: — Машинники, заурядные машинники, выделявшиеся разве что эмоциональной неустойчивостью». Им не было равных в создании машин, но что касается собственного интеллекта, тут не о чем и говорить.

Уровень его был настолько низок, что людей едва-едва приняли в галактическое братство. Они застыли в своем развитии. Да, в мастерстве им не откажешь, но по сути они — дикари, совершенно справедливо оттесненные на задворки империи.

Место искали тысячелетиями, многожды терпя неудачи, не постоянно, поскольку раз за разом выяснялось, что есть другие, более важные дела, которые не терпят отлагательства. Постепенно оно превратилось в исторический курьез, где-то даже в миф. Проект его поисков никогда не числился среди тех, что требовали немедленного осуществления. Однако вот оно — под сенью холма, на вершине которого приземлился корабль. Почему его не нашли раньше? Что же тут непонятного: звездных систем слишком много, все обыскать невозможно...

— Оно! — мысленно воскликнул Пес и искоса поглядел на Человека, гадая, что тот чувствует; ведь для него это место, несомненно, значило гораздо больше, нежели для остальных. — Я рад, что мы нашли его, — продолжал Пес, обращаясь напрямую к Человеку, и Человек уловил оттенки его мысли: искренность Пса, близость и чисто собачью преданность.

— Теперь-то мы узнаем, — заявил Паук, и все без слов догадались, что он имел в виду: «Узнаем, отличались ли здешние люди от всех других или были ничуть не лучше прочих».

— Они были мутантами, — сказал Шар, — по крайней мере, так предполагалось.

Человек молча смотрел на деревню.

— Если бы мы специально пытались отыскать ее, у нас ничего бы не вышло, — заметил Пес.

— Времени мало, — напомнил Паук, — а дел в избытке.

— Достаточно того, что мы знаем наверняка: оно существует, — проговорил Шар. — Передадим координаты, а там пускай присылают специалистов.

— Случайно, — пробормотал Человек, судя по всему ошеломленный открытием, — мы натолкнулись на него совершенно случайно.

Паук издал неопределенный звук, похожий на фырканье, и Человек замолчал.

— Тут никого нет, — сказал Шар. — Они опять сбежали.

— Или деградировали, — прибавил Паук. — Притаились небось в укромном уголке и тарашатся на нас, не соображая, что происходит. Если мы найдем их, наверняка окажется, что они напичканы всякими небылицами и глупыми предрассудками.

— Не уверен, — возразил Пес.

— У нас мало времени, — повторил Паук.

— Нам вообще нечего тут делать, — решительно произнес Шар. — Нас посылали не за этим, так что пошли отсюда.

— Раз мы здесь, — сказал Пес, — будет некрасиво просто взять и уйти.

— Тогда за работу, — буркнул Паук. — Давайте разгрузим корабль.

— Если вы не против, — сказал Человек, — я хотел бы побродить по окрестностям. Пройдусь, погляжу, что и как.

— Я с тобой, — вызвался Пес.

— Спасибо, — отозвался Человек, — но в том нет никакой необходимости.

Товарищи отпустили его. С вершины холма они наблюдали за тем, как он спустился по склону и направился к таинственным зданиям, а потом принялись за активацию роботов. Когда на закате они вернулись на холм, Человек поджидал их: он сидел на гребне и смотрел на деревню. Он не стал спрашивать о том, что им удалось отыскать. Казалось, ему все известно и так, хотя он всего лишь прошелся по деревне и никуда не ездил.

— Странно, — проговорил Пес. — Ни намека на что-либо необычное, ни единого свидетельства прогресса. Скорее они регрессировали. Ровным счетом ничего оригинального.

— Я видел машины, — сказал Человек, — домашние приспособления, бытовая техника.

— Больше ничего и нет, — откликнулся Паук.

— Людей тоже нет, — добавил Шар. — Ни следа сколько-нибудь разумной жизни.

— Специалистам, когда они прилетят, может повезти больше нашего, — заметил Пес.

— Сомневаюсь, — бросил Паук.

Человек отвел взгляд от поселения и посмотрел на товарищей. Пес как будто извинялся, что находки, пустяковые сами по себе, не сулили ничего утешитель-

ного. Да, Пес и впрямь извинялся, потому что в его сознании сохранилась некая толика былой верности человеку. Беспрекословное послушание и всепрощающая любовь остались в далеком прошлом, однако у собак из поколения в поколение передавалась привязанность к существам, перед которыми преклонялись их предки. Паук, похоже, был доволен, доволен тем, что не обнаружил каких-либо следов человеческого величия, что теперь на человечестве можно поставить крест и загнать людей туда, откуда они будут с замиранием сердца следить за возвышением пауков и прочих разумных тварей. Шару же, очевидно, было все равно. Он парил в воздухе рядом с головой Пса и всем своим видом выказывал равнодушие к участи человечества. Его заботило только одно: чтобы выполнялись намеченные планы, достигались поставленные цели, а развитие шло по нарастающей. Вне сомнения, он уже стер из памяти эту деревню и сведения о людях-мутантах, наверняка перестал считать их фактором, способным повлиять на прогресс.

— Пожалуй, я задержусь здесь, — сказал Человек, — если вы, конечно, не возражаете.

— Не возражаем, — отозвался Шар.

— Темнеет, — предостерег Паук.

— Скоро появятся звезды, — проговорил Человек, — может стать, даже луна. Вы не заметили, у планеты есть луна?

— Не заметили, — ответил за троих Паук.

— Пора готовиться к отлету, — сказал Пес. — Я позову тебя, когда мы соберемся улетать.

На западе еще догорал закат, а небосвод уже усыпали звезды. Сперва проступили самые яркие, за ними те, что потусклее, и, наконец, в небе засверкали мириады огней. Луны, к сожалению, не было, а если она и была, то предпочитала не показываться.

Сумерки принесли с собой прохладу. Человек набрал дровишек — обломившихся сучьев, сухого кустарника и кусков, которые выглядели так, словно их когда-то обрабатывали — и развел костер. Тот получился небольшим, но вполне достаточным, чтобы разогнать мрак; Человек подсел поближе к огню, ища не столько тепла, сколько дружеского участия. Он сидел у костра и глядел на деревню. Что-то не так, твердил он себе, величие человеческой расы не могло исчезнуть бес-

следно. Ему было грустно, он страдал от одиночества, навеянного пребыванием на чужой планете, под незнакомыми созвездиями, а еще тем, что надежда, манившая в неизведанную даль, оказалась призрачной, упования рассыпались в прах: его сородичи так и не сумели подняться над собой. Машинники на задворках империи, основанной не людьми, а Псами, Пауками, Шарами и прочими созданиями, которых поистине невозможно описать! Но ведь человечество славилось не одними машинами! Оно шло к своей судьбе, а машины просто помогали перекинуть мост к тому времени, когда эта судьба станет доступной восприятию. Да, в борьбе за выживание машины были, можно сказать, необходимы, но суть-то не в них; вовсе не они — конечная цель развития, идеал, к которому стремились люди.

Пес возник из темноты, уселся рядом с Человеком и тоже стал смотреть на деревню, кипение жизни в которой затихло в незапамятные времена. Блики пламени отражались на его лоснящейся шкуре, он был прекрасен, и в нем по-прежнему ощущалась некая первобытная, унаследованная от предков дикость. В конце концов он нарушил тишину, нависшую над миром и как бы проникшую в его естество.

— Хорошо, — сказал он. — Я редко развожу огонь.

— Огонь был первым шагом, — отозвался Человек, — первой ступенькой. Он для меня как символ.

— У нас, псов, свои символы. Они есть даже у пауков. А вот Шар не знает, что это такое.

— Мне жаль его, — проговорил Человек.

— Не растравляй себя, — посоветовал Пес. — Между прочим, Шар жалеет тебя. Он жалеет всех, кто не похож на него.

— Когда-то мы испытывали подобные чувства, — сказал Человек, — но теперь уже нет.

— Пора улетать, — сообщил Пес. — Я знаю, ты хотел бы остаться, но...

— Я остаюсь, — перебил Человек.

— Ты не можешь, — возразил Пес.

— Я остаюсь, — повторил Человек. — Вы вполне обойдетесь без меня.

— Я предполагал, что ты останешься, — произнес Пес. — Принести твои вещи?

— Будь настолько добр, — ответил Человек. — Мне не хочется идти самому.

— Шар рассердится, — предупредил Пес.
— Знаю.
— Тебя накажут. Пройдет много времени, прежде чем тебя снова допустят к работе.
— Знаю.
— Паук скажет, что люди все чокнутые. Он постоянно говорит всякие гадости.
— Мне все равно, — откликнулся Человек, — почему-то мне все равно.
— Ну ладно, — проговорил Пес. — Пойду за вещами. Значит, одежда, книги и маленький саквояж, верно?
— И еда.
— Разумеется. Уж про еду-то я не забуду.
После того как корабль улетел, Человек стал разбирать вещи, которые принес Пес, и обнаружил, что тот оставил ему часть собственного продовольственного рациона.

2

Обитатели деревни жили спокойной, размеренной жизнью, не отказывая себе в удобствах. Многие устройства в домах разрушились от времени, все они давным-давно перестали действовать, однако догадаться, для чего предназначалось то или иное приспособление, не составляло труда. Люди прошлого любили красоту: у каждого из домов был разбит садик, тут и там попадались цветы или деревья, за которыми, по всей видимости, ухаживали, как за детьми, ибо они отличались либо изяществом форм, либо богатством и прозрачностью красок. Впрочем, вся забота канула в прошлое вместе с хозяевами домов, и теперь красота растений поблекла и приобрела ностальгический оттенок.

Деревенские жители были образованными людьми, о чем свидетельствовали ряды книг на полках. Увы, стоило лишь прикоснуться к книгам, как они рассыпались в пыль, и оставалось только гадать, какие сокровища мудрости хранили их страницы.

Среди зданий встречались такие, что, судя по всему, служили в старину театрами; имелись в поселении и громадные форумы, где, должно быть, проводились торжества и устраивались различные общественные мероприятия. Словом, несмотря на царившее вокруг

запустение, в деревне ощущались мир и покой, упорядоченность и счастье, составлявшие некогда основу здешней жизни.

Но вот величия не чувствовалось. Не было ни огромных машин, ни мастерских по их производству, ни стартовых платформ, ни каких-либо иных указаний на то, что местные жители стремились к звездам, притом что они должны были кое-что знать о космосе — ведь их предки пересекали пространство, чтобы обосноваться здесь. Не было ни оборонительных сооружений, ни дорог, ведущих в другие поселения.

Улицы навевали покой, призрачный покой, балансирующий, если можно так выразиться, на лезвии ножа, покой, в котором хотелось закончить свои дни, но который отпугивал полной неопределенностью будущего.

Человек заходил в дома, продирался сквозь обломки мебели, смахивал пыль, разводил костры, ночевал под крышей, а перед тем как лечь спать, обыкновенно усаживался на покосившуюся скамейку или прямо на камень крыльца, глядел в небо и размышлял о том, что незнакомые созвездия над головой были некогда добрыми друзьями жившим тут счастливым. Он позволял рассудку отвлекаться на частности в надежде, что это приведет однажды к открытию истины, но сам не прилагал чрезмерных усилий к ее обнаружению, ибо что-то подсказывало ему, что торопиться и беспокоиться не следует, поскольку спешка и волнение несовместимы с подобными поисками.

Он думал о том, что здесь когда-то обитали его сородичи, мутанты, превзошедшие в своем развитии всех прочих людей. Здесь зрели упования на прекрасное будущее, так и оставшиеся невоплощенными. Здесь ощущались мир и покой, интеллект и комфорт, но все остальное словно пряталось от любопытных глаз, хотя оно необходимо должно было присутствовать — некий урок, некое послание, некая цель. Человек снова и снова твердил себе, что не все пути заканчиваются тупиками, что где-то есть, наверняка есть выход, который, если постараться, можно отыскать.

На пятый день своего пребывания в деревне он набрел на дом, отличающийся от других большим количеством архитектурных украшений и известной солидностью внешнего вида. Окон в доме не было, внутрь вела одна-единственная, запертая на ключ дверь, и

Человек понял, что наконец нашел то, что искал. Три дня подряд он пытался проникнуть в здание, а на четвертый отступился, вышел за пределы деревни и направился к холмам, продолжая размышлять по дороге, как ему справиться с неподатливым замком. Он бродил по холмам, мерил шагами долины, как ученый или писатель — свой кабинет, будто гулял по саду, ожидая, пока прояснится голова.

И так он натолкнулся на людей.

Сначала он заметил дым, поднимавшийся над одним из тех распадков, что выводили к долине, по которой текла река, серебристая лента, отороченная зеленой травой лугов.

Человек пошел осторожнее, для того чтобы не оказаться застигнутым врасплох, а вовсе не из страха. На этой планете, с ее прозрачным небосводом, бояться было нечего; о том, казалось, говорили и песни птицы, и задувавший с запада ветерок. Какое-то время спустя он различил впереди, под могучими деревьями, дом, увидел сад, где спели на ветках многочисленные плоды, услышал мысли людей. Он неторопливо спустился по склону: чутье подсказывало ему, что торопиться некуда; и внезапно он испытал такое чувство, будто возвратился домой, что было совсем уж необъяснимо, поскольку его собственный дом ничуть не походил на этот.

Его заметили, но спешить навстречу никто, похоже, не собирался. Обитатели дома сидели, где сидели, и просто ждали, пока он подойдет, словно он был не чужаком, а другом, заранее известившим о своем прибытии. Людей было трое. Первая — седовласая женщина в строгом платье с глухим воротником, скрывавшим от постороннего взгляда возрастные морщины на шее. Ее лицо наводило на мысль об ангельском лике; оно было красиво умиротворенной красотой старости, сознающей, что жизнь близится к концу и что этот конец не будет отягощен никакими грехами. Рядом с женщиной сидел мужчина немногим старше среднего возраста. Кожа на его лице и шее почернела от загара, скрюченные от тяжелой работы пальцы рук покрывали мозоли и шрамы. Его черты несли отпечаток той же покойной красоты, однако им не хватало завершенности, должно быть, оттого, что он не успел еще насладиться сполна всей прелестью дней на склоне лет. Третьей была молодая девушка, и даже она разделяла

со старшими умиротворение здешней природы. Она обернулась; Человек увидел правильные, словно выточенные рукой искусного мастера черты ее лица и понял, что она гораздо моложе, чем ему почудилось с первого взгляда.

Он остановился у ворот. Мужчина поднялся и медленно подошел к нему.

— Милости просим, незнакомец, — сказал мужчина. — Мы услышали тебя, едва ты вошел в сад.

— Я был в деревне, — проговорил Человек, — а потом решил пройтись...

— Ты издалека?

— Да, издалека. Меня зовут Дэвид Грэм.

— Входи, Дэвид, — мужчина распахнул калитку. — Входи и будь как дома. Мы накормим тебя, и у нас найдется свободная постель.

В сопровождении мужчины Дэвид приблизился к скамейке, на которой сидела пожилая женщина.

— Меня зовут Джек, — сказал мужчина. — Это моя матушка Мэри, а это — моя дочь Элис.

— Наконец-то ты добрался до нас, молодой человек, — проговорила женщина. Она поманила Дэвида к себе. — Садись рядом и давай поболтаем. У Джека еще достаточно работы по дому, а Элис предстоит готовить ужин. Одна я бездельничаю, потому что слишком стара. — Ее глаза будто посветлели, но на лице сохранялось прежнее выражение. — Мы знали, что ты придешь, знали, что кто-то рано или поздно должен прийти, ибо те, кто далеко, не могли забыть о своих сородичах-мутантах.

— Мы нашли вас по чистой случайности.

— Мы? Так ты не один?

— Остальные улетели. Они не люди, и им было неинтересно.

— Они улетели, а ты остался, — протянула женщина. — Ты верил, что остаться стоит, что тебе откроются великие тайны.

— Я остался потому, что должен был остаться.

— А как же тайны? Как же слава и могущество?

— Я не думал об этом, — признался Дэвид. — Слава и могущество меня не привлекают. Я надеялся отыскать нечто другое, чувствовал его, когда бродил по деревне и заглядывал в дома. Да, я чувствовал истину.

— Истину, — повторила женщина. — Ты прав, мы открыли Истину. — Последнее слово она выделила голосом, словно утверждая: оно пишется с большой буквы.

Дэвид кинул на нее быстрый взгляд, и она ответила на не высказанный вслух вопрос:

— Нет, не религию, а просто Истину, самую обыкновенную Истину.

Он поверил ей, ибо в ее словах ощущалась уверенность, непоколебимая убежденность того, кто знает, что говорит.

— Истину о чем? — спросил он.

— Ни о чем, — отозвалась женщина. — Просто Истину.

3

Как ни крути, простой, обыкновенной истина не получалась. Разумеется, она не имеет никакого отношения ни к машинам, ни к могуществу или славе. Она — внутреннего свойства, духовная, возвышенная, психологическая истина, обладающая глубоким, вечным смыслом, та истина, которой люди алчут даже в мирах, созданных их собственным воображением.

Человек лежал на кровати в комнате под самой крышей и прислушивался к колыбельной, которую напевал ветер, обдувавший карнизы и черепичную кровлю. В доме, как и во всем мире, было тихо, если не считать ветра. Мир затих; Дэвид Грэм представил себе, как постепенно затихнет Галактика, очарованная тем, что удалось открыть его гостеприимным хозяевам. Их истина должна быть грандиозной, величественной, потрясающей воображение и отвечающей на все вопросы, иначе почему они отвернулись от прогресса, почему обратились к идиллической жизни на лоне природы, почему воздвигают почву инопланетной долины, собирают хворост, топят камин и как будто вполне довольствуются тем малым, что имеют? Ведь чтобы довольствоваться малым, нужно обладать чем-то неизмеримо большим, неким мистическим знанием, которое наполнило бы жизнь, как нельзя более прозаическую, глубочайшим смыслом.

Дэвид закутался в одеяло и улегся поудобнее.

Человека оттеснили в закуток галактической империи, терпят лишь потому, что он умеет изготавливать машины и никто не знает, что он придумает в следующий раз. Поэтому его терпят и швыряют ему крохи с барского стола, чтобы он не чувствовал себя обделенным, но особого внимания не уделяют и уделять не собираются. А Человек тем временем обзавелся кое-чем, что позволит ему добиться уважения Галактики, ибо истину уважают повсеместно.

Грэмом овладел покой. Минуту или две он сопротивлялся, не желая терять нить размышлений. Сперва ему показалось, что вот она, истина, о которой говорили мутанты, но потом он отказался от этой мысли в пользу другой, куда более привлекательной. В конце концов заунывный ветер, чувство покоя и физическая усталость возобладали над рассудком, и Грэм заснул. Последним, что он подумал, было: «Надо спросить у них. Надо узнать».

Однако прошло несколько дней, прежде чем он отважился задать свой вопрос. Он ощущал, что за ним наблюдают и решают, достоин ли он того, чтобы доверить ему истину. Он хотел остаться, но из вежливости сказал, что должен уйти, после чего хозяева попросили его задержаться, и он с радостью согласился. Все словно соблюдали некий ритуал, который нельзя было нарушить ни в коем случае, и все, похоже, испытали искреннее облегчение, когда обряд завершился.

Грэм стал на пару с Джедом работать в поле, познакомился с соседями, вечерами принимал участие в разговорах, которые затевались в доме. Он ожидал, что его будут расспрашивать, но обманулся в своих ожиданиях. Впечатление было такое, будто Джек, его семья и соседи настолько довольны жизнью в укромной долине, что их совершенно не интересуют события, происходящие в Галактике, той самой, которую избородили в поисках этого мира и лучшей участи для себя предки нынешних поселенцев.

Он тоже ни о чем не спрашивал, поскольку чувствовал, что за ним наблюдают, и опасался, что вопросы оттолкнут новоприобретенных друзей.

Однако они относились к нему вовсе не так, как обычно относятся к чужаку. Минул лишь день или два, и Грэм понял, что может стать одним из них, и постарался сделаться таковым, и часами напролет добросове-

стно — и добродушно — сплетничал с соседями. Он узнал много полезного: что долин, где живут люди, несколько; что покинутая деревня никого не беспокоит, невзирая на то, что все, по-видимому, знают о том, что она такое; что местные жители вполне удовлетворены своей жизнью и отнюдь не стремятся за пределы собственного мирка. Постепенно он и сам научился довольствоваться серым предрассветным сумраком, радостью труда, гордостью за дело своих рук. Однако он признавал, что его довольство — временное, что он должен отыскать истину, которую открыли мутанты, и донести ее до заждавшейся Галактики. Ведь скоро прилетит корабль с археологами, которые примутся изучать деревню, а до тех пор ему обязательно нужно найти ответ, чтобы он мог встретить коллег на вершине холма не с пустыми руками.

— Ты останешься с нами? — спросил однажды Джед.

— Мне необходимо вернуться, — ответил Дэвид, покачав головой. — Я рад был бы остаться, но увы...

— Ты ищешь Истину? — спросил Джед. — Правильно?

— Ты дашь ее мне? — воскликнул Дэвид.

— Бери, — произнес Джед, — она твоя.

Вечером Джед сказал дочери:

— Элис, научи Дэвида нашему алфавиту. Пришла пора узнать.

Из угла, в котором стояло кресло-качалка, раздался голос старухи:

— И впрямь, и впрямь пора ему узнать Истину.

4

За ключом, который хранился у сторожа, жившего в пятой по счету долине отсюда, послали гонца. Тот возвратился, передал ключ Джеду, и теперь Джед вставил его в замок на двери того самого солидного здания посреди покинутой деревни.

— В первый раз, — провозгласил он, — эта дверь открывается не для совершения обряда. Обычно мы отпираем ее единожды в столетие, чтобы прочесть Истину тем, чьи уши могут ее услышать. — Он повернул ключ, и замок негромко щелкнул. — Таким образом она не утрачивает своей злободневности. Мы не

можем допустить, чтобы она превратилась в миф. Она слишком важна для нас, чтобы мы могли допустить такое.

Джед откинул засов, и дверь приотворилась на дюйм или два.

— Я сказал «обряд», — продолжал он, — наверное, зря. В чтениях нет ничего ритуального. Мы выбираем троих человек, которые приходят сюда в назначенный день и читают Истину, а потом расходятся по домам, унося с собой то, что запомнили. Никаких церемоний, все, как сейчас.

— Спасибо, что согласились помочь мне, — сказал Дэвид.

— Мы сделали бы то же самое для любого, кто усомнился бы в Истине, — ответил Джед. — Мы люди простые и не верим в законы и правила, живем как живется. Скоро ты поймешь почему.

Он распахнул дверь настежь и отступил в сторону, пропуская Дэвида вперед. За дверью оказалось одноединственное просторное помещение, пол которого тонким слоем устилала пыль. Половину помещения занимала машина, корпус которой поблескивал в тусклом свете, проникавшем внутрь откуда-то сверху. Высота устройства составляла примерно три четверти расстояния от пола до потолка.

— Вот наша машина, — сказал Джед.

Все-таки машина, механизм, пускай умнее, толковее прочих, но механизм! Выходит, все вернулось на круги своя?

— Ты наверняка задумывался над тем, почему у нас нет машин, — проговорил Джед. — Потому что нам хватает одной этой.

— Одна машина!

— Она отвечает на вопросы, — пояснил Джед. — С такой машиной остальные нам ни к чему.

— На любые вопросы?

— Вполне возможно. Мы не знаем, как ею пользоваться, но даже если бы знали... Однако дальше спрашивать незачем.

— Вы так уверены в ее правоте? — удивился Дэвид. — С чего вы взяли, что она говорит правду?

— Сын мой, — произнес Джед сурово, — наши предки потратили тысячелетия на то, чтобы убедиться, что она будет говорить правду. Ничем другим они не

занимались. Это было дело жизни не только отдельных личностей, но целых поколений. А когда они убедились, что все в порядке, что машина не допустит даже незначительной ошибки, то задали ей два вопроса.

— Два?

— Два, — подтвердил Джед, — и открыли Истину.

— Какова же она?

— Прочти сам, — сказал Джед. — Истина откроется тебе такой, какой предстала столетия назад.

Он подвел Дэвида к столику, что приткнулся к одной из панелей огромной машины. На столике бок о бок лежали две бумажные ленты, покрытые прозрачной предохранительной пленкой.

— Первый вопрос, — объявил Джед, — звучал так: «Какова цель Вселенной?» Прочти ответ на верхней ленте.

Дэвид наклонился над столиком и прочитал:

«Вселенная не имеет ни цели, ни смысла. Она возникла случайно».

— Второй вопрос...

Джед не закончил фразы, поскольку суть второго вопроса легко можно было уловить из ответа на него:

«Жизнь не имеет ценности. Жизнь — дело случая».

— Вот наша машина и наша Истина, — сказал Джед. — Вот почему мы живем как живется.

Дэвид взглянул на Джеда, потомка мутантов, которые должны были вернуть пробавляющемуся созданию машин человечеству славу и могущество, почет и уважение. Взгляд его выражал душевную муку.

— Извини, сынок, — проговорил Джед. — Ничего не попишешь.

Они вышли на улицу. Джед запер дверь и сунул ключ в карман.

— Они вот-вот прилетят, — сказал он, — ну, те, кто будет изучать деревню. Ты, верно, дождешься их? Дэвид покачал головой.

— Пошли домой, — пробормотал он.

ПОКОЛЕНИЕ, ДОСТИГШЕЕ ЦЕЛИ

Тишина царила много поколений. Потом тишина кончилась.

Рано утром раздался Грохот.

Разбуженные люди прислушивались к Грохоту, затаившись в своих постелях. Они знали, что когда-нибудь он раздастся. И что этот Грохот будет началом Конца.

Проснулся и Джон Хофф, и Мэри Хофф, его жена. Их было только двое в каютке: они еще не получили разрешения иметь ребенка. Чтобы иметь ребенка, нужно было, чтобы для него освободилось место; нужно было, чтобы умер старый Джошуа, и, зная это, они ждали его смерти. Чувствуя свою вину перед ним, они все же про себя молились, чтобы он поскорее умер, и тогда они смогут иметь ребенка.

Грохот прокатился по всему Кораблю. Потом кровать, в которой, затаив дыхание, лежали Джон и Мэри, поднялась с пола и привалилась к стене, прижав их к гудящему металлу. Вся остальная мебель — стол, стулья, шкаф — обрушилась с пола на ту же стену и там осталась, как будто стена стала полом, а пол — стеной. Священная Картина свесилась с потолка, который только что тоже был стеной, повисела, раскачиваясь в воздухе, и рухнула вниз.

Target Generation, 1951

© 1967 А. Иорданский, перевод на русский язык

В этот момент Грохот прекратился, и снова наступила тишина. Но уже не та тишина, что раньше: хотя нельзя было явственно различить звуки, но если не слухом, то чутьем можно было уловить, как нарастает мощь машин, вновь пробудившихся к жизни после долгого сна.

Джон Хофф наполовину выполз из-под кровати, уперся руками, приподнял ее спиной и дал выползти жене. Под ногами у них теперь была стена, которая стала полом, а на ней — обломки мебели. Это была не только их мебель: ею пользовались до них многие поколения.

Ибо здесь ничто не пропадало, ничто не выбрасывалось. Таков был закон, один из многих законов, здесь никто не имел права расточать, не имел права выбрасывать. Все, что было, использовалось до последней возможности. Здесь ели необходимое количество пищи — не больше и не меньше; одним и тем же воздухом дышали снова и снова. Все отбросы шли в конвертор, где превращались во что-нибудь полезное. Даже покойников — и тех использовали. А за многие поколения, прошедшие с Начала Начал, покойников было немало. Через некоторое время, может быть скоро, покойником станет и Джошуа. Он отдаст свое тело конвертору на пользу товарищам, заплатит свой последний долг — и даст право Джону и Мэри иметь ребенка.

«А нам нужно иметь ребенка, — думал Джон, стоя среди обломков, — нам нужно иметь ребенка, которого я научу Читать и которому передам Письмо».

О Чтении тоже был закон. Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом. Это зло существовало еще с Начала Начал. Но люди давным-давно, еще во времена Великого Пробуждения, уничтожили его, как и многое другое, и решили, что оно не должно существовать.

Зло он должен передать своему сыну. Так завещал ему давно умерший отец, которому он поклялся, и теперь должен сдерживать клятву. И еще одно завещал ему отец — беспокойное ощущение того, что закон несправедлив. Хотя законы всегда были справедливыми. Ибо все они имели какое-то основание. Имел смысл и Корабль, и те, кто населял его, и их образ жизни.

Впрочем, если на то пошло, может быть, ему и не придется никому передавать Письмо. Он сам может оказаться тем, кто должен его вскрыть, потому что на конверте написано: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ». — «А это, возможно, и есть крайняя необходимость», — сказал себе Джон Хофф. И Грохот, нарушивший тишину, и стена, ставшая полом, и пол, ставший стеной.

Из других кают доносились голоса: испуганные крики, вопли ужаса, тонкий плач детей.

— Джон, — сказала Мэри, — это был Грохот. Теперь Конец.

— Не знаю, — ответил Джон. — Поживем — увидим. Мы ведь не знаем, что такое Конец.

— Говорят... — начала Мэри, и Джон подумал, что так было всегда.

Говорят, говорят, говорят...

Все только говорилось; никто ничего не читал, не писал...

И он снова услышал слова, давным-давно сказанные отцом.

— Мозг и память ненадежны; память может перепутать или забыть. Но написанное словоечно и неизменно. Оно не забывается и не меняет своего значения. На него можно положиться.

— Говорят, — продолжала Мэри, — что Конец наступит вскоре после Грохота. Звезды перестанут кружиться и останутся на черном небе, и это будет верным признаком того, что Конец близок.

«Конец чего? — подумал Джон. — Нас? Или Корабля? Или самих звезд? А может быть, Конец всего — и Корабля, и звезд, и великой тьмы, в которой кружат звезды?»

Он содрогнулся, когда представил Конец Корабля или людей, — не столько из-за них самих, сколько из-за того, что тогда придет Конец и замечательному, так хорошо придуманному, такому размеренному порядку, в котором они жили. Просто удивительно: ведь людям всегда всего хватало, и никогда не было ничего лишнего. Ни воды, ни воздуха, ни самих людей, потому что никто не мог иметь ребенка, прежде чем кто-нибудь не умрет и не освободит для него место.

В коридоре послышались торопливые шаги, возбужденные голоса, и кто-то забарабанил в дверь, крича:

— Джон! Джон! Звезды остановились!

— Я так и знала! — воскликнула Мэри. — Я же говорила, Джон. Все так, как было предсказано.

Кто-то стучал в дверь.

И дверь была там, где она должна была быть, там, где ей полагалось быть, чтобы через нее можно было выйти прямо в коридор, вместо того чтобы подниматься по лестнице, теперь бесцельно висящей на стене, которая раньше была полом.

«Почему я не подумал об этом раньше, — спросил он себя. — Почему я не видел, что это глупо: подниматься к двери, которая открывается в потолке? А может быть, — подумал он, — так и должно было быть всегда? Может быть, то, что было до сих пор, было неправильно? Но, значит, и законы могли быть неправильными...»

— Иду, Джо, — сказал Джон.

Он шагнул к двери, открыл ее и увидел: то, что было раньше стеной коридора, стало полом; двери выходили туда прямо из кают, и взад и вперед по коридору бегали люди. И он подумал: теперь можно снять лестницы, раз они не нужны. Можно спустить их в конвертор, и у нас будет такой запас, какого еще никогда не было.

Джо схватил его за руку и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в наблюдательную рубку. Звезды стояли на месте.

Все было так, как предсказано. Звезды были неподвижны.

Это пугало, потому что теперь было видно, что звезды — не просто кружащиеся огни, которые движутся на фоне гладкого черного занавеса. Теперь было видно, что они висят в пустоте; от этого дух захватывало, начинало сосать под ложечкой. Хотелось крепче схватиться за поручни, чтобы удержаться в равновесии на краю головокружительной бездны.

В этот день не было игр, не было прогулок, не было шумного веселья в зале для развлечений. Везде собирались кучки возбужденных, напутанных людей. Люди

молились в церкви, где висела самая большая Священная Картина, изображавшая Дерево, и Цветы, и Реку, и Дом вдалеке, и Небо с Облаками, и Ветер, которого не было видно, но который чувствовался. Люди убрали и приводили в порядок на ночь каюты, вешали на место Священные Картины — самое дорогое достояние каждой семьи, снимали лестницы.

Мэри Хофф вытащила Священную Картину из кучи обломков на полу. Джон, стоя на стуле, прилаживал ее к стене, которая раньше была полом, и размышлял, как это случилось, что каждая Священная Картина немного отличается от другой. Это впервые пришло ему в голову.

На Священной Картине Хоффов тоже было Дерево, и еще были Овцы под Деревом, и Изгородь, и Ручей, а в углу — несколько крохотных Цветов. Ну и, конечно, Трава, уходившая вдаль до самого Неба.

Когда Джон повесил Картину, а Мэри ушла в соседнюю каюту посудачить с другими перепуганными женщинами, он пошел по коридору, стараясь, чтобы его походка казалась беззаботной, чтобы никто не заметил, как он спешит.

А он спешил: неожиданная для него самого необыкновенная торопливость, как сильная рука, толкала его вперед.

Он старательно притворялся, будто ничего не делает, просто убивает время. И это было легко, потому что он только это и делал всю жизнь; и никто ничего другого не делал. За исключением тех — счастливых или неудачников, — у которых была работа, переданная по наследству: уход за скотом, за птицей или за гидропонными оранжереями.

«Но большинство из них, — думал Джон, медленно шагая вперед, — всю жизнь только и делали, что искусно убивали время. Как они с Джо, с их бесконечными шахматами и аккуратной записью каждого хода и каждой партии. Многие часы они проводили, анализируя свою игру по этим записям, тщательно комментируя каждый решающий ход. А почему бы и нет, — спросил он себя. — Почему не записывать и не комментировать игру? Что еще делать? Что еще?»

В коридоре уже никого не было и стало темнее, потому что здесь горели редкие лампочки. В течение

многих лет лампочки из коридоров переставляли в каюты, и теперь их здесь почти не осталось.

Он подошел к наблюдательной рубке, нырнул в нее и притаился, внимательно осматривая коридор. Он ждал, — а вдруг кто-нибудь станет следить за ним, — хотя и знал, что никого не будет; но все-таки вдруг кто-то появится, — рисковать он не мог.

Однако позади никого не было, и он пошел дальше, к сломанному эскалатору, который вел на центральные этажи. И здесь тоже было что-то новое. Раньше, поднимаясь с этажа на этаж, он все время терял вес, двигаться становилось все легче, он скорее плыл, чем шел к центру Корабля. На этот раз потери веса не было, плыть не удавалось. Он тащился, преодолевая один неподвижный эскалатор за другим, пока не миновал все шестнадцать палуб.

Теперь он шел в темноте, потому что здесь все лампочки были вывернуты или перегорели за эти долгие годы. Он поднимался на ощупь, держась за перила. Наконец он добрался до нужного этажа. Это была аптека; у одной из стен стоял шкаф для медикаментов. Он отыскал нужный ящик, открыл его, сунул туда руку и вытащил три вещи, которые, как он знал, были там: Письмо, Книгу и лампочку. Он провел рукой по стене, вставил в патрон лампочку; в крохотной комнате зажегся свет и осветил пыль, покрывавшую пол, умывальник с тазом и пустые шкафы с открытыми дверцами.

Он повернул Письмо к свету и прочел слова, напечатанные на конверте прописными буквами: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Некоторое время он стоял в раздумье. Раздался Грохот. Звезды остановились. «Да, это и есть тот случай, — подумал он, — случай крайней необходимости. Ведь было предсказано: когда раздастся Грохот и звезды остановятся, значит, Конец близок. А когда Конец близок, это и есть крайний случай».

Он держал Письмо в руке, он колебался. Если он вскрыет его, все будет кончено. Больше не будет передаваться от отца к сыну ни Письмо, ни Чтение. Вот она — минута, ради которой Письмо прошло через руки многих поколений.

Он медленно перевернул Письмо и провел ногтем по запечатанному краю. Высохший воск треснул, и конверт открылся.

Он вынул Письмо, развернул его на столике под лампочкой и стал читать, шевеля губами и шепотом произнося слова, как человек, с трудом отыскивающий их значение по древнему словарю.

«Моему далекому потомку.

Тебе уже сказали — и ты, наверное, веришь, что Корабль — это жизнь, что началом его был Миф, а концом будет Легенда, что это и есть единственная реальность, в которой не нужно искать ни смысла, ни цели.

Я не стану пытаться рассказывать тебе о смысле и назначении Корабля, потому что это бесполезно: хотя мои слова и будут правдивыми, но сами по себе они бессильны против извращения Истины, которая к тому времени, когда ты это прочтешь, может уже стать религией.

Но у Корабля есть какая-то цель, хотя уже сейчас, когда я пишу, цель эта потеряна, а по мере того как Корабль будет двигаться своим путем, она окажется не только потерянной, но и похороненной под грузом всевозможных разъяснений.

Когда ты будешь это читать, существование Корабля и людей в нем будет объяснено, но эти объяснения не будут основаны на знании.

Чтобы Корабль выполнил свое назначение, нужны знания. И эти знания могут быть получены. Я, который буду уже мертв, чье тело превратится в давно съеденное растение, в давно сношенный кусок ткани, в молекулу кислорода, в щепотку удобрения, — я сохранил эти знания для тебя. На втором листке Письма ты найдешь указание, как их приобрести.

Я завещаю тебе овладеть этими знаниями и использовать их, чтобы жизнь и мысль людей, отправивших Корабль, и тех, кто управлял им и кто сейчас живет в его стенах, не пропали зря, чтобы мечта Человека не умерла где-то среди далеких звезд.

К тому времени, когда ты это прочтешь, ты будешь знать еще лучше меня: ничто не должно пропасть, ничто не должно быть истрачено зря, все запасы нужно

беречь и хранить на случай будущей нужды. А если Корабль не выполнит своего назначения, не достигнет цели, то это будет огромное, невообразимое расточительство. Это будет означать, что зря потрачены тысячи жизней, пропали знания и надежды.

Ты не узнаешь моего имени, потому что к тому времени, когда ты это прочтешь, оно исчезнет вместе с рукой, что сейчас держит перо. Но мои слова будут жить, а в них — мои знания и мой завет.

Твой предок».

Подписи Джон разобрать не смог. Он уронил Письмо на пыльный столик. Слова Письма, как молот, оглушили его.

Корабль, началом которого был Миф, а концом будет Легенда. Но Письмо говорило, что это ложь. Была цель, было назначение.

Назначение... Что это такое? Книга, вспомнил он. Книга скажет, что такое назначение.

Дрожащими руками он вытащил Книгу из ящика, открыл ее на букве «н» и неверным пальцем провел по столбцам: «Наземный... назидание... назначение...»

«Назначение (сущ.) — место, куда что-л. посылается, направляется; предполагаемая цель путешествия».

Значит, Корабль имеет назначение. Корабль куда-то направлялся. Придет день, когда он достигнет цели. И, конечно, это и будет Конец.

Корабль куда-то направляется. Но как? Неужели он движется?

Джон недоверчиво покачал головой. Этому невозможно верить. Ведь движется не Корабль, а звезды. «Должно быть какое-то другое объяснение», — подумал он.

Он поднял второй листок Письма и прочел его, но понял плохо: он устал, и в голове у него все путалось. Он положил Письмо, Книгу и лампочку обратно в ящик.

Потом закрыл ящик и выбежал из комнаты.

На нижнем этаже не заметили его отсутствия, и он ходил среди людей, стараясь снова стать одним из них,

спрятать свою неожиданную наготу под покровом доброго товарищества, но таким, как они, он уже не был.

И все это было результатом знания — ужасного знания того, что Корабль имеет цель и назначение, что он откуда-то вылетел и куда-то направляется и, когда он туда придет, это будет Конец, но не людей, не Корабля, а просто путешествия.

Он вышел в зал и остановился в дверях. Джо играл в шахматы с Питом, и Джон внезапно загорелся гневом при мысли, что Джо играет с кем-то еще, потому что Джо уже много-много лет играл только с ним. Но гнев быстро остыл. Джо посмотрел на фигурки и в первый раз увидел их по-настоящему — увидел, что это просто резные кусочки дерева и что им нет места в его новом мире Письма и цели.

Джордж сидел один и играл в солитер. Кое-кто играл в покер на металлические кружочки, которые все звали деньгами, хотя почему именно деньгами — никто сказать не мог. Говорили, что это просто их название, как Корабль было название Корабля, а звезды назывались звездами. Луиза и Ирма сидели в углу и слушали старую, почти совсем заигранную пластинку. Резкий, сдавленный женский голос пел на весь зал:

«Мой любимый к звездам уплыл. Он не скоро вернется назад...»

Джон вошел, и Джордж поднял глаза от доски.

— Мы тебя искали.

— Я ходил гулять, — ответил Джон. — Далеко — на центральные этажи. Там все наоборот. Теперь они вверх, а не внутри. Всю дорогу приходится подниматься.

— Звезды весь день не двигались, — заметил Джордж.

Джо повернулся к нему и сказал:

— Они больше не будут двигаться. Так сказано. Это — начало Конца.

— А что такое Конец? — спросил Джон.

— Не знаю, — ответил Джо и вернулся к игре.

«Конец, — подумал Джон. — И никто из них не знает, что такое Конец, так же как они не знают, что такое Корабль».

— Сегодня мы собираемся, — сказал Джордж.

Джон кивнул. Он так и думал, что все соберутся. Соберутся, чтобы почувствовать облегчение, уют и

безопасность. Будут снова рассказывать Миф и молиться перед Картиной. «А я? — спросил он себя. — А я?»

Он резко повернулся и вышел в коридор. Лучше бы не было никакого Письма и никакой Книги, потому что тогда он был бы одним из них, а не одиночкой, мучительно думающим, где же правда — в Мифе или в Письме?

Он разыскал свою каюту и вошел. Мэри лежала на кровати, подложив под голову подушки; тускло светила лампа.

— Наконец-то, — произнесла она.

— Я прогуливался, — сказал Джон.

— Ты прогулял обед, — заметила Мэри. — Вот он.

Он увидел обед на столе, придвинул стул и сел.

— Спасибо.

Мэри зевнула.

— День был утомительный, — сказала она. — Все так возбуждены. Сегодня собираемся.

На обед были протеиновые дрожжи, шпинат с горохом, толстый кусок хлеба и миска супа с грибами и травами. И бутылочка воды, строго отмеренной. Наклонившись над миской, он хлебал суп.

— Ты совсем не волнуешься, дорогой. Не так, как все.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Вдруг он подумал: а что, если сказать ей? Но тут же отогнал эту мысль, боясь, что в своем стремлении поделиться с кем-нибудь он в конце концов расскажет ей все. Нужно следить за собой, подумал он. Если он расскажет, то это будет объявлено ересью, отрицанием Мифа и Легенды. И тогда она, как и другие, отшатнется от него и он увидит в ее глазах отвращение.

Сам он — дело другое: почти всю жизнь он прожил на грани ереси, с того самого дня, как отец сказал ему про Книгу. Потому что сама Книга уже была ересью.

— Я думаю, — сказал он, и она спросила:

— О чем тут думать?

И, конечно, это была правда. Думать было не о чем. Все объяснено, все в порядке. Миф говорил о Начале Начал и о Начале Конца. И думать не о чем, абсолютно не о чем.

Когда-то был хаос, и вот из него родился порядок в образе Корабля, а снаружи остался хаос. Только внутри Корабля был и порядок, и закон, вернее, много законов:

не расточай, не возжелай и все остальные. Когда-нибудь настанет Конец, но каков будет этот Конец, останется тайной, хотя еще есть надежда, потому что на Корабле есть Священные Картины и они — символ этой надежды. Ведь на Картинах запечатлены символические образы иных мест, где царит порядок (наверное, еще больших кораблей), Дерево, Ручей, Небо, Облака и все остальное, чего никогда не видишь, но чувствуешь, например, Ветер и Солнечный Свет.

Начало Начал было давным-давно, так много поколений назад, что рассказы и легенды о могущественных людях тех далеких эпох были вытеснены из памяти другими людьми, тени которых все еще смутно рисовались где-то позади.

— Я сначала испугалась, — сказала Мэри, — но теперь я больше не боюсь. Все происходит так, как было сказано, и мы ничего не можем сделать. Мы только знаем, что все это — к лучшему.

Джон продолжал есть, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре. Теперь эти шаги уже не были такими поспешными, а в голосах не звучал ужас. «Немного же им понадобилось, — думал он, — чтобы привыкнуть. Их Корабль перевернулся вверх ногами — и все же это к лучшему».

А вдруг, в конце концов, правы они, а Письмо лжет?

С какой радостью он подошел бы к двери, окликнул кого-нибудь из проходивших мимо и поговорил бы об этом! Но на всем Корабле не было никого, с кем бы он мог поговорить. Даже с Мэри. Разве что с Джошуа.

Он продолжал есть, думая о том, как Джошуа возит-ся со своими растениями в гидропонных оранжереях.

Еще мальчишкой он ходил туда вместе с другими ребятами: Джо, и Джордж, и Херб, и все остальные. Джошуа был тогда человеком средних лет, у него всегда была в запасе интересная история или умный совет, а то и тайно сорванный помидор или редиска для голодного мальчишки. Джон помнил, что Джошуа всегда говорил мягким, добрым голосом и глаза у него были честные, а его чуточку грубоватое дружелюбие внушало симпатию.

Джон подумал, что уже давно не видел Джошуа. Может быть, потому, что чувствовал себя виноватым перед ним...

Но Джошуа мог понять и простить вину.

Однажды он понял. Они с Джо как-то прокрались в оранжерею за помидорами, а Джошуа поймал их и долго говорил с ними. Они с Джо дружили еще с пеленок. Они всегда были вместе. Если случалась какая-нибудь шалость, они обязательно были в нее замешаны.

Может быть, Джо... Джон покачал головой. Только не Джо. Пусть он его лучший друг, пусть они друзья детства и остались друзьями, когда поженились, пусть они больше двадцати лет играют друг с другом в шахматы, — все-таки Джо не такой человек, которому можно это рассказывать.

— Ты все еще думаешь, дорогой? — сказала Мэри.

— Кончаю, — ответил Джо. — Теперь расскажи мне, что ты сегодня делала.

Она поведала ему, что рассказала Луиза, и что сказала Джейн, и какие глупости говорила Молли. И какие ходили странные слухи, и как все боялись, и как понемногу успокоились, когда вспомнили, что все к лучшему.

— Наша Вера, — сказала она, — большое утешение в такое время.

— Да, — сказал Джон, — действительно, большое утешение.

Она встала с кровати.

— Пойду к Луизе. Ты останешься здесь?

Она нагнулась и поцеловала его.

— Я погуляю до собрания, — сказал Джон.

Он кончил есть, медленно выпил воду, смакуя каждую каплю, и вышел.

Он направился к оранжереям. Джошуа был там. Он немного постарел, немного поседел, чуть больше хро-мал, но вокруг его глаз были те же добрые морщины, а на лице — та же неспешная улыбка. И встретил он Джона той же старой шуткой:

— Опять пришел помидоры воровать?

— На этот раз нет.

— Ты тогда был с другим парнем.

— Его звали Джо.

— Да, теперь я вспомнил. Я иногда забываю. Старею и начинаю забывать. — Он спокойно улыбнулся. — Немного мне теперь осталось. Вам с Мэри не придется долго ждать.

— Сейчас это не так уж важно, — сказал Джон.

— А я боялся, что ты ко мне теперь уже не придешь.

— Но таков закон, — сказал Джон. — Ни я, ни вы, ни Мэри тут ни при чем. Закон справедлив. Мы не можем его изменить.

Джошуа дотронулся до руки Джона.

— Посмотри на мои новые помидоры. Лучшие из всех, что я вырастил. Уже совсем спелели.

Он сорвал один, самый спелый и красный, и протянул Джону. Джон взял его в руки и почувствовал гладкую, теплую кожицу и под ней — переливающийся сок.

— Они вкуснее всего прямо с куста. Попробуй.

Джон поднес помидор ко рту, вонзил в него зубы и проглотил сочную мякоть.

— Ты что-то хотел сказать, парень?

Джон помотал головой.

— Ты так и не был у меня, с тех пор как узнал, — сказал Джошуа. — Это потому, что ты считал себя виноватым: ведь я должен умереть, чтобы вы могли иметь ребенка. Да, это тяжело — и для вас тяжелее, чем для меня. И ты бы не пришел, если бы не произошло что-то важное.

Джон не ответил.

— А сегодня ты вспомнил, что можешь поговорить со мной. Ты часто приходил поговорить со мной, потому что помнил наш первый разговор, когда ты был еще мальчишкой.

— Я тогда нарушил закон, — сказал Джон, — я пришел воровать помидоры. И вы поймали нас с Джо.

— А я нарушил закон сейчас, — сказал Джошуа, — когда дал тебе этот помидор. Это не мой помидор и не твой. Я не должен был его давать, а ты не должен был его брать. Но я нарушил закон потому, что закон основан на разуме, а от одного помидора разум не страдает. Каждый закон должен иметь разумный смысл, иначе он не нужен. Если смысла нет, то закон не прав.

— Но нарушать закон нельзя.

— Послушай, — сказал Джошуа. — Помнишь сегодняшнее утро?

— Конечно.

— Посмотри на эти рельсы — рельсы, идущие по стене.

Джон посмотрел и увидел рельсы.

— Эта стена до сегодняшнего утра была полом.

— А как же стеллажи? Ведь они...

— Вот именно. Так я и подумал. Это первое, о чем я подумал, когда меня выбросило из постели. Мои стеллажи! Мои чудные стеллажи, висящие там, на стене, прикрепленные к полу! Ведь вода выльется из них, и растения вывалятся, и все химикаты зря пропадут! Но так не случилось.

Он протянул руку и ткнул Джона пальцем в грудь.

— Так не случилось, и не из-за какого-нибудь определенного закона, а по разумной причине. Посмотри под ноги, на пол.

Джон посмотрел на пол и увидел там рельсы — продолжение тех, что шли по стене.

— Стеллажи прикреплены к этим рельсам, — продолжал Джошуа. — А внутри у них — ролики. И когда пол стал стеной, стеллажи скатились по рельсам на стену, ставшую полом, и все было в порядке. Пролилось немного воды, и пострадало несколько растений, но очень мало.

— Так было задумано, — сказал Джон. — Корабль...

— Чтобы закон был справедлив, — продолжал Джошуа, — он должен иметь разумное основание. Здесь было основание и был закон. Но закон — это только напоминание, что не нужно идти против разума. Если бы было только основание, мы бы могли его забыть, или отрицать, или сказать, что оно устарело. Но закон имеет власть, и мы подчиняемся закону там, где могли бы не подчиниться разуму. Закон говорил, что рельсы на стене — то есть на бывшей стене — нужно чистить и смазывать. Иногда я думал, зачем это, и казалось, что этот закон не нужен. Но это был закон — и мы слепо ему подчинялись. А когда раздался Грохот, рельсы были начищены и смазаны и стеллажи скатились по ним. Им ничто не помешало, а могло бы помешать, если бы мы не следовали закону. Потому что, следуя закону, мы следовали разуму, а главное — разум, а не закон.

— Вы хотите мне этим что-то доказать, — сказал Джон.

— Я хочу тебе доказать, что мы должны слепо следовать закону до тех пор, пока не узнаем его основание. А когда узнаем — если мы когда-нибудь узнаем — его основание и цель, тогда мы должны решить, насколько они справедливы. И если они окажутся пло-

хими, мы так и должны смело сказать. Потому что если плоха цель, то плох и закон: ведь закон — это всего-навсего правило, помогающее достигнуть какой-то цели.

— Цели?

— Конечно, цели. Должна же быть какая-то цель. Такая хорошо придуманная вещь, как Корабль, должна иметь цель.

— Сам Корабль? Вы думаете, Корабль имеет цель? Но говорят...

— Я знаю, что говорят: «Все, что ни случается, к лучшему». — Он покачал головой. — Цель должна быть даже у Корабля. Когда-то давно, наверное, эта цель была простой и ясной. Но мы забыли ее. Должны быть какие-то факты, знания...

— Знания были в книгах, — сказал Джон. — Но книги сожгли.

— Кое-что в них было неверно, — сказал старик. — Или казалось неверным. Но мы не можем судить, что верно, а что неверно, если у нас нет фактов, а я сомневаюсь, что эти факты были. Там были другие причины, другие обстоятельства. Я одинокий человек. У меня есть работа, а заходят сюда редко. Меня не отвлекают сплетни, которыми полон Корабль. И я думаю. Я много передумал. Я думал о нас и о Корабле. И о законах, и о цели всего этого. Я размышлял о том, почему растут растения и почему для этого нужны вода и удобрения? Я думал, зачем мы должны включать свет на столько-то часов, — разве в лампах есть что-то такое, что нужно растениям? Но если не включать их, растение погибает. Значит, растениям необходимы не только вода и удобрения, но и лампы. Я думал, почему помидоры всегда растут на одних кустах, а огурцы — на других? На огурце никогда не вырастет помидор, и этому должна быть какая-то причина. Даже для такого простого дела, как выращивание помидоров, нужно знать массу фактов. А мы их не знаем. Мы лишены знания. Я думал: почему загораются лампы, когда повернешь выключатель? И что происходит в нашем теле с пищей? Как твое тело использует помидор, который ты только что съел? Почему нужно есть, чтобы жить? Зачем нужно спать? Как мы учимся говорить?

— Я никогда обо всем этом не думал, — сказал Джон.

— А ты вообще никогда не думал, — ответил Джошуа. — Во всяком случае, почти никогда.

— Никто не думает, — сказал Джон.

— В том-то и беда, — сказал старик. — Никто никогда не думает. Все просто убивают время. Они не ищут причин. Они даже ни о чем не задумываются. Что бы ни случилось — все к лучшему, и этого с них хватает.

— Я только что начал думать, — сказал Джон.

— Ты что-то хотел у меня спросить, — сказал старик. — Зачем-то ты все же ко мне пришел?

— Теперь это неважно, — сказал Джон. — Вы мне уже ответили.

Он пошел обратно между стеллажами, ощущая аромат тянущихся вверх растений, слыша журчание воды в насосах. Он шел длинными коридорами, где в окнах наблюдательных рубок светили неподвижные звезды.

Основание, сказал Джошуа. Есть и основание, и цель. Так говорилось в Письме — основание и цель. И кроме правды есть еще неправда, и, чтобы их различить, нужно кое-что знать.

Он расправил плечи и зашагал вперед.

Когда он подошел к церкви, собрание давно уже было в разгаре; он тихо скользнул в дверь, нашел Мэри и встал рядом с ней. Она взяла его под руку и улыбнулась.

— Ты опоздал, — прошептала она.

— Виноват, — отвечал он шепотом. Они стояли рядом, взявшись за руки, глядя, как мерцают две большие свечи по бокам огромной Священной Картины.

Джон подумал, что раньше она никогда не была так хорошо видна; он знал, что свечи зажигают только по случаю важных событий.

Он узнал людей, которые сидели под Картиной, — своего друга Джо, Грегга и Фрэнка. И он был горд тем, что Джо, его друг, был одним из троих, кто сидел под Картиной, потому что для этого нужно было быть набожным и примерным.

Они только что прочли о Начале Начал, Джо встал и повел рассказ про Конец.

«Мы движемся к Концу. Мы увидим знаки, которые будут предвещать Конец, но о самом Конце никто не может знать, ибо он скрыт...»

Джон почувствовал, как Мэри пожала ему руку, и ответил тем же. В этом пожатии он почувствовал утешение, которое дают жена, и Вера, и ощущение Братства всех людей.

Когда он ел обед, оставленный для него Мэри, она сказала, что Вера — большое утешение. И это была правда, Вера была утешением. Она говорила, что все хорошо, что все к лучшему. Что даже Конец — тоже к лучшему.

«А им нужно утешение, — подумал он. — Больше всего на свете им нужно утешение. Они так одиноки, особенно теперь, когда звезды остановились и сквозь окна видна пустота, окружающая их. Они еще более одиноки, потому что не знают цели, не знают ничего, хотя и утешаются знанием того, что все к лучшему».

«Раздастся Грохот, и звезды прекратят свое движение и будут висеть, одинокие и яркие, в глубине тьмы, той вечной тьмы, которая охватывает все, кроме людей в Корабле...»

«Вот оно, — подумал Джон. — Вот оговорка, которая их утешает. Сознание того, что только они одни укрыты и защищены от вечной ночи. А впрочем, откуда взялось это сознание? Из какого источника? Из какого откровения?» И он выругал себя за эти мысли, которые не должны появляться во время собрания в церкви.

«Он, как Джошуа, — сказал он себе. — Он сомневается во всем. Думает о таких вещах, которые всю жизнь принимал на веру, которые принимали на веру все поколения».

Он поднял голову и посмотрел на Священную Картину — на Дерево, и на Цветы, и на Реку, и на Дом вдалеке, и на Небо с Облаками; Ветра не было видно, но он чувствовался.

Это было красиво. На Картинах он видел такие цвета, каких нигде не видел, кроме как на Священных Картинах. «Где же такое место, — подумал он. — А может, это только символ, только воплощение того лучшего, что заключено в людях, только изображение мечты всех запертых в Корабле?»

Запертых в Корабле! Он даже задохнулся от такой мысли. Запертых! Они ведь не заперты, а защищены, укрыты от всяких бед, от всего, что таится во тьме вечной ночи. Он склонил голову в молитве, сокрушаясь и раскаиваясь. Как это ему только могло прийти в голову!

Он почувствовал руку Мэри в своей и подумал о ребенке, которого они смогут иметь, когда Джошуа умрет. Он подумал о шахматах, в которые он всегда играл с Джо. О долгих, темных ночах, когда рядом с ним была Мэри.

Он подумал о своем отце, и снова слова давно умершего застучали у него в голове. И он вспомнил о Письме, в котором говорилось о знаниях, о назначении, о цели.

«Что же мне делать, — спросил он себя. — По какой дороге идти? Что значит Конец?»

Считая двери, он нашел нужную и вошел. В комнате лежал толстый слой пыли, но лампочка еще горела. На противоположной стене была дверь, о которой говорилось в Письме: дверь с циферблатом посередине «Сейф», — было сказано в Письме.

Он подошел к двери, оставляя следы в пыли, и встал перед ней на колени. Стер рукавом пыль и увидел цифры. Он положил Письмо на пол и взялся за стрелку. «Поверни стрелку сначала на 6, потом на 15, обратно на 8, потом на 22 и, наконец, на 3». Он аккуратно все выполнил и, повернув ручку в последний раз, услышал слабый щелчок открывающегося замка.

Он взялся за ручку и потянул. Дверь медленно открылась: она оказалась очень тяжелой. Войдя внутрь, он включил свет. Все было так, как говорило Письмо. Там стояла кровать, рядом с ней — машина, а в углу — большой стальной ящик.

Воздух был спертый, но не пыльный: комната не соединялась с системой кондиционирования воздуха, которая в течение веков разнесла пыль по всем другим комнатам.

Стоя там в одиночестве при ярком свете лампы, освещавшей кровать, и машину, и стальной ящик, он

почувствовал ужас, леденящий ужас, от которого вздрогнул, хотя и старался стоять прямо и уверенно, — остаток страха, унаследованного от многих поколений, закосневших в невежестве и безразличии.

Знания боялись, потому что это было зло. Много лет назад так решили те, кто решал за людей, и они придумали закон против Чтения и сожгли книги.

А Письмо говорило, что знания необходимы.

И Джошуа, стоя у стеллажа с помидорами, среди других стеллажей с тянущимися вверх растениями, сказал, что должно быть основание и что знания раскроют его.

Но их было только двое, Письмо и Джошуа, против всех остальных, против решения, принятого много поколений назад.

«Нет, — возразил он сам себе, — не только двое, а еще мой отец, и его отец, и отец его отца, и все отцы перед ним, которые передавали друг другу Письмо, Книгу и искусство Чтения». И он знал, что он сам, если бы он имел ребенка, передал бы ему Письмо и Книгу и научил бы его читать. Он представил себе эту картину: они вдвоем, притаившись в каком-нибудь углу, при тусклом свете лампы разбираются в том, как из букв складываются слова, нарушая закон, продолжая еретическую цепь, протянувшуюся через многие поколения.

И вот, наконец, результат: кровать, машина и большой стальной ящик. Вот наконец то, к чему все это привело.

Он осторожно подошел к кровати, как будто там могла быть ловушка. Он пощупал ее — это была обычная кровать.

Повернувшись к машине, он внимательно осмотрел ее, проверил все контакты, как было сказано в Письме, отыскал шлем, нашел выключатели. Обнаружив два отошедших контакта, он поджал их. Наконец после некоторого колебания включил первый тумблер, как было сказано в инструкции, и загорелась красная лампочка. Итак, он готов.

Он сел на кровать, взял шлем и плотно надел его на голову. Потом лег, протянул руку, включил второй тумблер — и услышал колыбельную.

Колыбельную песню, мелодию, зазвучавшую у него в голове, — и он почувствовал легкое покачивание и подступающую дремоту.

Джон Хофф уснул.

Он проснулся и ощутил в себе знания.

Он медленно оглядывался, с трудом узнавая комнату, стену без Священной Картины, незнакомую машину, незнакомую толстую дверь, шлем на голове.

Он снял шлем и, держа его в руке, наконец-то понял, что это такое. Понемногу, с трудом, он вспомнил все: как нашел комнату, как открыл ее, как проверил машину и лег на кровать в шлеме.

Он знал, где он и почему он здесь. И многое другое. Знал то, чего не знал раньше. И то, что он теперь знал, напугало его.

Он уронил шлем на колени и сел, вцепившись в края кровати.

Космос! Пустота. Огромная пустота с рассеянными в ней сверкающими солнцами, которые назывались звездами. И через это пространство, сквозь расстояния, такие безмерно великие, что их нельзя было измерить милями, а только световыми годами, неслась вещь, которая называлась корабль — не Корабль с большой буквы, а просто корабль, один из многих.

Корабль с планеты Земля — с самого Солнца, не со звезды, а с одной из многих планет, кружившихся вокруг звезды.

«Не может быть, — сказал он себе. — Этого просто не может быть. Ведь Корабль не двигается. Не может быть космоса. Не может быть пустоты. Мы не можем быть крохотной точкой, странствующей пылинкой, затерянной в огромной пустоте, почти невидимой рядом со звездами, сверкающими в окнах.

Потому что если это так, то мы ничего не значим. Мы просто случайный факт во Вселенной. Меньше чем случайный факт. Меньше чем ничто. Шальная капля странствующей жизни, затерянная среди бесчисленных звезд».

Он спустил ноги с кровати и сел, уставившись на машину.

«Знания хранятся там», — подумал он. Так было сказано в Письме, знания, записанные на мотках пленки, знания, которые вбиваются, внушаются, внедряются в мозг спящего человека.

И это только начало, только первый урок. Это только первые крупницы старых, мертвых знаний, собранных давным-давно, знаний, хранившихся на черный день, спрятанных от людей. И эти знания — его. Они здесь, на пленке, в шлеме. Они принадлежат ему — бери и пользуйся. А для чего? Ведь знания были бы ненужными, если бы не имели цели.

И истинны ли они? Вот в чем вопрос. Истинны ли эти знания? А как узнать Истину? Как распознать ложь?

Конечно, узнать нельзя. Пока нельзя. Знания проверяются другими знаниями. А он знает пока еще очень мало. Больше, чем кто бы то ни было на Корабле за долгие годы, но все же так мало. Ведь он знает, что где-то должно быть объяснение звезд, и планет, кружащихся вокруг звезд, и пространства, в котором находятся звезды, и Корабля, который несется среди этих звезд.

Письмо говорило о цели и назначении, и он должен это узнать — цель и назначение.

Он положил шлем на место, вышел из комнаты, запер за собой дверь и зашагал чуть более уверенно, но все же чувствуя за собой гнетущую вину. Потому что теперь он нарушил не только дух, но и букву закона — и нарушил во имя цели, которая, как он подозревал, уничтожит закон.

Он спустился по длинным эскалаторам на нижний этаж. В зале он нашел Джо, сидевшего перед доской с расставленными фигурами.

— Где ты был? — спросил Джо. — Я тебя ждал.

— Так, гулял, — сказал Джон.

— Ты уже три дня «так гуляешь», — сказал Джо и насмешливо посмотрел на него. — Помнишь, какие штуки мы в детстве выкидывали? Воровали и все такое...

— Помню, Джо.

— У тебя всегда перед этим бывал такой чудной вид. И сейчас у тебя тот же чудной вид.

— Я ничего не собираюсь выкидывать, — сказал Джон. — Я ничего не ворую.

— Мы много лет были друзьями, — сказал Джо. — У тебя есть что-то на душе.

Джон посмотрел на него и попытался увидеть мальчишку, с которым они когда-то играли. Но мальчишки не было. Был человек, который сидел под Картиной во время собраний, который читал про Конец, — набожный, примерный.

Он покачал головой:

— Нет, Джо, ничего.

— Я только хотел помочь.

«Но если бы он узнал, — подумал Джон, — он бы не захотел помочь. Он посмотрел бы на меня с ужасом, донес бы на меня в церкви, первый закричал бы о ереси». Ведь это и есть ересь, сомнений быть не может. Это значило отрицать Миф, отнять у людей спокойствие незнания, опровергнуть веру в то, что все к лучшему; это значило, что они больше не должны сидеть сложа руки и полагаться на Корабль.

— Давай сыграем, — решительно сказал он.

— Значит, так, Джон? — спросил Джо.

— Да, так.

— Ну, твой ход.

Джон пошел с ферзевой пешки. Джо уставился на него.

— Ты же всегда ходишь с королевской.

— Я передумал. Мне кажется, что такой дебют лучше.

— Как хочешь, — сказал Джо.

Они сыграли, и Джо без труда выиграл.

Целые дни Джон проводил на кровати со шлемом на голове: убаюканный колыбельной, он пробуждался с новыми знаниями. Наконец он узнал все.

Он узнал о Земле и о том, как земляне построили Корабль и послали его к звездам, и понял то стремление к звездам, которое заставило людей построить такой Корабль.

Он узнал, как подбирали и готовили экипаж, узнал о тщательном отборе предков будущих колонистов и о биологических исследованиях, которые определили их спаривание, с тем чтобы сороковое поколение, которо-

му предстояло достигнуть звезд, было отважной расой, готовой встретить все трудности.

Он узнал и об обучении, и о Книгах, которые должны были сохранить знания, и получил некоторое представление о психологической стороне всего проекта.

Но что-то оказалось неладно. И не с Кораблем, а с людьми.

Книги спустили в конвертор. Земля была забыта, и появился Миф, знания были утеряны и заменены Легендой. На протяжении сорока поколений план был потерян, цель — забыта, и люди всю жизнь жили в твердой уверенности, что они — это все, что Корабль — Начало и Конец, что Корабль и люди на нем созданы каким-то божественным вмешательством и что вся их упорядоченная жизнь направляется хорошо разработанным божественным планом, по которому все идет к лучшему.

Они играли в шахматы, в карты, слушали старую музыку, никогда не задаваясь вопросом, кто изобрел карты и шахматы, кто написал музыку, подолгу сплетничали, рассказывали старые анекдоты и сказки, переданные предыдущими поколениями, и убивали так не просто часы, а целые жизни. У них не было истории, они ни о чем не задумывались и не заглядывали в будущее, так как, что бы ни произошло, все к лучшему.

Из года в год они не знали ничего, кроме Корабля. Еще при жизни первого поколения Земля стала туманным воспоминанием, оставшимся далеко позади, и не только во времени и пространстве, но и в памяти. В них не было преданности Земле, которая не давала бы им о ней забыть. В них не было и преданности Кораблю, потому что Корабль в ней не нуждался.

Корабль был для них матерью, которая давала им приют. Корабль кормил их, укрывал и оберегал от опасности.

Им было некуда идти, нечего делать, не о чем думать. И они приспособились к этому.

«Младенцы, — подумал Джон. — Младенцы, прижимающиеся к матери. Младенцы, бормочущие старые детские стишки. И некоторые стишки правдивее, чем они думают».

Было сказано, что когда раздастся Грохот и звезды остановятся в своем движении, то это значит, что скоро придет Конец.

И это правда. Звезды двигались потому, что Корабль вращался вокруг продольной оси, создавая искусственную силу тяжести. Но когда Корабль приблизится к месту назначения, он должен будет автоматически прекратить вращение и перейти в нормальный полет, а сила тяжести тогда будет создана гравитаторами. Корабль уже падал вниз, к той звезде, к той Солнечной системе, к которой он направлялся. Падал на нее, если — Джон Хофф покрылся холодным потом при этой мысли, — если он уже не промахнулся.

Потому что люди могли измениться. Но Корабль не мог. Он не приспособлялся. Он все помнил даже тогда, когда его пассажиры обо всем забыли. Верный записанным на пленку указаниям, которые были заданы больше тысячи лет назад, он держался своего курса, сохранил свою цель, не потерял из виду точку, куда был направлен, и сейчас приближался к ней.

Автоматическое управление, но не полностью.

Корабль мог выйти на орбиту вокруг планеты без помощи человеческого мозга, без помощи человеческих рук. Целую тысячу лет он обходился без помощи человека, но в последний момент человек понадобится ему, чтобы достигнуть цели.

«И я, — сказал себе Джон Хофф, — я и есть этот человек».

Один человек. А сможет ли один человек это сделать?

Он подумал о других людях. О Джо, и Хербе, и Джордже, и обо всех остальных, — и среди них не было такого, на кого он мог бы положиться, к кому он мог бы пойти и рассказать о том, что сделал.

Он держал весь Корабль в голове. Он знал, как Корабль устроен и как управляется. Но, может быть, этого мало. Может быть, нужно более близкое знакомство и тренировка. Может быть, человек должен сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. А у него нет на это времени.

Он стоял рядом с машиной, которая дала ему знания. Теперь вся пленка была прокручена и цель машины достигнута, так же как цель Письма, так же как будет достигнута цель Человечества и Корабля, если голова

Джона будет ясной, а рука — твердой. И если его знаний хватит.

В углу еще стоял ящик. Он откроет его — и это будет все. Тогда будет сделано все, что для него могли сделать, а остальное будет зависеть от него самого.

Он медленно встал на колени перед ящиком и открыл крышку. Там были свернутые листы бумаги, много листов, а под ними — книги, десятки книг, и в одном из углов — стеклянная капсула, заключавшая в себе какой-то механизм. Он знал, что это не что иное, как пистолет, хотя никогда еще не видел пистолета. Он поднял капсулу, и под ней был конверт с надписью: «КЛЮЧИ». Он разорвал конверт. Там было два ключа. На одном было написано: «Рубка управления», на другом: «Машинное отделение».

Он сунул ключи в карман и взялся за капсулу. Быстрым движением он разломил ее пополам. Раздался слабый хлопок: в капсулу ворвался воздух. В руках Джона был пистолет.

Он был нетяжелый, но достаточно увесистый, чтобы почувствовать его власть. Он показался Джону сильным, мрачным и жестоким. Джон взял его за рукоятку, поднял, прицелился и почувствовал прилив древней недоброй силы — силы человека, который может убивать, — и ему стало стыдно.

Он положил пистолет назад в ящик и вынул один из свернутых листов. Осторожно разворачивая его, он услышал слабое протестующее потрескивание. Это был какой-то чертеж, и Джон склонился над ним, пытаясь понять, что бы это могло быть, разобрать слова, написанные печатными буквами вдоль линий.

Он так ничего и не понял и положил чертеж, и тот сразу же свернулся в трубку, как живой.

Он взял другой чертеж, развернул его. Это был план одной из секций Корабля. Еще и еще один — это тоже были секции Корабля, с коридорами и эскалаторами, рубками и каютами.

Наконец он нашел чертеж, который изображал весь Корабль в разрезе, со всеми каютами и гидропонными оранжереями. В переднем его конце была рубка управления, в заднем — машинное отделение.

Он расправил чертеж, взгляделся и увидел, что там что-то неправильно. Но потом он сообразил, что если отбросить рубку и машинное отделение, то все верно.

И он подумал, что так и должно было быть, что много лет назад кто-то запер рубку и машинное отделение, чтобы уберечь их от вреда, — специально для этого дня. Для людей на Корабле ни рубки, ни машинного отделения просто не существовало, и поэтому чертеж казался неправильным.

Он дал чертежу свернуться и взял другой. Это было машинное отделение. Он изучал его, наморщив лоб, пытаясь сообразить, что там изображено, и хотя о назначении некоторых устройств он догадывался, но были и такие, которых он вообще не понимал. Джон нашел конвертор и удивился, как он мог быть в запертом помещении, — ведь все эти годы им пользовались. Но потом он увидел, что конвертор имел два выхода: один в самом машинном отделении, а другой — за гидропонными оранжереями.

Он отпустил чертеж, и тот свернулся в трубку, так же как и остальные. Он продолжал сидеть на корточках около ящика, чуть покачиваясь взад и вперед и глядя на чертежи, и думал: «Если мне были нужны еще доказательства, то вот они».

Планы и чертежи Корабля. Планы, созданные и вычерченные людьми. Мечты о звездах, воплощенные в листах бумаги. Никакого божественного вмешательства. Никакого Мифа. Просто обычное человеческое планирование.

Он подумал о Священных Картинах: а что они такое? Может быть, они тоже были ложью, как и Миф? Жаль, если это так. Потому что они были таким утешением. И Вера тоже. Она тоже была утешением.

Сидя на корточках над свитками чертежей в этой маленькой комнате, с машиной, кроватью и ящиком, он съежился и обхватил себя руками, чувствуя почти жалость к себе.

Как бы он хотел, чтобы ничего не начиналось. Чтобы не было Письма. Чтобы он по-прежнему был невеждой, уверенным в своей безопасности. Чтобы он по-прежнему продолжал играть с Джо в шахматы.

Из двери раздался голос Джо:

— Так вот где ты прячешься!

Он увидел ноги Джо, прочно стоящие на полу, поднял глаза и увидел его лицо, на котором застыла полуулыбка.

— Книги! — сказал Джо.

Это слово было неприличным. И Джо произнес его, как неприличное слово. Как будто человека поймали за каким-то постыдным делом, уличили в грязных мыслях.

— Джо... — сказал Джон.

— Ты не хотел мне сказать, — сказал Джо. — Ты не хотел моей помощи. Еще бы!

— Джо, послушай...

— Прятался и читал Книги!

— Послушай, Джо! Все ложь. Корабль сделали такие же люди, как и мы. Он куда-то направляется. Я знаю теперь, что такое Конец...

Удивление и ужас исчезли с лица Джо. Теперь это было суровое лицо. Лицо судьбы. Оно возвышалось над ним, и в нем не было пощады. В нем не было даже жалости.

— Джо!

Джо резко повернулся и бросился к двери.

— Джо! Постой, Джо!

Но он ушел.

Джон услышал звук его шагов по коридору, к эскалатору, который приведет его на жилые этажи.

Он побежал, чтобы созвать толпу. Послать ее по всему Кораблю охотиться за Джоном Хоффом. И когда они поймают Джона Хоффа...

Когда они поймают Джона Хоффа, это будет настоящий Конец. Тот самый неизвестный Конец, о котором говорят в церкви. Потому что уже не будет никого — никого, кто знал бы цель, основание и назначение.

И получится, что тысячи людей умерли зря. Получится, что труд, и гений, и мечты тех, кто построил Корабль, пропали зря.

Это было бы огромное расточительство. А расточать — преступление. Нельзя выбрасывать. И не только пищу и воду, но и человеческие жизни и мечты.

Рука Джона потянулась к ящику и схватила пистолет. Его пальцы сжали рукоятку, а ярость все росла в нем, ярость отчаяния, последней надежды, моментальная, слепая ярость человека, у которого намеренно отнимают жизнь.

Впрочем, это не только его жизнь, а жизнь всех других: Мэри, и Херба, и Луизы, и Джошуа.

Он бросился бежать, выскочил в дверь и поскользнулся, поворачивая направо по коридору. Он помчался к эскалатору. В темноте неожиданно наткнулся на сту-

пеньки и подумал: как хорошо, что он много раз бывал здесь, нащупывая дорогу в темноте. Теперь он чувствовал себя как дома, и в этом было его преимущество перед Джо.

Он пронесся по лестницам, чуть не упав, свернул в коридор, нашел следующий пролет — и впереди услышал торопливые, неверные шаги того, за кем гнался.

Он знал, что в следующем коридоре только одна тусклая лампочка в самом конце. Если бы поспеть вовремя...

Он катился вниз по лестнице, держась одной рукой за перила, едва касаясь ногами ступеней.

Пригнувшись, он наконец влетел в коридор и там, впереди, при тусклом свете лампочки увидел бегущую темную фигуру. Он поднял пистолет и нажал кнопку; пистолет дернулся у него в руке, и коридор осветила яркая вспышка.

Свет на секунду ослепил его. Он сидел на полу, скорчившись, и в голове у него билась мысль: «Я убил Джо, своего друга».

Но это не был Джо. Это не был мальчишка, с которым он вырос. Это не был человек, сидевший напротив него по ту сторону шахматной доски. Это не был Джо — его друг. Это был кто-то другой — человек с лицом судьи, человек, побежавший созвать толпу, человек, который всех обрекал на неведомый Конец.

Джон чувствовал, что прав, но все же дрожал.

Минутное ослепление прошло, и он увидел на полу темную массу.

Его руки тряслись, он сидел неподвижно и ощущал тошноту и слабость во всем теле.

Не расточай! Не выбрасывай! Эти неписанные законы известны всем. Но были и такие законы, о которых даже никогда не упоминалось, потому что в этом не было необходимости. Не говорили, что нельзя украсть чужую жену, что нельзя лжесвидетельствовать, что нельзя убивать, потому что эти преступления исчезли задолго до того, как звездный Корабль оторвался от Земли.

Это были законы благопристойности, законы хорошего поведения. И он нарушил один из них. Он убил человека. Убил своего друга.

«Правда, — сказал он себе, — он не был мне другом. Он был врагом — врагом всем нам».

Джон Хофф выпрямился и напряг все тело, чтобы остановить дрожь. Он сунул пистолет за пояс и на негнувшихся ногах пошел по коридору к темной массе на полу.

В полумраке это было легче, потому что он плохо видел, что там лежит. Тело лежало ничком, и лица не было видно. Было бы хуже, если б лицо было обращено вверх, к нему.

Он стоял и думал. Вот-вот люди хватятся Джо и начнут его искать. А они не должны его найти. Не должны узнать, что произошло. Само понятие убийства давно исчезло, и оно не должно появиться вновь. Потому что если убил один человек — неважно, почему и зачем, — то могут найтись и другие, которые будут убивать. Если согрешил один, его грех должен быть скрыт, потому что один грех приведет к другому греху, а когда они достигнут нового мира, новой планеты (если они ее достигнут), им понадобится вся внутренняя сила, вся сила товарищества, на которую они способны.

Он не мог спрятать тело, потому что не было такого места, где бы его не нашли. И не мог спустить его в конвертор, потому что для этого нужно было пройти через гидропонные оранжереи.

Впрочем, нет, зачем? Ведь есть другой путь к конвертору — через машинное отделение.

Он похлопал себя по карману. Ключи были там. Он наклонился, дотронувшись до еще теплого тела. Он отступил к металлической стене. Его опять затошнило, и в голове непрестанно билась мысль о том, что он виновен.

Но он подумал о своем старом отце с суровым лицом, и о том давно умершем человеке, который написал Письмо, и обо всех других, кто передавал его, совершая преступление ради Истины, ради знания и спасения.

Сколько мужества, подвигов и дерзаний, сколько одиноких ночей, проведенных в мучительных раздумьях! Нельзя, чтобы все это пропало из-за его нерешительности или сознания вины.

Он оторвался от стены, поднял тело Джо и взвалил его на плечи. Оно безжизненно повисло. Раздалось бульканье. И что-то теплое и мокрое потекло по его спине.

Он стиснул зубы, чтобы не стучали, и, пошатываясь, побрел по мертвым эскалаторам, по темным коридорам к машинному отделению. Наконец он добрался до двери и положил свою ношу на пол, чтобы достать ключи. Он нашел нужный ключ и повернул в замке, налег на дверь, и она медленно отворилась. В лицо ему пахнул порыв теплого воздуха. Ярko горели огни, и раздавалось жужжание и повизгивание вращающегося металла.

Он поднял Джо, внес его, запер дверь и встал, разглядывая огромные машины. Одна из них вертелась, и он узнал ее: гироскоп-стабилизатор тихо жужжал, подвешенный на шарнирах.

Сколько времени понадобится ему, чтобы понять все эти массивные, сложные машины? Насколько люди отстали от знаний тысячелетней давности?

А ноша давила ему на плечи, и он слышал, как на пол падают редкие, теплые, липкие капли.

Ликуя и содрогаясь от ужаса, он возвращался в прошлое. Назад, сквозь тысячу лет, к знанию, которое могло создавать такие машины. Даже еще дальше — к неуравновешенности чувств, которая могла заставить людей убивать друг друга.

«Я должен от него избавиться, — с горечью подумал Джон Хофф. — Но это невозможно. Даже когда он исчезнет, станет чем-то совсем другим, когда вещества, из которых он состоит, превратятся во что-то еще, — даже тогда я не смогу от него избавиться. Никогда!»

Джон нашел люк конвертора, уперся ногами в пол. Люк заело. Джон дернул, и он открылся. Перед ним зияло жерло, достаточно большое, чтобы бросить туда человеческое тело. Из глубины слышался рев механизмов, и ему показалось, что он уловил адский отблеск бушующего огня. Он осторожно дал телу соскользнуть с плеча, подтолкнул его в последний раз, закрыл люк и всей тяжестью навалился на педаль.

Дело было сделано.

Он отшатнулся от конвертора и вытер лоб. Наконец-то он избавился от своей ноши. Но тяжелое бремя все равно осталось с ним. «И осталось навсегда, — подумал он. — Навсегда».

Он услышал шаги, но не обернулся. Он знал, чьи это шаги — призрачные шаги, которые будут преследовать его всю жизнь, шаги угрызений совести в его душе.

Послышался голос:

— Что ты сделал, парень?

— Я убил человека. Я убил своего друга.

И он обернулся, потому что ни шаги, ни голос не принадлежали привидению.

Говорил Джошуа:

— Было ли у тебя основание?

— Да. Основание и цель.

— Тебе нужен друг, — сказал Джошуа. — Тебе нужен друг, мой мальчик.

Джон кивнул:

— Я узнал цель Корабля. И назначение. Он застал меня. Он хотел донести. Я... я...

— Ты убил его.

— Я подумал: одна жизнь или все? И я взял только одну жизнь. Он бы взял все.

Они долго стояли, глядя друг на друга.

Старик сказал:

— Это неправильно — взять жизнь. Неправильно, недостойно.

Коренастый и спокойный, он стоял на фоне машин, но в нем было что-то живое, какая-то движущая сила, как и в машинах.

— Также неправильно обречать людей на судьбу, для которой они не предназначались. Неправильно забывать цель из-за незнания и невежества, — ответил Джон.

— Цель Корабля? А это хорошая цель?

— Не знаю, — ответил Джон. — Я не уверен. Но это по крайней мере цель. А цель, какая бы она ни была, лучше, чем отсутствие цели.

Джон поднял голову и отбросил назад волосы, прилипшие ко лбу.

— Ладно, — сказал он. — Я иду с тобой. Я взял одну жизнь и больше не возьму.

Джошуа медленно, мягко произнес:

— Нет, парень. Это я иду с тобой.

Видеть бесконечную пустоту, в которой звезды сверкали, как вечные крохотные сигнальные огоньки, было неприятно даже из наблюдательной рубки. Но видеть это из рубки управления, большое стеклянное окно которой открывалось прямо в пасть пространства, было еще хуже: внизу не видно дна, вверху не видно границ. То чудилось, что к этой звезде можно протянуть руку

и сорвать ее, то она казалась такой далекой, что от одной мысли об этом начинала кружиться голова.

Звезды были далеко. Все, кроме одной. А эта одна сверкала сияющим солнцем совсем рядом, слева.

Джон Хофф взглянул на Джошуа. На лице старика застыло выражение недоверия, страха, почти ужаса.

«А ведь я знал, — подумал Джон. — Я знал, как это может выглядеть. Я имел какое-то представление. А он не имел никакого».

Он отвел глаза от окна, увидел ряды приборов и почувствовал, что сердце его упало и руки одеревенели.

Уже некогда сживаться с Кораблем. Некогда узнать его поближе. Все, что нужно сделать, он должен сделать, только следуя своему разуму и отрывочным знаниям, которые получил от машины его мозг, неподготовленный и нетренированный.

— Что мы должны делать? — прошептал Джошуа. — Парень, что нам делать?

И Джон Хофф тоже подумал: «А что мы должны делать?»

Он медленно поднялся по ступенькам к креслу, на спинке которого было написано: «Пилот». Медленно забрался в кресло, и ему показалось, что он сидит на краю пропасти, откуда в любой момент может соскользнуть вниз, в пустоту.

Осторожно опустив руки на подлокотники кресла и вцепившись в них, он попробовал ориентироваться, привыкнуть к мысли, что сидит на месте пилота, а перед ним — ручки и кнопки, которые он может поворачивать или нажимать и посылать сигналы работающим машинам.

— Звезда, — сказал Джошуа. — Вот эта большая налево, которая горит...

— Все звезды горят.

— Нет, вот — большая...

— Это та звезда, к которой мы стремились тысячу лет, — ответил Джон. И он надеялся, что не ошибся. Как он хотел бы быть в этом уверенным!

И тут он почувствовал страшную тревогу. Что-то было неладно. И очень неладно.

Джон попытался думать, но космос мешал, он был слишком близко. Он был слишком близок, огромен и пуст, и думать было бесполезно. Нельзя перехитрить космос. Нельзя с ним бороться. Космос слишком велик

и жесток. Космосу все равно. В нем нет милосердия. Ему все равно, что станет с Кораблем и с людьми на нем.

Единственными, кому было не все равно, были те люди, на Земле, что запустили Корабль, и — некоторое время — те, кто управлял им в начале пути. А теперь — только он да старик. Только им не все равно.

— Она больше других, — сказал Джошуа. — Мы ближе к ней.

Вот в чем дело! Вот что вызвало эту необъяснимую тревогу. Звезда слишком близко — она не должна быть так близко!

Он с трудом оторвал взгляд от пустоты за окном и посмотрел на пульт управления. И увидел только бессмысленную массу ручек и рычагов, вереницы кнопок циферблатов...

Он смотрел на пульт и понемногу начинал разбираться в нем. Знания, которые вдолбила в него машина, пробуждались. Он смотрел на показания стрелок и уже кое-что понимал. Он нашел несколько ручек, о которых должен был что-то знать. В его мозгу в кошмарной пляске закружились сведения по математике, которой он никогда не знал.

«Бесполезно, — сказал он себе. — Это была хорошая идея, но она не сработала. Машина не может обучить человека. Она не может вбить в него достаточно знаний, чтобы управлять Кораблем».

— Я не сумею это сделать, Джошуа, — простонал он. — Это невозможно.

Где же планеты? Как ему найти их? И когда он их найдет (если найдет), что тогда делать?

Корабль падал на Солнце.

Джон не знал, где искать планеты. И Корабль двигался слишком быстро — намного быстрее, чем нужно. Джон вспотел. Пот выступил каплями на лбу, потек по лицу, по телу.

— Спокойнее, парень. Спокойнее.

Он попробовал успокоиться, но не мог. Он протянул руку и открыл маленький ящичек под пультом. Там была бумага и карандаши. Он взял лист бумаги и карандаш и набросал основные показания приборов: абсолютную скорость, ускорение, расстояние до звезды, угол падения на звезду.

Были еще и другие показания, но эти — самые главные, и с ними нужно считаться.

В его мозгу пробудилась мысль, которую много раз внушала ему машина. «Управлять Кораблем — это не значит направлять его в какую-то точку, а знать, где он будет в любой данный момент в ближайшем будущем».

Он принялся за вычисления. Математика с трудом проникала в его сознание. Он сделал расчет, набросал график и на два деления передвинул рычаг управления, надеясь, что сделал правильно.

— Разбираешься? — спросил Джошуа.

Джон покачал головой:

— Посмотрим. Узнаем через час.

Немного увеличить скорость, чтобы избежать падения на Солнце. Проскочить мимо Солнца, потом повернуть обратно под действием его притяжения — сделать широкую петлю в пространстве и снова вернуться к Солнцу. Вот как это делается, по крайней мере он надеялся, что именно так. Об этом рассказывала ему машина.

Он сидел весь обмякший, думая об этой удивительной машине, размышляя, насколько можно доверять бегущей пленке и шлему на голове.

— Мы долго здесь пробудем, — сказал Джошуа.

Джон кивнул:

— Да, пожалуй. Это займет много времени.

— Тогда, — сказал старик, — я пойду и раздобуду чего-нибудь поесть.

Он пошел к двери, потом остановился.

— А Мэри? — спросил он.

Джон покачал головой:

— Пока не надо. Оставим их в покое. Если у нас ничего не выйдет...

— У нас все выйдет.

Джон резко оборвал его.

— Если у нас ничего не выйдет, лучше, чтобы они ничего не знали.

— Пожалуй, ты прав, — сказал старик. — Я пойду принесу поесть.

Два часа спустя Джон уже знал, что Корабль не упадет на Солнце. Он пройдет близко — слишком близко, всего в нескольких миллионах километров, но скорость его будет такова, что он проскочит мимо и снова вылетит в пространство, притягиваемый Солнцем, рву-

щийся прочь от этого притяжения, теряя скорость в этой борьбе.

Траектория его полета изменится под действием Солнца, и он будет лететь по орбите — по очень опасной орбите, потому что если оставить ее неизменной, то при следующем обороте Корабль все-таки упадет на Солнце. Пока Корабль не повернет обратно к Солнцу. Джон должен добиться контроля над ним, но самое главное — он выиграл время. Он был уверен: если бы он не прибавил скорость на два деления, то Корабль или врезался бы в Солнце сразу, или начал бы вращаться вокруг него по все более суживающейся орбите, вырвать с которой его не могла бы даже фантастическая сила могучих машин.

Он имел время, он кое-что знал, и Джошуа пошел за едой. Времени было немного, и он должен использовать его. Надо разбудить знания, притаившиеся где-то в мозгу, внедренные туда, и он должен употребить их для той цели, для которой они предназначались.

Теперь он был спокойнее и чуть больше уверен в себе. Думая о своей неловкости, он удивлялся, как это люди, запустившие Корабль с Земли, и те, кто управлял им до того, как пришло Невежество, могли так точно направить его. Наверное, это случайность, потому что невозможно так пустить снаряд в маленькую мишень, чтобы он летел тысячу лет и попал в нее. Или возможно?

«Автоматически... Автоматически...» — звенело у него в голове одно-единственное слово. Корабль был автоматическим. Он сам летел, сам производил ремонт, сам обслуживал себя, сам двигался к цели. Мозг и рука человека должны были только сказать ему, что делать. Сделай это, говорили мозг и рука, и Корабль делал. Только это и было нужно — дать задание.

Весь секрет и был в том, как же приказать Кораблю. Что ему приказать и как это сделать. Вот что его беспокоило.

Он слез с кресла и обошел рубку. Все покрывал тонкий слой пыли, но, когда Джон протер металл рукавом, он заблестел так же ярко, как и в день постройки Корабля.

Он нашел всякие вещи, некоторые знакомые, а некоторые незнакомые. Но самое главное — он нашел телескоп и после нескольких неудачных попыток вспомнил, как с ним обращаться. Теперь он знал, как искать

планеты, — если это нужная звезда и у нее есть планеты.

Прошло три часа. Джошуа не возвращался. Слишком долго, чтобы достать еды. Джон зашагал по комнате, борясь со страхом. Наверное, со стариком что-то случилось.

Он вернулся к телескопу и начал разыскивать планеты. Сначала это было трудно, но понемногу, привыкая к обращению с телескопом, он начал припоминать все новые и новые данные.

Он отыскал одну планету и услышал стук. Он оторвался от телескопа и шагнул к двери.

Коридор был полон людей. Они все кричали на него, кричали с ненавистью, и в этом реве были гнев и осуждение; он сделал шаг назад.

Впереди были Херб и Джордж, а за ними остальные — мужчины и женщины. Он поискал глазами Мэри, но не нашел.

Толпа рвалась вперед. На их лицах была злоба и отвращение, и Джон почувствовал, как волна страха, исходящая от них, окутала его.

Его рука опустилась к поясу, нащупала рукоятку пистолета и вытащила его. Он направил пистолет вниз и нажал кнопку. Только один раз. Вспышка осветила дверь, и толпа отшатнулась. Дверь почернела, запахло горелой краской.

Джон Хофф спокойно проговорил:

— Это пистолет. Из него я могу вас убить. Я вас убью, если вы будете вмешиваться. Уйдите. Вернитесь туда, откуда вы пришли.

Херб сделал шаг вперед и остановился.

— Это ты вмешиваешься, а не мы.

Он сделал еще шаг.

Джон поднял пистолет и направил на него.

— Я уже убил человека. И убью еще.

«Как легко, — подумал он, — говорить об убийстве, о смерти. И как легко сделать это теперь, когда я уже один раз убил».

— Джо пропал, — сказал Херб. — Мы ищем его.

— Можете больше не искать.

— Но Джо был твоим другом.

— И ты тоже. Но цель выше дружбы. Ты или со мной, или против меня. Середины нет.

— Мы отлучим тебя от церкви.

— Отлучите меня от церкви, — насмешливо повторил Джон.

— Мы сошлем тебя в центр Корабля.

— Мы были ссыльными всю нашу жизнь, — сказал Джон, — в течение многих поколений. Мы даже не знали этого. Я говорю вам — мы этого не знали. И, не зная этого, придумали красивую сказку. Мы убедили себя в том, что это правда, и жили ею. А когда я прихожу и доказываю вам, что это всего только красивая сказка, выдуманная потому, что мы должны были иметь сказку — должны были, — вы готовы отлучить меня от церкви и сослать. Это не выход, Херб. Это не выход.

Он похлопал рукой по пистолету.

— Вот выход, — сказал он.

— Джон, ты сумасшедший.

— А ты дурак, — сказал Джон.

Сначала он испугался, потом рассердился. А теперь он чувствовал только презрение к этим людям, столпившимся в коридоре, выкрикивающим пустые угрозы.

— Что вы сделали с Джошуа? — спросил он.

— Мы связали его, — ответил Херб.

— Вернитесь и развяжите его. И пришлите мне еды.

Они заколебались. Он сделал угрожающее движение пистолетом.

— Идите!

Они побежали.

Он захлопнул дверь и вернулся к телескопу.

Он нашел шесть планет, из них две имели атмосферу — вторая и пятая. Он посмотрел на часы: прошло много часов. Джошуа еще не появлялся. В дверь не стучали. Не было ни пищи, ни воды. Он снова уселся в кресло пилота.

Звезда была далеко позади. Скорость уменьшилась, но была еще слишком велика. Он подвинул рычаг назад и следил за тем, как ползет назад стрелка указателя скорости. Теперь это было безопасно, по крайней мере он надеялся, что безопасно. Корабль оказался в 54 миллионах километров от звезды, и можно было уменьшить скорость.

Он снова уставился на пульт управления, и все было уже яснее, понятнее, он знал о нем немного больше. В конце концов, это не так уж трудно. И будет не так

трудно. Главное — есть время. Много времени. Нужно будет еще думать и рассчитывать, но для этого есть время.

Разглядывая пульт, он нашел вычислительную машину, которой не заметил раньше, — вот как давали приказания Кораблю! Вот чего ему не хватало, вот над чем он бился — как приказывать Кораблю. А это делалось так. Нужно отдать приказ маленькому мозгу.

Его преследовало одно слово — «автоматический». Он нашел кнопку с надписью «телескоп», и еще — с надписью «орбита», и еще — «приземление».

Наконец-то, подумал он. После всех волнений и страха — это так просто. Именно таким эти люди там, на Земле, и должны были сделать Корабль. Просто. Невероятно просто. Так просто, что каждый дурак может посадить Корабль. Каждый, кто ткнет пальцем кнопку. Ведь они, наверное, догадывались, что может произойти на Корабле через несколько поколений. Они знали, что Земля будет забыта и что люди создадут новую культуру, приспособленную к условиям в Корабле. Догадывались — или планировали? Может быть, культура Корабля была частью общего плана? Разве могли бы люди жить тысячу лет на Корабле, если бы знали его цель и назначение?

Конечно, не могли бы. Они бы чувствовали себя ограбленными и обманутыми, они бы сошли с ума от мысли, что они всего только переносчики жизни, что их жизни и жизни многих поколений будут просто зачеркнуты, чтобы их потомки могли прибыть на далекую планету.

Был только один способ бороться с этим — забвение. К нему и прибегли, и это было к лучшему.

После смены нескольких поколений люди проводили свои маленькие жизни в условиях доморощенной культуры, и этого им было достаточно. Тысячи лет как будто и не было, потому что никто не знал про эту тысячу.

И все это время Корабль ввинчивался в пространство, направляясь к цели, прямо и точно.

Джон Хофф подошел к телескопу, поймал в фокус пятую планету и включил радары, которые держали бы ее в поле зрения. Потом он вернулся к вычислительной

машине и нажал кнопку с надписью «телескоп» и другую, с надписью «орбита».

Потом он сел ждать. Делать было больше нечего.

На пятой планете не было жизни.

Анализатор рассказал все. Атмосфера состояла в основном из метана, сила тяжести была в тридцать раз больше земной, давление под кипящими метановыми облаками близко к тысяче атмосфер. Были и другие факторы, но любого из этих трех было достаточно.

Джон Хофф вывел Корабль с орбиты и направил его к Солнцу. Снова сев за телескоп, он поймал в фокус вторую планету, включил вычислительную машину и опять уселся ждать.

Еще один шанс — и кончено. Потому что из всех планет только на двух была атмосфера. Или вторая планета, или ничего.

А если и вторая планета окажется мертвой, что тогда?

На это был только один ответ. Другого не могло быть. Повернуть Корабль еще к какой-нибудь звезде, прибавить скорость и надеяться — надеяться, что через несколько поколений люди найдут планету, на которой смогут жить.

У него начались голодные спазмы. В здешней системе водяного охлаждения еще оставалось несколько стаканов жидкости, но он выпил их уже два дня назад.

Джошуа не вернулся. Люди не появлялись. Дважды он открывал дверь и выходил в коридор, готовый сделать вылазку за пищей и водой, но каждый раз, подумав, возвращался. Нельзя было рисковать. Рисковать тем, что его увидят, поймают и не пустят обратно в рубку.

Но скоро ему придется рискнуть, придется сделать вылазку. Еще через день он будет слишком слаб, чтобы сделать это. А до второй планеты им лететь еще долго.

Придет время, когда у него не будет выбора. Он не выдержит. Если он не добудет воды и пищи, он превратится в никчемное, еле ползающее существо, и вся его сила иссякнет к тому времени, когда они достигнут планеты.

Он еще раз осмотрел пульт управления. Как будто все в порядке. Корабль еще набирал скорость. Сигнальная лампочка вычислительной машины горела синим светом, и машина тихо пощелкивала, как бы говоря: «Все в порядке. Все в порядке».

Потом он перешел от пульта в тот угол, где спал. Он лег и свернулся клубком, пытаясь сжать желудок, чтобы тот не мучил его. Он закрыл глаза и попробовал заснуть.

Лежа на металле, он слышал, как далеко позади работают машины, слышал их мощное пение, наполнявшее весь Корабль. Ему вспомнилось, как он думал, что нужно сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. Оказалось, что это не так, хотя он уже понимал, как можно сжиться с Кораблем, как Корабль может стать частью человека.

Он задремал, проснулся, снова задремал — и тут вдруг услышал чей-то крик и отчаянный стук в дверь.

Он сразу вскочил, бросился к двери, вытянув вперед руку с ключом. Рванул дверь, отпер — и, споткнувшись на пороге, в рубку упала Мэри. В одной руке у нее был бак, в другой — мешок. А по коридору к двери бежала толпа, размахивая палками и дико крича.

Джон втащил Мэри внутрь, захлопнул дверь и запер ее. Он слышал, как бегущие тела ударились в дверь и как в нее заколотили палками и заорали.

Джон нагнулся над женой.

— Мэри, — сказал он. Горло его сжалось, он задыхался, — Мэри.

— Я должна была прийти, — сказала она, плача. — Должна, что бы ты там ни сделал.

— То, что я сделал, — к лучшему, — ответил он. — Это была часть плана, Мэри. Я убежден в этом. Часть общего плана. Люди там, на Земле, все предусмотрели. И я как раз оказался тем, кто...

— Ты еретик, — сказала она. — Ты уничтожил нашу Веру. Из-за тебя все перегрызлись. Ты...

— Я знаю правду. Я знаю цель Корабля.

Она подняла руки, охватила его лицо, нагнула и прижала к себе.

— Мне все равно, — сказала она. — Все равно. Теперь. Раньше я боялась. Я была сердита на тебя, Джон. Мне было стыдно за тебя. Я чуть не умерла со стыда. Но когда они убили Джошуа...

— Что такое?!

— Они убили Джошуа. Они забили его до смерти. И не его одного. Были и другие. Они хотели идти помогать тебе. Их было очень мало. Их тоже убили. На Корабле — сплошные убийства. Ненависть, подозрения. И всякие нехорошие слухи. Никогда еще так не было, пока ты не отнял у них Веру.

«Культура разбилась вдребезги, — подумал он. — За какие-то часы. А Вера исчезла за долю секунды. Сумасшествие, убийства... Конечно, так оно и должно было быть».

— Они боятся, — сказал он. — Они больше не чувствуют себя в безопасности.

— Я пыталась прийти раньше, — сказала Мэри. — Я знала, что ты голоден, и боялась, что тут нет воды. Но мне пришлось ждать, пока за мной перестанут следить.

Он крепко прижал ее к себе. В глазах у него все расплылось и потеряло очертания.

— Вот еда, — сказала она, — и питье. Я притащила все, что могла.

— Жена моя, — сказал он. — Моя дорогая жена...

— Вот еда, Джон. Почему ты не ешь?

Он встал и помог ей подняться.

— Сейчас, — сказал он. — Сейчас буду есть. Я хочу тебе сначала кое-что показать. Я хочу показать тебе Истину.

Он поднялся с ней по ступенькам.

— Смотри. Вот куда мы летим. Вот где мы летим. Что бы мы себе ни говорили, вот она — Истина.

Вторая планета была ожившей Священной Картиной. Там были и Ручьи, и Деревья, и Трава, и Цветы, Небо и Облака, Ветер и Солнечный Свет.

Мэри и Джон стояли у кресла пилота и смотрели в окно.

Анализатор после недолгого журчания выплюнул свой доклад.

«Для людей безопасно», — было напечатано на листочке бумаги. К этому было прибавлено много данных о составе атмосферы, о количестве бактерий, об ультрафиолетовом излучении и разных вещах. Но этого было уже достаточно. «Для людей безопасно».

Джон протянул руку к центральному переключателю на пульте.

— Вот оно, — сказал он. — Тысяча лет кончилась.

Он повернул выключатель, и все стрелки прыгнули на нуль. Песня машин умолкла, и на Корабле наступила тишина, как тогда, когда звезды еще вращались, а стены были полом.

И тогда они слышали плач — человеческий плач, похожий на звериный вой.

— Они боятся, — сказала Мэри. — Они смертельно испуганы. Они не уйдут с Корабля.

«Она права», — подумал он. Об этом он не подумал — что они не уйдут с Корабля.

Они были привязаны к нему на протяжении многих поколений. Они искали в нем крова и защиты. Для них огромность внешнего мира, бесконечное небо, отсутствие всяких пределов будут ужасны.

Но как-то нужно их выгнать с Корабля — именно выгнать и запереть Корабль, чтобы они не ворвались обратно. Потому что Корабль означал невежество и убежище для трусов; это была скорлупа, из которой они уже выросли; это было материнское лоно; выйдя из него, человечество должно обрести второе рождение.

Мэри спросила:

— Что они сделают с нами? Я об этом еще не думала. Мы не сможем спрятаться от них.

— Ничего, — ответил Джон. — Они нам ничего не сделают. По крайней мере пока у меня есть вот эта штука.

Он похлопал по пистолету, заткнутому за пояс.

— Но, Джон, эти убийства...

— Убийств не будет. Они испугаются, и страх заставит их сделать то, что нужно. Потом, может быть не очень скоро, они придут в себя, и тогда страха больше не будет. Но чтобы начать, нужно... — Он вспомнил наконец это слово, внушенное ему удивительной машиной. — Нужно руководство. Вот что им надо — чтобы кто-нибудь руководил ими, говорил им, что делать, объединил их.

«Я надеялся, что все кончилось, — подумал он с горечью, — а ничего еще не кончилось. Посадить Корабль, оказывается, недостаточно. Нужно продолжать. И что бы я ни сделал, Конца так и не будет, пока я жив».

Нужно будет устраиваться и учиться заново. Тот ящик больше чем наполовину набит Книгами. Наверное, самыми главными. Книгами, которые понадобятся, чтобы начать.

И где-то должны быть инструкции. Указания, оставленные вместе с Книгами, чтобы он прочел их и выполнил.

«Инструкция. Выполнить после посадки». Так будет написано на конверте или что-нибудь в этом роде. Он вскрыет конверт, и там будут сложенные листки бумаги.

Так же как и в том, первом Письме.

Еще одно Письмо? Конечно, должно быть еще одно Письмо.

— Это было предусмотрено на Земле, — сказал он. — Каждый шаг был предусмотрен. Они предусмотрели состояние невежества — единственно возможное для того, чтобы люди перенесли полет. Они предусмотрели ересь, которая сохранит знания. Они сделали Корабль таким простым, что любой может им управлять — любой. Они смотрели в будущее и предвидели все, что должно случиться. Их планы в любой момент опережали события.

Он поглядел в окно, на широкие просторы новой Земли, на Деревья, Траву, Небо.

— И я не удивлюсь, если они придумали, как выгнать нас с Корабля.

Вдруг пробудился громкоговоритель и загремел на весь Корабль.

— Слушайте все! — сказал он, чуть потрескивая, как старая пластинка. — Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль в течение двенадцати часов! Когда этот срок истечет, будет выпущен ядовитый газ!

Джон взял Мэри за руку.

— Я был прав. Они предусмотрели все до конца. Они опять на один шаг впереди нас.

Они стояли вдвоем, думая о тех людях, которые так хорошо все предвидели, которые заглянули в такое далекое будущее, догадались обо всех трудностях и предусмотрели, как их преодолеть.

— Ну, идем, — сказал Джон.

— Джон...

— Да?

— А теперь мы можем иметь детей?

— Да, — ответил Джон. — Мы теперь можем иметь детей. Каждый, кто хочет. На Корабле нас было так много. На той планете нас будет так мало.

— Место есть, — сказала Мэри. — Много места.

Он отпер дверь рубки. Они пошли по темным коридорам.

Громкоговоритель снова заговорил: «Слушайте все! Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль!..»

Мэри прижалась к Джону, и он почувствовал, как она дрожит.

— Джон, мы сейчас выйдем? Мы выйдем?

Испугалась. Конечно, испугалась. И он испугался. Страхи многих поколений нельзя стряхнуть сразу, даже при свете Истины.

— Постой, — сказал он. — Я должен кое-что найти.

Наступает время, когда они должны покинуть Корабль, выйти на пугающий простор планеты — обнаженные, испуганные, лишенные безопасности, которая окружала их.

Но когда наступит этот миг, он будет знать, что делать.

Он наверняка будет знать, что делать.

Потому что если люди с Земли все так хорошо предусмотрели, то они не могли упустить самого важного и не оставить где-нибудь Письма с указаниями, как жить дальше.

ПЛАЦДАРМ

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки, этот четкий, отлаженный механизм, созданный и снаряженный для одной лишь цели — занять на чужой планете плацдарм, уничтожить вокруг корабля все живое и основать базу, где было бы достаточно места для выполнения задачи. А если придется, удерживать и защищать плацдарм от кого бы то ни было до самого отлета.

Как только на планете появляется база, приступают к работе ученые. Исследуется все до мельчайших деталей. Они делают записи на пленку и в полевые блокноты, снимают и замеряют, картографируют и систематизируют до тех пор, пока не создается стройная система фактов и выводов для галактических архивов.

Если встречается жизнь, что в Галактике не редкость, ее исследуют так же тщательно, особенно реакцию на людей. Иногда реакция бывает яростной и враждебной, иногда почти незаметной, но не менее опасной. Однако легионеры и роботы всегда готовы к любой ситуации, и нет для них неразрешимых задач.

Beachhead, 1953

© 1993 А. Корженевский, перевод на русский язык

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки.

Том Деккер сидел в пустой рубке и вертел в руках высокий стакан с кубиками льда, наблюдая, как из трюмов корабля выгружается первая партия роботов. Они вытянули за собой конвейерную ленту, вбили в землю опоры и приладили к ним транспортер.

Дверь за его спиной открылась с легким щелчком, и Деккер обернулся.

— Разрешите войти, сэр? — спросил Дуг Джексон.

— Да, конечно.

Джексон подошел к большому изогнутому иллюминатору.

— Что же нас тут ожидает? — задумчиво прошептал он.

— Еще одно обычное задание, — пожал плечами Деккер. — Шесть недель. Или шесть месяцев. Все зависит от того, что мы обнаружим.

— Похоже, здесь будет посложнее, — сказал Джексон, усаживаясь рядом с ним. — На планетах с джунглями всегда трудно.

— Это работа. Просто еще одна работа. Еще один отчет. Потом сюда пришлют либо эксплуатационную группу, либо переселенцев.

— Или, — возразил Джексон, — поставят отчет на пыльную полку архива и забудут.

— Это уже их дело. Наше дело — его подготовить. Что с ним будет дальше, нас не касается.

За иллюминатором первые шесть роботов сняли крышку с контейнера и распаковали седьмого. Затем, разложив рядом инструменты, собрали его, не тратя ни одного лишнего движения, вставили в металлический череп мозговой блок, включили и захлопнули дверцу на груди. Седьмой встал неуверенно, постоял несколько секунд и, сориентировавшись, бросился к транспортеру помогать выгружать контейнер с восьмым.

Деккер задумчиво отхлебнул из своего стакана. Джексон зажег сигарету.

— Когда-нибудь, — сказал он, затягиваясь, — мы наверняка встретим что-то такое, с чем не сможем справиться.

Деккер фыркнул.

— Может быть, даже здесь, — настаивал Джексон, разглядывая кошмарные джунгли за иллюминатором.

— Ты романтик, — отрезал Деккер. — Кроме того, ты молод: все еще мечтаешь о неожиданностях. Десяток раз слетаешь, и это у тебя пройдет.

— Но все-таки то, о чем я говорю, может случиться. Деккер сонно кивнул:

— Может. Никогда не случалось, но, наверное, может. Впрочем, стоять до последнего — не наша задача. Если нас ждет тут что-нибудь такое, что нам не по зубам, мы долго на этой планете не задержимся. Риск — не наша специальность.

Корабль покоился на вершине холма посреди маленькой поляны, буйно заросшей травой и экзотическими цветами. Рядом лениво текла река, неся свои сонные темно-бурые воды сквозь опутанный лианами огромный лес. Вдаль, насколько хватал глаз, тянулись джунгли, мрачная сырая чаща, которая даже через стекло иллюминатора, казалось, дышала опасностью. Животных не было видно, но никто не мог знать, какие твари прячутся в темных норах или в кронах деревьев.

Восьмой робот включился в работу. Теперь уже две группы по четыре робота вытаскивали контейнеры и собирали новые механизмы. Скоро их стало двенадцать — три рабочие группы.

— Вот так! — возобновил разговор Деккер, кивнув на иллюминатор. Никакого риска. Сначала роботы. Они распаковывают и собирают друг друга. Затем все вместе устанавливают и подключают технику. Мы даже не выйдем из корабля, пока вокруг не будет надежной защиты.

Джексон вздохнул:

— Наверное, вы правы. С нами действительно ничего не может случиться. Мы не упускаем ни одной мелочи.

— А как же иначе? — Деккер поднялся с кресла и потянулся. — Пойду займусь делами. Последние проверки и все такое...

— Я вам нужен, сэр? — спросил Джексон. — Я бы хотел посмотреть. Все это для меня ново...

— Нет, не нужен. А это... это пройдет. Еще лет двадцать, и пройдет.

На столе у себя в кабинете Деккер обнаружил стопку предварительных отчетов и неторопливо просмотрел их, запоминая все особенности мира, окружавшего корабль. Затем принялся читать отчеты внимательно, складывая прочитанные справа от себя лицевой стороной вниз.

Давление атмосферы чуть выше, чем на Земле. Высокое содержание кислорода. Сила тяжести немного больше земной. Климат жаркий. На планетах-джунглях всегда жарко. Снаружи слабый ветерок. Хорошо бы он продержался... Продолжительность дня тридцать шесть часов. Радиации местных источников нет, но случаются вспышки солнечной активности. Обязательно установить наблюдение... Бактерии, вирусы: как всегда, на таких планетах много. Но, очевидно, никакой опасности. Команда напичкана вакцинами и гормонами по самые уши. Хотя до конца, конечно, уверенным быть нельзя. Минимальный риск есть, ничего не поделаешь. И если вдруг найдется какой-нибудь настырный микроб, способы защиты придется искать прямо здесь... Растительность и почва наверняка просто кишат микроскопической живностью. Скорее всего вредной. Но это уже будничная работа. Полная проверка. Почву необходимо проверять, даже если на планете нет жизни. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что ее действительно нет...

В дверь постучали, и вошел капитан Карр, командир легионеров. Деккер ответил на приветствие, не вставая из-за стола.

— Разрешите доложить, сэр! — четко произнес Карр. — Легион готов к высадке!

— Отлично, капитан. Отлично, — ответил Деккер.

«Какого черта ему надо? Легион всегда готов и всегда будет готов — это естественно. Зачем такие формальности?»

Наверное, виной тому характер Карра. Легион, с его жесткой дисциплиной, давними традициями и гордо-

стью за них, всегда привлекал людей, давая им возможность отшлифовать врожденную педантичность.

Оловянные солдатики высшего качества. Тренированные, дисциплинированные, вакцинированные против любой известной и неизвестной болезни, натасканные в инопланетной психологии земляне с огромным потенциалом выживаемости, выручающим их в самых опасных ситуациях...

— Повременим, капитан, — сказал Деккер. — Роботы только начали сборку.

— Жду ваших приказаний, сэр!

— Благодарю, капитан. — Деккер дал понять, что хочет остаться один. Но когда Карр подошел к двери, он снова окликнул его.

— Да, сэр!

— Я вот подумал... — медленно проговорил Деккер. — Просто подумал... В состоянии ли вы представить себе ситуацию, с которой Легион не смог бы справиться?

— Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, сэр.

Глядеть на Карра в этот момент было сплошное удовольствие. Деккер вздохнул:

— Я и не предполагал, что вы поймете.

К вечеру все роботы и кое-какие механизмы были собраны, появились первые автоматические сторожевые посты. Огнеметы выжгли вокруг корабля кольцо футов пятьсот диаметром, а затем в ход пошел генератор жесткого излучения, заливший землю внутри кольца безмолвной смертью. Ужасное зрелище: почва буквально вскипала живностью, корчившейся в последних бесплодных попытках избежать гибели. Роботы собрали огромные батареи ламп, и на вершине холма стало светлее, чем днем. Подготовка к высадке продолжалась, но ни один человек еще не ступил на землю новой планеты.

В тот вечер робот-официант установил столы в галерее, чтобы люди во время еды могли наблюдать за ходом работ снаружи. Вся группа — разумеется, кроме легионеров, которые оставались в своих каютах, — уже собралась к ужину, когда в отсек вошел Деккер.

— Добрый вечер, джентльмены.

Он сел во главе стола, после чего расселись по старшинству и все остальные.

Деккер сложил перед собой руки и склонил голову, собираясь произнести привычные, заученные слова. Он задумался и, когда заговорил, сам удивился своим словам.

— Отец наш, мы, слуги твои в неизведанной земле, находимся во власти греховной гордыни. Научи нас милосердию и приведи нас к знанию. Ведь люди, несмотря на дальние их путешествия и великие дела, все еще дети твои. Благослови хлеб наш, Господи. И не оставь без сострадания. Аминь.

Деккер поднял голову и скользнул взглядом по столу. Кого-то, он заметил, его слова удивили, кого-то позабавили. Возможно, они думают, что старик совсем выдохся. Может быть, и так. Хотя до полудня он чувствовал себя в полном порядке... Все этот молодой Джексон...

— Прекрасные слова, сэр, — сказал наконец Макдональд, главный инженер группы. — Среди нас есть кое-кто, кому не мешало бы прислушаться и запомнить их. Благодарю вас, сэр.

Через стол начали передавать блюда и тарелки, и постепенно галерея оживилась домашним звоном хрусталя и серебра.

— Похоже, здесь будет интересно, — начал разговор Уолдрон, антрополог по специальности. — Мы с Диксоном стояли на наблюдательной палубе как раз перед заходом солнца, и нам показалось, что мы видели у реки какое-то движение. Что-то живое...

— Было бы странно, если б мы здесь никого не нашли, — ответил Деккер, накладывая себе в тарелку обжаренного картофеля. — Когда сегодня облучали площадку, в земле оказалось полно всяких тварей.

— Существа, которых мы с Уолдроном видели, походили на гуманоидов.

Деккер посмотрел на биолога с интересом.

— Вы уверены?

Диксон покачал головой:

— Видно было неважно, но мне показалось, что их было двое или трое. Эдакие спичечные человечки.

— Как дети рисуют, — кивнул Уолдрон. — Одна черточка — туловище, две — ножки, еще две — ручки, кружок — голова. Угловатые такие, толстые...

— Но двигаются красиво, — добавил Диксон. — Мягко, плавно, как кошки.

— Ладно, скоро узнаем, кто такие. Через день-два мы их найдем, — ответил Деккер.

Забавно. Почти на каждой планете кто-нибудь сразу «находит» гуманоидов, и почти всякий раз они оказываются игрой воображения. Люди часто выдают желаемое за действительное. Что ж, вполне понятное желание — вдали от своих, на чужой планете найти жизнь, которая хотя бы на первый взгляд напоминала что-то знакомое. Но, как правило, представители гуманоидной расы, если таковая встречалась, оказывались настолько отталкивающими и чужими, что по сравнению с ними даже земной осьминог кажется родным и близким.

— Я все думаю о том горном массиве к западу, — вступил в разговор Фрейни, начальник георазведки, — который мы видели при подлете. Похоже, горы образовались сравнительно недавно, а это всегда удобнее для работы: легче добраться до того, что скрыто внутри.

— Разведку начнем в том направлении, — неожиданно решил Деккер.

Яркие огни снаружи вселяли в ночь новую жизнь. Собирались огромные механизмы. Четко двигались роботы. Машины поменьше суетились, как напутанные жуки. С южной стороны все полыхало, а небо то и дело озарялось новыми всплесками пламени, вырывающегося из огнеметов.

— Дodelьвают посадочное поле, — произнес Деккер. — Там осталась полоса джунглей, но она ровная, как пол. Еще немного, и поле тоже будет готово.

Робот принес кофе, бренди и сигары. Расположившись поудобнее, Деккер и все остальные продолжали наблюдать за работой снаружи.

— Ненавижу это ожидание, — нарушил молчание Фрейни.

— Часть работы. Ничего не поделаешь, — ответил Деккер и подлил в кофе еще бренди.

К утру все машины были собраны. Одни уже выполняли какие-то задания, другие стояли наготове. Огнеметы закончили свою работу, и по их маршрутам ползали излучатели. На подготовленном поле стояло несколько

реактивных самолетов. Примерно половина от общего числа роботов, закончив порученные дела, построилась в аккуратную прямоугольную колонну.

Наконец опустился наклонный трап, и по нему сошли на землю легионеры. Колонной по два, с блеском и грохотом, с безукоризненной точностью, способной посрамить даже роботов. Конечно, без знамен и барабанов, поскольку пользы от них никакой, а Легион, несмотря на пристрастие к блеску и показухе, организация чрезвычайно эффективная. Колонна развернулась, вытянулась в линию и разбилась по взводам, которые тут же направились к границам базы. Машины, роботы и легионеры заняли посты. Земля подготовила плацдарм еще на одной планете.

Роботы быстро и деловито собрали открытый павильон из полосатого брезента, разместили в тени столы, кресла, втащили туда холодильник с пивом и льдом.

Теперь и обычные люди могли покинуть безопасные стены корабля.

«Организованность, — с гордостью произнес про себя Деккер, окидывая базу взглядом. — Организованность и эффективность! Ни одной лазейки для случайностей! Любую лазейку заткнуть еще до того, как она станет лазейкой! Подавить любое сопротивление, пока оно не выросло! Абсолютный контроль на плацдарме!»

Конечно, позже может что-то случиться. Всего не предусмотрит. Будут выездные экспедиции, и даже под защитой роботов и легионеров остается какой-то риск. Будет воздушная разведка, картографирование, и все это несет в себе элемент риска. Однако опасность сведена к минимуму.

И всегда будет база. Абсолютно надежная и неприступная база, куда при случае можно отступить и откуда, если понадобится, можно контактировать или присылать подкрепление.

Все продумано! Неожиданностей быть не должно!

И что на него такое вчера нашло?.. Наверное, это из-за молодого Джексона. Способный биохимик, конечно, не для межпланетной разведки. Видимо, что-то где-то не сработало: отборочная комиссия должна была выявить его эмоциональную неустойчивость. Не то чтобы он мог помешать делу, но на нервы действует.

Деккер выложил на стол в павильоне целую кучу документов, затем нашел среди них карту, развернул ее и разгладил большим пальцем сгибы. На карте была нанесена лишь часть реки и горного хребта. Базу обозначал перечеркнутый крестом квадрат, а все остальное пространство оставалось пустым.

Но это ненадолго. Через несколько дней у них будут полные карты.

С поля рванулся в небо самолет, плавно развернулся и ушел на запад. Деккер выбрался из павильона и посмотрел ему вслед. Должно быть, это Джарвис и Доннели, назначенные в первый полет в юго-западный сектор между базой и горным хребтом.

Еще один самолет поднялся в воздух, выбрасывая за собой огненный хвост, набрал скорость и скрылся вдали. Фриман и Джонс.

Деккер вернулся к столу, опустил в кресло и, взяв карандаш, принялся рассеянно постукивать по почти пустой карте. За спиной взмыл в небо еще один самолет.

Он снова окинул базу взглядом, и теперь она уже не казалась ему выжженным полем. Что-то теперь чувствовалось здесь земное. Эффективность, здравый смысл, спокойно работающие люди.

Кто-то с кем-то спорил, кто-то готовил приборы, обсуждая с роботами возникшие по ходу дела вопросы. Другие просто осматривались, привыкали.

Деккер удовлетворенно улыбнулся. Способная у него команда. Большинству из них придется подождать возвращения первой разведки, но даже сейчас они не выглядели праздно.

Позже будут взяты пробы почвы. Роботы поймают и доставят животных, которых потом сфотографируют и подвергнут изучению по полной программе. Деревья, травы, цветы — все будет описано и классифицировано. Вода в реке, ее обитатели...

И все это только здесь, в районе базы, пока не поступят новые данные разведки, указывающие, на что еще следует обратить внимание.

Когда придут эти данные, начнется настоящая, большая работа. Геологи и минералоги займутся полезными ископаемыми. Появятся метеорологические станции. Ботаники и биологи возьмутся за сбор сравнительных образцов. Каждый будет выполнять работу, к которой

его готовили. Отовсюду пойдут доклады, и со временем из них сложится стройная, точная картина жизни планеты.

Работа. Много работы днем и ночью. И все это время база будет маленьким кусочком Земли, неприступным для любых сил чужого мира.

Деккер сидел, развываясь в кресле. Легкий ветер шевелил полог павильона, шелестел бумагами на столе и ерошил волосы. «Хорошо, — подумалось Деккеру, — но, наверное, это ненадолго».

Когда-нибудь он найдет себе уютную планету, райский уголок с неизменно прекрасной погодой, где все, что нужно, растет на деревьях, а местные жители умны и общительны. Он просто откажется улетать, когда корабль приготовится к старту, и проживет свои последние дни вдали от проблем этой проклятой Галактики, истощенной голодом, свихнувшейся от дикости и такой одинокой, что трудно передать словами...

Деккер очнулся от своих странных мыслей и увидел перед собой Джексона.

— В чем дело, Джексон? — с неожиданной резкостью спросил он. — Почему ты не...

— Местного привели, сэр! — выдохнул Джексон. — Из тех, кого видели Диксон и Уолдрон.

Абориген оказался человекоподобным, но на людей Земли он походил мало. Как сказал Диксон, спичечный человечек. Живой рисунок четырехлетнего ребенка. Весь черный, совершенно без одежды, но в глазах, смотревших на Деккера, светился огонек разума.

Глядя в эти глаза, Деккер чувствовал себя неудобно и скованно, но вокруг молча стояли в ожидании его люди, и он медленно потянулся к одному из шлемов ментографа. Когда пальцы Деккера коснулись гладкой поверхности, на него снова накатило смутное, но сильное нежелание надевать шлем. Контакт или попытка контакта с чужим разумом всегда вызывали у него это тревожное чувство. Что-то каждый раз боязливо сжималось у него внутри, видимо потому, что такой непосредственный, близкий контакт был чужд человеческой природе.

Деккер медленно взял шлем в руки, надел на голову и жестом предложил «гостю» второй. Пауза затягивалась, глаза аборигена внимательно следили за его действиями. «Он нас не боится, — подумал Деккер. — Настоящая первобытная храбрость. Вот так стоять посреди незнакомого, которое расцвело почти за одну ночь на его земле... Стоять, не дрогнув, в кругу существ, которые, должно быть, кажутся ему пришельцами из кошмара».

Наконец абориген сделал шаг к столу, взял шлем и неуверенно пристроил прибор на голову, ни на секунду не отрывая взгляда от человека.

Деккер попытался расслабиться, одновременно внушая себе мысли о мире и спокойствии. Надо быть очень внимательным, чтобы не испугать это существо, и сразу продемонстрировать дружелюбие. Малейший оттенок резкости может испортить все дело.

Уловив первое дуновение мысли спичечного человека, Деккер почувствовал ноющую боль в груди. Что-то снова сжалось у него внутри, но ему вряд ли удалось бы передать свои ощущения словами — слишком все было чужое, предельно чужое.

— Мы друзья, — заставил он себя думать, борясь с подступающей чернотой отвращения. — Мы друзья. Мы друзья. Мы...

— Вам не следовало сюда прилетать, — послышалась ответная мысль.

— Мы не причиним вам зла, — думал Деккер. — Мы друзья. Мы не причиним вам зла. Мы...

— Вы никогда не улетите отсюда.

— Мы предлагаем дружбу, — продолжал Деккер. — У нас есть для вас подарки. Мы вам поможем...

— Вам не следовало прилетать сюда, — настойчиво звучала мысль аборигена. — Но раз вы уже здесь, теперь вам не улететь.

— Ладно, хорошо, — Деккер решил не спорить с ним. — Мы останемся и будем друзьями. Будем учить вас. Дадим вам вещи, которые привезли с собой, и останемся здесь с вами.

— Вы никогда не улетите отсюда, — звучало в ответ, и было в этой мысли что-то холодное, окончательное. Деккеру стало не по себе. Абориген действительно верил в то, что говорил. Не путал и не преувеличивал.

Он даже не сомневался, что им не удастся улететь с планеты... — Вы умрете здесь!

— Умрем? — переспросил Деккер. — Как это понимать?

В ответ он почувствовал лишь презрение. Спичечный человечек снял шлем, аккуратно положил, повернулся и вышел. Никто не сдвинулся с места, чтобы остановить его. Деккер бросил свой шлем на стол.

— Джексон, сообщите legionерам из охраны, чтобы его выпустили. Не пытайтесь помешать ему уйти.

Он откинулся в кресле и посмотрел на окружающих его людей.

— Что случилось, сэр? — спросил Уолдрон.

— Он приговорил нас к смерти, — ответил Деккер. — Сказал, что мы не улетим с этой планеты, что мы здесь умрем.

— Сильно сказано.

— И без тени сомнения, — произнес Деккер, потом небрежно махнул рукой. — Видимо, он просто не понимает, что им не под силу остановить нас, если мы захотим улететь. Он убежден, что мы здесь умрем.

В самом деле, забавная ситуация. Выходит из лесу голый гуманоид и угрожает всей земной разведывательной группе. Причем так в себе уверен... Но на лицах, обращенных к Деккеру, не было ни одной улыбки.

— Они ничего не могут нам сделать, — сказал Деккер.

— Тем не менее, — предложил Уолдрон, — следует принять меры.

— Мы объявим готовность номер один и усилим посты, — кивнул Деккер. — До тех пор, пока не удостоверимся...

Он запнулся и умолк. В чем, собственно, они должны удостовериться? В том, что голые аборигены без всяких признаков материальной культуры не смогут уничтожить группу землян, защищенных стальным периметром, машинами, роботами и солдатами, знающими все, что положено знать для немедленного и безжалостного устранения любого противника?

Чертовщина какая-то!

И все же в этих глазах светился разум. Разум и смелость. Он выстоял, не дрогнув, в кругу совершенно

чужих для него существ. Сказал, что должен был сказать, и ушел с достоинством, которому землянин мог бы позавидовать. Очевидно, он догадался, что перед ним существа с другой планеты, поскольку сам сказал, что им не следовало прилетать...

— О чем ты думаешь? — спросил Деккер Уолдрона.

— Раз мы предупреждены, надо вести себя со всеми возможными предосторожностями. Но пугаться нечего. Мы в состоянии справиться с любой опасностью.

— Это блеф, — вступил в разговор Диксон. — Нас хотят испугать, чтобы мы улетели.

— Не думаю, — покачал головой Деккер. — Он был так же уверен в себе, как и мы.

Работа продолжалась. Никто не атаковал. Самолеты вылетали по графику, и постепенно экспедиционные карты заполнялись многочисленными подробностями. Полевые партии делали осторожные вылазки. Роботы и легионеры сопровождали их по флангам, тяжелые машины прокладывали путь, выжигая дорогу в самых недоступных местах. Автоматические метеостанции, разбросанные по окрестностям, регулярно посылали доклады о состоянии погоды для обработки на базе.

Несколько полевых партий вылетели в дальние районы для более детального изучения местности.

По-прежнему не происходило ничего особенного.

Шли дни. Недели. Роботы и машины несли дежурство. Легионеры всегда были наготове. Люди торопились сделать работу и улететь обратно.

Сначала нашли угольный пласт, затем месторождение железной руды. В горах обнаружили радиоактивные материалы. Ботаники выявили двадцать семь видов съедобных фруктов. База кишела животными, пойманными для изучения и со временем ставшими чьими-то любимцами.

Нашли деревню спичечных людей. Маленькая грязная деревенька с примитивными хижинами. Жители казались мирными.

Экспедицию к местным жителям возглавил Деккер.

С оружием наготове, медленно, без громких разговоров люди вошли в деревню. Местные сидели около своих домов и молча наблюдали за людьми, пока те не дошли до самого центра поселения. Там роботы установили стол и поместили на него ментограф. Деккер сел за стол и надел шлем ментографа на голову. Остальные встали в стороне. Деккер ждал.

Прошел час. Аборигены сидели, не шевелясь.

Наконец Деккер снял шлем и устало произнес:

— Ничего не выйдет. Займитесь фотографированием. Только не тревожьте местных и ничего не трогайте.

Он достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. Подошел Уолдрон.

— И что вы обо всем этом думаете?

Деккер покачал головой:

— Меня постоянно преследует одна мысль. Мне кажется, что они уже сказали нам все, что хотели сказать. И больше разговаривать не желают. Странная мысль... Наверное, ерунда.

— Не знаю, — ответил Уолдрон. — Здесь вообще многое не так. Я заметил, что у них совсем нет металла. Кухонная утварь каменная, инструменты — тоже. И все-таки это развитая культура.

— Они, безусловно, развиты, — сказал Деккер. — Посмотри, как они за нами наблюдают. Совершенно без страха. Просто ждут. Спокойны и уверены в себе. И тот, который приходил на базу, он знал, что нужно делать со шлемом...

— Уже поздно. Нам лучше вернуться на базу, — помолчав немного, произнес Уолдрон и взглянул на запястье. — Мои часы остановились. Сколько на ваших?

Деккер поднес руку к глазам, и Уолдрон услышал судорожный удивленный вздох. Деккер медленно поднял голову и посмотрел на Уолдрона.

— Мои... тоже, — голос его был едва слышен.

Какое-то мгновение они сидели неподвижно, напуганные явлением, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать лишь раздражение. Затем Уолдрон вскочил и повернулся лицом к людям.

— Общий сбор! — закричал он. — Возвращаемся! Немедленно!

Земляне сбежались тут же. Роботы выстроились по краям, и колонна быстрым маршем покинула деревню. Аборигены проводили их взглядами, но никто не тронулся с места.

Деккер сидел в своем походном кресле, прислушиваясь к шелесту брезента на ветру. Лампа, висевшая над головой, раскачивалась, тени бегали по павильону, и временами казалось, что это живые существа. Рядом с павильоном неподвижно стоял робот.

Деккер протянул руку и потрогал пальцем маленькую кучку колесиков и пружинок, лежавших на столе.

Все это странно. Странно и зловеще.

На столе лежали детали часов. Не только его и Уолдрона, но и всех остальных участников экспедиции. Ни одни из них не работали.

Наступила ночь, но на базе продолжалась лихорадочная деятельность. Постоянно двигались люди, то исчезая во мраке, то снова появляясь на освещенных участках под ярким светом прожекторов. В сумерках действий людей чувствовалась какая-то обреченность, хотя все они понимали, что им решительно нечего бояться. Во всяком случае, пока не появится нечто конкретное, на что можно указать пальцем и крикнуть: «Вот — опасность!»

Известен лишь простой факт. Все часы остановились. Простой факт, для которого должно быть простое объяснение.

Но только на чужой планете ни одно явление нельзя считать простым и ожидать простого объяснения. Поскольку здесь причины, следствия и вероятность событий могут быть совершенно иными, нежели на Земле.

Есть всего одно правило — избегать риска. Единственное правило, которому надо повиноваться в любой ситуации. И, повинувшись ему, Деккер приказал вернуть все полевые партии и приготовить корабль к взлету. Роботам — быть готовыми к немедленной погрузке оборудования. После этого оставалось только ждать. Ждать, когда вернутся из дальних лагерей полевые партии. Ждать, пока не появится объяснение странному поведению часов.

Панике, конечно, поддаваться не из-за чего, но явление нужно признать, оценить, объяснить. Нельзя же, в самом деле, вернуться на Землю и сказать: «Вы понимаете, наши часы остановились, и поэтому...»

Рядом послышались шаги, и Деккер резко обернулся.

— В чем дело, Джексон?

— Дальние лагеря не отвечают, сэр, — произнес Джексон. — Мы пытались связаться с ними по радио, но не получили ответа.

— Они ответят, обязательно ответят через какое-то время, — сказал Деккер, хотя совсем не чувствовал в себе уверенности, которую пытался передать подчиненному.

На мгновение он ощутил подкативший к горлу комок страха, но быстро с собой справился.

— Сядь. Я прикажу принести пива, а затем мы вместе сходим в радиоцентр и посмотрим, что там происходит, — сказал он и, повернувшись к стоявшему неподалеку роботу, потребовал: — Пива сюда. Два пива.

Робот не отвечал.

Деккер повысил голос, но робот не тронулся с места.

Пытаясь встать, Деккер оперся сжатыми кулаками о стол, но вдруг почувствовал слабость в ногах и упал обратно в кресло.

— Джексон, — выдохнул он. — Пойди постучи его по плечу и скажи, что мы хотим пива.

С побледневшим лицом Джексон подошел к роботу и легонько постучал того по плечу. Потом ударил сильнее, и робот, не сгибаясь, рухнул на землю.

Снова послышались торопливые, приближающиеся шаги. Деккер, вжавшись в кресло, ждал. Оказалось, это Макдональд, главный инженер.

— Корабль, сэр... Наш корабль...

Деккер, глядя в сторону, кивнул:

— Я уже знаю, Макдональд. Корабль не взлетит.

— Крупные механизмы в порядке, сэр. Но вся точная аппаратура... инжекторы... — Он внезапно замолчал и пристально посмотрел на Деккера. — Вы знали, сэр? Как? Откуда?

— Я знал, что когда-нибудь это случится. Может быть, не так, как сейчас, но этого следовало ожидать. Рано или поздно мы должны были споткнуться. Я говорил гордые и громкие слова, но все время знал, что

настанет день, когда мы чего-то не предусмотрим, какой-то мелочи, и она нас прикончит...

Аборигены... У них совсем не было металла. Каменные инструменты, утварь... Металла здесь хватало, огромные залежи руды в горах на западе. И возможно, много веков назад они пытались делать металлические орудия труда или оружие, но спустя считанные недели все это рассыпалось в прах.

Цивилизация без металла. Культура без металла. Немыслимо. Отбери у человека металл, и он не сможет оторваться от Земли, он вернется в пещеры. У него ничего не останется, кроме его собственных рук...

В павильон тихо вошел Уолдрон.

— Радио не работает. И роботы мрут как мухи. Они валяются бесполезными кучами металла уже по всей базе.

— Сначала портятся точные приборы, — кивнул Деккер. — Часы, радиоаппаратура, роботы. Потом сломаются генераторы, и мы останемся без света и электроэнергии. Потом наши машины, оружие легионеров. Потом все остальное.

— Нас предупреждали, — сказал Уолдрон.

— А мы не поняли. Мы думали, что нам угрожают. Нам казалось, мы слишком сильны, чтобы бояться угроз... А нас просто предупреждали...

Все замолчали.

— Из-за чего это произошло? — спросил наконец Деккер.

— Точно никто не знает, — тихо ответил Уолдрон. — По крайней мере пока. Позже мы, очевидно, узнаем, но нам это уже не поможет... Какой-то микроорганизм пожирает железо, которое подвергали термообработке или сплавляли с другими металлами. Окисленное железо в руде он не берет. Иначе залежи, которые мы обнаружили, исчезли бы давным-давно.

— Если это так, — откликнулся Деккер, — то мы привезли сюда первый чистый металл за долгие-долгие годы. Как этот микроб выжил?

— Не знаю. А может, я ошибаюсь, и это вовсе не микроб. Что-нибудь другое. Воздух, например.

— Мы проверяли атмосферу... — Деккер тут же понял, как глупо это прозвучало. Да, атмосферу анализировали, но как они могли обнаружить что-то такое, чего никогда раньше не встречали? Опыт человеческий

ограничен. Человек бережет себя от опасностей известных или представимых, но нельзя предсказать непредсказуемое.

Деккер поднялся и увидел, что Джексон все еще стоит около неподвижного робота.

— Вот и ответ на твой вопрос, — сказал он. — Помнишь первый день на этой планете? Наш разговор?

— Я помню, сэр, — кивнул Джексон.

Деккер вдруг осознал, как тихо стало на базе.

Лишь налетевший ветер тормозил брезентовые стены павильона.

И только сейчас Деккер впервые почувствовал запах ветра этого чужого мира.

ПОДАРОК

Он нашел эту вещь на ежевичной поляне, когда искал коров. Среди высоких тополевых стволов спустились сумерки, и он не мог разглядеть хорошенько, что это такое, да ему некогда было рассматривать, так как дядя Эб очень сердился, что две телки пропали; и если он не поторопится найти их, то дядя Эб опять возьмет ремень и накажет его. А ему и так придется остаться без ужина, потому что он забыл сходить к роднику за водой; и тетя Эм ворчала на него весь день за то, что он не наловчился полоть огород.

— Я никогда в жизни не видывала такого никчемного мальчишки, — визгливо начинала она и повторяла, что уж если они с дядей Эбом взяли его из приюта, то она вправе ожидать от него благодарности. Но никакой благодарности он не чувствует, а зато причиняет столько неприятностей, сколько может, и он лентяй, и она откровенно заявляет, что не знает, что из него получится.

Он нашел телок в дальнем углу пастбища, у рощи, и погнал их домой. Он брел позади них, снова думая о том, чтобы убежать, но знал, что не убежит, — некуда. «Правда, — говорил он себе, — в любом другом месте ему будет лучше, чем у тети Эм и дяди Эба, которые

совсем не были ему родственниками — просто люди, на которых он работал».

Дядя Эб только кончил доить, когда он вошел в сарай, гоня обеих телок; и, конечно, сердился на него за то, что телки не пришли вместе с остальными коровами.

— Ну вот что, — сказал дядя Эб, — ты, наверное, решил, что я должен доить и за себя, и за тебя, и все потому, что ты не считал коров, как я тебе велел, и не видел, все ли на месте. Я тебя проучу: садись и дои этих телок.

И Джонни взял треногую табуретку и ведро и стал доить телок: а телок доить трудно, и одна из них, рыжая, брыкнула и ударила Джонни в живот, а все молоко вылилось из ведра.

Дядя Эб, видя это, снял ремень, висевший за дверью, и хлестнул Джонни несколько раз, чтобы научить его быть поосторожнее и показать ему, что молоко стоит денег; и на этом дойка закончилась.

Они пошли домой, и дядя Эб всю дорогу ворчал насчет мальчишек, от которых больше хлопот, чем пользы. А тетя Эм встретила их на пороге и сказала, чтобы Джонни вымыл ноги перед тем, как ложиться спать: она вовсе не хочет, чтобы он пачкал ее красивые, чистые простыни.

— Тетя Эм, — сказал он, — я ужасно хочу есть.

— Неужто? — возразила она, поджимая губы. — Если бы ты немножко проголодался, то не стал бы забывать всего на свете.

— Только кусочек хлеба, — попросил Джонни. — Без масла, безо всего. Просто кусочек хлеба.

— Молодой человек, — сказал дядя Эб, — ты слышал, что сказала твоя тетя? Вымой ноги, и марш ложиться.

— И смотри, вымой хорошенько, — прибавила тетя Эм.

Он вымыл ноги и лег. Уже в постели он вспомнил о том, что видел на ежевичной поляне, и вспомнил также, что не сказал об этом ни слова, так как дядя Эб и тетя Эм все время бранились и не дали ему случая рассказать.

И он тут же решил, что не скажет им ничего, не то они отнимут это у него, как всегда. А если не отнимут,

то испортят так, что ему станет совсем не интересно и не приятно.

Единственное, что принадлежало ему по-настоящему, был старый перочинный ножик с обломанным лезвием. Ножик нужно было бы заменить новым, но он знал, что не должен просить об этом. Однажды он попросил, и дядя Эб и тетя Эм целыми днями потом твердили ему, что он неблагодарное существо, что они взяли его с улицы, а ему этого мало, и он еще хочет швырять деньги на перочинные ножи. Джонни очень удивился, услышав, что они взяли его с улицы, так как, насколько он помнил, он никогда не бывал ни на какой улице — никогда.

Лежа в постели, глядя в окно на звезды, он задумался о том, что видел на ежевичной поляне, и не мог вспомнить об этом ясно, так как не успел рассмотреть. Но в этой находке было что-то странное, и чем больше он думал, тем больше ему хотелось побежать на ту поляну.

«Завтра, как только мне удастся, — подумал он, — я разгляжу». Потом он понял, что завтра ему не вырваться, потому что тетя Эм с утра заберет его полоть огород и не будет спускать с него глаз, так что ускользнуть он не сможет.

Он лежал и думал об этом, и ему стало ясно как день, что если он хочет посмотреть, то должен пойти туда сейчас, ночью. По храпу он понял, что дядя Эб и тетя Эм уснули; тогда он выскользнул из постели, поскорее надел рубашку и штаны и осторожно прокрался по лестнице вниз, стараясь не попадать на самые скрипучие ступеньки. В кухне он взобрался на стул, чтобы дотянуться до ящика со спичками на верхушке печи. Он захватил пригоршню спичек, но, подумав, вернул все, кроме полдюжины, так как боялся, что тетя Эм заметит, если он возьмет слишком много.

Он вышел. Трава была холодная, мокрая от росы, и он закатал штаны повыше, чтобы не вымочить их внизу, и тогда пустился через пастбище.

В роще были страшные колдовские места, но он не очень боялся, хотя нельзя идти ночью по лесу и не бояться вовсе.

Наконец он достиг ежевичной поляны и остановился, размышляя, как перебраться через нее в темноте, не изорвав одежды и не исколов себе босых ног. И он

задумался над тем, здесь ли еще это что-то, и тотчас же узнал, что оно здесь, ибо почувствовал идущую от него дружественность, словно оно говорило, что оно здесь и что его не нужно бояться.

Он был слегка встревожен, так как не привык к дружескому отношению. Его единственным другом был Бенни Смит, его сверстник, и он встречался с Бенни только в школе, да и то не всегда, потому что Бенни часто болел и целыми неделями оставался дома; а так как Бенни жил на другом конце школьного округа, то на каникулах они совсем не виделись.

Тем временем глаза Джонни привыкли к темноте на ежевичной поляне, и ему показалось, что он различает темные очертания чего-то, лежащего здесь; и он пытался понять, каким образом может ощущать дружественность, так как был уверен, что это только предмет, вроде фургона или силосорезки, а совсем не что-нибудь живое. Если бы он подумал, что оно живое, то испугался бы по-настоящему.

Оно продолжало давать ему ощущение дружественности.

Он протянул руки и начал раздвигать кусты, чтобы пробраться поближе и рассмотреть. «Если удастся подойти ближе, — подумал он, — то он сможет зажечь спичку и посмотреть яснее».

— Стой, — сказала дружественность, и он остановился, хотя совсем не знал, слышал ли это слово. — Не смотри на нас и не подходи слишком близко, — сказала дружественность, и Джонни тихонько зашептал в ответ; он совсем не смотрел.

— Хорошо, — сказал он, — я не буду смотреть. — И подумал, что это, наверно, такая игра, как в прятки у них в школе.

— Когда мы подружимся совсем, тогда сможем смотреть друг на друга, и все будет хорошо, потому что мы будем знать, какие мы внутри, а какие мы снаружи — это не будет важно.

И Джонни подумал, что они должны быть очень страшными, если не хотят, чтобы он видел их; и они ответили:

— Мы покажемся страшными тебе, ты покажешься страшным нам.

— Тогда, может быть, — сказал Джонни, — это и хорошо, что я не вижу в темноте.

— Ты не видишь в темноте? — спросили они, и Джонни сказал, что не видит, и наступило молчание, хотя Джонни слышал, как они удивляются тому, что он не умеет видеть в темноте. Потом они спросили, что он умеет делать, но он так и не смог понять их, и в конце концов они, должно быть, подумали, что он не умеет делать ничего. — Ты боишься, — сказали они ему. — Нас не надо бояться.

И Джонни объяснил, что не боится их, какими бы они ни были, ведь они отнеслись к нему дружески; но он боится того, что станет, если дядя Эб и тетя Эм узнают, что он украдкой ушел из дома. Тогда они стали расспрашивать его о дяде Эбе и тете Эм, и Джонни попытался объяснить, но они не понимали и, кажется, думали, что он говорит о правительстве, — было ясно, что они не понимают его. Наконец очень вежливо, чтобы они не обиделись, мальчик объявил, что ему пора уйти.

Так как он пробыл здесь гораздо больше, чем собирался, Джонни пришлось бежать всю дорогу домой. Вернувшись, он благополучно юркнул в постель, и все было хорошо. Но утром тетя Эм нашла спички у него в кармане и прочла ему нотацию об опасности сжечь амбар. Дабы подчеркнуть свои слова, она стегала его розгой по ногам, да так сильно, что он подпрыгивал и кричал, как ни старался стерпеть.

Весь день он работал на прополке огорода, а перед самыми сумерками пошел загонять коров.

Ему не пришлось делать крик, чтобы попасть к ежевичной поляне, — коровы были именно в той стороне, но он, если бы они пошли в другую сторону, все равно завернул бы сюда, ибо целый день вспоминал о дружественности, которую ощутил там.

На этот раз было еще светло, сумерки только начинались, и он увидел, что его находка была вовсе не живая, а походила на глыбу металла, вроде двух сложенных вместе тарелок, с острым пояском вокруг, совершенно как у тарелок, сложенных вместе доньшками наружу. И этот металл казался старым, словно лежал здесь уже давно, и был весь в ямках, как часть машины, долго пролежавшая под открытым небом.

Станный предмет проложил себе довольно длинную дорогу сквозь чащу ежевики и врезался в землю,

пропахав метров двадцать, и, проследив его путь, Джонни увидел, что обломана верхушка высокого тополя.

Они заговорили опять, как и тогда, ночью, дружелюбно и по-товарищески, хотя Джонни не понял бы этого последнего слова, никогда не встречавшегося ему в учебниках.

Разговор начался так:

— Теперь ты можешь взглянуть на нас, но немного. Не смотри пристально. Взгляни и отвернись. Постепенно ты привыкнешь к нам.

— Где вы? — спросил Джонни.

— Вот здесь, — ответили они.

— Там, внутри? — спросил Джонни.

— Здесь, внутри, — ответили они.

— Тогда я не могу вас увидеть, — сказал Джонни. — Я не могу видеть сквозь металл.

— Он не может видеть сквозь металл, — сказал один из них.

— Не может видеть, когда звезда зашла, — сказал другой.

— Значит, он не может увидеть нас, — сказали оба.

— Вы можете выйти, — предложил Джонни.

— Не можем, — ответили они. — Мы уйдем, если выйдем.

— Значит, я не могу даже увидеть вас?

— Ты не можешь даже увидеть нас, Джонни.

И он почувствовал себя страшно одиноким, потому что никогда не увидит этих своих друзей.

— Мы не поняли, кто ты такой, — сказали они. — Расскажи нам о себе.

И потому что они были такие ласковые и дружелюбные, он рассказал им, кто он; и как он был сиротой, и как его взяли дядя Эб и тетя Эм, которые совсем не были ему родными. Он не говорил о том, как дядя Эб и тетя Эм плохо обращаются с ним, как бьют его, бранят и отсылают спать без ужина. Его друзья поняли это так же, как и то, что он говорил им, и теперь они посылали ему больше чем дружеское, товарищеское чувство. Теперь это было сострадание и нечто, означавшее у них материнскую любовь.

— Это еще ребенок, — сказали они друг другу.

И они словно вышли к нему, обняли и крепко прижали к себе. Джонни упал на колени, сам того не замечая, и протягивал руки к тому, что лежало среди

поломанных кустов, и звал их, словно это было чем-то, что он мог схватить и удержать, — утешением, которого он никогда не видел, которого жаждал и которое нашел наконец. Его сердце кричало и молило о том, что он не мог высказать словами. И они ответили ему:

— Нет, Джонни, мы не покинем тебя. Мы не можем тебя покинуть, Джонни.

— Вы обещаете? — спросил Джонни.

— Нам незачем обещать, Джонни. Наши машины сломаны, и мы не можем их исправить. Один из нас умирает, другой скоро умрет. — Джонни стоял на коленях, и слова медленно доходили до его сознания. Он начинал понимать сказанное, и это было больше чем он мог вынести: найти двоих друзей, когда они близки к смерти.

— Джонни, — сказали они ему.

— Да, — отозвался Джонни, стараясь не плакать.

— Хочешь поменяться с нами?

— Поменяться?

— Скрепить нашу дружбу. Ты дашь нам что-нибудь, и мы дадим тебе что-нибудь.

— Но, — начал Джонни, — у меня ничего нет...

Но тут он вспомнил: у него есть ножик — неважный ножик со сломанным лезвием, но больше у него ничего не было.

— Прекрасно, — сказали они. — Это как раз то, что нужно. Положи его на землю, поближе к машине.

Он достал ножик из кармана и положил у самой машины. И тогда что-то произошло, так быстро, что он не успел увидеть, — но как бы то ни было, ножик исчез, а вместо него лежало что-то другое.

— Спасибо, Джонни, — сказали они. — Хорошо, что ты поменялся с нами.

Он протянул руку и взял то, что они дали ему, и даже в темноте оно загорелось скрытым огнем. Он пошевелил его на ладони и увидел, что это что-то вроде многогранного кристалла и что сияние идет изнутри, а грани сверкают множеством разноцветных бликов.

Только теперь, увидев, как ярко светится этот кристалл, он понял, как долго пробыл здесь. Поняв это, он вскочил и побежал, не успев даже попрощаться.

Было уже слишком темно, чтобы искать коров, и он надеялся, что они пошли домой сами и что он сможет догнать их и прийти вместе с ними. Он скажет дяде Эбу,

что две телки ушли за ограду и ему пришлось искать их и загонять обратно. Он скажет дяде Эбу... он скажет... он скажет...

Дыхание у него прерывалось, и сердце билось так, что он весь вздрагивал, и страх вцепился ему в плечи — страх перед своим ужасным проступком, перед этим последним непростительным проступком после всех прочих, после того как он не пошел к ручью за водой, после двух телок, упущенных вчера вечером, после спичек в кармане.

Он не нагнал коров, идущих домой без него, а нашел их в коровнике, увидев, что они уже выдоены, и понял, что пробыл на поляне слишком долго и что ему будет гораздо хуже, чем он думал.

Он направился к дому, весь дрожа от страха. В кухне был свет, дядя и тетя ждали его. Он вошел в кухню — они сидели у стола, глядя на него, ожидая его, и лица у них в свете лампы были суровыми и жесткими, как могильные плиты.

Дядя Эб встал — огромный, почти до потолка, и видно было, как мускулы вздуваются у него на руках, на которых рукава засучены по локоть.

Он потянулся к Джонни. Тот хотел увернуться, но руки сомкнулись у него на затылке, обхватили шею, подняли и затрясли.

— Я тебя научу, — говорил дядя Эб свирепо сквозь стиснутые зубы. — Я тебя научу... Я тебя научу...

Что-то упало на пол и покатилося в угол, оставляя за собой огненный след.

Дядя Эб перестал трясти его, подержал в воздухе, потом бросил на пол.

— Это выпало у тебя из кармана, — сказал он. — Что это такое?

Джонни отшатнулся, покачивая головой.

Он не скажет им, что это такое. Не скажет никогда. Пусть дядя Эб делает с ним что угодно, но он не скажет. Пусть даже они убьют его.

Дядя Эб шагнул к кристаллу, наклонился и поднял его. Он вернулся к столу, положил на него кристалл и наклонился, разглядывая его разноцветные сверкания.

Тетя Эм подалась вперед на стуле, чтобы тоже взглянуть.

— Что это? — произнесла она.

Они склонились над кристаллом, пристально разглядывая его. Глаза у них блеснули и светились, тела напряглись, дыхание стало шумным и хриплым. Случись сейчас светопреставление, они не заметили бы его.

Потом они выпрямились и обернулись к Джонни, не замечая кристалла, словно он больше не интересовал их, словно у него была своя задача, которую он выполнил и больше не был нужен. В них было что-то странное, нет, не странное — необычное.

— Ты, наверное, голоден, — обратилась к Джонни тетя Эм. — Я приготовлю тебе поужинать. Хочешь яичницы?

Джонни проглотил слюну и кивнул.

Дядя Эб снова сел, не обращая на кристалл никакого внимания.

— Знаешь, — сказал он, — я видел как-то в городе перочинный ножик, как раз такой, какой тебе нужен.

Джонни почти не слышал его. Он стоял, замерев, и прислушивался к потоку любви и нежности, заливавшему весь дом.

ЭВОЛЮЦИЯ НАОБОРОТ

Старший негодант приберег в грузовом отсеке местечко специально для корней баабу, обещающих лучшую прибыль — унция золота за унцию корней, — чем все другие товары, какие удалось набрать на доброй дюжине планет, где корабль совершал посадку.

Однако деревушки гутлей, обитателей планеты Зан, поразила какая-то напасть. Корней баабу, собранных загодя в ожидании корабля, не было и в помине. Старший негодант метался по трапу вверх и вниз, накликаая на головы гутлей страшные проклятья, позаимствованные из двух десятков языков и культур.

В своей каморке на носу, всего на ярус ниже поста управления и капитанской каюты, закрепленный за кораблем координатор Стив Шелдон прокручивал ролик за роликом записи, относящиеся к данной планете, и в который раз вчитывался в библию своего ремесла — «Путеводитель по разумным расам» Деннисона. Шелдон искал скрытый ключ к разгадке, насиловал свою перегруженную память в надежде выкопать хоть какой-нибудь фактик, который мог бы иметь отношение к делу.

Тщетно — фактик не находился, записи не помогали.

Retrograde Evolution, 1954

© 1994 О Битов, перевод на русский язык

Зан относился к числу планет, не замеченных в эпоху первой волны космических открытий, — фактически его обнаружили всего-то пять веков назад. С тех пор торговые корабли совершали сюда регулярные рейсы ради корней баабу. В должном порядке торговцы сообщили о планете в ведомство внеземных культур. Однако ведомство, заваленное более важными делами, чем обследование захолустных планеток, сдало сообщение в архив и, разумеется, начисто забыло об этом.

Вот почему никто никогда не проводил на планете Зан серьезных исследований и ролики записей не сохранили почти ничего, кроме копий контрактов, заявок, лицензий и сотен счетов, накопившихся за пять столетий торговли. Правда, тут и там были вкраплены письма и другие сообщения со сведениями о гутлях или о самой планете, но цена им была невысока: ведь все это писали не квалифицированные наблюдатели, а безграмотные торговцы — попрыгунчики космоса.

Впрочем, Шелдон нашел и одну высокоученую диссертацию о корнях баабу. Из нее он узнал, что баабу растет только на планете Зан и ценится как единственное известное лекарство от некоей болезни, распространенной в одном из секторов Галактики. Поначалу баабу были дикорастущими и гутли собирали их на продажу, но в недавние времена, как уверял автор, были предприняты попытки окультурить полезное растение и сбор диких баабу пошел на убыль.

Шелдон не смог бы выговорить ни точное химическое наименование лекарства, ни название болезни, от которой оно исцеляет, но эту трудность он преодолел пожатием плеч: в данных обстоятельствах она значения не имела.

Справочник Деннисона посвящал планете Зан полтора десятка строк, и они не сообщили Шелдону ничего такого, чего бы он и так не знал. Гутли были до известной степени гуманоидами и принадлежали к культурному классу 10, с вариациями от 10-А до 10-К; они отличались миролюбием и вели пасторальное существование; всего было известно тридцать семь племенных деревень, причем одна деревня обладала по отношению к остальным тридцати шести диктаторскими полномочиями, хоть и в достаточно мягкой форме. Существовало, что руководящее положение периодически переходило от деревни к деревне, видимо, в соответствии с какой-

то ненасильственной ротационной системой, отвечающей дикарским представлениям о политике. По натуре гутли были существами кроткими и не прибегали к войне.

Вот и все сведения, какие предлагал справочник. Оттолкнуться было практически не от чего.

Но коль на то пошло, утешал себя Шелдон, координатор в принципе почти обречен на безделье, пока корабль не угодит в какую-нибудь передрагу. Настоящая нужда в координаторе возникает лишь тогда, когда все, не исключая его самого, окажутся в глубокой луже. Найти путь из лужи — именно в том и состоит его работа. И вспоминают о нем, только если не остается другого выхода. Конечно, в обязанности координатора входит держать торговцев в узде, следить, чтоб они не надували тех, с кем ведут дела, сверх разумных пределов, не нарушали туземных табу, не надругались над инопланетной этикой, соблюдали кое-какие ограничения и придерживались минимальных формальностей, — но это простая повседневная рутина, не более того.

И вот после долгого спокойного полета — чрезвычайное происшествие: на планете Зан не оказалось корней баабу, и Дэн Харт, капитан звездолета «Эмма», гневается, скандалит и ищет козла отпущения, хоть и без особого успеха.

Шелдон загодя услышал, как капитан грохочет по лесенке, приближаясь к каморке координатора. Судя по интенсивности грохота, настроение у Харта было хуже некуда. Шелдон отодвинул ролики на край стола и постарался привести себя в состояние безмятежного равновесия — иначе беседовать с капитаном было попросту невыносимо.

— Добрый день, капитан Харт, — произнес Шелдон, как только пышущий гневом визитер переступил порог.

— Добрый день, координатор, — отозвался Харт, хотя очевидно было, что вежливость стоит ему больших усилий.

— Я просмотрел все имеющиеся материалы, — сообщил Шелдон. — К сожалению, зацепиться практически не за что.

— Значит, — смекнул Харт, и владеющая им ярость чуть не вырвалась из-под контроля, — вы не имеете понятия, что тут происходит?

— Ни малейшего, — весело подтвердил Шелдон.

— Хотелось бы слышать другой ответ, — заявил Харт. — Хотелось бы получить от вас совершенно другой ответ, мистер координатор. Настал момент, когда вам придется отработать свое жалованье. Я таскаю вас с собой годами и плачу вам жирную твердую ставку не потому, что мне так нравится, а потому, что меня к этому принуждают. И все эти годы вам было нечего или почти нечего делать. Теперь у вас есть дело. Теперь наконец-то оно у вас появилось. Наконец-то вам выпал случай отработать свое жалованье. Я мирился с вашим присутствием, хоть вы держали меня за глотку, а то и подставляли мне ножку. Я сдерживал свой язык и темперамент, несмотря ни на что. Но теперь у вас есть дело, и уж я прослежу за тем, чтобы вы от него не отлынивали. — Он вытянул шею вперед, как черепаха, злобно выглянувшая из панциря. — Вам понятно, что я хочу сказать, мистер координатор?

— Понятно, — ответил Шелдон.

— Вы займетесь этой проблемой всерьез. И приступите к делу немедленно.

— Уже приступил.

— Как же! — саркастически заметил капитан Харт.

— Я установил, что в письменных источниках нет ничего полезного.

— И что вы теперь намерены предпринять?

— Наблюдать и думать.

— Наблюдать и думать! — взвизгнул Харт, потрясенный до глубины души.

— Появились догадки, которые подлежат проверке. Рано или поздно мы докопаемся, в чем тут загвоздка.

— И сколько это займет? Сколько времени продлится ваше копание?

— Пока не могу сказать.

— Стало быть, не можете. Должен напомнить вам, мистер координатор, что в космической торговле время — деньги.

— Вы опережаете график, — спокойно возразил Шелдон. — Вы стояли на своем в течение всего рейса. Вечно торопились, вели торговлю бесцеремонно, почти до грубости, вопреки правилам, установленным для общения с внеземными культурами. Я был вынужден раз за разом настойчиво напоминать вам о важности этих правил. Был даже случай, когда я спустил вам

заведомое убийство. Вы толкали экипаж на нарушения общепринятых норм организации труда. Вы вели себя так, будто сам дьявол наступает вам на пятки. Экипаж нуждается в отдыхе, и сколько бы дней мы ни потратили на распутывание здешней загадки, они пойдут ему на пользу. Да и вас задержка тоже не убьет.

Харт стерпел все эти выпады, поскольку так и не уразумел, какой силы нажим допустит человек, невозмутимо сидящий за столом. Но пришлось изменить тактику.

— У меня контракт на корни баабу, — проговорил он, — и лицензия на данный торговый маршрут. Могу вам признаться, что я делал ставку на эти корни. Если вы не вытрясете их из туземцев, я подам в суд...

— Не дурите, — перебил Шелдон.

— Но пять лет назад, когда мы в последний раз прилетали сюда, все было в порядке! Никакая культура не может развалиться ко всем чертям за такое короткое время!

— Судя по наблюдениям, это явление более сложное, чем культура, развалившаяся ко всем чертям, — произнес Шелдон. — У них была определенная схема, они действовали по плану вполне сознательно. Деревня класса 10 стоит как стояла, в полутора-двух милях отсюда к востоку. Стоит покинутая, дома аккуратно закрыты и заколочены. Все прибрано, все опрятно, будто жители ушли ненадолго и намерены вернуться в недалеком будущем. А в двух милях от деревни класса 10 появилась другая деревушка с населением, живущим примерно по классу 14.

— Бред какой-то! — воскликнул Харт. — Как может целый народ утратить сразу четыре культурных градаций? Да если даже так, какого лешего им было переселяться из домов 10-го класса в тростниковые хижины? Даже варвары, когда завоевывали культурный город, вселялись во дворцы и храмы и о тростниковых хижинах не горевали...

— Не знаю, в чем тут дело. Моя обязанность в том и состоит, чтоб узнать.

— И главное, как исправить положение?

— Тоже пока не знаю. И не исключаю, что на то, чтоб исправить положение, уйдут столетия.

— Что ставит меня в тупик, это их молешня. И парник позади нее. А в парнике растет баабу!

— Откуда вам известно, что баабу? — резко спросил Шелдон. — Вы же до сих пор не видели растений, только корни!

— Несколько лет назад один из туземцев показал мне посевы. Никогда не забуду — посевы занимали много акров. Это же целое состояние — а я не мог вырвать ни корешка! Они заявили, что надо потерпеть, пока корни не подрастут.

— Я уже приказал ребятам, — объявил Шелдон, — держаться от молельни подальше, а сейчас повторяю это вам, Харт. Запрет относится и к парнику. Если я поймаю кого-нибудь, кто попытается добыть из парника корни баабу или что-то другое, что там растет, виновный не рассчитается до конца дней своих!..

Вскоре после того как Харт отбыл несолоно хлебавши, по трапу вскарабкался старшина гутлей, деревенский вождь, и пожелал видеть координатора.

Вождь был немыв и с головы до ног облеплен паразитами. О стульях он не имел понятия и расположился на полу. Шелдон поднялся с кресла и сел на корточки лицом к гостю, но в тот же миг заерзал и отодвинулся на шаг-другой: от вождя воняло.

Наречие гутлей Шелдон вспоминал не без труда — ему не доводилось пользоваться этой тарабарщиной с самой студенческой скамьи. И даже подумалось, что на всем корабле не сыщется человека, не способного объяснить с гутлями лучше, чем координатор: любой из членов экипажа бывал на планете Зан и раньше, а его занесло сюда в первый раз.

— Вождю добро пожаловать, — вымолвил Шелдон.

— Окажи услугу, — попросил вождь.

— Конечно, окажу.

— Похабные истории, — уточнил вождь. — Ты знаешь похабные истории?

— Знаю парочку. Боюсь только, что они не слишком хороши.

— Расскажи, — потребовал вождь, деловито почесываясь одной рукой. Второй рукой он не менее деловито выковыривал грязь, застрявшую между пальцами ног.

Шелдон рассказал ему про женщину и двенадцать мужчин, очутившихся на одном астероиде.

— Ну и что? — спросил вождь.

Тогда Шелдон рассказал ему другую историю, попроще, а главное — неприкрыто похабную.

— Эта хорошая, — одобрил вождь, но смеяться и не подумал. — Знаешь еще?

— Нет, других не знаю, — отмахнулся Шелдон: продолжать вроде бы не имело смысла. Но потом он рассудил, что с инопланетянами надо поладить любой ценой, тем более, что это его прямая обязанность, и предложил: — Теперь расскажи ты.

— Я не умею, — признался вождь. — Может, расскажет кто другой?

— Сальный Феррис, — сообразил Шелдон. — Он корабельный кок и знает такие истории, что у тебя волосы дыбом встанут.

— Тем лучше, — заявил вождь и поднялся с пола. Дошел до двери и вдруг обернулся: — Вспомнишь еще похабную историю — не забудь рассказать!

И Шелдон смекнул без особых усилий, что вождь относится к этим историям вполне всерьез.

Вернувшись за стол, Шелдон какое-то время слушал, как вождь тихо топчет по трапу. Заверещал коммуникатор. Это оказался Харт.

— Первый катер-разведчик на борту, — сообщил он. — Облетел пять других деревень, и всюду то же самое. Гутли покинули прежние жилища и поселились в грязных хижинах на небольшом отдалении. И в каждом из тростниковых поселений — своя молельня и свой парник.

— Дайте мне знать, когда появятся остальные разведчики, — сказал Шелдон, — хоть и не думаю, что есть надежда на что-то новенькое. Вероятно, сообщения будут неотличимы одно от другого.

— Еще одна новость, — продолжил Харт. — Вождь просил нас пожаловать вечером в деревню на посиделки. Я заверил его, что мы придем.

— Это уже достижение, — отозвался Шелдон. — Несколько первых дней они нас просто не замечали. Или не замечали, или удирали при нашем приближении во все лопатки.

— Появились у вас свежие идеи, мистер координатор?

— Одна есть. Или даже две.

— И что вы намерены предпринять?

— Пока ничего, — объявил Шелдон. — Времени у нас много.

Отключив коробку-верешалку, он откинулся на спинку кресла. Свежие идеи? Одна, пожалуй, есть. Хотя не слишком богатая. Что, если это обряд очищения? Или местный эквивалент возвращения к природе? Нет, не вытанцовывается. Поскольку культура класса 10 и не уводила гутлей от природы на расстояние, достаточное, чтобы заронить в них потребность вернуться к ней.

Что такое класс 10? Жизнь, разумеется, очень простая, но довольно комфортабельная. Еще не преддверие века машин, но до него остается совсем чуть-чуть. Своеобразный золотой век варварства. Добротные, прочные поселения с несложным, но крепким хозяйством и нехитрой торговлей. Ненасильственная диктатура и пасторальное существование. Никакого переизбытка законов, мешающих людям. Слабенькая религия с минимумом табу. Вся планета — одна большая счастливая семья без резких классовых различий.

И тем не менее они отказались от своей идиллической жизни.

Психоз? Да, конечно, похоже на то.

В нынешнем своем состоянии гутли еле сводят концы с концами. Их словарь обеднел. «Черт возьми, — сказал себе Шелдон, — ведь даже я сегодня владею языком лучше, чем вождь».

Средства к существованию у нынешних гутлей едва достаточны для того, чтобы не умереть голодной смертью. Они охотятся и рыбачат, собирают дикорастущие фрукты и корешки, но при этом у них постоянно урчит в животе от голода, — а между тем вокруг покинутых деревень лежат поля под парами, пустуют в ожидании мотыги и плуга, в ожидании семян, и по всем признакам эти поля были в обороте еще год-два назад. Вне сомнения, на полях выращивали не только овощи, но и баабу. А сегодня гутли не имеют понятия ни о плугах, ни о мотыгах, ни о семенах. Их хижины слеplены кое-как и тонут в грязи. У них сохранились семьи, но моральные установления таковы, что вызывают тошноту. Оружие — каменное, и только каменное, а о сельскохозяйственных орудиях никто и не слыхивал.

Культурный регресс? Нет, не так просто. Можно допустить культурный регресс, но как объяснить парадокс? Гутли отступили в деревушки класса 14, но в

центре каждой деревушки — моельня, позади моельни — парник, а в парнике — баабу. Парники возведены из стекла, а больше нигде в деревушке класса 14 стеклами и не пахнет. Ни одно существо класса 14 не сумело бы возвести такой парник, да и моельню, коль на то пошло. Потому что моельня — отнюдь не хижина, а здание из обработанного камня и отесанных бревен, и двери заперты каким-то хитроумным способом, который еще не удалось раскусить. Впрочем, с дверями никто особенно не возился. На чужих планетах гостям, мягко говоря, не рекомендуется соваться в моельню без спроса.

«Готов поклясться, — сказал Шелдон, беседуя вслух с самим собой, — что моельню строили не дикари, снующие вокруг нее сегодня. Если я не совсем зарапортовался, ее построили до начала регресса. И парник тоже построили загодя».

Что мы делаем на Земле, когда уезжаем в отпуск, а у нас дома есть цветы или растения в горшках и мы не хотим погубить их? Мы относим горшки к соседям или друзьям или договариваемся с кем-нибудь, чтобы к нам периодически навещались и поливали наши цветочки.

А если мы решили уйти в отпуск из культуры класса 10 в класс 14 и у нас есть растения баабу, которые мы непременно хотим сохранить как семенной фонд, как мы поступим тогда? Баабу нельзя отнести к соседям, потому что и соседи, в свою очередь, уходят в отпуск. Лучшее, что нам остается, — возвести парник и оснастить его массой автоматических устройств, которые позаботятся о растениях, пока мы не вернемся и не станем вновь заботиться о них сами.

Но это значит, это почти неоспоримо доказывает, что регресс не был случайным.

Перед посиделками экипаж навел на себя красоту, напялил чистое платье, помылся и побрился. Сальный вытащил свою гармонику и ради тренировки наиграл мелодию-другую. Банда предполагаемых хористов из машинного отделения решила поупражняться, как петь более или менее слаженно, — получился кошачий концерт, пронзающий корабль от носа до кормы. Капитан Харт поймал одного из мотористов с бутылкой, каким-

то образом пронесенной на борт. Одним хорошо поставленным ударом капитан сломал ослушнику челюсть — способ поддержания дисциплины, который Шелдон в беседах с Хартом оценивал как необязательный.

Сам координатор надел полупарадную форму. Может, и глуповато было вырядаться ради каких-то дикарей, но он утешал себя тем, что по крайней мере не приходится надевать парадный мундир со всеми регалиями. Он уже натягивал куртку, когда послышались шаги Харта: капитан вновь спускался из своих апартаментов в каморку координатора.

— Все остальные разведчики на борту, — объявил Харт с порога.

— Ну и что?

— Повсюду одно и то же. Все племена до единого перебрались из прежних деревень в лачуги вокруг молелен и парников, построенных гораздо более изобретательно. А сами жители по уши в грязи и почтидохнут с голоду, в точности как ближайшие наши соседи.

— Так я и подозревал, — обронил Шелдон. Харт глянул на него искоса, словно прикидывая, как бы половчее накинуть на хвостуна петлю. — Это же логично, — добавил Шелдон. — Уверен, вы и сами считаете именно так. Если одно племя по каким-то причинам вернулось к дикости, надо полагать, что так же поступили и остальные.

— Но почему, мистер координатор? По каким именно причинам? Вот что мне надо знать.

Шелдон спокойно произнес:

— Я намерен это выяснить.

А про себя подумал: капитан прав, тут были какие-то причины. Если все они одновременно вернулись к дикости, то ради определенной цели, следуя какому-то плану. И чтобы разработать подобный план и согласовать в деталях между тридцатью семью деревнями, нужна безотказная система связи, куда лучшая, чем можно ожидать от культуры класса 10...

С трапа донесли еще чьи-то торопливые шаги — вверх, вверх. Харт поспешно обернулся к двери, и Сальный Феррис, ввалившись в каморку, едва не налетел на капитана. Глаза у кока округлились от возбуждения, он шумно пыхтел после пробежки.

— Они открывают молельню, — выдохнул кок. — Они только что...

— Да я шкуру с них спущу! — зарычал Харт. — Я же отдал приказ не валять дурака и не приближаться к молельне!

— Это не наши, сэр, — сумел выговорить Сальный. — Это гутли. Они сами решили отпереть свою молельню.

Харт резко повернулся к Шелдону.

— Не надо бы туда ходить.

— Надо! — ответил Шелдон. — Они нас пригласили. В настоящий момент мы никак не можем позволить себе их обидеть.

— В таком случае возьмем личное оружие.

— Но с категорическим приказом не прибегать к нему до последней крайности.

Харт кивнул:

— И оставим здесь несколько человек с винтовками, чтобы прикрыли нас, если придется спасаться бегством.

— Звучит разумно, — согласился Шелдон.

Харт быстро вышел. Кок собрался последовать его примеру.

— Постой-ка, Сальный. Ты видел, как открыли молельню, своими глазами?

— Так точно, сэр.

— А что ты там, собственно, делал?

— Видите ли, сэр...

По лицу Сального было видно: он спешно выдумывает, что бы такое соврать. И Шелдон перебил:

— Я рассказал ему одну историю. Но до него, похоже, не дошло.

Кок сказал с ухмылкой:

— Ну, видите ли, дело было так. Гутли начали варить какое-то пойло, а я дал им несколько советов, просто чтобы чуть-чуть помочь. Они же все делали наперекосья, и было бы жаль, если б классную выпивку сгубили по невежеству. Вот я и...

— Вот ты и наведался к ним еще раз — отведать, что получилось.

— Да, сэр, примерно так оно и было.

— Теперь понятно. Скажи мне, Сальный, а кроме как по части выпивки, других советов ты им не давал?

— Ну еще я рассказал вождю парочку историй.

— Понравились они ему?

— Не знаю, — ответил Сальный. — Он не смеялся, но истории ему вроде понравились.

— Я тоже рассказал ему одну историю, — повторил Шелдон. — Но она до него, похоже, не дошла.

— Может, и правда не дошла. Извините меня, сэр, но истории, какие вы предпочитаете, подчас чересчур того... Тонковаты, пожалуй.

— Об этом я и сам догадался. А еще что там произошло?

— Еще что? Да, вспомнил. Еще там один взял тростинку и принялся мастерить дудку, но тоже делал все наперекосяк...

— И ты показал ему, как сделать дудку получше?

— Точно, — признался Сальный.

— И теперь ты, наверное, чувствуешь себя героем, который пришел на выручку отсталому народу, дав ему сильный толчок к цивилизации...

— Мм... — промычал кок.

— Да ладно, — примирительно сказал Шелдон. — Но на твоём месте я бы не слишком налегал на улучшенную выпивку.

— У вас все, сэр? — осведомился кок, уже занеся ногу за порог.

— У меня все, — согласился Шелдон. — Спасибо, Сальный.

Выпивка лучшего качества, подумалось Шелдону. Лучшая выпивка, лучшая дудка, несколько похабных анекдотов. Ну и что? Он покачал головой: все это, вместе взятое, тоже не имело никакого смысла.

Шелдон расположился на корточках по одну сторону от вождя, Харт — по другую. С вождем произошла удивительная перемена. Прежде всего, он помылся и перестал чесаться, и от него не воняло. И между пальцами ног больше не было грязи. Он подстриг себе бороду и макушку, пусть неряшливо, и даже прошелся по волосам гребешком — раньше в них торчали сучки, репы, а может, и птичьи гнезда, и по сравнению с прежней прической была колоссальным достижением.

Однако к опрятности дело не сводилось, случилось и что-то большее. Шелдон долго не мог сообразить, что именно, хоть мучился этим вопросом непрерывно, даже

когда пытался вкусить от пищи, которую перед ним поставили. На блюде лежало месиво чудовищного вида, и исходящий от него запах тоже не внушал оптимизма. И что хуже всего, не было никакого подобия вилок.

Вождь по соседству с Шелдоном упоенно чмокал и чавкал, запихивая еду в рот обеими руками поочередно. И только поприивкнув к этому чавканью, Шелдон понял, что же такое изменилось в вожде. Он стал говорить правильнее. Днем он пользовался упрощенной, примитивной версией собственного наречия, а нынче владел языком свободно, можно бы сказать — почти в совершенстве.

Координатор быстро обвел взглядом землян, расположившихся кружком на голой почве. Каждого землянина усадили меж двух гутлей, и, если только аборигены не были слишком заняты чавканьем и глотанием, они считали своим долгом вести с гостями беседу. Будто у нас в торговой палате, подумалось Шелдону: если уж затеяли званый обед, то каждый лезет из кожи вон, чтобы гости были довольны и чувствовали себя как дома. Какой же разительный контраст с первыми днями после посадки, когда туземцы лишь боязливо выглядывали из хижин и бурчали что-то невнятное, если не удирали от пришельцев во всю прыть...

Вождь вычистил свою миску круговыми движениями пальцев, а затем обсосал пальцы, постанывая от удовольствия. И вдруг, повернувшись к Харту, сказал:

— На корабле я видел, что люди используют для еды доски, поднятые над полом. Я пришел в недоумение.

— Это называется стол, — пробормотал Харт, неловко ковыряясь пальцами в миске.

— Не понимаю, — произнес вождь, и Харт был вынужден рассказать ему, что такое стол и насколько удобнее есть за столом, а не на полу.

Видя, что все остальные принимают участие в трапезе, хоть и без особого восторга, Шелдон рискнул погрузить пальцы в свою миску. «Не подавись, — внушал он себе. — Каким бы гнусным ни оказался вкус, подавиться ты не имеешь права...» Но месиво оказалось на вкус еще гнуснее, чем можно было вообразить, и он подавился. Впрочем, этого никто, кажется, не заметил.

После нескончаемой гастрономической пытки — сколько же часов она длилась? — с едой было наконец

покончено. За эти ~~часы~~ Шелдон поведал вождю о ножах, вилках и ложках, о чашках, стульях, карманах брюк и пальто, о счете времени и наручных часах, о теории медицины, началах астрономии и о приятном земном обычае украшать стены картинами. А Харт, в свою очередь, рассказал ему о принципах колеса и рычага, о севооборотах, лесопилках, почтовой системе, о бутылках для хранения жидкостей и об орнаментах для украшения строительного камня.

«Ни дать ни взять — энциклопедия, — подумал Шелдон. — Мой Бог, что за вопросы он задает! Для чавкающего, сидящего на корточках дикаря 14-го культурного класса — самая настоящая энциклопедия! Хотя постой-ка, а принадлежит ли вождь по-прежнему к классу 14? Не вернее ли, что за последние полдня он поднялся до класса 13? Умытый, причесанный и подстриженный, улучшивший как свои социальные навыки, так и язык, — да нет, — сказал себе Шелдон, — что за чепуха, так не бывает. Полное, абсолютное безумие полагать, что такая перемена может свершиться за полдня».

Самого координатора усадили так, что за противоположным краем пиршественного круга ему была ясно видна молельня с раскрытой дверью. За дверью не было ни намека на движение, ни намека на свет. Всматриваясь в ее черную пасть, Шелдон гадал, что же там такое, что может явиться оттуда — или, напротив, устремиться туда. Так или иначе, он был убежден, что там, за дверью молельни, скрыт ключ к загадке гутлей, к загадке их регресса, ибо представлялось несомненным одно: сама молельня была воздвигнута как подготовительный шаг к регрессу. *Ни при каких обстоятельствах, окончательно решил он, культура класса 14 неспособна воздвигнуть такую молельню.*

По окончании трапезы вождь встал и произнес короткую речь из двух пунктов: он рад, что гости сочли возможным поужинать сегодня вместе с племенем, и теперь им предстоят развлечения. Харт тоже встал и тоже произнес речь, заверив, что земляне счастливы прибыть на планету Зан и что экипаж готов, в свой черед, предложить небольшую развлекательную программу, если вождю будет угодно ее посмотреть. Вождь сообщил, что ему будет угодно и его народу тоже. Затем он подал знак, хлопнув в ладоши, в круг вышли

десять—двенадцать юных гутлянок и исполнили какие-то ритуальные фигуры, перемещаясь и покачиваясь без музыки. От Шелдона не укрылось, что гутли следят за танцем очень внимательно, но сам он не мог уловить в фигурах ни малейшего смысла, даром что прошел основательную подготовку по инопланетным ритуальным обычаям.

Гутлянки покинули сцену. Два-три землянина, не разобравшись, заплодировали, но хлопки быстро погасли, перейдя в смущенную тишину: сами дикари оставались смертельно серьезны.

Затем один из гутлей вытащил тростниковую дудочку — не ту ли самую, в создании которой принял консультативное участие Сальный? — и, скрючившись в центре круга, принялся извлекать из нее дикие, ни с чем не сообразные звуки, которые посрамили бы самого писклявого земного волынщика. Это длилось чуть не целую вечность, так и не приблизившись к мелодии, и на сей раз весь экипаж, — вероятно, от восторга, что мука оборвалась — принялся гикать, улюлюкать, аплодировать и свистеть, будто требуя продолжения, хотя не возникало сомнений, что имелось в виду — совсем наоборот.

Вождь обратился к Шелдону с вопросом, что такое делают люди. Пришлось изрядно попотеть, объясняя обычай аплодисментов. Однако выяснилось, что два номера вчистую исчерпали развлекательную программу, как ее понимали гутли, и даже захотелось спросить, неужели вся деревня не сумела измыслить ничего большего, — координатор сильно подозревал, что да, не сумела, но от вопроса все-таки воздержался.

И настала очередь экипажа.

Бандиты из машинного отделения сгрудились вместе, обняв друг друга за плечи в лучших варварских традициях, и спели поддюжины песен, а Сальный аккомпанировал, наяривая на гармонике. Они пели старые земные песни, до которых так охочи космические бродяги, и глаза у них блестели от невыплаканных слез.

Не прошло и нескольких минут, как к певцам присоединились добровольцы из экипажа, а меньше чем через час весь личный состав корабля подхватывал каждую песню, отбивая ритм ладонями по почве и запрокидывая головы, чтобы земные слова уносились повыше в чужое небо.

Потом кого-то осенило, что надо бы и сплясать. Один из мотористов выкликал пару за парой, а Сальный склонился над гармоникой еще ниже, выкачивая из нее знакомые мотивчики — «Старик Джо Таккер», «Коричневый кувшинчик», «Старая серая кобыла» и так далее и тому подобное.

Шелдон проглядел, когда и как это произошло, но пар на площадке вдруг прибавилось. Гутли тоже пустились в пляс, поначалу немного сбиваясь, но под руководством земных учителей совершенствуясь на глазах. В круг входили новые и новые танцоры, пока танец не захватил всю деревню, включая и вождя. Правда, Сальный вскоре выдохся, что и не мудрено: пот тек у него по лицу ручьями. Но тут вновь объявился гутль с тростниковой дудкой и присел рядом с коком. И вроде бы враз ухватил, как играть музыку: из дудки полились звуки сильные и чистые, он и Сальный расположились бок о бок и наигрывали как сумасшедшие, а все остальные плясали и плясали. Вопили от удовольствия, взрывали, топали что есть мочи и между делом перевернули пару тележек, которые оказались в круте невесть как и были здесь совершенно ни к чему. Но судьба тележек никого как будто не волновала.

Шелдона оттеснили к молельне. Он оказался здесь вместе с Хартом: танцоры распались и требовали все больше места. Харт заявил:

— Ну и как, мистер координатор? Не самая ли это дьявольская затея, какую вы когда-нибудь видели?

Шелдон согласился.

— Нельзя не признать, капитан, что вечеринка прошла с успехом.

Новость принес Сальный. Принес в момент, когда Шелдон завтракал в своей каморке в одиночестве.

— Они чего-то такое вытащили из своей богадельни, — объявил кок.

— А что именно, Сальный?

— Знать не знаю. И спрашивать не хочу.

— Нет так нет, — мрачно проговорил Шелдон. — Может, и хорошо, что не хочешь.

— Это вроде как куб, — продолжил Сальный. — А в нем что-то вроде полочек, и все вместе ни на что не

похоже. Верней, похоже на картинку, какую вы мне однажды показали в книжке.

— На схему строения атома?

— Именно, точно на нее. Только тут все еще посложней.

— И что они с этим кубом делают?

— Пока что собирают его из частей. И слоняются вокруг. Не могу сказать вам точно, что они с ним делают.

Шелдон выскреб тарелку дочиста и отодвинул в сторонку. Встал, втиснулся в куртку и предложил:

— Пойдем посмотрим.

К моменту их появления вокруг непонятной конструкции собралась целая толпа дикарей, и Шелдон с коком остановились с краю, храня молчание и не шевелясь, чтобы, избави Бог, не помешать чему-нибудь.

Куб был размером футов по двенадцать в каждом измерении и состоял из каких-то прутьев, странным способом соединенных дисками. В целом конструкция напоминала нечто сооруженное при помощи детского «суперконструктора», с условием, что у ребенка — автора конструкции — проснулось нешуточное воображение. Внутри куба виднелись плоскости из материала, напоминающего стекло, и плоскости располагались с почти математической точностью — взаимному расположению плоскостей явно уделяли особое внимание.

На глазах землян орава гутлей вытащила из молельни коробку, и притом тяжелую: гутли потели и кряхтели, но все же доволокли ее до куба. Тут коробку открыли и извлекли из нее несколько предметов, выточенных из разных материалов — частью из дерева, частью из камня, а то и вообще непонятно из чего. И каждый предмет поместили на, по-видимому, заранее заданную позицию на какой-то из плоскостей.

— Шахматы, — заявил Сальный.

— Что-что?

— Шахматы, — повторил Сальный. — Сдается мне, они затеяли сразиться в шахматы.

— Может быть, может быть, — отозвался Шелдон и подумал: «Если это шахматы, то самые странные и фантастически заковыристые, какие я когда-нибудь видел...»

— Там, на Земле, теперь тоже шахматные диковинки появились, — сообщил кок. — Названьице им при-

думали — «сказочные шахматы». Где на доске больше клеток и больше фигур и сами фигуры не такие, как всем привычные. А я так и в старых-то шахматах никогда толком не разбирался...

Вождь заметил землян и подошел к ним.

— Мы теперь уверены в победе, — объявил он. — С помощью тех сведений, что вы дали нам, мы выиграем с закрытыми глазами.

— Рады слышать, — отозвался Шелдон.

— У других деревень, — продолжал вождь, — не хватает духу тягаться с нами. Мы ударили им прямо в центр. Третий раз подряд, без передышки.

— Вас надо поздравить, — произнес Шелдон, недоумеая, о чем, собственно, речь.

— Давненько не было такого, — закончил вождь.

— Могу себе представить, — ответил Шелдон, по-прежнему почти наобум.

— Мне надо идти, — отчеканил вождь. — Сейчас начинается.

— Пойдите, — взмолился Шелдон. — Вы что, играете в какую-то игру?

— Можно сказать и так, — согласился вождь.

— Играете с другими деревнями, со всеми сразу?

— Верно.

— Сколько же времени это займет? Если сразу со всеми, против тридцати шести...

— Игра не затянется, — объявил вождь, усмехнувшись хитро и самоуверенно.

— Желаю удачи, — сказал Шелдон, глядя вождю вслед.

— Что все это значит? — поинтересовался Сальный.

— Пойдем отсюда, — распорядился Шелдон. — У меня срочная работа.

Харт чуть не пробил головой потолок, когда узнал, что за работу задумал координатор.

— Вы не смеее допрашивать экипаж с пристрастием! — завопил он. — Я этого не потерплю! Они не сделали ничего плохого!

— Капитан Харт, — жестко сказал Шелдон, — вы соберете людей и установите очередь, и я буду беседо-

вать с ними поодиночке. Допроса с пристрастием не будет. Просто я хочу с ними поговорить.

— Мистер координатор, — не унимался Харт, — на этом корабле я разговариваю с вами за всех.

— Мы с вами, капитан Харт, наговорились вчера вечером. И даже с избытком.

Несколько часов подряд Шелдон провел у себя в каморке, а члены экипажа входили по одному и отвечали на его вопросы. Вопросы были однотипными:

— Что именно гугли выясняли у вас?

— Что вы им отвечали?

— Как, по-вашему, они поняли ответ?

Человек следовал за человеком. Шелдон сделал кучу заметок и наконец-то покончил с опросом. Затем он запер дверь, достал из стола заветную бутылку и позволил себе щедрый глоток. А потом, спрятав бутылку на место, уселся поудобнее и стал просматривать заметки, ничего не пропуская.

Пискнул коммуникатор.

— Разведчики вернулись из повторного рейса, — послышался голос Харта, — и каждая деревушка вытаскила такой же куб и установила перед молельней. Все жители сидят кружком вокруг куба и, похоже, играют в какую-то игру. Время от времени кто-нибудь встает и делает ход на одной из плоскостей, потом возвращается в круг и опять сидит как ни в чем не бывало...

— Что-нибудь еще?

— Ничего. Но вы же хотели проверить именно это, не так ли?

— Да, — проговорил Шелдон задумчиво. — Пожалуй, именно это.

— Скажите мне хотя бы, с кем они играют?

— Друг с другом.

— Как это друг с другом?

— Деревня с деревней. Каждая со всеми другими.

— Что? Все тридцать семь деревень?

— Вы поняли меня правильно.

— Но как? Объясните мне, черт вас возьми: как могут тридцать семь деревень играть одну и ту же партию?

— Объяснить не могу, — ответил Шелдон. Хотя у него возникло ужасное подозрение, что объяснение есть. По меньшей мере, есть определенная догадка.

Когда стало очевидным, что регресс был спланирован заранее в планетарном масштабе, он, помнится, задался недоуменным вопросом о системе связи, без которой все тридцать семь деревень никак не могли бы впасть в дикость одновременно. Он еще сказал себе, что это требовало бы системы связи намного лучшей, чем следует ожидать от культуры класса 10. И вот, пожалуйста, вновь то же самое, и задачка даже еще труднее — те же тридцать семь деревень вовлечены в диковинную круговую игру на доске головоломной сложности.

Это подразумевает единственно возможный ответ. Ответ совершенно неправдоподобный, но другого не дано, — телепатия. Но разве можно вообразить себе телепатию как достояние 10-го культурного класса, не говоря уже о классе 14!

Выключив верещалку, он возобновил прерванную работу. Достал большой лист бумаги, приколол его к столу и принялся перебирать заметки заново, не пропуская ни одной и перенося их содержание на схему. Покончив с этим, откинулся на спинку кресла и окинул схему взглядом, потом вызвал Харта. Минут через десять капитан, одолев лесенку, постучал в дверь. Шелдон отпер, впустил его в каморку и пригласил:

— Присаживайтесь, Харт.

— Додумались до чего-нибудь?

— Полагаю, что да, — ответил Шелдон. И показал на схему, припиленную к столу: — Вот, полюбуйтесь.

Харт уставился на схему как баран на новые ворота.

— Не вижу ничего особенного.

— Вчера вечером, — начал Шелдон, — мы побывали на посиделках у гутлей, и за то недолгое время, что провели там, мы дали жителям этой деревни самое исчерпывающее полное представление о культуре класса 10, какое только можно себе вообразить. Но что меня гнетет по-настоящему — мы кое в чем вышли за рамки 10-го класса. Я еще не закончил анализ, но это больше похоже не на класс 10, а на 9-М.

— Мы — что? Что мы сделали?

— Они выкачали из нас информацию. Каждого из наших спрашивали о каких-то аспектах культуры, и не было ни единого случая, чтобы вопросы дублировали друг друга. Каждый набор вопросов отличался от

вопросов, заданных кому-то еще. Словно эти самые гутли распределили между собой вопросы заранее.

— Ну и что из того?

— А то, — ответил Шелдон, — что мы вмешались непрошенно в одну из самых хитроумных социальных структур Галактики. Остается лишь надеяться на Господа Бога...

— В одну из самых хитроумных структур? У гутлей?

— Да, именно у гутлей.

— Но они никогда ничем не выделялись! И никогда ничем не выделятся. Они просто-напросто...

— Ну-ка подумайте хорошенько, — перебил Шелдон, — и попробуйте сообразить, какая черта в культуре гутлей поражает больше всего. Мы торгуем с ними уже целых пять веков. Какой факт за эти пять веков выявился неопровержимо и торчит как бельмо на глазу?

— Они тупицы, — провозгласил Харт.

— Судя по тому, что случилось, совсем наоборот.

— Они ничего не добились, — не сдавался Харт. — И насколько могу судить, ничего и не добиваются.

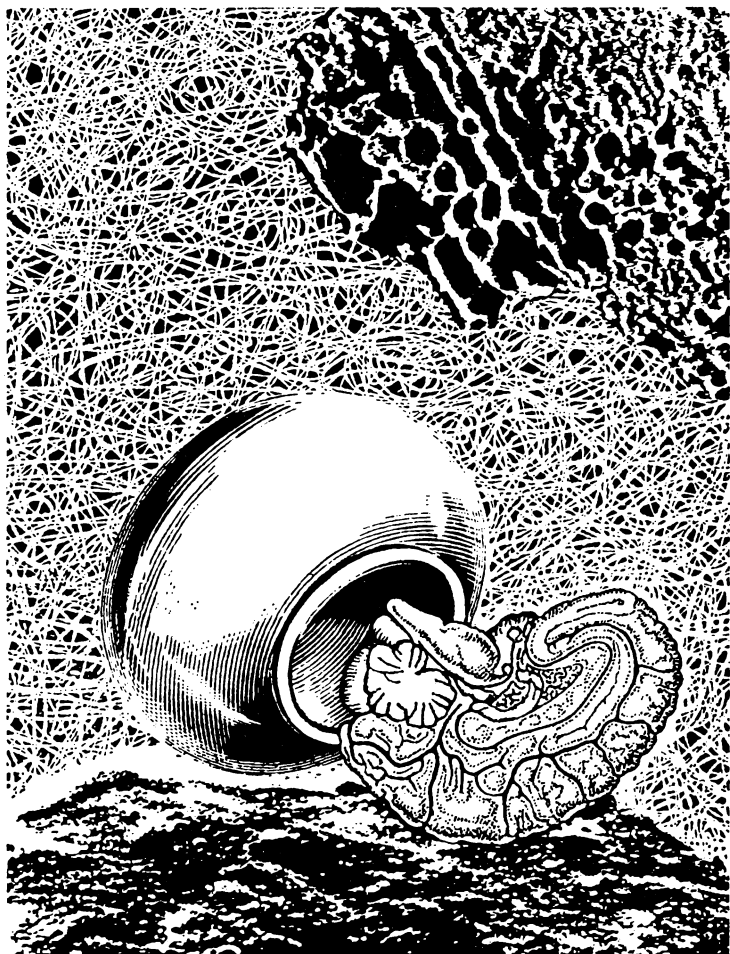
— Это часть общей картины, — уточнил Шелдон. — Их культура статична.

— Будь я проклят, — воскликнул Харт, — чтоб я стал играть с вами в угадки! Если у вас есть что-то на уме...

— У меня на уме явление, которое называется «мир». За все пять веков, что мы знаем гутлей, между ними не бывало разногласий. Они ни разу не воевали. Чего при всем желании нельзя сказать ни про одну другую планету.

— Они слишком тупы для того, чтобы воевать, — предположил Харт.

— Они слишком разумны для того, чтобы воевать! — ответил Шелдон. — Да будет вам известно, капитан Харт, что гутли добились того, чего не добивалась ни одна другая раса, ни одна цивилизация во всей галактической истории! Они открыли способ одолеть войну, оставить ее раз и навсегда вне закона!

ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ

ВОСПИТЕЛЛЫ

Кончилась первая неделя занятий. Джонсон Дин, инспектор милвиллской школы второй ступени, в пятницу под вечер, сидя за столом, наслаждался тишиной и сознанием исполненного долга.

Тишину нарушил мускулистый белокожий тренер Джерри Хиггинс. Он вошел в кабинет и тяжело плюхнулся в кресло.

— Ну, можете отменить состязание по регби в этом году, — со злостью проговорил он. — Прямо хоть уходи из ассоциации.

Дин отодвинул в сторону бумаги, с которыми работал, и откинулся в кресле. Луч заходящего солнца упал из окна на его пышную серебряную шевелюру и превратил ее в сверкающий ореол. Его белые, морщинистые, с голубыми прожилками руки старательно разглаживали поблекшую складку на поблекших брюках.

— Ну, что случилось? — спросил он.

— Это все Кинг и Мартин, мистер Дин. Они не хотят выступать в этом сезоне.

Дин хмыкнул сочувствующе, но как-то неискренне, словно в глубине души он был с ними заодно.

— Давайте-ка разберемся, — сказал он. — Если память мне не изменяет, в прошлом сезоне эти двое были

в числе сильнейших. Кинг был защитником, а Мартин — нападающим.

Хиггинс прямо зашелся от праведного гнева:

— Да слыханное ли это дело — чтобы нападающий сам решил бросить игру? И не просто какой-нибудь рядовой игрок, а один из лучших. На нем в прошлом году буквально все держалось.

— Вы, конечно, уже беседовали с ними?

— Да, я встал перед ними на колени, — ответил тренер. — Спросил, хотят ли они, чтобы меня уволили. Спросил, может, они что затаили против меня. Сказал, что они подведут всю школу. Сказал, что без них у нас все равно нет команды. Они не смеялись надо мной, но...

— Они и не будут смеяться, — сказал Дин. — Эти мальчишки — настоящие джентльмены. По правде говоря, все наше молодое поколение...

— Все до одного слюнтят! — взвился тренер.

— Ну, кто как считает, — мягко возразил ему Дин. — В моей жизни бывали периоды, когда я тоже не был склонен придавать регби такое значение, которое, казалось бы, следовало.

— Ну, это другое дело, — заметил тренер. — Когда человек становится взрослым, понятно, что игра интересует его уже меньше. Но ведь эти двое — мальчишки. Тут что-то не так. Они молодые, им бы просто землю рыть. У всех нормальных мальчишек должно быть сильно развито чувство соперничества. Но даже если этого нет, о выгоде подумали бы, что ли. Ведь всякий выдающийся регбист при поступлении в колледж...

— Нашим ребятам не нужны спортивные надбавки, — довольно резко прервал его Дин. — Они получают больше, чем стипендию.

— Да если бы у нас было побольше игроков, разве бы мы так убивались по Кингу и Мартину? — застонал Хиггинс. — Пусть бы мы не всегда выигрывали. Но все же у нас была бы команда. А то, что у нас сейчас... Мистер Дин, поймите же, с каждым годом игроков у нас все меньше и меньше. Вот сейчас у меня нет...

— Так вы говорили о Кинге и Мартине. Вы убеждены, что они не передумают?

— Знаете, что они сказали? Что регби мешает их занятиям.

Хиггинс произнес эти слова таким тоном, что они прозвучали невесть какой крамолой.

— Стало быть, придется с этим примириться, — бодрым тоном произнес Дин.

— Но это ненормально! — запротестовал тренер. — Не существует таких мальчишек, которые больше думали бы о занятиях, чем о регби. Таких мальчишек, которые бы уткнулись в книжки...

— Такие мальчишки существуют, — ответил Дин. — Да их полным-полно и здесь в Милвилле. Если не верите, можете взглянуть на их отметки за последние десять лет...

— Н-да, они ведут себя не как мальчишки, а как взрослые люди. — Тренер покачал головой в знак того, что это выше его понимания. — Стыд-позор! Ну, если еще хоть один из старичков сделает от ворот поворот, придется воспитывать новую команду.

— Так же, как мы у себя в школе воспитываем юношей и девушек, которыми потом, может быть, будет гордиться Милвилл.

Тренер сердито встал.

— Нам не выиграть ни у кого, — предупредил он. — Даже у Багли.

— Вот уж из-за чего я не стану расстраиваться, — философски заметил Дин.

Он спокойно сидел за столом и слушал, как шаги тренера гулко отдаются в коридоре и замирают вдаль.

Но вот Дин услышал характерный посвист и дребезжание автощетки, которая подметала лестницу. Интересно знать, куда запропастился Стаффи. Где-то шляется, конечно. Вооруженный всеми этими автощетками и автопротирателями, Стаффи был не слишком загружен уборкой. Впрочем, в свое время работы у него было по горло, он хлопотал с утра до ночи и прекрасно убирал помещения.

Если бы хватало рабочих рук, Стаффи уволили бы уже несколько лет назад. Но теперь не увольняли так легко, как раньше. Когда люди достигли звезд, на человеческую расу легло непосильное бремя. Стоит только начать увольнять людей, подумал Дин, как я и сам окажусь без работы.

Для него ничего не могло быть страшнее. Потому что милвиллская школа была его детищем. Он сделал ее своим детищем. Больше полувека он жил ради школы —

сначала был молодым учителем-энтузиастом, потом директором, а последние пятнадцать лет инспектором.

Он отдал ей все. И она заменила ему все — жену, ребенка, семью. Она была и началом, и концом. Ему было приятно и то, что сегодня пятница, и то, что начался новый учебный год, и что Стаффи бродит где-то здесь, и что нет спортивной команды — точнее, почти нет.

Он поднялся из-за стола и встал у окна. По газону шла студентка; видно, она где-то задержалась и теперь торопилась домой. Дин подумал, что знает ее, хотя в сумерках плохо видел вдаль.

Он прищурился, почти уверенный, что перед ним Джуди Чарльсон. Когда-то давно он знал ее деда и подумал, что у девушки походка Генри Чарльсона. Он хмыкнул, углубившись в воспоминания. Насколько ему помнится, на старину Чарльсона нельзя было особо полагаться в практических вопросах. В те времена он буквально бредил турбодвигателями для старта космических кораблей.

Дин прогнал прочь мысли о прошлых днях, стремясь стереть их из памяти. Предаешься воспоминаниям — значит, старость надвигается, значит, впадаешь в детство.

И все же старина Генри Чарльсон был единственный человек в Милвилле, который когда-либо имел хоть какое-то отношение к космическим кораблям. Конечно, кроме Леймонта Стайлса.

Дин едва заметно ухмыльнулся, вспомнив Леймонта Стайлса, его непреклонность и то, как через много лет он возвысился, к величайшему раздражению тех, кто самонадеянно предрекал, что он добром не кончит.

Конечно, теперь не осталось ни одной живой души, которая знает или знала когда-то, к чему же в конце концов пришел Леймонт Стайлс. Или к чему он приходит сейчас.

Может, в эту минуту Леймонт Стайлс шагает по улице некоего фантастического города на некой отдаленной планете, подумал Дин.

И если это действительно так и если он когда-нибудь снова вернется в родные места, кого привезет он с собой на этот раз?

Вернувшись домой в последний раз — а он и приезжал-то всего однажды, — он привез Воспителл, и это было очень чудно.

Дин отвернулся от окна и опять пошел к письменному столу, сел, пододвинул к себе бумаги. Но работа не шла на ум. Такое случалось с ним нередко. Стоит только подумать о прежних временах, когда было много друзей и много интересных дел, как погружаешься в воспоминания настолько, что больше уже не можешь сосредоточиться.

Он услышал в холле знакомую поступь и отодвинул бумаги в сторону. По шаркающей походке он узнал Стаффи — видно, тот решил зайти, чтобы скоротать время.

Дин с удивлением отметил, что в глубине души он нетерпеливо ожидает предстоящую встречу. Кое-кому это могло показаться необычным, хотя на самом деле здесь не было ничего особенно странного. Немного оставалось таких, как Стаффи, тех, с кем Дин мог поговорить по душам.

Со стариками происходят чудеса, думал он. Годы ослабляют или рвут узы прежних дней. Старики умирают или уходят со сцены, или их одолевают немощи. Или же старики замыкаются в себе, в своем внутреннем мире, где ищут покоя, которого больше не могут найти во внешнем мире.

Стаффи прошлепал к двери, остановился и, прислонившись к косяку, вытер грязной рукой обвислые желтоватые усы.

— Что это с тренером? — спросил он. — Выскочил отсюда как ошпаренный.

— У него нет спортивной команды, — сказал Дин. — Или он только говорит, что нет.

— Каждый сезон одно и то же, — заметил Стаффи. — Спектакль, да и только.

— На этот раз, может быть, и вправду нет. Кинг и Мартин отказались выйти на поле.

Волоча ноги, Стаффи сделал еще несколько шагов и уселся в кресло.

— Это все Воспителлы, — заявил он. — Их работа. Дин подался вперед.

— Что ты такое говоришь?!

— Я наблюдал за ними долгие годы. На всех ребятах, которых они воспитывали или которые ходили в их дошкольную группу, лежит какая-то печать. Что-то они делают с ребятами.

— Вот еще выдумки! — сказал Дин.

— И вовсе не выдумки. — Стаффи упрямо стоял на своем, — Ты же знаешь, я без предрассудков. Только потому, что они, Воспителлы, с какой-то другой планеты... Да, скажи, ты узнал, с какой планеты они прилетели?

Дин покачал головой.

— Леймонт что-то там говорил. Может, он и рассказывал, но я никогда не слышал.

— Они какие-то необыкновенные, — сказал Стаффи, медленно поглаживая усы. У него был такой вид, будто он обдумывал каждое слово. — Но я никогда не ставил им этого в упрек. В конце концов, не только они на Земле чужаки. То есть, в Милвилле, конечно, только они, но ведь в разных концах Земли живут тысячи обитателей других планет.

Дин кивнул, соглашаясь с ним, но едва ли сознавая, с чем же именно он согласен. Однако он ничего не сказал — это было бесполезно. Стоит только Стаффи затеять разговор, его уже не остановишь.

— Они кажутся порядочными, — сказал Стаффи. — Не злоупотребляют ничьим доверием. Когда Леймонт уехал и оставил их здесь, они сами устроились и никогда никого не просят за них вступиться. Все эти годы они жили как порядочные — вот и все, что можно о них сказать.

— Но, по-твоему, они все же что-то дали ребятам? — спросил Дин.

— Они изменили ребят. Разве ты не заметил?

Дин покачал головой.

— Вот уж не замечал. Я знаю этих ребят много лет. Я знал их родителей. Как же, по-твоему, они изменились?

— Они слишком быстро развиваются, — сказал Стаффи.

— Конкретнее, — отрезал Дин. — Кто их развивает, что значит «слишком быстро»?

— Да эти Воспителлы уж очень развивают детей. В том-то и беда. Здесь у нас школа второй ступени, а ребята совсем как взрослые.

Откуда-то снизу донеслось унылое жужжанье автошкетки. Стаффи вскочил на ноги.

— Это подметалка. Держу пари, она опять застряла в дверях.

Он повернулся к выходу и бодрой трусцой рванулся вперед, волоча ногу.

— У, дурацкая машина! — рывкнул он, хлопнув дверь.

Дин опять пододвинул к себе бумаги и взял карандаш. Уже поздно, нужно кончать работу.

Но он не видел бумаг. Вместо этого со стола на него смотрели маленькие лица, их было много, большеглазые, серьезные, со взглядом, к которому трудно подобрать определение.

Ему был знаком этот взгляд — так из детских лиц проглядывает зрелость.

Они слишком быстро развиваются!

— Нет, — сказал Дин сам себе. — Нет, этого не может быть!

Однако очевидным подтверждением этому была высокая успеваемость, необычно большое число стипендиатов, пренебрежение к спорту. И кроме того, отношение к жизни в целом. И отсутствие преступности среди подростков — долгие годы милвиллы гордились тем, что преступность у них сходит на нет. Дину пришлось на память, что несколько лет назад его просили написать об этом статью в журнал, посвященный вопросам воспитания...

Покопавшись в памяти, он вспомнил, что же такое он написал в той статье, — о том, как родители должны осознать, что ребенок не последняя спица в колеснице, а полноправный член семьи, о роли, которую играла в Милвилле церковь; о том, что в школах нужно делать особый акцент на социальные науки.

— Разве я не был неправ? — спросил он сам себя. — Разве это не так, разве тут что-то другое или кто-то другой?

Он попытался сосредоточиться на работе, но не мог. Он был выбит из колеи. Перед его глазами так и стояли улыбающиеся лица. Они вглядывались в него.

Наконец он сунул бумаги в ящик и поднялся из-за стола. Надел издавшее виды пальто, водрузил на седую голову старую, помятую фетровую шляпу.

На первом этаже он увидел Стаффи, загонявшего на ночь последнюю автошестку в каморку. Стаффи был полон возмущения.

— Зацепиться за калорифер! — негодовал он. — Да если б я чуть замешкался, она бы сломала всю

ходовую часть. — С досады он покачал головой. — Они, эти машины, хороши, только когда все в порядке. А случись что-нибудь — сразу паника. По старинке-то лучше, Джон.

Когда последняя машина вперевалку вползла в камеру, Стаффи со злостью захлопнул за ней дверь.

— Стаффи, ты хорошо знал Леймонта Стайлса? — спросил Дин.

Стаффи покрутил усы, как бы обдумывая ответ.

— Да, хорошо. Ведь мы с ним были сверстниками, а ты немного постарше. Ты был заводилой.

Дин неторопливо склонил голову.

— Да, я помню, Стаффи. Только такие чудачки, как мы с тобой, и остались в нашем старом городе. Сколько народу уехало!

— Леймонт уехал в семнадцать лет. Зачем ему было оставаться? Его старуха померла, старик с утра до ночи пил горькую, а Леймонт уже пару раз побывал в переделках. И все в один голос говорили, что из Леймонта не выйдет ничего путного.

— Легко ли мальчишке, когда весь город восстает против него?

— Что верно, то верно, — отозвался Стаффи. — Никто не был на его стороне. Уезжая, он мне сказал, что когда-нибудь вернется и покажет им, кто он такой. Но я-то думал, что он хвастается. Ну, как это обычно делают ребята, знаешь, чтобы подбодрить самих себя.

— Как ты ошибся, — сказал Дин.

— Уже дальше некуда, Джон.

Потому что, пробыв на чужбине больше тридцати лет, Леймонт Стайлс вернулся в старый, овеванный бурями дом на Мейпл-стрит, в пустой дом, который ждал его все эти одинокие годы; он вернулся старый, хотя ему едва исполнилось пятьдесят, большой и сильный, хотя волосы у него теперь были белее снега, а кожа, обожженная чужими солнцами, стала дубленой; вернулся после долгих скитаний от одной далекой звезды к другой.

Но Милвилл для него не был своим. Город помнил его, а он забыл город. Годы, проведенные в чужих краях, исказили его представление о родном городе, и то, что он помнил о нем, скорее походило на сказку, чем на правду, на сказку, которую породили годы, заполненные думами о прошлом, тоской и ненавистью.

— Мне надо идти, — сказал Дин. — У Керри, наверное, ужин готов. Она не любит, когда на столе стынет.

— Спокойной ночи, Джон, — сказал Стаффи.

Когда Дин закрыл за собой дверь и пошел вниз по улице, солнце почти село. Он не предполагал, что уже так поздно. Керри обидится на него и накричит.

Дин что-то пробурчал себе под нос. Керри была несравнима ни с кем.

Она не жена — у него никогда не было жены. Не мать и не сестра — обе они умерли. Просто домоправительница, преданно служившая ему долгие годы, немножко жена, немножко сестра, а иногда даже мать.

В привязанностях человека есть нечто странное, подумал Дин. Они ослепляют, связывают, делают человека таким, каков он есть. Это они помогают ему выполнять свой долг, с их помощью он достигает вершин, хотя эти вершины временами бывают серыми, бледными и очень неброскими.

Ничего похожего на ярко блистающие вершины Леймонта Стайлса, который шагнул на Землю со звезд и привез с собой эти три странные создания, которые стали сидеть с ребяташками. Привез их, устроил в своем доме на Мейпл-стрит, а потом через год-другой опять отправился к звездам, оставив Воспитателя в Милвилле.

Чудно, что их провинциальный городок так спокойно принял эти экзотические создания. Еще чудней, что матери Милвилла в свое время вверили детей заботам чужаков.

Заворачивая за угол на Линкольн-стрит, Дин встретил женщину с маленьким, всего по колено ей, мальчуганом.

Он увидел, что это была Милдред Андерсон, вернее — когда-то она была Милдред Андерсон, но потом вышла замуж, и он, хоть убей, не мог вспомнить ее нынешней фамилии. Занятно, как быстро взрослеет молодежь, подумал он. Казалось, Милдред кончила школу от силы два года назад; но в глубине души он знал, что ошибается, — прошло уже больше десятка лет.

Он коснулся своей шляпы.

— Добрый вечер, Милдред. Ого, как вырос твой мальчик!

— Я хожу в гююпу, — пролепетал ребенок.

Мать уточнила:

— Он говорит, что ходит в группу. Он этим так гордится.

— Конечно, в дошкольную группу?

— Да, мистер Дин. Воспителлы. Они такие милые. И так хороши с ребятами. Да к тому же плата. Точнее, никакой платы. Просто приносите им букет цветов или флакончик духов, или хорошую картинку, и они довольны. Они решительно отказываются брать деньги. Я не могу этого понять. А вы, мистер Дин?

— Да, — ответил Дин. — И я не могу.

Он уже позабыл, какой болтушкой была Милдред. Сейчас он вспомнил, что был период, когда ее за это прозвали Трещоткой.

— Я иногда думаю, — сказала она торопливо, будто боясь что-то упустить, — что мы, люди, здесь, на Земле, слишком большое значение придаем деньгам. А вот Воспителлы, кажется, вообще не знают, что такое деньги, или если и знают, то не обращают на них никакого внимания. Словно это что-то совсем незначительное. Я понимаю, что такие расы тоже существуют. Это наводит на размышления, верно, мистер Дин?

Теперь он вспомнил еще об одной ужасной особенности Милдред — каждый речевой период она неизбежно заканчивала вопросом.

Он и не пытался ответить ей. Он знал, что ответа не ждут.

— Мне надо идти, — сказал он. — Я и так уже опоздал.

— Мне было очень приятно вас повидать, мистер Дин, — проговорила Милдред. — Я так часто вспоминаю школьные денечки, и иногда мне кажется, что прошли долгие годы, а иногда — будто это было вчера и...

— Правда, это очень приятно, — сказал Дин, приподнявши шляпу, и припустился чуть не бегом.

— Недостойное зрелище, когда среди бела дня на людной улице тебя обращает в бегство болтливая женщина, — проворчал он себе под нос.

Подойдя к дому, он услышал сердитую суетню Керри.

— Джонсон Дин, — крикнула она, едва он переступил порог, — сейчас же садитесь за стол! Все давно

остыло. Сегодня вечером у меня кружок. И рук не мойте.

Дин неторопливо повесил пальто и шляпу.

— Если уж на то пошло, мне и мыть-то их не надо, — сказал он. — У меня такая работа, что не очень-то испачкаешься.

Она засуетилась, склонившись над столом, налила ему чашечку кофе, переставила на середину стола бутылку пива.

— Ведь сегодня вечером у меня кружок, — сказала она, делая особое ударение на этих словах, чтобы ему стало стыдно за опоздание. — Я и посуду мыть не буду. Оставьте ее на столе. Когда приду — вымою.

Дин покорно уселся за стол.

Он и сам не понимал, в чем тут дело, но, бессознательно выполнив требование Керри, вдруг ощутил уверенность в себе. Она заглушила глодавшие его беспокойство и ростки страха, которые чуть было не оплели его, хотя он сам не отдавал себе в этом отчета.

Керри прошла через жилую комнату, водрузив шляпу на непреклонную голову, с видом женщины, которая опаздывает на заседание кружка не по своей вине. Она поспешила к двери.

— Вам больше ничего не надо? — спросила она, окинув быстрым взглядом стол.

— Ничего. — Он хмыкнул. — Желаю хорошо провести время в кружке. Собрать как можно больше сплетен.

Это была его излюбленная колкость и, хотя он знал, что Керри будет взбешена — выходка и впрямь была детской, — удержаться не мог.

Керри бросилась вон из комнаты, и он услышал, как она нарочито громко застучала каблуками.

С ее уходом в доме воцарилась гнетущая тишина, и, когда Дин сел за стол, комнату окутал глубокий сумрак.

Цел и невредим, подумал он, старина Джонсон Дин, учитель, цел и невредим в доме, который построил еще его дед — сколько же лет назад? Теперь он кажется несовременным с его комнатами, расположенными на одном уровне, с камином, выложенным кирпичом, с двойным гаражом, пристроенным к дому, и с большим пнем перед окнами.

Невредим и одинок.

Невредим, несмотря на угрозу, на подкравшуюся к нему тревогу, такую незаметную, что ее и распознать нельзя.

Он покачал головой.

Но вот одиночество — другое дело. Это можно объяснить. Молодые и очень старые всегда одиноки, подумал он. Молодые — потому что еще не установили связей с обществом, а старые — потому что уже разорвали их.

Общество состоит из разных слоев, сказал он себе, из разных слоев и прослоек и делится на группы по возрасту, роду занятий, образовательному цензу и финансовому статусу. И это еще не все. Такое деление можно продолжать до бесконечности. Было бы интересно, если б у кого-то хватило времени создать таблицу расслоения человечества. В законченном виде — если это только вообще возможно — такая таблица стала бы потрясающим документом.

Он кончил ужинать и тщательно вытер рот салфеткой. Встал из-за стола, крадучись пошел по обътому тьмой помещению.

Он знал, что надо хотя бы собрать тарелки и навести порядок на столе. По совести говоря, посуду следовало бы вымыть. Он своим опозданием причинил Керри столько хлопот! Но он не мог заставить себя приняться за работу. Никак не мог. Он цел и невредим, но он все еще не пришел в себя.

Теперь он понял, что бессмысленно оттягивать это дело, бессмысленно увертываться от страха, который его изводит. Он понимал, с чем ему придется столкнуться, если только до этого дойдет дело.

Конечно, у Стаффи ум за разум зашел. Это не может быть правдой. Слишком уж он умничает, наверное, воображение разыгралось.

Ребята теперь такие же, как и всегда.

Разве что за последний десяток лет у них заметно улучшилась успеваемость.

Разве что, как и следовало ожидать, возросла их эрудиция.

Разве что притягательность спортивных соревнований для них уменьшилась.

Разве что здесь, в Милвилле, почти перевелись преступления.

Да еще эти торжественные детские лица с сияющими глазищами, они неотрывно глядят на него с бумаг на столе.

Он стал медленно расхаживать взад-вперед по ковру возле большого кирпичного камина, чья мертвенно-черная утроба с резким запахом сгоревшего старого ясеня казалась ему пастью, и эта пасть хохотала над ним.

Он ударил старым, слабым кулаком по дрожащей ладони.

— Не может быть! — твердо сказал он себе.

И все же перед лицом очевидности следовало признать, что это правда.

Дети в Милвилле выросли, росли в интеллектуальном отношении намного быстрее, чем им было положено.

А может, здесь кроется и еще что-то.

Вдруг они растут в каком-то качественно ином отношении, подумал он. Еще один шаг вперед из дикости, в которой пока прозябает человечество. Потому что спорт, на какой бы то ни было основе, хоть и усовершенствованный, все же остается продуктом пещерной эпохи — под различными масками человек протаскивает соперничество, временами оно прорывается в открытую именно в области спорта.

Если б он только мог поговорить с учениками, подумал он, если б он только мог как-нибудь проникнуть в их мысли, тогда, вероятно, что-то и удалось бы для них сделать.

Но это невозможно. Слишком высоки и сложны барьеры, слишком сильно забиты линии коммуникаций. Ибо он стар, а они молоды, он власть, а они его подчиненные. Опять разные напластования отделяют их от него. Никак к ним не подойти.

Конечно, всегда можно сослаться на что-нибудь, но это может прозвучать нелепо. Однако самое главное — при случае выяснить, какие цели преследуют эти Воспителлы, и выработать свою линию поведения.

Стаффи мог ошибиться. Фантастично само предположение, что Воспителлы расставляют какие-то сети.

Особенно странно, что эти чужаки обосновались в Милвилле солидно, как старожилы. Он был уверен, что они не пожелают подвергнуть хотя бы малейшему риску уже завоеванное ими положение, — ведь все их

признали, предоставили в основном самим себе и говорят о них мало.

Они делают все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания. За эти долгие годы слишком уж много чужаков нажило себе неприятности из-за того, что совали нос в чужие дела или занимались самолюбованием. Хотя, если пораскинуть умом, то, что с человеческой точки зрения можно счесть самолюбованием, с точки зрения чужаков представляется нормой поведения.

Этим еще сильно повезло, что у них на родине мыслящие существа внешне похожи на человека. Они на деле зарекомендовали себя прекрасными детскими воспитателями, поэтому их стали высоко ценить и с готовностью приняли в свои ряды.

Вот уже много лет они пекутся о детях Милвилла: ведь они обладают всеми достоинствами воспитателей. Некогда они организовали дошкольную группу, хотя теперь он припоминает, что в связи с этим было немало шума, поскольку Воспителлы совершенно сознательно не придерживались установленных правил обучения.

Он включил свет и подошел к полкам поискать что-нибудь для чтения. Но ни одна из книг не пробудила в нем интереса. Он провел пальцем по корешкам томов, пробежал глазами заголовки, но не нашел абсолютно ничего.

От книжной полки он шагнул к широкому окну и выглянул наружу. Уличных фонарей еще не зажгли, но в окнах там и сям уже горел свет, и время от времени по мостовой медленно проезжала шаровидная машина, ее рыскающие фары выхватывали из тьмы то дрожащую под ветром листву, то прильнувшую к земле кошку.

Эта улица была одной из самых старых в городе; когда-то Дин знал всех ее обитателей. Он без малейших колебаний мог бы назвать их имена — Вилсон, Бекет, Джонсон, Рэндом, — но никто из них здесь больше не жил. Имена были уже не те и лица незнакомые; разные слои людей смешались, и теперь на этой улице он не знал почти никого.

Молодые и очень старые — вот кто по-настоящему одинок, подумал он.

Он пошел к креслу и, держась очень прямо, сел перед зажженной лампой. И стал нервно барабанить пальцами по руке. Ему ужасно хотелось встать, но дел

не было, разве что помыть посуду, а заниматься этим не хотелось.

Можно пойти погулять, сказал он себе. Прекрасная мисль! Вечерняя прогулка хорошо успокаивает.

Надев пальто и шляпу, он вышел из ворот и повернул на запад.

И, только пройдя больше полпути, оставив в стороне деловой район, он отдал себе отчет в том, что направляется к дому Стайлса, к Воспителлам — видно, иначе он не мог.

Он не представлял себе, что ему там делать, что он там может узнать. Никакой реальной цели он не преследовал. Словно это была некая неведомая миссия, словно какая-то сила толкала его туда, будто у него не было выбора.

Он подошел к дому Стайлса и, стоя на тротуаре, оглядел его.

Это был старый дом, окруженный тенистыми деревьями — их посадили много лет назад; двор, выходявший на улицу, весь зарос кустарником. Иногда вдруг кто-то приходил, подстригал газон, а то и подрезал зелень и приводил в порядок клумбы, чтобы отблагодарить Воспителл за заботу о детях, потому что они не брали денег.

Чудно, они совсем не берут денег, подумал Дин. Будто деньги им и не нужны, будто, если б они у них были, Воспителлы не знали бы, что с ними делать. А может, деньги им и вправду не нужны — ведь они не покупали провизии, вели один и тот же образ жизни и ни разу не болели, во всяком случае, этого никто не замечал. Может быть, временами они мерзли, хотя никогда не жаловались, но и топлива не покупали, а для уплаты налогов Леймонт Стайлс оставил им определенную сумму — так, может, деньги им и вправду ни к чему?

Было время, когда в городе ломали голову над тем, как это Воспителлы обходятся без пищи или, во всяком случае, не покупают еды. Потом об этом перестали судачить — жители решили, что насчет чужаков никогда ничего не узнаешь, не надо и пытаться.

И это, конечно, было правильно.

Внезапно Дин осознал, что дом Стайлса был даже старше его собственного. Он был построен не по единому плану — такие дома были в моде задолго до того,

как стали делать все комнаты этажа на одном и том же уровне.

Окна были занавешены тяжелыми портьерами, но в щелки пробивался свет, и Дин понял, что Воспителлы у себя. Ведь они никуда не отлучались из дома, разве что нужно было присмотреть за младенцами; но в последние годы они совсем редко выходили, потому что у людей вошло в привычку оставлять детишек в их доме. Ребята у них никогда не плачут, даже самые крошечные. Им всем очень нравится бывать у Воспителл.

Он сделал еще несколько шагов, поднялся на крыльцо, позвонил.

Подождав немного, он услышал какое-то движение в доме.

Дверь отворилась, и на пороге, загораживая свет, показалась фигура одной из Воспителл. Дин уже совсем забыл их облик — ведь он их видел много лет назад.

Дин припомнил, что вскоре после того, как Леймонт Стайлс вернулся домой, он встретил всех трех и потом время от времени то одну, то другую видел на улице издали. Но воспоминание о них и удивление при виде их изгладилось из памяти, и сейчас как будто заново, с прежней силой его поразила волшебная грация, неожиданное ощущение, будто столкнулся лицом к лицу с нежным цветком.

Лицо это, если его вообще можно было так назвать, светилось добротой, оно было слишком нежным, таким нежным, что в нем совсем не чувствовалось характера и даже индивидуальности. Удивительная кожа, румяная, словно лепестки цветка, а тело стройное до неправдоподобия, и все же оно настолько исполнено грации и гармонии, что при виде его забываешь о хрупкости. От ее фигуры веяло милой простотой, такой наивностью, что все остальное перед этим меркло.

«Нет ничего удивительного в том, что дети так любят их», — подумал Дин.

— Мистер Дин, — произнесла Воспителла, — пожалуйста, войдите. Это для нас большая честь.

— Спасибо, — ответил он, снимая шляпу.

Он сделал несколько шагов и услышал, как закрылась дверь. И вот Воспителла вдруг снова оказалась рядом с ним.

— Пожалуйста, в это кресло, — предложила она. — Оно у нас специально для особо почетных гостей.

Все было очень просто и по-дружески, однако в этом чувствовалось что-то чужое, пугающее.

Где-то в доме послышался детский смех. Дин повертел головой, чтобы понять, откуда он доносится.

— Это из детской, — сказала Воспителла. — Я закрою дверь.

Дин погрузился в кресло, положил старую, мятую шляпу на свое костлявое колено и принялся поглаживать ее костлявыми пальцами.

Воспителла вернулась и села на пол перед Дином, села единым движением, без малейшего усилия, и у Дина создалось впечатление, будто взметнулся яркий подол, хотя на самом деле никакого подола не было.

— Да, — произнесла Воспителла так, словно хотела сказать, что теперь все ее внимание приковано к Дину.

Но он молчал, потому что в комнате все еще слышался смех. Даже когда дверь в детскую закрыли, все еще слышался детский смех. Он заполнял комнату, это был по-настоящему счастливый, веселый, непринужденный, искренний, беспечный смех ребятишек, которые упиваются игрой.

Но мало того. Искорка детства сверкала в воздухе, и у Дина возникло давно забытое чувство, что он вне времени, что день никогда не кончится, что о конце его даже подумать невозможно. Легкий ветерок из несбыточной страны принес с собой запах ручья, что влечет по течению флотилии опавших осенних листьев, и чуть слышное благоухание клевера и ноготков, и аромат пушистого, только что выстиранного одеяла, какие бывают на детских кроватках.

— Мистер Дин, — сказала Воспителла.

Он виновато вскинулся.

— Простите, — сказал он. — Я заслушался.

— Но ведь дверь закрыта.

— И все же в этой комнате — дети, — проговорил Дин.

— В комнате нет детей.

— Совершенно верно, — ответил он. — Совершенно верно.

Но они были здесь. Он слышал их смех и топот их ног.

Здесь были дети или, по крайней мере, такое ощущение, будто они здесь есть, и будто здесь много цветов,

которые на самом деле давным-давно засохли и погибли, но ощущение осталось. И ощущение красоты, красоты в разных ее проявлениях — и в цветах, и в ювелирных поделках, и в маленьких картинках, и в веселых разноцветных шарфах — вещах, которые на протяжении многих лет давали Воспитателям вместо денег.

— Эта комната, — запинаясь, смущенно сказал он. — До чего же приятная комната. Мне здесь так хорошо.

Он почувствовал, что окунается в юность и веселье. Если б он мог, подумалось ему, если б он только мог, он бы влился в течение этой жизни и был бы таким, как они.

— Мистер Дин, — произнесла Воспитателя, — вы очень чувствительны.

— Мне очень много лет. Может быть, в этом причина, — ответил Дин.

Комната была и старой, и старомодной, словно двухсотлетней давности, — небольшой кирпичный камин, отделанный белым деревом, и сводчатые дверные проемы, и окна, от потолка до пола, скрытые тяжелыми черно-зелеными занавесями с золотой нитью. Здесь царили прочно обосновавшийся комфорт и ощущение нежности, которого современная архитектура — алюминий и стекло — никак не могла дать. В комнате кое-где виднелась пыль, было шумно, может, и грязновато, но возникало чувство, что ты дома.

— Я человек старого склада и, видимо, скоро совсем впаду в детство, — сказал Дин. — Боюсь, что для меня опять настало время уверовать в сказки и волшебство.

— Это не волшебство, — ответила Воспитателя. — Это наш образ жизни, только так мы и можем жить. Согласитесь, что нам тоже хочется выжить.

— Конечно.

Он снял мятую шляпу с колена и медленно поднялся.

Теперь смех казался слабее, а топот — тише. Но ощущение юности — свежести, кипучей силы, радости — все еще наполняло комнату. Оно озарило своим сиянием всю эту старую ветошь, и сердце Дина внезапно защемило от счастья.

Воспитателя все еще сидела на полу.

— Вам что-нибудь нужно, мистер Дин?

Дин мял в руках шляпу.

— Больше ничего. Кажется, я получил ответ.

Даже произнося эти слова, он не мог поверить, он знал, что невозможно поверить, будто он когда-то, стоя перед дверью этого дома, твердо считал, что до правды докопаться нельзя.

Воспителла поднялась.

— Вы придете к нам еще? Мы будем очень рады видеть вас.

— Может быть, — сказал Дин и повернулся к двери.

Вдруг на полу, вертясь, возник волчок, золотой волчок, искрящийся драгоценностями; он вбирал свет и разбрасывал вокруг себя тысячи цветных бликов, и его кружение сопровождалось мелодичным свистом — чем-то вроде музыки, запрятанной внутрь и расплавлявшей человеческую душу.

Дин почувствовал, что надо уходить, хотя, сидя в кресле, он думал, что уйти невозможно. И снова донесся смех, и реальный мир куда-то утплыл, и внезапно комната наполнилась волшебным светом Рождества.

Он быстро сделал шаг вперед и уронил шляпу. Он больше не знал ни своего имени, ни того, где он сейчас, ни как он попал сюда, — все это было ему безразлично. Он почувствовал, как счастье в нем бурлит и переливается через край, и он наклонился, чтобы достать волчок.

Дина отделяло от него лишь один-два дюйма, и он, наклонившись, сделал еще шаг, протянул руку — и попал ногой в дыру на старом ковре и рухнул вниз.

Волчок пропал, и рождественские огни погасли, и опять перед ним возник реальный мир. Ощущение бурлящего счастья исчезло, и в этой комнате — убежище для всех — остался лишь старик, который силился встать с пола, чтобы оказаться лицом к лицу с чужаком.

— Простите, — сказала Воспителла. — Вы почти дотянулись. Может быть, в другой раз.

Дин покачал головой,

— Нет! Только не в другой раз!

Воспителла мягко ответила:

— Мы не могли вам предложить ничего лучшего.

Дин неумело водрузил шляпу на голову и, дрожа, как в лихорадке, повернулся к двери. Воспителла открыла ее, и Дин, пошатываясь, вышел на улицу.

— Приходите еще, — произнесла Воспителла очень мягко. — В любое время.

На улице Дин остановился и привалился к дереву. Он снял шляпу и вытер лоб.

Если раньше Дин был просто потрясен, то теперь в его душу вполз страх — страх перед существами, устроенными иначе, которые едят не как люди, а по-другому, которые высасывают юность и красоту, которые пьют воду из высыхающего букета, которые отщипывают по кусочкам радость у веселящегося ребенка и даже заедают смехом.

И неудивительно, что здешние дети взрослых, чем полагается быть в их годы. Потому что чужаки лишают их ребячливости, дети для них — лишь подножный корм. Каждому человеку, наверное, положено немало веселой беготни и детского смеха, подумал он. Иной использует не все, что ему причитается, на это может быть лимит, а другой истратит все до конца, радость уйдет, он будет взрослым, а в душе у него не останется больше ни смеха, ни удивления.

Воспителлы не берут денег. Им и не к чему их брать, потому что деньги им не нужны. В доме у них чего только нет, чего только они не накопили за долгие годы!

И вот за все это время он первый ощутил, он первый выявил истинную сущность чужаков, привезенных домой Леймонтом Стайлсом. Грустно было сознавать, что он первый это обнаружил. Он сказал себе, что он стар, может, потому и оказался первым. Но это были всего лишь слова, почти автоматически сорвавшиеся с губ, просто он сам себя пожалел. Однако можно было предположить и это.

Может, старикам как-то компенсируют потерю способностей? Может, когда тело слабеет и разум мутнеет, появляются некие таинственные силы, нечто вроде чутья ищейки, они словно угольки почти сгоревшей жизни?

Он всегда беспокоился о том, что стареет, сказал он себе, но кто же считает старость достоинством? Он забывал о настоящем, зато его озабоченность по поводу прошлого росла все больше и больше. Он начал впадать в детство и сам об этом знал — может, тут и заключалась разгадка? Может, потому он видел волчок и рождественские огни?

Ему хотелось знать, что бы произошло, если бы он схватил волчок?

Он надел шляпу на затылок, оторвался от дерева и медленно побрел вверх по улице, направляясь к дому.

Что он должен сделать теперь, когда он раскрыл тайну Воспителл, спрашивал он себя. Конечно, он мог бы побежать и растрезвонить об этом, но никто бы ему не поверил. Его бы вежливо выслушали, чтобы не ранить чувства старика, но любой житель городка счел бы это игрой воображения, и тут ничего нельзя было бы поделать. Потому что, кроме собственной непоколебимой уверенности, он не располагал бы ни единым доказательством.

Он мог бы привлечь внимание к тому, что молодежь теперь рано созревает, как сегодня днем к этому привлек его внимание Стаффи. Но он не сумеет доказать даже это, так как в конечном счете все жители городка дадут рациональное объяснение случившемуся. Даже если других причин не найдется, они это сделают из чувства родительской гордости. Ни один человек не будет удивляться тому, что у его сына или дочери особенно хорошие манеры и что по развитию молодежь Милвилла стоит выше среднего уровня.

Казалось бы, родители должны заметить, им просто следовало бы задуматься над этим — ведь не могут же дети всего городка быть так хорошо воспитаны и так уравновешены! И все же никто ничего не замечал. Перемены подкрадывались так медленно, происходили так гладко, что просто не были заметны.

Да если уж на то пошло, он и сам не заметил их, он, большую часть жизни теснейшим образом связанный с этими самыми детьми, в которых теперь находит так много удивительного. А если уж и он не заметил, то как можно ждать, чтобы это сделал кто-то другой? Болтливому старику, вроде Стаффи, который лезет, куда не нужно, остается только чесать языком.

В горле у него пересохло и засосало под ложечкой. Больше всего ему сейчас хотелось чашечку кофе.

Он свернул на улицу, которая вела в деловую часть города, и побрел по ней, нагнув голову, как бы вступая в сражение с темнотой.

Чем все это кончится, спросил он себя. Кому нужно, чтобы дети не видели детства? Чтоб их обкрадывали? Какова цена того, что подрастающие юноши и девушки бросают игры намного раньше срока, что они прежде времени перенимают у взрослых их отношение к жизни?

Кому-то, видимо, это нужно. Дети Милвилла послушны и вежливы, к игре они подходят творчески; среди них больше нет ни снобов, ни маленьких дикарей.

Но все несчастье в том, что стоит им только задуматься над этим, как они перестают быть детьми.

Ну, а в грядущем? Будет ли Милвилл поставщиком великих государственных деятелей, ловких дипломатов, первоклассных педагогов и талантливых ученых? Может быть, да, однако не это главное. Ведь чтобы вырабатывать у них эти качества, детей обкрадывают, лишают детства — вот что самое главное.

Дин оказался в деловом районе, занимавшем не больше трех кварталов, и медленно побрел по улице, направляясь к единственной в городе аптеке.

В аптеке было лишь несколько человек. Он прошел к стойке, с несчастным видом взобрался на высокий стул, надвинув на глаза мятую шляпу, и ухватился за край стойки, чтоб руки не дрожали.

— Кофе, — сказал он девушке, которая подошла принять заказ.

Она принесла кофе.

Он сделал маленький глоток, но кофе был слишком горячий. Дин уже жалел, что пришел.

Внезапно он почувствовал себя совсем одиноким и чужим среди блеска ламп и металла, будто он приплелся из прошлого и занял место, предназначенное для настоящего.

Он почти никогда не появлялся в деловом районе, и, наверное, поэтому у него родилось такое чувство. Еще того реже появлялся он здесь вечером; впрочем, некогда он тут бывал.

Дин улыбнулся, вспомнив, как они когда-то собирались и болтали в кружках о всякой всячине, не придавая этому особого значения.

Но теперь все кончено. Его товарищей больше нет. Одни умерли, другие уехали, и мало кто еще способен на рискованный шаг.

Так он сидел в раздумье, понимая, что расчувствовался, но не придавал этому значения; он слишком устал и ослаб, чтобы перебороть себя.

Чья-то рука коснулась его плеча, и он в удивлении обернулся.

Перед ним стоял молодой Боб Мартин. Он улыбался, но с таким видом, будто был не совсем уверен в том, что поступает правильно.

— Сэр, мы вон там, за тем столиком, — сказал молодой Мартин, захлебнувшись от собственной храбрости.

Дин кивнул.

— Очень приятно, — пробормотал он.

— Мы хотели узнать, может... то есть, мистер Дин, мы были бы очень рады, если бы вы присоединились к нам.

— В самом деле, весьма любезно с вашей стороны.

— Мы не имели в виду, сэр... то есть...

— Ну конечно, — сказал Дин. — Я буду очень рад.

— Разрешите перенести ваш кофе, сэр. Я не пролью ни капли.

— Доверяю тебе, Боб, — сказал Дин, поднимаясь из-за стола. — У тебя верная рука.

— Я сейчас вам объясню, мистер Дин. Не то чтобы я не хотел играть... Просто...

Дин слегка похлопал его по плечу.

— Я понимаю. Ни к чему объяснять.

Он помедлил секунду, пытаясь сообразить, стоит ли рассказывать о том, что у него на уме.

И решил:

— Если ты не проболтаешься тренеру, я даже скажу, что согласен с тобой. В жизни бывают такие этапы, когда регби начинает казаться довольно глупой игрой.

Мартин с облегчением улыбнулся:

— Вы попали в самую точку. Вот именно.

Он пошел к своему столику.

За столом сидели четверо — Рональд Кинг, Джордж Вудз, Джуди Чарльсон и Донна Томпсон. Все хороши, подумал Дин. Будто на выбор. Он глядел, как они неторопливо потягивают содовую, стараясь растянуть удовольствие.

Они смотрели на него и улыбались, и Джордж Вудз отодвинул один из стульев, как бы приглашая Дина. Тот осторожно сел и положил шляпу на пол за своим стулом. Боб пододвинул ему кофе.

— Вы очень добры, — сказал Дин и удивился, почему он чувствует себя скованным. В конце концов, это его дети — дети, которых он каждый день видел в

школе, те, кого он лелеял и у кого пробуждал охоту к знанию, дети, которых у него самого не было никогда.

— Вы сейчас нам так нужны, — сказал Рональд Кинг. — Мы тут говорили о Леймонте Стайлсе. Он единственный милвилец, который побывал в космосе и...

— Вы, должно быть, знали его, мистер Дин, — сказала Джуди.

— Да, — неторопливо ответил Дин. — Я его знал, но хуже, чем Стафф. Они со Стаффом вместе провели детство. Я был немного старше.

— Что он за человек? — спросила Донна.

Дин хмыкнул.

— Леймонт Стайлс? Он был в нашем городе козлом отпущения. Когда он учился в школе, ни денег, ни домашнего очага у него не было, он так и не доучился. Если в городе происходила какая-то заваруха, вы могли ручаться головой, что в этом замешан Леймонт. Каждый встречный и поперечный утверждал, что из Леймонта ничего путного не выйдет, а так как о нем судачили часто и долго, Леймонт, должно быть, принимал это близко к сердцу...

Он все говорил и говорил, и они задавали ему вопросы, а Рональд Кинг сходил к стойке и принес ему еще одну чашечку кофе.

От Стайлса разговор перекинулся на регби. Кинг и Мартин повторили ему то, что сказали тренеру. Потом затронули проблемы школьного самоуправления, а потом перешли к обсуждению новой, недавно открытой теории ионного двигателя.

Дин не всегда принимал участие в разговоре; он больше слушал, задавал вопросы, и время промелькнуло незаметно.

Внезапно огни начали мигать, и Дин в изумлении поднял глаза.

Джуди, смеясь, разъяснила:

— Это сигнал к закрытию. Значит, нам пора уходить.

— Понятно, — сказал Дин. — А что, с вами часто так бывает — я хочу сказать, часто вы сидите здесь до самого закрытия?

— Не очень, — ответил ему Боб Мартин. — В будни больно уж много задают.

— А я вот помню, когда-то давно такое со мной было, — начал Дин, но осекся на полуслове.

Да, и впрямь давно, подумал он. И сегодня вечером — снова!

Он окинул их взглядом — пять лиц склонились над столом. Вежливы, добры и почтительны, подумал он. Но этого мало.

В разговоре с ними Дин забыл о том, что он стар. Они принимали его просто как живое существо, а не как человека преклонных лет, не как символ авторитета. Они стали ему близки, он почувствовал, будто он один из них, а они — это он, они сломали не только барьер между учениками и учителем, но и барьер между молодостью и старостью.

— У меня здесь машина, — сказал Боб Мартин. — Разрешите подвезти вас до дому.

Дин подобрал с пола шляпу и медленно поднялся на ноги.

— Нет, спасибо, — сказал он. — Пожалуй, я лучше пройдусь пешком. Мне нужно кое-что обдумать, а когда идешь, думается лучше.

— Приходите еще, — сказала Джуди Чарльсон. — Может, как-нибудь в пятницу вечером.

— Спасибо, — ответил Дин. — Пожалуй, я приду.

Большие дети, сказал он себе с некоторой гордостью. Намного добрее и вежливее обычных подростков. Ни нахальства, ни снисходительности, будто они и не дети, и все же есть в них великолепие юности: и мечтательность, и честолюбие, что идут рука об руку с юностью.

Повзрослевшие прежде времени, лишенные цинизма. А это очень важно — отсутствие цинизма.

Конечно, в их человеколюбии нет ничего дурного. Быть может, именно этим одарили их Воспителлы взамен украденного детства.

Если они и впрямь его украли. Потому что, может, они и не крали, а просто взяли и отложили про запас.

А если это так, то Воспителлы одарили ребят новым чувством зрелости и новым ощущением равенства. И взяли у ребят другое — то, что так или иначе пропадало впустую, нечто такое, чему люди, в сущности, не находили применения, но для Воспителл это было самым главным.

Они взяли себе юность и красоту и отложили в своем доме про запас; они сохранили то, что человеческие существа могли хранить лишь в памяти. Они лови-

ли быстротечные мгновения и удерживали их, и вот он, урожай многих лет, дом был доверху набит ими.

Леймонт Стайлс, спросил он, ведя мысленный разговор с этим человеком через долгие годы, через дальние расстояния, ты об этом знал? Какую цель ты преследовал?

Не было ли это вызовом самодовольству чопорного городка, который вынудил его стать сильным? Надеждой, уверенностью, что ни один милвилец больше уже не скажет ни про кого из ребят, как говорили про Леймонта Стайлса, что из этого мальчика или девочки ничего путного не выйдет.

Это, конечно, важно, но это еще не все.

Донна дотронулась до его локтя и потянула за рукав.

— Пойдемте, мистер Дин, — настойчиво звала она. — Вам нельзя здесь оставаться.

Они все вместе направились к двери, попрощались, и он вышел на улицу, как ему показалось, немного быстрее обычного.

Это потому, что теперь он стал чуточку моложе, чем был два часа назад, совершенно серьезно сказал он себе.

Дин пошел быстрее и больше не прихрамывал, и совсем не устал, но боялся признаться в этом самому себе — ведь это была мечта, надежда, поиски, в которых никто никогда не признается.

Он шел куда глаза глядят. Ему нужно было отправляться домой. Было очень поздно, давно пора в постель.

Но он не мог произнести этого слова. Не мог облечь мысль в словесную оболочку.

Он пошел вверх по улице, мимо лужайки, заросшей кустарником, и увидел, что свет все еще просачивается сквозь спущенные занавеси. «Это и Стаффи, и я сам, и старина Эйб Хокинс. Нас много...»

Дверь отворилась: на пороге стояла Воспителла, спокойная и красивая. Она нисколько не удивилась. Словно она специально ждала меня, подумал Дин.

И увидел остальных двух, которые сидели у камина.

— Пожалуйста, входите в дом, — предложила Воспителла. — Мы очень рады тому, что вы решили вернуться. Все дети ушли. Давайте поговорим в тишине и покое.

Он вошел и снова сел в кресло и аккуратно положил шляпу себе на колено.

Еще раз дети пробежали по комнате, и он почувствовал себя вне времени и пространства и услышал смех.

Он сидел в кресле и думал, покачивая головой, а Воспителлы ждали.

Трудно, думал он. Трудно найти нужные слова.

И вновь, как много лет назад, он почувствовал себя учеником, которого учитель вызвал отвечать урок.

Они все еще ждали, но они были терпеливы; надо дать ему время.

Он должен сказать об всем как следует. Он должен добиться того, чтоб они поняли. Он не может просто сболтнуть, что придется. Его слова должны прозвучать естественно и в то же время быть логичными.

«Но как сделать, чтобы в них была логика?» — спросил он себя.

В том, что старики, подобные ему и Стаффи, нуждаются в Воспителлах, не было ни капли логики.

ПОВЕДАЙ МНЕ СВОИ ПЕЧАЛИ...

Была суббота, и дело шло к вечеру, так что я устроился на крылечке и решил как следует поддаться. Бутылку я держал под рукой, настроение у меня было приподнятое и поднималось все выше, и тут на дорожке, ведущей к дому, показались двое — пришелец и его робот.

Я сразу смекнул, что это пришелец. Выглядел он в общем-то похожим на человека, но за людьми роботы по пятам не таскаются.

Будь я трезв, как стеклышко, у меня, может, глаза слегка и полезли бы на лоб: с чего бы пришельцу взяться у меня на дорожке, — и я бы хоть чуточку усомнился в том, что вижу. Но трезв я не был, вернее, был уже не вполне трезв.

Так что я ответил пришельцу «Добрый вечер» и предложил присесть. А он ответил «Спасибо» и сел.

— Ты тоже садись, — обратился я к роботу и подвинулся, чтоб ему хватило места.

— Пусть стоит, — ответил пришелец. — Он не умеет сидеть. Это просто машина.

Робот лязгнул на него шестеренкой, а больше ничего не сказал.

— Глотни, — предложил я, приподнимая бутылку, но пришелец только головой помотал.

— Не смею, — ответил он. — Метаболизм не позволяет.

Это как раз из тех хитроумных слов, с какими я немного знаком. Когда работаешь в лечебнице у доктора Абея, поневоле поднахватаешься медицинской тарбарщины.

— Какая жалость! — воскликнул я. — Не возражаешь, если я хлебну?

— Нисколько, — сказал пришелец.

Ну я и хлебнул от души. Видно, чувствовал, что выпить надо позарез. Потом я поставил бутылку, вытер губы и спросил, нет ли чего другого, чем можно бы его угостить. А то с моей стороны ужасно негостеприимно было сидеть и лакать виски, а ему даже и не предлагать.

— Вы можете рассказать мне про этот город, — ответил пришелец. — Кажется, его имя Милвилл?

— Милвилл, это точно. А что тебе надо про него знать?

— Всевозможные грустные истории, — сказал робот. Он наконец решил заговорить.

— Робот не ошибается, — подтвердил пришелец, устраиваясь поудобнее в позе, явно выражающей предвкушение. — Поведайте мне обо всех здешних бедах и несчастьях.

— А с чего начать? — поинтересовался я.

— Хотя бы с себя.

— С меня? У меня никогда не было никаких несчастий. Всю неделю я подметаю в лечебнице, а по субботам надираюсь в дым. За воскресенье мне надо проtrzeветь, чтобы с понедельника начать подметать снова. Поверь мне, мистер, — втолковывал я ему, — нет у меня несчастий. Сажу я на своем месте крепко. Свою концы с концами...

— Но, вероятно, есть и другие...

— Что есть, то есть. Ты за всю жизнь не слышал столько жалоб, сколько нынче развелось в Милвилле. Тут у всех, кроме меня, целая прорва всяких бед. Еще куда бы ни шло, если б они не трепались про эти беды направо и налево...

— Вот и расскажите мне, — перебил он.

Пришлось хлебнуть еще разок и рассказать ему про вдову Фрай, что живет чуть дальше по улице. Я сказал, что вся ее жизнь была сплошной мукой: муж сбежал от нее, когда сынишке исполнилось три годика, и она

брала стирку, а потом, когда сыну исполнилось тринадцать или четырнадцать, не больше, он угнал машину, и его отправили на два года в исправительную колонию в Глен-Лейк.

— И это все? — спросил пришелец.

— В общих чертах все, — ответил я. — Но я, конечно, упустил многие цветистые и мрачные подробности из тех, до которых так охоча вдова. Послушал бы ты, как она сама об этом рассказывает...

— А вы можете это устроить?

— Что устроить?

— Чтоб она сама мне обо всем рассказала.

— Обещать не могу, — заявил я честно. — Вдова обо мне невысокого мнения. Она со мной и говорить не захочет.

— Но я не понимаю...

— Она достойная, богобоязненная женщина, — объяснил я, — а я подлый бездельник. Да еще и пьяница.

— Она что, не любит пьяниц?

— Она полагает, что пить — грех.

Пришелец вроде как вздрогнул.

— Ясно. Видно, всюду, как присмотришься, одно и то же.

— Значит, и у вас есть такие, как вдова Фрай?

— Не совсем такие, но с такими же взглядами.

— Ну что ж, — сказал я, приложившись еще разок, — значит, другого выхода у нас нет. Как-нибудь продержимся...

— Вас не слишком затруднит, — осведомился пришелец, — рассказать мне еще про кого-нибудь?

— Что ты, вовсе нет, — заверил я.

И рассказал ему про Элмера Троттера, который зубами прогрыз себе дорогу в юридическую школу в Мэдисоне, не гнушаясь никаким занятием, лишь бы заработать на учебу, — ведь родителей у него не было. Он окончил курс, сдал экзамены на адвокатское звание, вернулся в Милвилл и открыл собственную контору.

Я не мог передать пришельцу, как это случилось и почему, хотя про себя всегда считал, что Элмер был по горло сыт бедностью и ухватился за первый шанс зашибить деньгу. Никто, наверное, не понимал лучше его, что сделка бесчестная, — он же был юрист, не что-нибудь. Однако он все равно не отступился, и его поймали.

— И что потом? — спросил пришелец, затаив дыхание. — Он был наказан?

И я рассказал ему, что Элмера лишили права на адвокатуру, а Элиза Дженкинс расторгла помолвку и вернула ему кольцо, и пришлось Элмеру стать страховым агентом и владеть самым жалким существованием. Как он только ни пыжился, чтобы вернуть себе адвокатскую практику, да ни шиша у него больше не вышло.

— Ты все записал? — спросил пришелец у робота.

— Все записано, — ответил тот.

— Какие потрясающие нюансы! — воскликнул пришелец. — Какая жестокая, всеподавляющая реальность!..

Я не мог взять в толк, о чем это он, ну и попросту еще выпил.

А потом продолжал, не дожидаясь новых просьб, и рассказал про Аманду Робинсон и ее несчастную любовь и про то, как она стала самой благонравной и унылой из милвиллских старых дев. И про Эбнера Джонса и его бесконечные неудачи: он никак не желал расстаться с убеждением, что родился великим изобретателем, и семья у него жила впроголодь и в рванье, а он только и знал, что изобретать...

— Какая скорбь! — воскликнул пришелец. — Какая замечательная планета!..

— Лучше бы вы закруглялись, — предупредил его робот. — Вам же известно, что будет дальше...

— Ну еще одну, — взмолился пришелец. — Я ни в одном глазу. Одну самую-самую последнюю...

— Послушай, — сказал я ему. — Я не против рассказывать тебе байки, раз тебе этого хочется. Но, может, ты сначала расскажешь хоть немножко о себе. Я понимаю так, что ты пришелец...

— Разумеется, — ответил пришелец.

— И ты прилетел к нам в космическом корабле?

— Ну не то чтобы в корабле...

— Но если ты пришелец, отчего ты говоришь по-нашему так гладко?

— А, вот вы про что, — сказал пришелец. — Это для меня не очень приятный вопрос.

Робот сокрушенно пояснил:

— Они обобрали его до нитки.

— Значит, ты заплатил за это?

— Непомерно много, — ответил робот. — Они увидели, что ему невтерпех, и взвинтили цену.

— Но я с ними расквитаюсь, — вставил пришелец. — Если я не сумею извлечь из этой поездки прибыль, пусть меня никогда больше не назовут...

И он произнес что-то длинное, заковыристое и совершенно бессмысленное.

— Это тебя так зовут? — спросил я.

— Конечно. Но вы зовите меня Вильбур. А робота — робота можете звать Лестер.

— Привет, ребята. Очень рад с вами познакомиться. Меня зовут Сэм, — сказал я и глотнул еще чуточку.

Мы сидели на крылечке, и всходила луна, и светлячки мерцали в зарослях сирени, и мир готов был пуститься в пляс. Мне еще никогда в жизни не было так хорошо.

— Ну еще одну, — умоляюще произнес Вильбур.

Тогда я пересказал ему несколько историй болезни, заимствованных из психолечебницы. Я старался выбирать случаи потяжелее, и Вильбур принялся реветь, а робот заявил:

— Сами видите, что вы наделали. У него пьяная истерика.

Но тут Вильбур вытер глаза и сообщил, что все в порядке и чтобы я только не останавливался, а уж он постарается как-нибудь сдержаться.

— Что такое? — спросил я, слегка удивившись. — Ты что, хмелеешь от этих грустных историй?

— А вы что думали? — ответил робот Лестер. — Зачем бы ему иначе сидеть и слушать вашу болтовню?

— А ты тоже хмелеешь? — осведомился я у Лестера.

— Конечно, нет, — ответил Вильбур. — Он лишен эмоций. Это просто машина.

Я хлебнул еще разок и хорошенько все обдумал, и все сделалось ясно как день. И я поведал Вильбуру свою жизненную философию:

— Сегодня субботний вечер, самое время налакаться и поплакаться в жилетку. Так что давай...

— Я — за, — всхлипнул Вильбур, — пока у вас язык ворочается, я — за...

Лестер лязгнул шестеренкой, вероятно, выражая свое неудовольствие, но смолчал.

— Запиши все до слова, — приказал Вильбур роботу. — Мы заработаем на этом миллион. Надо же вернуть себе то, что переплачено за обучение! — Он

тяжко вздохнул. — Нет, я не жалею о деньгах. Что за прелестная, преисполненная скорбей планета!

И я завелся и уже не снижал оборотов, и ночь становилась все краше с каждой благословенной минутой.

Где-то к полуночи я надрался до того, что едва держался на ногах, а Вильбур — до того, что икал от слез, и мы, вроде как по обоюдному согласию, сдались. Мы поднялись с крылечка и в обнимку прошли через дверь в дом, правда, я потерял Вильбура по дороге, но до кровати кое-как добрел, а больше ничего не помню.

Когда я проснулся, то сразу понял, что уже воскресное утро. Солнце било сквозь окно, было ясно и пахло ханжеством, как всегда по воскресениям в наших краях.

Обычно по воскресениям тихо, и этого одного довольно, чтобы не любить воскресений. Однако сегодняшнее выдалось вовсе не тихим — снаружи доносился ужасный шум, словно кто-то швырял камнями в пустую консервную банку.

Я выкатился из постели, и вкус у меня во рту был такой пакостный, какой и следовало ожидать. Тогда я протер глаза, а то в них будто песку насыпали, и потопал в другую комнату, и только перешагнул порог, как едва не наступил на Вильбура.

Сперва я здорово испугался, а потом припомнил, кто это, и застыл, глядя на него и не слишком веря своим глазам. Подумал, что он, не дай Бог, мертв, но тут же убедился — живой. Он лежал на спине плашмя, раскрыв свою плоскую, как у сома, пасть, и похожие на перья усики у него над губой при каждом вздохе вставали торчком, а затем опадали.

Я перешагнул через него и направился к двери разобраться, что за тарарам на дворе. Там стоял Лестер, робот, в точности на том месте, где мы оставили его вечером, а на дорожке собралась ватага ребятни и кидала в него камнями. Ребятня попалась меткая, как по заказу: что ни бросок, то в Лестера, почти без промаха.

Я цыкнул на них, и они бросились врассыпную. Им ли было не знать, какую я могу задать трепку...

Только-только я собрался вернуться в дом, как на дорожку влетела машина. Из нее выпрыгнул Джо Флетчер, наш констебль, и я сразу понял, что настроеньице у него — не приведи Господи. Джо остановился перед

крыльцом, упер руки в боки и принялся сверлить нас взглядом — сначала Лестера, потом меня.

— Сэм, — спросил он с отвратительной усмешкой, — что тут происходит? Один из твоих сиреневых слонов ожил и явился к тебе на постой?

— Джо, — сказал я торжественно, пропуская оскорбление мимо ушей, — разреши представить тебе Лестера.

Джо совсем уже изготовился заорать на меня, как вдруг в дверях показался Вильбур.

— А это Вильбур, — добавил я. — Вильбур — пришелец, а Лестер, как ты сам понимаешь...

— Вильбур — кто? — гаркнул Джо.

Вильбур выступил на крыльцо и объявил:

— Что за скорбное лицо! И сколь благородное при том!..

— Он тебя имеет в виду, — пояснил я констеблю.

— Если вы вздумаете продолжать в том же духе, — прорычал Джо, — я засажу вас обоих в каталажку.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Вильбур. — Если я ненароком задел ваши чувства, то готов принести извинения.

Чувства Джо — с ума сойти можно!

— Вижу с первого взгляда, — продолжал Вильбур, — что жизнь вас не баловала...

— Чего не было, того не было, — согласился Джо.

— Мне тоже пришлось несладко, — сказал Вильбур, усаживаясь на ступеньку. — А теперь настали деньки, когда, как ни старайся, не отложишь и цента.

— Мистер, вы правы, — откликнулся Джо. — Ну точно это же я сказал своей хозяйке нынче утром, когда она взялась пилить меня, что у детишек башмаки прохудились...

— Просто чудо, как еще удастся заработать себе на хлеб.

— Слушайте, вы же еще ничего не знаете!..

И разрази меня гром, не успел я и до трех сосчитать, как Джо уселся рядом с пришельцем и начал выкладывать ему свои горести.

— Лестер, — предупредил Вильбур, — не забудь записать все это...

Я поплелся обратно в дом и быстренько опрокинул стопку, чтоб успокоить желудок, прежде чем приступить к завтраку. Есть в общем-то не хотелось, но я

понимал, что надо. Я отыскал яйца и бекон и задумался, чем же кормить Вильбура. Мне вдруг припомнилось, какой у него странный метаболизм, что не выносит спиртного, а если пришьелцу не по нутру добрый виски, то не похоже, чтоб он набросился на яичницу с беконом.

Не успел я покончить с завтраком, как через заднюю дверь ко мне на кухню ворвался Хигмен Моррис. Хигги — наш мэр, сполп церкви, член школьного совета, директор банка и вообще шишка на ровном месте.

— Сэм, — завопил он, — довольно наш город от тебя натерпелся! Мы мирились с твоим пьянством, с твоей никчемностью и с отсутствием патриотизма. Но это уже слишком!

Я вытер яйцо с подбородка.

— Что — слишком?

Хигги едва не задохнулся от негодования.

— Это публичное представление! Этот бесплатный цирк! Нарушение общественного порядка! И еще в воскресенье!..

— Вон оно что, — сказал я, — вы намекаете на Вильбура и его робота.

— Перед домом собирается толпа, мне звонили уже человек десять, а Джо сидит себе там с твоим... твоим...

— Пришьелцем, — подсказал я.

— И они ревут, обнявшись, как трехлетние дети, и... Что? Пришьелцем?..

— Точно, — подтвердил я. — Кем же еще он, по вашему, может быть?

Хигги дрожащей рукой подтянул к себе стул и бесильно опустился на сиденье.

— Сэмюэль, — тихо сказал он, — повтори-ка свои слова еще раз. Кажется, я чего-то недослышал.

— Вильбур — пришьелец, — повторил я ему, — из другого мира. Он и робот явились к нам, чтобы слушать грустные истории.

— Грустные истории?

— Точно. Ему нравятся грустные истории. Одним нравятся истории веселые, другим похабные, а ему вот грустные.

— Он пришьелец, — произнес Хигги, ни к кому не обращаясь.

— Пришьелец, пришьелец, не сомневайтесь, — ото-звался я.

— Ты в этом совершенно уверен?

— Совершенно.

Хигги разволновался.

— Неужели ты не понимаешь, что это значит для Милвилла! Наш малюсенький городок — первое место на Земле, которое посетил пришелец!

Я хотел только одного: чтоб он заткнулся и убрался восвояси — и дал мне отпрокинуть стопку после завтрака. Хигги не употреблял спиртного, особенно по воскресеньям. Он, чего доброго, умер бы от ужаса.

— К нам теперь будут ломиться со всего света! — закричал Хигги. Вскочив со стула, он кинулся из кухни в комнату. — Я обязан официально приветствовать высокого гостя!..

Я поплелся следом за ним — я не простил бы себе, если б упустил такое зрелище.

Джо успел уйти, Вильбур сидел на крылечке в одиночестве, и я-то видел, что он уже основательно нагрузился. Хигги приблизился к нему, выпятил грудь, простер вперед руку и завел торжественно, по полной форме:

— Мне как мэру города Милвилла доставляет величайшее удовольствие передать вам наш сердечный привет...

Вильбур пожал ему руку и сказал:

— Быть главой города — высокая честь и большая ответственность. Уму непостижимо, как вы не сгибаетесь под тяжестью подобной ноши.

— Признаться, временами... — вымолвил Хигги.

— Но вы, как видно, принадлежите к числу людей, озабоченных всецело благополучием ближнего своего, а потому, естественно, вынуждены повседневно сталкиваться с непониманием и неблагодарностью...

Хигги грузно опустился на ступеньки.

— Сэр, — обратился он к Вильбуру, — вы не поверите, сколько мук мне приходится выносить.

— Лестер, — произнес Вильбур, — не забудь записать...

Я ушел в дом. Этого я переварить не мог.

На улице уже собралась целая толпа: мусорщик Джейк Эллис, хозяин «Веселого мельника» Дон Майерс и множество других. И там же — ее оттирали кому не лень, а она все равно высывалась, — крутилась вдова Фрай. Люди как раз шли в церковь, ну и останавли-

вались по пути поглазеть, потом топали дальше, но на их месте тут же появлялись другие, и толпа нисколько не редела, а, напротив, росла и росла.

Я пошел на кухню и опрокинул свою стопку, вымыл посуду и опять задумался, чем бы покормить Вильбура. Хотя в данный момент он, судя по всему, не слишком-то нуждался в еде.

Потом я перешел в комнату, сел в кресло-качалку и скинул с ног сапоги. Я сидел в качалке, шевеля пальцами ног и размышляя о том, что за дикая у Вильбура привычка надуваться печалью вместо доброго алкоголя.

День выдался теплый, а я притомился, и покачивание, должно быть, навело на меня дремоту, потому что вдруг я очнулся и понял, что не один. Я не сразу увидел, кто это, но все равно знал, что в комнате кто-то есть.

Это оказалась вдова Фрай. Она надела свое воскресное платье — после стольких-то лет, когда она проходила мимо по противоположной стороне улицы, словно вид моей халупы или мой собственный вид могли осквернить ее зрение, — после стольких-то лет она явилась ко мне, разодевшись и сияя улыбкой! А я сижу себе похмельный и в одних носках.

— Сэмюэль, — сказала вдова Фрай, — не могу не поделиться с тобой. По-моему, твой мистер Вильбур — просто чудо...

— Он пришелец.

Я едва-едва проснулся и был еще порядком не в себе.

— Какая мне разница, кто он! — воскликнула вдова. — Он джентльмен, преисполненный такого сочувствия... Ни капельки не похож на жителей этого ужасного города.

Я вскочил на ноги, не зная, в сущности, что предпринять. Она застала меня врасплох, в самом что ни на есть непрезентабельном виде. Уж кого-кого со всего белого света я мог ждать к себе в гости, только не ее. Я чуть не предложил ей выпить, да хорошо — в последнюю секунду опомнился.

— Вы что, говорили с ним? — спросил я, заикаясь.

— И я, и все остальные, — ответила вдова Фрай. — Он такой обаятельный! Поделишься с ним своими заботами — и они вроде как улетучатся. Там целая уйма народу ждет своей очереди.

— Ну что ж, — сказал я ей, — рад слышать это от вас. Но как он выдерживает такую нагрузку?

Вдова придвинулась поближе ко мне и снизила голос до шепота.

— По-моему, он изнемогает. Я бы сказала... я бы сказала, что он в состоянии опьянения, если бы не боялась его обидеть.

Я быстренько взглянул на часы.

— Мама родная! — вырвалось у меня.

Было уже почти четыре часа дня. Вильбур просидел там шесть или семь часов подряд, поглощая без разбора все печали, какие только мог предложить ему этот городишко. Сейчас он, дело ясное, насосался до самых бровей.

Я кинулся к двери — и точно, Вильбур сидел на крылечке, слезы текли у него по лицу, и слушал он не кого-нибудь, а Джека Риттера, — а враля нахальнее, чем старина Джек, не встретишь ни в нашей округе, ни в соседних. Он, наверняка, выкладывал Вильбуру чистый бред, который выдумывал сходу.

— Извини, Джек, — бросил я, поднимая Вильбура на ноги.

— Но я как раз говорил ему о том...

— Ступай домой! — цыкнул я на него. — И остальные тоже! Вы его вымотали до упора...

— Мистер Сэм, — признался Лестер, — как я рад, что вы пришли. Меня он совсем не слушался.

Вдова Фрай придержала дверь, а я втащил Вильбура в дом и положил его на свою кровать, чтоб он проспался. Вдова подождала меня на крылечке.

— Знаете что, Сэмюэль, — сказала она, — я приготовила на ужин цыплят. Их у меня больше, чем я могу съесть одна. Не хотите ли зайти и составить мне компанию?

Я просто онемел на мгновение, потом покачал головой.

— Спасибо за приглашение, только я должен последить за Вильбуром. На работа он — ноль внимания.

Вдова была разочарована.

— Может, как-нибудь в другой раз?

— Да, как-нибудь в другой раз.

Когда она удалилась, я вышел снова и пригласил в дом Лестера.

— Ты можешь сесть, — спросил я, — или должен стоять?

— Я должен стоять, — ответил Лестер.

Тогда я успокоился — пусть стоит, — а сам сел в качалку.

— Что ест Вильбур? — спросил я. — Он, наверное, проголодался.

Робот раскрыл дверцу посередине груди и достал странного вида бутылочку. Он встряхнул ее, и я услышал, как внутри что-то задребезжало.

— Вот его пища, — сказал Лестер. — Он принимает по бутылочке в день.

Лестер уже собирался отправить бутылочку обратно, как вдруг из дверцы выпала тугая объемистая пачка. Робот нагнулся и подобрал ее.

— Деньги, — пояснил он.

— Значит, у вас там тоже есть деньги?

— Эти нам дали, когда мы прошли обучение. Стодолларовые купюры.

— Стодолларовые?..

— Иначе получилось бы слишком громоздко, — учтиво ответил Лестер, запихнул деньги и бутылочку обратно в глубь груди и защелкнул дверцу.

Я сидел, как в тумане. Стодолларовые купюры!..

— Лестер, — посоветовал я, — не следовало бы, пожалуй, показывать эти деньги кому попало. Неровен час, попробуют отнять.

— Знаю, — ответил Лестер, — и держу при себе.

Он похлопал себя по груди. Такой хлопок без труда снес бы человеку голову с плеч.

Я сидел, покачиваясь в кресле, и от обилия разных мыслей казалось, что мозг мой тоже раскачивается взад-вперед в такт с креслом. Во-первых, Вильбур со своим диковинным способом напиваться, во-вторых, поведение вдовы Фрай, да еще эти стодолларовые купюры!

Особенно стодолларовые купюры.

— Слушай, что там у вас получилось с обучением? — поинтересовался я. — Ты упомянул, что оно нелегальное...

— Самое что ни на есть нелегальное, — ответил Лестер. — Этим занимается один растленный тип, который прокрался сюда и записал все на пленку, а теперь торгует потихоньку...

— Но почему прокрался? Почему потихоньку?

— Запретная зона, — ответил Лестер. — Вне пределов разрешенного. За чертой дозволенного. Ясно ли я выражаюсь?

— И этот растленный тип догадался, что можно продать вам информацию, записанную на пленку, и эту... Как ты сказал?..

— Модель чужой культуры, — ответил Лестер. — Ваша логика ведет вас по верному пути, однако это в действительности не столь просто.

— Наверное, нет, — согласился я. — И тот же растленный тип заграбастал ваши денежки, не так ли?

— Вот именно. Заграбастал целую кучу денег.

Я посидел еще немного, потом пошел взглянуть на Вильбура — тот спал без просыпа, при вдохе втягивая усики в свою сомовью пасть, а при выдохе выплевывая их обратно. Тогда я отправился на кухню и приготовил себе обед.

Только-только я поел, как в дверь постучали. На сей раз это оказался доктор Абель из лечебницы.

— Добрый вечер, док, — сказал я. — Сейчас я организую чего-нибудь выпить.

— Проживу без выпивки, — отозвался док. — Лучше покажи мне своего пришельца.

Он двинулся в комнату, увидел Лестера да так и остолбенел. Лестер, надо думать, понял, что доктор удивлен не на шутку, и постарался тотчас же его успокоить:

— Я так называемый робот пришельца. Невзирая на тот очевидный факт, что я просто машина, я в то же время преданный слуга. Если вы хотите поведать нам свои печали, можете конфиденциально сообщить их мне. А я не премину передать их своему хозяину.

Доктор как будто слегка попятился, но на ногах все же удержался.

— Вы принимаете любые печали, — спросил он, — или вам желателен какой-то особый сорт?

— Хозяин, — отвечал Лестер, — предпочитает глубокую скорбь, но не отказывается и от печалей всякого иного рода.

— Вильбур от них косеет, — вставил я. — Сейчас он в спальне, дрыхнет с перепоею.

— Более того, — продолжал Лестер, — говоря между нами, такой товар нетрудно и продать. У нас

дома найдется немало страстных охотников до первосортных горестей, присущих данной планете.

Брови у доктора взлетели так высоко, что почти коснулись шевелюры.

— Тут все по чести, — заверил я его. — Без всяких фокусов. Хотите взглянуть на Вильбура?

Док кивнул. Я подвел его к кровати, и мы застыли у изголовья, глядя на Вильбура сверху вниз. Когда пришел лежать, вытянувшись, то представлял собой премерзкое зрелище.

Док поднял руку ко лбу и с силой провел ею по лицу, оттягивая челюсть и приобретая сходство с ищейкой. Его большие, толстые, отвислые губы издали под ладонью хлюпающий звук.

— Будь я проклят! — произнес док.

Тут он повернулся и вышел из спальни, а я потащился следом. Док, не задерживаясь, направился к двери и вышел на улицу. Спустился немного по дорожке, потом остановился и подождал меня, а потом внезапно, вытянув руки, схватил меня за грудки — рубашка до того натянулась, чуть не лопнула.

— Сэм, — сказал он, — ты у меня работаешь много лет и вроде становишься стар. Большинство других на моем месте уволили бы тебя, старика, и наняли кого помоложе. Я вправе уволить тебя в любую минуту, когда захочу.

— Наверное, так, — ответил я и испытал гнусное чувство, потому что раньше ни разу не задумывался, что меня когда-нибудь уволят. Подметаю я в лечебнице на совесть и не чужаюсь грязной работы. Представляете, как это будет скверно, когда придет очередная суббота, а у меня не окажется денег на выпивку!

— Ты был преданный и честный работник, — продолжал между тем док, вцепившись мне в рубашку, — а я добрый хозяин. Я всегда ставил тебе бутылку на Рождество и еще одну на Пасху.

— Все точно, — подтвердил я. — Все до последнего слова.

— Ты же не станешь водить за нос своего друга доктора, — сказал док. — Всех остальных в этом глупом городишке, может, и станешь, а своего друга доктора — нет.

— Но, док, — запротестовал я, — я и не вожу никого за нос...

Док наконец отпустил мою рубаху.

— Бог с тобой, я и не думаю, что водишь. Все действительно так, как мне говорили? Он сидит, выслушивает чужие беды, и те, кто побеседовал с ним, сразу чувствуют себя лучше?

— Вдова Фрай уверяет, что да. Говорит, посидела с ним, и заботы вроде как улетучились.

— Святая правда, Сэм?

— Святая правда.

Доктор Абель разволновался. Он опять схватил меня за рубаху.

— Ты что, не видишь, что на нас свалилось? — чуть не закричал он на меня.

— На нас? — переспросил я.

Он не обратил на это внимания.

— Величайший психиатр, — изрек док, — какого когда-либо знал мир! Крупнейший вклад в психиатрию с самого начала времен! Понимаешь, к чему я клоню?

— Пожалуй, понимаю, — сказал я, хотя не понял ровным счетом ничего.

— Больше всего, — изрек док, — человечество нуждается в ком-то или в чем-то, на кого или на что можно перевалить свои заботы. В ком-то, кто одним магическим касанием изгонит все тревоги. Суть дела тут, разумеется, в исповеди — в том, чтобы символически переложить свою ношу на чужие плечи. Один и тот же принцип срабатывает в церковной исповедальне, в профессиональной психиатрии и в дружбе — дружба глубока и прочна лишь тогда, когда на плече у друга можно поплакаться...

— Док, вы правы, — сказал я, начиная помаленьку соображать, что к чему.

— Беда в том, что принимающий исповедь тоже человек. И по-человечески ограничен. Тому, кто исповедуется, это известно. Исповедник не в силах гарантировать, что сумеет разделить любое несчастье, любую страсть. А здесь перед нами нечто принципиально иное. Пришелец — существо со звезд, не связанное человеческими предрассудками. Из самого определения следует, что он в состоянии принять любые печали и вобрать их своим нечеловеческим естеством...

— Док, — завопил я, — если бы вы заполучили Вильбура в лечебницу!..

Док мысленно потирал руки.

— Именно об этом я и подумал.

С каким удовольствием я дал бы себе пинка под зад за свой неумеренный восторг! Теперь я сделал все, что мог, лишь бы вернуть утраченные позиции.

— Не знаю, док. С Вильбуром, наверное, не сговориться.

— Ну что ж, давай вернемся и попробуем.

— Не знаю, — упирался я.

— Нельзя терять ни минуты. К утру слухи разползутся на много миль, и здесь будет не продохнуть от газетчиков, телевизионных фургонов и Бог весть кого еще. Набегут ученые сопляки, правительственные агенты, и дело выскользнет из наших рук.

— Лучше я потолкую с ним с глазу на глаз, — сказал я. — У него, неровен час, язык с перепугу отнимется, если вы начнете путаться под ногами. А меня он знает и, может, слушает...

Как ни крутился док, как ни мялся, но в конце концов согласился.

— Я подожду в машине, — предложил он. — Если понадобится, позовешь.

Хрустя гравием, он ушел по дорожке к своей машине, а я возвратился в дом.

— Лестер, — обратился я к роботу, — мне необходимо поговорить с Вильбуром. Это очень важно.

— Никаких грустных историй, — предупредил Лестер. — На сегодня с него хватит.

— Нет-нет. У меня к нему предложение.

— Предложение?

— Сделка. Деловое соглашение.

— Ладно, — согласился Лестер, — я его подниму.

Поднять его оказалось не так-то просто, но в конце концов мы вынудили его проснуться и сесть в постели.

— Вильбур, слушай меня внимательно, — начал я. — Я тут припас кое-что специально для тебя. Есть такое место, где всех терзают страшные заботы и ужасающие печали. Понимаешь, не некоторых, а всех без исключения. Эти люди настолько озабочены и скорбны, что не могут жить с другими вместе.

Вильбур выбрался из постели и, покачиваясь, встал на ноги.

— В-веди м-меня туда немедленно, — произнес он.

Я толкнул его обратно на кровать.

— Это не так просто. Туда нелегко проникнуть.

— Но вы как будто сказали...

— Понимаешь, у меня есть друг, который может это для тебя устроить. Но, пожалуй, потребуются деньги...

— Приятель, — заявил Вильбур, — денег у нас вагон. Сколько тебе нужно?

— Трудно сказать заранее.

— Лестер, передай ему деньги, чтоб он обо всем договорился.

— Хозяин, — воспротивился Лестер, — не знаю, стоит ли...

— Сэм заслуживает доверия, — заявил Вильбур. — Он не хапуга и не потратит ни на цент больше, чем необходимо.

— Ни на цент, — пообещал я.

Лестер отворил дверцу у себя на груди и вручил мне пачку стодолларовых купюр, а я кое-как запихнул ее в карман.

— Ждите меня здесь, — объявил я им, — пока я не повидаюсь со своим другом. Я скоро вернусь.

И я быстренько занялся сложением и вычитанием, теряясь в догадках, какую же сумму можно вытрясти из доктора Абеля. Не мешает сперва заломить побольше, чтобы было что уступить, когда док примется рычать, стонать и плакать, и напоминать мне, что мы с ним старые друзья и что он всегда ставил мне бутылку на Рождество и еще одну на Пасху.

Я собрался уже выйти из комнаты — и остолбенел.

В дверях стоял второй Вильбур. Хотя, едва я пригляделся к нему попристальнее, сразу уловил некоторую разницу. И не успел новый Вильбур и слова вымолвить, не успел и шагу ступить, как я испытал тошнотворное чувство, что все покатилося вкривь и вкось.

— Добрый вечер, сэр, — сказал я. — Очень мило с вашей стороны заглянуть ко мне.

Он и ухом не повел.

— Я вижу, у вас гости. Прискорбно, но придется разлучить их с вами.

Лестер заскрежетал у меня за спиной, словно у него шестеренки поотваливались, а Вильбур — я увидел уголком глаза — вытянулся, будто палку проглотил, и побелел, как полотно.

— Ну зачем же так, — вступился я. — Они едва-едва прибыли...

— Вы не улавливаете сути дела, — сообщил пришелец, стоящий в дверях. — Они нарушители закона. Я уполномочен забрать их.

— Приятель, — обратился ко мне Вильбур, — я искренне сожалею. Так я и знал, что ничего у нас не выйдет.

— Теперь, — заявил Вильбуру второй пришелец, — вы окончательно убедились в этом и оставите свои попытки...

Все было яснее ясного, довольно было чуть пошевелить мозгами, — даже удивительно, как я не додумался до этого раньше. Ведь если Земля запретна для авантюристов, собиравших информацию для обучения Вильбура, то тем более...

— Мистер, — обратился я к пришельцу, что застрял в дверях, — тут имеется кое-что, в чем вы, по-видимому, не отдаете себе отчета. Не могли бы мы с вами обсудить это дело один на один?

— Буду рад, — отвечал пришелец вежливо до боли, — но, пожалуйста, поймите, что я обязан выполнить свой долг.

— Ну о чем речь, — сказал я.

Пришелец отделился от двери, подал знак — и в комнату ввалились два робота, до того стоявшие за дверью, где я их не видел.

— Меры безопасности приняты, — заявил пришелец, — и мы вправе удалиться для разговора. Готов слушать вас со всем вниманием...

Тогда я вышел на кухню, а он следом за мной. Я сел у стола, он напротив.

— Должен принести вам извинения, — степенно сказал он. — Этот негодяй проник на вашу планету и лично к вам обманным путем.

— Мистер, — сказал я в ответ, — ничего-то вы не поняли. Мне этот ваш перебежчик нравится.

— Нравится? — переспросил он, потрясенный. — Но это немыслимо! Он — ничтожный пропойца, более того...

— Более того, — закончил я за пришельца, перехватывая инициативу, — он приносит нам уйму пользы!

Пришельца будто током ударило:

— Вы не ведаёте, что говорите! Он тащит из вас ваши печали и смакует их самым омерзительным обра-

зом, и записывает на пленку, чтобы пережевывать их снова и снова к вашему вечному стыду, и более того...

— Да вовсе это не так! — крикнул я. — Нам идет на пользу, когда мы вытаскиваем свои печали и выставляем их напоказ...

— Отвратительно! Более того — нескромно! — Он запнулся. — Что вы сказали?..

— Расписывать свои печали идет нам на пользу, — произнес я так торжественно, как только мог. — Это вопрос мироощущения.

Пришелец стукнул себя ладонью по лбу, и перья вокруг сомовьей пасти встали торчком и затрепетали.

— А вдруг это правда? — сказал он, объятый ужасом. — Если цивилизация столь примитивна, так погрязла в грехах и бесстыдстве...

— Как мы, например, — поддержал я.

— На нашей планете, — заявил пришелец, — нет ни тревог, ни печалей. Ну, во всяком случае, их не очень много. Мы в совершенстве приспособлены к жизни.

— Кроме таких, как Вильбур?

— Вильбур?..

— Ваш приятель, который в той комнате, — пояснил я. — Я не сумел выговорить его имя, так я назвал его Вильбуром. Между прочим...

Он провел рукой по лицу, и что бы он там ни болтал, было ясно как день, что в тот момент его обуревали тревоги.

— Зовите меня Джейк. Зовите меня, как вам заблагорассудится, лишь бы найти выход из этого дурацкого положения.

— Нет ничего проще, — ответил я. — Оставьте Вильбура здесь, только и всего. На самом-то деле вы им вовсе не дорожите, не так ли?

— Им? Дорожим? — взвыл Джейк. — От него и ему подобных одни неприятности. Но мы их породили — нам за них и отвечать. Мы не вправе взваливать эту ношу на ваши плечи.

— Стало быть, есть и другие такие же, как Вильбур? Джейк печально кивнул.

— А мы заберем их всех, — решил я. — И будем их очень любить. Всех до единого.

— Вы с ума сошли!

— Конечно, — подтвердил я. — Потому-то они нам и нужны.

— Вы в этом уверены? У вас нет и тени сомнения?

— Совершенно уверен.

— Приятель, — заявил Джейк, — тогда по рукам!..

Я протянул руку, чтоб он пожал ее, но он моей руки, кажется, не заметил. Он поднялся со стула, и видели бы вы, какое безмерное облегчение отразилось на его лице. Потом он повернулся и горделиво зашагал из кухни прочь.

— Эй, погодите минутку! — завопил я. Ведь надо бы еще утрясти кое-какие детали... Но, мне кажется, он меня уже не слышал.

Я бросился в комнату, однако Джейком там и не пахло. Я — в спальню, но обоих роботов тоже след простыл. Вильбур и Лестер пребывали в блаженном одиночестве.

— Говорил я вам, — обратился Лестер к Вильбуру, — что мистер Сэм все уладит...

— Глазам своим не верю, — отозвался Вильбур. — Неужели они в самом деле ушли? Ушли навсегда? И ни при каких обстоятельствах не явятся обратно?

Я вытер лоб рукавом.

— Больше они вас не потревожат. Наконец-то вы от них избавились.

— Прекрасно! — воскликнул Вильбур. — Ну а как насчет той сделки?

— Сейчас, — ответил я. — Минуточку. Только выйду и повидаюсь с тем человеком.

Я выбрался на крылечко и постоял там чуток, чтоб унять дрожь в коленках. Джейк со своими двумя роботами чуть было не погубил все на свете. Хотелось выпить, как никогда в жизни, но я не смел замешкаться. Я должен был взять доктора за жабры, пока не стряслось еще чего-нибудь.

Я приблизился к машине.

— Сколько можно ждать? — раздраженно произнес док.

— Пришлось уламывать Вильбура, чтоб он согласился, — ответил я.

— Но он согласился?

— Да, согласился.

— А тогда, — спросил док, — чего же мы ждем?

— Десять тысяч долларов, — сказал я.

— Десять тысяч?..

— Такая у Вильбура цена. Я продаю вам своего пришельца.

— Твоего пришельца? Вовсе он не твой!

— Может, и не мой, — ответил я, — да велика ли разница! Скажу ему словечко, и никуда он с вами не пойдет.

— Две тысячи, — провозгласил док. — Ни центом больше.

Поторговавшись, мы сошлись на семи тысячах долларов. Если бы я захотел убить на это всю ночь, то выколотил бы восемь с половиной. Но я был выжат до изнеможения, и стопка мне нужна была куда больше, чем лишних полторы тысячи. Так что мы сговорились на семи.

Мы вернулись в дом, и док выписал чек.

— Ты, конечно, сам понимаешь, что уволен, — сказал док, вручая его мне.

— Об этом я как-то еще не думал, — ответил я. И ответил честно. В руке я держал чек на семь тысяч долларов, а в кармане топорщилась пачка стодолларовых купюр, и сколько же выпивки можно закупить на такие деньги!

Я вызвал из спальни Вильбура с Лестером и сказал:

— Старина док соглашается взять вас.

И Вильбур ответил:

— Я так счастлив, так благодарен. Надеюсь, уговорить его оказалось не слишком сложно?

— Да, пожалуй, нет. Он не запросил лишнего.

— Эй, — окликнул нас док с кровожадным блеском в глазах, — что тут происходит?

— Ничего особенного, — заверил я.

— Мне померещилось...

— Вот ваш пришелец, — перебил я. — Забирайте его, если хотите. А если вдруг передумали, я буду рад оставить его себе. Найдутся и другие охотники...

И я протянул ему чек обратно. Рискованная была штука, но, по-моему, настала самая пора сбежать.

Доктор отстранил чек — он по-прежнему подозревал, что его провели, только не мог сообразить, на чем. Но и упустить Вильбура он не хотел ни при каких обстоятельствах. Я видел, что он уже все взвесил и намерен, держа инопланетянина в неволе, сделаться с его помощью мировой знаменитостью.

Правда, была тут одна тонкость, о которой он понятия не имел. Он и не догадывался, что пройдет немного времени, и на Земле появятся другие Вильбуры. И я хохотал от души — про себя, конечно, — пока док бережно выводил Вильбура и Лестера за дверь.

Прежде чем перешагнуть порог, он обернулся ко мне.

— Что-то тут нечисто, — сказал он, — дай мне только докопаться, в чем дело, я вернусь и спущу с тебя шкуру.

Я не ответил ни слова, просто стоял и слушал, как они втроем хрупают по гравию на дорожке. Когда я услышал, что машина отъехала, я отправился на кухню и достал бутылку.

Я хлопнул полдюжины стопок одну за другой. Потом опустил на стул у кухонного стола и попытался взять себя в руки. С этой целью я высосал еще полдюжины стопок, но с расстановкой.

Потом я принялся размышлять обо всех прочих Вильбурах, которых Джейк согласился прислать на Землю, и пожалел, что не сумел его хоть слегка подоить. Но я просто-напросто не успел: он вскочил и исчез в тот самый миг, когда я вознамерился приступить к делу.

Оставалось только надеяться, что он передаст их мне — или перед крыльцом, или на дорожке, — но ведь он ничего подобного не обещал. Какой мне интерес, если он возьмет да и бросит их где попало!

Я недоумевал, когда же он их пришлет и сколько их в конечном счете окажется. Какое-то время ему, понятно, потребуется: ведь прежде чем отправить их на Землю, надо пройти с ними курс обучения, — а вот что касается их числа, тут я терялся в догадках. Из речи Джейка вроде бы следовало, что их наберется десятка два, если не больше. С таким-то отрядом нетрудно будет зашибить огромные деньги, если, конечно, взяться за это с головой.

Впрочем, колья на то пошло, у меня и так поднакопилась кругленькая сумма.

Я выудил из кармана пачку стодолларовых купюр и попробовал пересчитать их поточнее, но, режьте меня на части, не мог удержать цифры в памяти. Я был пьян — и даже не в субботу, а в воскресенье. Я остался без работы, зато теперь смогу надираться в любой день, когда захочу.

Так я и сидел, прикладываясь к бутылке, пока не отключился.

Проснулся я от чудовищного грохота и не сразу понял, где я. Спустя какое-то время до меня дошло, что я заснул за кухонным столом: шею совсем свело, а уж похмелье было — страшнее не придумаешь.

Я с грехом пополам поднялся на ноги и посмотрел на часы. Десять минут десятого.

А грохот все продолжался.

Я перебрался из кухни в комнату, потом открыл входную дверь. Вдова Фрай чуть не растянулась на полу — так яростно она колотила по филенке.

— Сэмюэль, — задыхаясь, произнесла она, — ты слышал?

— Ничего я не слышал, — ответил я ей, — пока вы не начали барабанить в дверь.

— Да нет, по радио!

— Вы же знаете, черт вас возьми, что у меня нет ни радио, ни телефона, ни телевизора. У меня нет времени на всякую новомодную ерунду...

— Про пришельцев, — сказала она. — Про таких же точно, как твой. Про славных, добрых, участливых пришельцев. Они повсюду. Повсюду на всей Земле. Их множество, куда ни глянь. Тысячи, а может, миллионы...

Я кинулся мимо нее к двери.

Пришельцы сидели на каждом крылечке вниз и вверх по улице, ходили взад-вперед по мостовой, а на пустыре неподалеку собрались гурьбой и затеяли игру, гоняясь взапуски друг за другом.

— И так теперь везде! — надрывалась вдова Фрай. — По радио так прямо и сказали. Их теперь хватит, чтобы каждый на Земле завел себе своего собственного пришельца. Ну не чудо ли это?

«Грязный мошенник Джейк», — выругался я про себя. А говорил-то, словно их совсем-совсем немного. Распинался: мол, цивилизация у них такая культурная и совершенная, что и психов почти не осталось...

Хотя, говоря по чести, он ведь цифр не называл. И, может, все, кого он вышвырнул на Землю, — лишь горстка по сравнению с численностью их цивилизации, если взять ее целиком.

И тут я внезапно вспомнил еще кое о чем. Я выхватил из кармана часы и поглядел на них снова. Было только четверть десятого.

— Миссис Фрай, — бросил я, — извините меня. У меня срочное поручение, я должен бежать...

И почесал вниз по улице быстро, как только мог. Один из Вильбуров отделился от группы и припустил рядом со мной.

— Мистер, — спросил он, — нет ли у вас печалей, которые вы хотели бы мне поведать?

— Нет, — отмахнулся я. — Нет у меня никаких печалей.

— Ну хотя бы забот?

— Забот тоже нет.

Тогда-то мне и пришло в голову, что забота есть, да еще какая — и не для меня одного, для всей планеты.

Потому что с помощью всех Вильбуров, которых Джейк сослал на Землю, у нас вскоре не останется ни единого собственного психа. Не останется никого, кто будет чем-то опечален или озабочен. Ну и скуотища же наступит, не приведи Бог!

И все равно мне было не до того.

Я мчался по улице с предельной скоростью, с какой только меня несли ноги.

Я должен был попасть в банк раньше, чем док успеет приостановить платеж по чеку на семь тысяч долларов.

УПАСТЬ ЗАМЕРТВО

Всем известно, что после посадки космического корабля на девственной планете проходит не менее недели, прежде чем первый представитель местной фауны решится покинуть свое убежище и выползет осмотреться. Но на этот раз...

Не успели мы открыть люк и спустить трап, как стадо куставров тут же сгрудилось вокруг корабля. Они стояли, плотно прижавшись один к другому, и выглядели неправдоподобно. Казалось, они покинули рисунки карикатуриста, допившегося до белой горячки, и, как часть его бреда, явились нам. Размерами они превосходили коров, но явно проигрывали последним в грациозности. Глядя на куставров, можно было предположить, что форма их тел возникла в результате постоянных столкновений с каменной стеной.

Разноцветные пятна — фиолетовые, розовые, изумрудные и даже оранжевые — покрывали бутристые синие шкуры этих блаженных созданий. Оригинальная расцветка, которую не имеет ни одно уважающее себя существо. Суммарно пятна складывались в подобие шахматной доски, сшитой из лоскутов, хранившихся в сундуке старой сумасшедшей леди.

Drop Dead, 1955

© 1993 В. Романов, перевод на русский язык

Если начистоту, не это было самым жутким... Из их голов, туловищ и всех остальных частей тел тянулись вверх многочисленные побеги, создавая впечатление, что существа прячутся в зарослях молодого кустарника, вернее, неумехи пытаются прятаться. Довершали эту картину, делая ее совершенно безумной, фрукты и овощи — или то, что могло напоминать фрукты и овощи, — росшие на побегах.

Мы спустились по трапу на зеленую лужайку перед кораблем. Несколько минут прошли в молчании: мы разглядывали куставров, они — нас, пока одно из существ не двинулось в нашу сторону. Оно остановилось в двух-трех метрах, подняло печальные глаза и упало замертво к нашим ногам.

Тут же стадо развернулось, и куставры, неуклюже топоча, поползли прочь, как будто выполнили возложенную на них миссию, удовлетворили собственное любопытство и отправились по домам.

Джулиан Оливер, ботаник, поднял трясущуюся руку и смахнул с лысины капельки пота.

— Очередная эточовина... — простонал он. — Ну почему, объясните мне, нам никогда не везет? Почему мы не можем высадиться на планете, где все ясно и просто?

— Потому что они существуют в мечтах, — ответил я. — Вспомни кустарник с Гэмал-5, который в первую половину жизни неотличим от спелого земного помидора, а во второй перерождается в ядовитый плющ, опасный для человека по категории А.

— Я помню, — печально отозвался Оливер.

Макс Вебер, биолог, осторожно приблизился к упавшему куставру и легонько пнул тушу ногой.

— Все дело в том, — неторопливо начал он, — что гэмалианский помидор — подопечный Джулиана. А эти существа... Как вы их обозвали? Да, куставры. Так вот, они всем стадом взгромоздятся на мою тонкую шею.

— Так уж и на твою! — запротестовал Оливер. — Что, к примеру, ты можешь сообщить нам о кустарнике на теле существа? Ничего конкретного. Вот и получается, что мне с куставрами придется повозиться не меньше твоего.

Я быстро подошел к ним, чтобы прервать спор. Вебер и Оливер не прекращают его уже в течение двенадцати лет, именно столько, сколько я их знаю. Ни две дюжи-

ны планет, на которых мы работали, ни сотни парсеков не смогли изменить их взаимоотношений. Я отлично знал, что остановить спор невозможно, но в данной ситуации имело смысл отложить его на некоторое время.

— Прекратите, — вмешался я. — Через пару часов наступит ночь. Надо решить вопрос с лагерем.

— Но куставр... — начал было Вебер. — Мы не можем оставить его лежать...

— Почему бы нет? На планете их многие миллионы. А этот пусть лежит.

— Но ведь существо упало замертво! Ты же сам видел!

— Да, видел, но именно этот куставр был старым и больным.

— Нет. Существо находилось в расцвете сил.

— Давай перенесем беседу о физическом состоянии куставра на вечер, — подключился к разговору Альфред Кемпер, бактериолог. — Я заинтригован не меньше твоего, но Боб прав: надо решить вопрос с лагерем.

— И еще, — добавил я, сурово поглядывая на своих товарищей, — каким бы безопасным и благополучным ни выглядел этот мир, мы обязаны строго соблюдать все пункты инструкции: ничего не рвать и не есть. Пить только ту воду, которую мы привезли с собой. И не совершать ночных прогулок в одиночку. Ни малейшего проявления беспечности!

— Но ведь на планете ничего нет, лишь бесчисленные стада куставров. Нет ни деревьев, ни холмов, ни... одним словом, ничего. Это не планета, а бескрайнее пастбище. — Вебер никак не мог утихомириться, а ведь он знает все правила и инструкции не хуже меня. Просто не в его характере сразу же соглашаться.

— Так что будем делать, парни? — спросил я. — Устанавливаем палатки? Или еще одна ночь на борту корабля?

Мой вопрос, как я и предполагал, попал точно в цель, и еще до захода солнца небольшой палаточный городок вырос невдалеке от корабля. Карл Парсонс, эколог, а по совместительству повар, установил разборную походную печь, и, не успели мы вбить последний колышек, он громогласно провозгласил: «Ужин!». Все бросились к столу, а я поплелся к своей палатке. Как обычно,

ребята дружно засмеялись, после чего набросились на еду.

Три раза на дню, иногда и чаще, я обмениваюсь с друзьями «своеобразными комплиментами». Никаких обид и недомолвок не возникает — они постоянно прохаживаются по поводу моей диеты, ну и я в долгу не остаюсь. Мне кажется, что прием пищи превратился в своеобразный ритуал — обмениваясь шутками и остротами, мы тем самым ликвидируем стрессовые ситуации. Недаром все двенадцать лет состав отряда не менялся.

Сев на койку, я достал свою сумку с набором диетических блюд, смешал компоненты и начал запихивать в себя липкую безвкусную массу. Тут-то меня и настиг запах жареного мяса. Подхватив сумку, ретировался в дальний угол лагеря. Ей-богу, в такие моменты я готов отдать свою правую руку за кусок мяса, слегка недожаренного, с кровью.

От диетической пищи не умирают, но этот факт — единственное утешение. Представляете — у меня язва желудка! Если вы спросите любого медика, что это за болезнь такая, то он ответит вам, что ее давно не существует. Да, слово «язва» звучит архаично и смешно. Но мой желудок — загадка для всех врачей! Вот почему я вынужден таскать за собой по всей Галактике сумку с диетическими блюдами.

После ужина ребята подтащили тушу куставра поближе к лагерю, чтобы при свете ламп внимательно осмотреть существо. Через несколько минут досконального изучения рассеялись последние сомнения, касавшиеся удивительной растительности. Мы убедились, что побеги составляют неотъемлемую часть существа и растут из бугристых участков тела строго определенной расцветки.

Еще через несколько минут Вебер, открыв от удивления рот, обнаружил на некоторых буграх лунки, как будто для игры в гольф, но меньшего размера. Он достал перочинный нож и выковырял из одного отверстия насекомое, очень похожее на пчелу. Мы не поверили собственным глазам; Вебер проверил еще несколько отверстий-лунок и обнаружил еще одну пчелу, мертвую, как и в первом случае.

Вебер и Оливер хотели тотчас же начать вскрытие, но нам удалось отговорить их. Мы разыграли, кому из

нас дежурить первому, и, конечно, короткую соломинку вытянул я.

Особой необходимости в охране лагеря не было; сигнальная система надежно защищала нас, но имелось дополнительное предписание, чтобы выставлять караул.

Я нехотя отправился на поиски ружья, а ребята, пожелав мне спокойной ночи, разошлись по палаткам. Их голоса еще долго доносились из темноты.

Первая ночь на неизвестной планете всегда проходит одинаково. Как бы вы ни устали от работы, как бы равнодушно ни относились к ней — вам едва ли удастся заснуть, будь вы зеленый новичок или прокопченный космический волк.

Я сидел при свете лампы. На любой другой планете мы разожгли бы костер — языки пламени создают иллюзию родного дома, но здесь не было даже соломы, не говоря о щепочках или настоящих дровах.

Лампа стояла на столе рядом со мной, а на противоположном краю лежала туша кустанвра. Давно я не чувствовал себя так неуютно, хотя время моих беспокойств еще не наступило. Моя специальность — экономика сельского хозяйства; основная задача — оценить отчеты специалистов отряда и сделать соответствующий вывод о возможности колонизации планеты.

Но, сидя один на один с этим удивительным существом — кустанвром, — я не мог отделаться от мысли, что оно спутало все карты. Я безуспешно пытался отвлечься, и мысли мои неизменно возвращались к его загадкам, так что я рад был увидеть рядом с собой даже Талбота Фуллертон, Четырехглазого, выплывшего из темноты.

Во время полета Фуллертон скорее напоминал тень, а не человека.

Но сейчас Четырехглазый выглядел взволнованным.

— Перебрал впечатлений? — спросил я.

Он рассеянно кивнул, продолжая таращиться в темноту.

— Удивительно, — сказал он. — Удивительно, если окажется, что эта планета — та самая.

— Не окажется. Ты ищешь Эльдорадо. Охотишься за сказкой. Стреляешь холостыми патронами.

— Однажды эту планету уже нашли, — упрямо продолжал Фуллертон. — Мы располагаем соответствующими записями о ней.

— Ну, конечно! Мемуары об Атлантиде и Золотых Людях. Воспоминания об Империи Пресвитера Иоанна. Отчет о Северо-Западном Проходе в истории древней Земли. Описание Семи Городов. И другие повести в том же духе.

Лицо Фуллертон вытянулось, дыхание участилось, глаза заблестели. Он нервно сжимал и разжимал кулаки.

— Саттер, — изумлено произнес он, — не могу понять, зачем вы все время издеваетесь надо мной. Я знаю наверняка, что где-то во Вселенной существует бессмертие. Секрет бессмертия уже найден, и Человечество обязано отыскать это место! Сегодня в распоряжении человека безграничные возможности космоса — миллионы планет. Проблема жизненного пространства полностью решена. Бессмертие, говорю я вам всем, — вот следующая ступень развития Человечества!

— Прекрати! — рявкнул я. — Забудь все, что сказал!

Но уж если Четырехглазого понесло, его не остановишь никакими силами.

— Оглянись, — продолжал он. — Эта планета идентична Земле. Даже солнце ее находится на той же стадии эволюции звезд, что и земное Солнце. Плодородная почва, идеальный климат, обилие воды! Сколько пройдет лет, прежде чем люди заселят эту планету?

— Тысяча лет. Пять тысяч. Может, и больше.

— Правильно! Бесчисленное количество миров только того и ждут, чтобы их заселили. Но человек вынужден оставлять их в неприкосновенности по одной простой причине — он смертен. Следует еще сказать и о...

Я терпеливо сидел, выслушивая его бесконечные «сказать и о...», но все его рассуждения имели один вывод — смерть ужасна. Если бы вы только могли знать, как мне надоели все эти разговоры. Ведь каждый отряд обязан иметь в своем составе Четырехглазого! Они все настоящие безумцы, но такого фанатика, как Фуллертон, еще не было; к тому же этот полет был у него первым. Я попытался отключиться, поминая недобрыми словами Институт Бессмертия, присылающий нам Четырехглазых...

А Фуллертон все говорил и говорил. Идеализм, замешанный на настырности в поисках бессмертия, прямо-таки бурлил в нем. Впрочем, каждый Четырехглазый

пытался произвести впечатление этакого Прометея, пылая неистовой уверенностью в правильности своих предположений, что человек обязан жить вечно, а бессмертие вскоре, буквально со дня на день, будет найдено. В качестве доказательства каждый из них рассказывал байку о безымянном космическом корабле, затерявшемся на безымянной планете в давно забытом году — после того, как экипаж корабля обнаружил бессмертие. Бред, конечно. И все же, благодаря стараниям Четырехглазых, правительственным субсидиям и миллиардным дарам и пожертвованиям, миф продолжает жить. Глупцы, богатые и бедные, верят рассказам о бессмертии и регулярно переводят на счет Института деньги, но тем не менее продолжают умирать с обычным постоянством. Щедрость не окупается.

— Куда это ты все время поглядываешь? — спросил я Фуллертона, надеясь охладить его пыл. — Что там — человек, животное, растение?

— Нет! — торжественно произнес он, как судья, зачитывающий приговор. — Я вижу там нечто такое, о чем не могу вам сказать!

Да будь я проклят! Что он о себе воображает?

И я продолжал подкалывать его, чтобы быстрее пролетело время моего дежурства. Фуллертон, наш Четырехглазый, оказался самым молодым и, что всего хуже, самым прилипчивым и занудным из всех Очкариков, беседовавших со мной. Он раздражал меня все сильнее; фанатики никогда не прислушиваются к мнению собеседника!

— А как ты определишь, что нашел именно то, что искал?

Он не ответил. Его сопение заставило замолчать и меня — того и гляди разрыдается.

Так мы и сидели, не возобновляя разговор. Потом он достал из кармана зубочистку, сунул в рот и начал неторопливо жевать. Я еле сдержался, чтобы не врезать ему как следует; по-моему, нет более отвратительной привычки, чем жевать зубочистку, к тому же в самые неподходящие моменты. Думаю, он почувствовал мое тайное намерение, выплюнул изжеванную зубочистку и молча удалился.

Я оглянулся на корабль. Света лампы хватало, чтобы прочесть надпись на борту: «Кэф-7 — ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО 286». Этой небольшой надпи-

си достаточно, чтобы нас узнали в любом уголке Галактики.

Известно, что Кэф-7 — экспертная сельскохозяйственная планета, так же как Альдебаран-12 — планета, занимающаяся медицинскими исследованиями, а Капелла-9 — планета Университетов. Да что говорить, каждая планета специализируется на исследованиях в одной, строго определенной области.

Следует добавить, что Кэф снаряжает многочисленные исследовательские экспедиции, такие, как наш отряд.

Мы разведываем новые миры, выискиваем растения и животных, пригодных для дальнейших экспериментальных исследований. Правда, до сих пор похвастаться особыми успехами мы не можем. В нашем активе лишь несколько видов трав, прижившихся на элтенианских мирах. Остальные находки не причислишь к достижениям. Да, до сих пор Фортуна упорно поворачивалась к нам спиной. Достаточно вспомнить ядовитый плющ. Работаем мы столь же упорно, как и остальные отряды, но оказывается, что от одного старания проку мало. Иногда, особенно вечерами, становится ужасно обидно: ну почему кто-то возвращается с ценнейшими находками, приносящими славу и деньги, а мы выщипываем лишь жалкую траву? А еще чаще возвращаемся и вовсе с пустыми руками.

Жизнь исследовательская нелегка; иногда приходится работать в невероятно тяжелых условиях. Из таких полетов ребята возвращаются как лимоны, если возвращаются...

Но сегодня, похоже, нам невероятно повезло. Тихая мирная планета, идеальный климат, ландшафт без излишеств, а главное — отсутствие враждебно настроенной живности и ядовитой растительности.

Вебер, конечно же, проспал. Появившись, он подошел к столу и выпучился на тушу куствара, будто впервые увидел существо.

— Фантастика, а не симбиоз, — сказал он, обходя вокруг стола, но не отрывая от куствара взгляда. — Мозг просто отказывается воспринимать сию зрительную информацию. Если бы существо не лежало перед самым моим носом, я бы сказал, что подобное невозможно. Ведь симбиоз ассоциируется с простейшими формами живых организмов.

— Ты имеешь в виду кустики на теле кустанвра? И пчел?

Он кивнул.

— Почему ты уверен, что это именно симбиоз?

— Не знаю, — тихо ответил Вебер и сжал кулаки так, что побелели пальцы.

Я передал ему ружье и пошел в палатку, которую делил с Кемпером. Бактериолог проснулся и заговорил со мной. Хотя, быть может, он и не спал.

— Это ты, Боб?

— Я. Все в порядке.

— Что-то не спится. Лежу и думаю, — сказал он. — Безумное местечко.

— Кустанвры?

— Не только они. Вся планета. Впервые сталкиваюсь с такой пустотой — ни деревьев, ни цветов. Ничего. Лишь бескрайнее море травы.

— Разве есть инструкция, запрещающая находить планеты-пастбища? — пошутил я.

— Слишком просто, — ответил он, не принимая моей шутки. — Все неестественно упрощено. Планета аккуратно прибрана и упакована. Как будто кто-то задался целью создать простую планету, отбросил все излишества, прекратил все биологические эксперименты, кроме одного — выращивания единственного вида животных и травы для их питания.

— Ты уверен? Ведь мы не знаем многих деталей. Возможно, мы не успели обнаружить остальных обитателей планеты? Да ты и сам знаешь — загадки возникают за секунды, а разгадываются годами. Согласен, единственные живые существа, которых нам удалось увидеть, — кустанвры, но, возможно, по той простой причине, что они расплодись в невероятных количествах. Они, как высокая гора, заслонили собой все вокруг.

— А иди ты, — прошептал он и отвернулся.

Я улыбнулся: Кемпер вновь стал самим собой, тем Кемпером, которого я знал и любил, с которыми мы десять лет подряд делили все радости и невзгоды.

Сразу же после завтрака разгорелся ожесточенный спор.

Оливер и Вебер сказали, что вскрытие будут производить прямо на столе. Парсонс, узнав об этом, готов был вцепиться им в глотки. Я так и не понял, чего он

взъерепенился. Ведь еще до первого произнесенного им слова было ясно, что он потерпит очередное поражение. Шуми он, не шуми — вскрытия всегда проводились и всегда будут проводиться именно на этом столе. Больше не на чем.

— Я догадывался, что вы ребята не промах. Только отправляйтесь-ка искать другое место для разделки этой туши, — неистовствовал Парсонс. — Думаете, приятно сидеть за столом, на котором вы потрошите дохлятину?

— Но, Карл! Ведь мы займем лишь край стола.

Мы-то знали, что через несколько минут весь стол, а потом и стулья будут завалены кусками куставра.

— Расстелите на траве брезент! — крикнул Парсонс.

— На брезенте невозможно работать скальпелем. Попробуй сам, и ты...

— Убирайте со стола это чудовище. — Парсонс даже не прислушивался к ответам Оливера. — Еще сутки — и оно протухнет.

Мне надоело слушать их ругань, я отправился на корабль и начал выгрузку клеток с лабораторными животными. Эта работа не входит в мои обязанности; тем не менее, взявшись однажды за ручку клетки, я исправно повторял ее на каждой последующей планете.

Поднявшись на корабль, я прошел в помещение, где размещались клетки. Увидев меня, крысы запищали, зартильи с Центавры заскрипели, а панкины с Поляриса подняли дикий вой, потому что панкины постоянно голодны. Накормить этих тварей невозможно; избыток пищи приводит к перееданию и смерти.

Я подтаскивал клетки к грузовому люку и опускал их на землю с помощью веревки. Выгрузка прошла удачно: я не разбил ни одной клетки, что явилось своеобразным рекордом. Обычно одна-две клетки падают, разбиваются, а животные разбегаются, что дает возможность Веберу лишний раз съязвить в мой адрес.

Окончив выгрузку из люка, я начал подтаскивать клетки к лагерю. Оливер и Вебер колдовали над куставром, ритмично взмахивая скальпелем.

Я ставил клетки в ряд, одна к другой, а на случай дождя принялся натягивать на них брезент. В этот момент появился Кемпер и замер возле клеток, наблюдая, как я работаю.

— Побродил вокруг лагеря, — сказал он таким тоном, что я невольно насторожился.

Какое-то время он стоял молча, молчал и я. Надо хорошо знать Кемпера и то, что к нему не следует приставать с расспросами: он постоит, подумает, а потом сам все расскажет.

— Тихое местечко, — нейтрально заметил я, активизируя процесс его раздумий.

Место и в самом деле выглядело неплохо: яркое солнце, легкий ветерок, чистый прозрачный воздух. И тишина. Абсолютная тишина. Ни единого звука.

— Унылое место, — сказал Кемпер.

— Не очень-то понятно, — произнес я, хотя ждал от него именно этих слов.

— Помнишь, что я сказал тебе ночью?

— Что планета упрощена до предела.

— Да.

Кемпер вновь застыл, наблюдая, как я мучаюсь с брезентом. После минутной паузы он все же выпалил:

— Боб, на планете нет насекомых!

— Что насекоко... — но он уже слышал только себя.

— Ты прекрасно понимаешь, что я хотел сказать. Вспомни Землю, вспомни другие планеты земного типа. Ложишься на траву и тихо наблюдаешь... Вокруг тебя множество насекомых! Они ползают по земле, перепрыгивают со стебелька на стебелек, копошатся в цветках, жужжат в воздухе.

— А здесь?

Он отрицательно покачал головой.

— Не видел. Я осмотрел добрую дюжину мест, ложился в траву, всматривался, вслушивался, я искал их все утро, но их нет! Боб, это неправильно, неестественно. На планете нет ни одного насекомого!

Его слова вызвали дрожь в теле, тем более что он произнес их в сильном возбуждении. Состояние Кемпера передалось и мне; чтобы как-то скрыть волнение, я продолжал расправлять складки брезента, хотя такой тщательности не требовалось. Что касается насекомых, то я не был большим их поклонником, но их неестественное отсутствие может отрицательно сказаться на нашем бизнесе.

— Пчелы, — напомнил я.

— Какие еще пчелы?

— Пчелы из куставров.

— Я не подходил близко к стаду. Возможно, пчелы летают вокруг куставров.

— А птицы?

— О чем ты говоришь?! Конечно же, не видел ни одной. Но в отношении цветов я ошибся. Лежа в траве, я разглядел крохотные невзрачные цветки.

— Чтобы пчелы не скушали.

Лицо Кемпера окаменело.

— Ты прав. Понимаешь, в чем суть? Все спланировано...

— Понимаю, — ответил я.

Мы молча подошли к лагерю.

Парсонс что-то стряпал, продолжая ворчать. Оливер и Вебер не обращали на него ни малейшего внимания. Как и следовало ожидать, весь стол оказался завален различными частями туши куставра, а наши патологоанатомы выглядели ошарашенными.

— Мозга нет, — сказал Вебер и посмотрел на нас с Кемпером так, будто это мы его украли. — Мы не нашли мозг. Мы не нашли даже примитивной нервной системы.

— Я не способен понять, — добавил Оливер, — как живет высокоорганизованное существо, не имея мозга и нервной системы.

— Хорошенько приберите свою мясную лавку! — гневно выкрикнул Парсонс, не отходя от плиты. — Не то, парни, придется вам обедать стоя.

— Здорово он ляпнул про мясную лавку, — неожиданно согласился Вебер. — Насколько нам удалось выяснить, существо состоит не менее чем из дюжины разных видов тканей, включая рыбу и дичь. А один вид очень походит на мясо ящерицы.

— Запас мяса на все случаи жизни, — сказал Кемпер, — как в хорошем ресторане. Может быть, и мы в конце концов откопали свой клад?

— Если мясо съедобно, — спокойно добавил Оливер. — Если мы не отравимся, отведав по кусочку, или не покроемся шерстью.

— Постановка опытов — по твоей части, — сказал я. — Клетки я притащил, можешь использовать наших милых маленьких друзей.

Вебер печально смотрел на разделанную тушу.

— Первое вскрытие — грубый предварительный осмотр, — заявил он. — Нам необходимо еще одно су-

щество для дальнейшей работы. Что ты на это скажешь, Кемпер?

Альфред молча кивнул, а Вебер перевел взгляд на меня:

— Как ты думаешь, вы сможете нам помочь?

— Уверен, что сможем, — бойко ответил я. — Никаких проблем.

Я оказался прав. Едва окончился обед, в лагерь приковылял одинокий кустанвр, остановился в шести футах от стола, печально посмотрел на нас и упал замертво.

Оливер и Вебер работали не смыкая глаз. Несколько дней они резали и ставили опыты, ставили опыты и вновь резали. Они не могли поверить тому, что неизменно обнаруживали внутри существа. Они спорили, эмоционально размахивая скальпелями, а к вечеру впадали в отчаяние. Хорошо, что они работали на пару, иначе дело кончилось бы истерикой.

Кемпер заполнял слайдами коробку за коробкой и в оцепенении сидел у микроскопа.

Парсонс и я слонялись по лагерю. Парсонс иногда приступал к работе — брал образцы почвы, а затем пытался классифицировать собранные травы. Анализы образцов почвы давали идентичные результаты; повсеместно господствовал один вид.

Еще через несколько дней он начал записывать данные о погоде, провел анализ состава воздуха. Но большую часть времени Парсонс ворчал, не зная, как поступить к составлению отчета.

А я, чтобы никому не мешать, отправился на поиски насекомых, но, кроме пчел, летающих вокруг кустанвров, так ничего и не нашел. Я долго всматривался в голубизну неба, надеясь разглядеть одинокую птицу, но все напрасно. Два дня я пролежал на берегу ручья, уставившись в бегущие струи прозрачной воды, но не обнаружил никаких признаков живых существ. Я сплел подобие сети и установил в небольшой заводи. Через два дня я вытащил ее из воды, как и предполагал, — пустую. Ни рыбы, ни рака, ничего.

На исходе недели я готов был полностью согласиться с рассуждением Кемпера.

Фуллертон бродил в окрестностях лагеря. Никто не обращал на него внимания. Каждый Четырехглазый

пытается найти нечто такое, что недоступно простому смертному.

В этот день я отправился на «рыбалку». Я долго сидел, уставившись в воду, и вдруг почувствовал чье-то присутствие, резко повернулся: на берегу стоял Фуллертон и наблюдал, как я ковыряюсь в заводи, причем у меня сложилось впечатление, что он стоит здесь уже не один час.

— Пусто, — сказал он тоном старого учителя, знающего истину, в то время как я, дурачок, пытаюсь что-то найти в этой луже.

Но разозлился я не только из-за его слов. Из уголка рта Фуллертона вместо неизменной зубочистки торчал стебелек травы, и он неторопливо пережевывал его, как зубочистку!

— Немедленно выплюнь траву! — заорал я. — Ты, идиот, выплюнь сейчас же!

Его глаза расширились от удивления, рот скривился, так что стебелек выпал сам собой.

— Трудно постоянно контролировать себя, — промямлил он, — вы ведь знаете, это мой первый полет и...

— И, возможно, последний, — грубо оборвал я. — Будет время, поинтересуйся у Вебера, что случилось с одним парнем, сунувшим в рот крохотный листочек. Несомненно, сделал он это не задумываясь, дурная привычка и все такое. Только через минуту он был стопроцентно мертв, как будто специально спланировал самоубийство на далекой планете.

Рассказ подействовал — Фуллертон побледнел.

— Запомню, — сказал он.

Я смотрел на Четырехглазого, немного сожалея, что говорил с ним грубо. Но я не сомневался, что поступил абсолютно правильно, — стоит немного расслабиться, потерять над собой контроль и... мгновенно человек превращается в ничто.

— Обнаружил что-то интересное? — спросил я, смягчая обстановку.

— Все время наблюдаю за куставрами, — оживился Фуллертон. — Они необычны и забавны. Но я не сразу понял, что именно вызывает удивление...

— Я могу перечислить сотню забавных и необычных фактов.

— Я имею в виду совсем другое, Саттер. Не пятна, не бугры, не растительность. Все стадо выглядит очень

странно. И вдруг до меня дошло: в стаде нет молодняка, нет ни единого детеныша!

Конечно же, Фуллертон прав. Стоило ему сказать, и я сразу же понял. В стаде нет ни единого теленка или куставренка. Мы постоянно сталкиваемся только со взрослыми особями. Но может ли это значить, что детенышей нет вовсе? Или они нам просто не попадают на глаза? Кстати, этот вопрос относится и к насекомым, и к птицам, и к рыбам.

И тут, с некоторым опозданием, я ухватил нить его мысли, вывод, который он сделал из факта отсутствия детенышей. Его МЕЧТА, безумная фантазия, которую он надеялся найти, обнаружена на этой планете.

— Ты сумасшедший!.. — вымолвил я.

Он смотрел на меня с берега, сверху вниз, глаза его блестели, как у ребенка, ожидающего рождественский подарок.

— Это должно было случиться, Саттер, — сказал он. — Где-нибудь, когда-нибудь. И это случилось.

Я выбрался на берег и встал рядом с ним. Какое-то время мы стояли молча, потом до меня дошло, что я все еще держу в руке сеть. Я бросил ее в воду и долго смотрел, как она погружается на дно.

— Неопровержимых доказательств нет, — сказал я. — Развитие куставров в данном направлении — отнюдь не бессмертие, не может являться бессмертием. Наоборот, развитие на основе симбиоза — тупик. И, бога ради, не рассказывай никому о своих умозаключениях, иначе тебе не избежать насмешек на протяжении всего обратного полета.

Не знаю, что мне взбрело в голову тратить на воспитание Четырехглазого столько времени. Он упрямо продолжал смотреть на меня, но огонь триумфа постепенно погас в его глазах.

— Буду держать язык за зубами, — тихо, но настойчиво сказал я. — Никому ни слова.

— Спасибо, Саттер, — ответил он. — Я ценю ваше доброе ко мне отношение.

Но по его тону я понял, что он бы задушил меня с большой радостью.

«Выяснив» отношения, мы побрели в лагерь.

Огромные пирамиды из фарша, в который превращали куставров Оливер и Вебер, исчезли. Стол неправдо-

подобно блестел, Парсонс готовил ужин, радостно напевая одну из многочисленных песенок.

Оливер, Вебер и Кемпер расположились в креслах, потягивали ликер и тихо беседовали.

— Работа завершена? — спросил я.

Оливер, вместо того чтобы утвердительно кивнуть, покачал головой. Он налил еще один стакан и протянул его Фуллертону. Четырехглазый взял без колебаний. Для него подобный шаг — огромное достижение. Мне выпить даже не предложили, знали, что все равно откажусь.

— Что вам удалось выяснить?

— То, что нам удалось выяснить, весьма оригинально, — ответил Оливер. — Мы имеем в распоряжении ходячее меню. Куставры дают молоко, несут яйца, собирают мед. Их туши состоят из шести сортов мяса животных, двух сортов птичьего, рыбного филе, и еще какой-то съедобной массы, но что она такое, мы определить не смогли.

— Откладывают яйца, — повторил я его слова, — дают молоко. Значит, они воспроизводят себе подобных?

— Конечно, — уверенно ответил Вебер, — а ты думаешь иначе?

— Тогда где же детеныши?

Вебер хмыкнул:

— Возможно, молодняк содержится в специально отведенных для этого местах, которые находятся далеко отсюда.

— Или у них выработался контроль над рождаемостью, постепенно перешедший в инстинкт, — предположил Оливер. — К тому же этот инстинкт согласуется с идеальной сбалансированной экологической ситуацией на планете, о которой говорил Кемпер.

— Невероятно, — фыркнул Вебер.

— Невероятно?! — воскликнул Кемпер. — В десять раз вероятнее, чем отсутствие у куставров мозга и нервной системы. И намного вероятнее, чем наличие в существах бактерий.

— Уж эти твои бактерии! — Вебер одним глотком осушил стакан, подчеркивая тем самым свое негодование.

— Мои-мои, — Кемпер усмехнулся. — Только почему куставры буквально кишат ими? Бактерии распространены по всему организму равномерно, и все они,

как две капли воды, похожи одна на другую, то есть относятся к одному виду. Всем известно, что организму, в том числе человеческому, для нормальной работы — вернее, для процессов метаболизма — требуются сотни бактерий и микроорганизмов. У куставров всю работу выполняет один вид. — Он подмигнул Веберу. — Не ошибусь, если скажу, что именно наличием этих бактерий обусловлено отсутствие мозга и нервной системы — они их заменяют. Более того! Как мы видим, они прекрасно справляются со своими обязанностями.

Парсонс, все время прислушивающийся к разговору, подошел ко мне. В одной руке он сжимал большую вилку, которую использовал для готовки.

— Спросите меня, — заявил он, — и я скажу вам, что куставры неправильны от кустов и до хвоста. Подобные животные до сих пор не существовали и существовать не должны.

— Но они есть. От факта их реального существования нам уже не избавиться, — заявил Кемпер.

— Тогда скажи мне, в чем смысл этого факта?! Один вид животных монополизировал жизненное пространство целой планеты и питается единственно существующим видом травы. Причем я абсолютно уверен, что количество травы, вплоть до одной-единственной травинки, точно соответствует общему количеству куставров... Устранено даже малейшее нарушение в отклонении от оптимального количества питания.

— Что же неправильного ты видишь в том, что вся их жизнь подчиняется логике? — спросил я, пытаясь его «подколоть», но тут же подумал, глядя на его вилку, а не захочет ли он в ответ подколоть меня?

— Что из того!!! — прогрохотал Парсонс. — Природа не есть статическая субстанция, она ни на секунду не останавливается в своем развитии. Но на этой планете мы столкнулись с автоматизированной биостанцией, вернее, фабрикой. Интересно, кто регулирует выпуск продукции? Кем заложена программа ограничения развития?

— Верно оценивая происходящее, ты не совсем правильно формулируешь вопрос, интересующий нас, — спокойно сказал Кемпер. — Ты, незаметно для себя, проскочил мимо более важного: почему? — а не кто. Каким путем шла эволюция жизни на планете? Как

получилось, что жизнь оказалась строго спланированной? Почему природа пришла к подобной ситуации?

— Нет никакого планирования, — кисло улыбнулся Вебер. — Да ты и сам знаешь, хоть и несешь всякую чушь.

Разговор на некоторое время прервался. Парсонс вернулся к плите, Фуллертон отправился прогуляться. Кажется, его шокировали наши разговоры. Что за обыденность спорить о молоке и яйцах?

Мы долго сидели молча. Минут через пятнадцать Вебер тихо сказал:

— Боб, помнишь первую ночь? Я вышел сменить тебя и сказал... — он посмотрел на меня. — Ты помнишь?

— Конечно, ты говорил о возможностях развития симбиоза.

— Теперь ты думаешь по-иному? — спросил Кемпер.

— Даже не знаю... Разве возможно, чтобы симбиоз достиг столь высокого уровня? Симбиоз — логическое завершение эволюции живых существ планеты? А если мои предположения верны, то куставры — идеально заверченный пример симбиоза. Представляете себе: давным-давно все живые существа планеты собрались вместе и решили, что пора объединиться. И тогда все растения, животные, рыбы и бактерии слились в одно существо...

— Красивая, но маловероятная сказка, — заметил Кемпер. — Симбиоз — разновидность приспособительной реакции на воздействие внешней среды. Но нельзя не отметить, что здесь он продвинулся очень далеко и...

Парсонс издал гортанный рык, призывая всех к столу. Я же, вздохнув, поплелся в палатку и приготовил крайне безвкусную клейкую массу. Я утешал себя тем, что такую гадость только в одиночестве и есть — достаточно одной шутки, и меня стошнит.

На деревянной клетке для животных, которую я приспособил в качестве стола, лежала тонкая стопка листов с рабочими записями. Проталкивать внутрь себя отраву легче, занимаясь интересным делом. Поэтому за едой я успел просмотреть все записи. Они делались отрывочно, кое-где листы были запачканы кровью куставров и еще какой-то липкой пахучей жидкостью.

Однако за время работы с Оливером и Вебером мне приходилось разбирать и не такие каракули.

Конечно, записи не могли дать полной картины происходящего, но кое-что проясняли. Например, разноцветные пятна, придававшие созданиям столь несуразный вид, четко соответствовали сортам мяса, располагавшегося под ними. Неужели каждое пятно некогда являлось самостоятельным организмом?

Орган яйцекладки описывался подробно, но свидетельства в пользу его необходимости, судя по всему, не существовало. Так же, как не имелось свидетельств и в пользу закономерности такого биологического процесса, как лактация. Молодняка нет — кому в таком случае предназначено молоко?

Писанину Оливера я разбирал дольше обычного, но все же получил представление о пяти видах фруктов и трех видах овощей. После обеда я прилег на кровать, переваривая и прочитанное, и съеденное.

Итак, наши существа представляют собой сельскохозяйственную ферму, дающую чистую прибыль, без каких-либо расходов. Да и о каких расходах может идти речь? Ходячее мясо, косяки рыбы, птицефабрика, молочное хозяйство, сад, огород — все это скомпоновано в теле одного животного — полнокровная ферма!

Я еще раз торопливо перелистал записи, остановившись на моменте, наиболее меня заинтересовавшем: съедобные части составляют основную массу тела куставров, а отходы мизерны. Да о таком животном специалисту по сельскому хозяйству приходится только мечтать!

Лишь одна мысль волновала меня. А что если продукты из куставров окажутся несъедобными для человека? И еще. Возможно, куставры приспособились к окружающим условиям настолько сильно, что, покинув родную планету, могут погибнуть.

Тут же, словно дурной сон, предстало перед глазами видение — куставр подходит к нам и падает замертво. Неожиданно яркая и реальная картина вызвала головную боль, беспокойство. Вопросы начали всплывать сами собой: приживется ли на другой планете трава? Смогут ли куставры приспособливаться к новым условиям? С какой скоростью они воспроизводят себе подобных? Можно ли ускорить этот процесс?

Я поднялся и вышел на свежий воздух. Легкий ветерок стих. Солнце уже клонилось к закату, тишина стояла неправдоподобная. Я задрал голову. Быстро темнело, звезды проявлялись на небе, как на фотографической бумаге. Они сверкали непривычно ярко, и было их так много, что они поражали воображение, будили странные мысли. Взошла луна, но звезды продолжали светить с той же яркостью. С большим трудом я оторвался от непривычного зрелища и неторопливо отправился к товарищам.

— Все идет к тому, что мы задержимся, — спокойно произнес я, — а потому завтра начинаем разгрузку корабля.

Никто не произнес ни слова, но тишина говорила сама за себя — все удовлетворены тем, что вот, наконец, повезло и нам. Представляю, как вытянутся лица у конкурентов, когда мы вернемся домой с таким уловом. Полный триумф, всеобщая известность, безбедное существование!

Нарушил наше ликующее молчание Оливер:

— Некоторые лабораторные животные не в лучшей форме. Сегодня я внимательно наблюдал за ними, морские свинки и крысы выглядят больными, — и он посмотрел на меня так, будто это я заразил их. Пришлось возмутиться:

— Нечего смотреть на меня обиженными глазами. Я не смотритель и ухаживаю за ними лишь во время полета.

Кемпер попытался прервать спор:

— Прежде чем говорить о корме, новом корме, его нужно иметь. Завтра надо добыть еще одного кустанвра.

— Бьюсь об заклад, что... — начал Вебер, но Кемпер молча отмахнулся от его предложения, даже не дослушав.

И оказался прав, так как сразу после завтрака в лагере объявился очередной кустанвр и, как по команде, упал замертво. Ребята набросились на него, а Парсонс и я занялись выгрузкой съестных припасов и оборудования. Работы хватило на целый день; мы выгрузили большую часть приборов, даже холодильник для хранения мяса кустанвра и все продукты, за исключением аварийных пайков. Оборудования оказалось так много, что пришлось ставить дополнительные палатки. К вечеру мы валились с ног от усталости.

Утром все, как заведенные, принялись за работу. Кемпер продолжал экспериментировать с бактериями, Вебер не отходил от туши куставра, Оливер выкопал несколько пучков травы и возился с ней. Парсонс отправился на полевые работы. Он что-то бубнил себе под нос и готов был рвать и метать; его бесила любая мелочь. Изучение экологии планеты, пусть даже самой простой, — трудная, многогранная работа, требующая выполнения огромного объема исследований. Но на этой планете делать ему было нечего, борьба за существование отсутствовала, а единственные живые существа, куставры, мирно прохаживались, пощипывая травку. Я попытался составить черновик своего будущего отчета. То, что мне придется многократно его переписывать, не вызывало сомнений. Я принялся за работу с явным сомнением; мне не терпелось слепить из отдельных фрагментов нечто цельное. Задача была трудная, но я не сомневался, что справлюсь с ней.

Утром одна из клеток оказалась пуста. Это панкины каким-то образом прогрызли решетку и выбрались наружу, на свежий воздух. Их бегство почему-то сильно подействовало на Вебера.

— Они вернутся, — спокойно сказал Кемпер. — Имея их аппетит, нельзя не вернуться в лагерь. — Как выяснилось позже, он оказался прав, ведь он отлично знал, что представляют из себя эти обжоры. Их кулинарные запросы невозможно удовлетворить; едят они буквально все, а главное — в чудовищных количествах. У панкинов необычайный метаболизм, что и делает их незаменимыми лабораторными животными.

Часть наших животных мы посадили на диету из мяса куставров. И они буквально расцвели, все как один потолстели и внешне выглядели очень жизнерадостными. Контрольные животные на их фоне казались больными и измученными. Даже прихворнувшие крысы и морские свинки, переведенные на диету, поправлялись и выглядели лучше, чем до болезни.

Когда мы собрались, Кемпер, возившийся возле клеток, сказал:

— Куставры для животных не только пища, но и лекарство. Я уже вижу рекламу: «ДИЕТА ИЗ КУСТАВРОВ ГАРАНТИРУЕТ ВАМ ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ДОЛГОЛЕТИЕ!»

Вебер заворчал на него. Он и так-то не понимал юмора, а в данный момент был еще и обеспокоен. Его можно было понять. Серьезный, если не сказать большой ученый, он столкнулся с совершенно новыми, никому не известными истинами, многие из которых опровергали, перечеркивали весь его многолетний опыт. Отсутствие мозга, нервной системы, способность умирать по собственному желанию, симбиоз, бактерии... Он не мог согласиться со всем этим сразу. Именно бактерии, как мне кажется, доконали его.

Но тревожился не только Вебер, то же происходило и с Кемпером, поведавшим нам о своих сомнениях перед сном. Он выбрал темой для разговора самое безумное открытие, взволновавшее нас:

— Я могу объяснить экологическую ситуацию, сложившуюся на планете. Но для этого нужно изменить наше изначальное отношение к симбиозу как к длительному процессу. Ведь мы считаем, что куставры возникли в результате грандиозного всепланетного симбиоза. В принципе, поверить в данную экологическую схему можно, если задать ей значительный по масштабам Вселенной временной интервал. Однако у меня возникла другая теория — и мозг, и нервную систему куставрам заменяют бактерии. — Он сделал паузу и продолжал: — Но готовы ли мы осознать, поверить в нее и воспринять? Ведь для этого необходимо сказать себе: эта планета — мир бактерий, а не куставров. Если так, то напрашивается еще один вывод: бактерии, для того чтобы являть собой разум, образуют единую систему, единый гигантский мозг. Если моя теория близка к истине, значит, смерть куставра таковою не является. А упавшее замертво животное — не более как остриженный ноготь или вырванный волосок. Могу поздравить Фуллертон — бессмертие найдено, хотя оно приняло столь невероятную форму, что его и бессмертием то назвать нельзя. Кемпер остановился, его лицо исказила гримаса боли.

— А вот что меня и в самом деле беспокоит, так это отсутствие защитных механизмов. Даже если принять на веру, что куставры всего лишь фасад, видимая часть мира бактерий, все равно должен существовать защитный механизм. Как обязательная мера предосторожности... Ведь до сих пор все известные нам существа так или иначе обладали способностью защищать самих себя

или избегать потенциальных врагов. Одно из двух — существо либо убегает, либо сражается, но оно в любом случае защищает себя, свою жизнь.

Несомненно, Кемпер был прав. Куставры не только не имели защитного механизма, более того, они сами избавляли нас от неприятной обязанности убивать.

— Возможно, мы ошибаемся, — продолжал Кемпер, — и жизнь не так значима, как нам всегда казалось. Возможно, за нее не следует цепляться, бороться из последних сил. Возможно, не стоит бросаться на врага и перегрызать ему глотку только для того, чтобы сохранить в неприкосновенности собственную шкуру. Возможно, куставр, упавший замертво, куда ближе к истине, чем мы с вами. Возможно...

Все эти «возможно» и «может быть» начинались сразу же после ужина и продолжались до поздней ночи. Круг мыслей постоянно замыкался на одних и тех же выводах. Мне кажется, Кемпер не просто говорил, он пытался спорить сам с собой, стараясь в процессе разговора найти иной подход к решению проблемы.

Когда лампа была погашена и все улеглись спать, я долго еще лежал без сна, додумывая теорию Кемпера, пытаюсь самостоятельно найти выход из лабиринта фактов. Меня поражало, что все куставры, посетившие нас, находились в расцвете сил. Может быть, смерть является привилегией молодых и здоровых? Или все куставры молоды и здоровы? Имеется ли объективная причина считать их бессмертными существами? Я задавал себе множество вопросов, но найти ответов не мог.

Работа продолжалась. Вебер произвел несколько вскрытий лабораторных животных, получавших в пищу мясо куставров, и досконально исследовал их. Оснований считать, что пища воздействует на организм животных отрицательно, не было. В крови животных обнаружилось некоторое количество бактерий, но патологических изменений или появления антител они не вызывали. Кемпер постоянно занимался их исследованием. Оливер начал новую серию экспериментов с травой, на этот раз по развернутой схеме. Парсонс отдыхал — он окончательно сдался.

Панкины не возвращались, Парсонс и Фуллертон занялись их поисками, но безуспешно.

Я продолжал, кирпичик к кирпичику, составлять отчет. Работа продвигалась быстро, слишком быстро.

Именно легкость и простота вызывали смутное предчувствие и подозрения. Логика уверяла в обратном — разве может что-либо случиться на этой планете?

И тем не менее случилось.

За ужином до нас донесся отдаленный шум. Он возник где-то очень далеко и нарастал медленно и ненавязчиво, так что мы не сразу обратили на него внимание. Звук этот напоминал шум ветра, шевелящего листву молодого деревца. Но постепенно он перешел в гул, напоминающий отдаленные раскаты грома. Только я раскрыл рот, чтобы сказать о грозе, как Кемпер вскочил на ноги и начал что-то орать нам. Что именно, я так и не понял — вернее, не расслышал слов, хотя смысл дошел до нас всех за одну секунду, и мы тут же бросились к спасительному корпусу корабля. Когда мы подбегали к трапу, тембр звука изменился. Не оставалось сомнений, что это топот копыт, стремительно наплывающий на лагерь. У трапа возникла небольшая заминка, куставры были уже недалеко, так что я бросился к веревке, свисавшей из грузового люка. С ее помощью мы производили разгрузку, а втянуть ее наверх я просто забыл. Не могу назвать себя специалистом в лазании по канату, но в этот миг я начал карабкаться по веревке с максимальной для человека скоростью. Взглянув вниз, я увидел, что вслед за мной карабкается Вебер, который также никогда не отличался способностью циркача. Я полз и думал о том, как нам повезло, что я так и не нашел времени, чтобы поднять веревку наверх. А ведь именно Вебер отругал меня за нерадивость. Я хотел крикнуть ему, но так запыхался, что слова застряли в горле.

Мы добрались до люка и влезли внутрь. Под нами, перемалывая все кругом, проносились куставры. Они бежали мимо нас словно в панике: тысячи, миллионы животных. Тем поразительнее выглядел их молчаливый бег. Ни крика, ни писка, лишь топот копыт — безголосье пугало сильнее, чем вид бесчисленного стада. Казалось, сама ярость окутывала нас со всех сторон...

Не менее странным казалось и то, что бескрайнее море куставров расступилось перед кораблем, а за ним вновь смыкалось, оставляя небольшой участок нетронутой земли. При свете звезд стадо просматривалось на многие мили, а далее сливалось с горизонтом. Увидеть,

где оно кончается — и кончается ли вообще, так и не удалось.

Мы могли бы не забираться в корабль, но кто мог предположить, что куставры станут соблюдать такую точность при передвижении?

Нашествие длилось не менее часа. Когда последний куставр исчез в темноте, мы боязливо спустились вниз и попытались определить нанесенный ущерб. Клетки с животными, стоявшие на полпути между кораблем и лагерем, остались неповрежденными. Палатки, в которых мы спали, за исключением одной, стояли на местах. На столе по-прежнему ярко горела лампа.

Все запасы продовольствия и большая часть оборудования оказались втоптаны в землю. Территория вокруг лагеря напоминала свежевспаханное поле. Единственное, что не было уничтожено, — записи и животные.

— Три недели, — сказал Вебер, — и я закончу опыты.

— У нас их нет, как и запасов продовольствия, — ответил я.

— А энзе?

— Только на обратный путь.

— Ничего, можно и поголодать.

Вебер оглядел нас всех по очереди, после чего произнес:

— Я могу три недели обходиться без всякой пищи.

— Давайте попробуем мясо куставров, — предположил Парсонс. — Кто готов рискнуть?

Вебер отрицательно покачал головой:

— Не сейчас. Через три недели, когда я закончу опыты. Вот тогда и решим. Если мясо куставров окажется пригодным для человека, то энзе нам все равно не понадобится. Будем пировать всю обратную дорогу до Кэфа.

— Так и поступим, — сказал я, зная, что парни согласны.

— Вам-то что, — послышался голос Четырехглазого, — с таким запасом диетической пищи можно и поголодать.

Парсонс подошел к Фуллертону, сгреб в охапку, приподнял и потряс его так, что голова Четырехглазого задержалась из стороны в сторону, как у куклы. После чего он осторожно поставил его на ноги и тихо сказал:

— Разговоры о диете нам несколько неприятны, дружище.

Сигнальная система оказалась уничтоженной, поэтому мы установили сдвоенное дежурство. Но никто так и не сомкнул глаз в эту ночь. Опустошительное нашествие куставров повергло всех в уныние; меня интересовал один вопрос — что их так напугало, что за чудовищная сила заставила многомиллионное стадо мчаться сквозь тьму сломя головы? Ответа я не находил. Раз за разом я возвращался к единственно верному предположению — на планете не существовало причин, способных вызвать паническое бегство куставров. Но все же причина была, ведь мы являлись свидетелями ее следствия. Более того, причина эта связана с появлением существ в лагере и их смертью на наших глазах. Но что является первопричиной их поведения — разум или инстинкт? Вот вопрос, мучивший сильнее всего, не давая уснуть.

А на рассвете в лагере появилось очередное существо и с радостью упало замертво к нашим ногам.

Мы обошлись без завтрака. Никто не вспомнил и про обед. С первыми сумерками я забрался по трапу на корабль, чтобы принести немного продуктов для ужина, но ничего не нашел. Вместо продуктов в углу расположились пять панкинов — более толстых и довольных тварей я никогда не видел. Они даже не шумели, как обычно. Я догадался, что они прогрызли дыры в ящиках с продовольствием и прикончили все до последней крошки. Более того, они каким-то образом ухитрились отвернуть крышку у банки с кофе, опрокинув ее, и смолотили все зерна.

Нашим запасам пришел конец. Я отупело глядел на толстые лоснящиеся мордочки панкинов. Меня вдруг осенило, каким образом они пробрались на корабль! Я проклянул свою нерадивость; если бы я вовремя убрал веревку, ничего бы не случилось.

Потом я вспомнил, что веревка спасла нам с Вебером жизнь. Я спокойно подошел к панкинам, троих распихал по карманам, оставшихся двоих взял в руки. Спустившись с корабля, я направился к лагерю.

— Вот они, — сказал я и посадил панкинов, всех пятерых, на стол, — наши беглецы. Пробрались на корабль, а мы не могли их найти. Вскарabкались по веревке.

Вебер внимательно изучил их.

— А они неплохо подхарчились. Что-нибудь нам оставили?

— Вычистили все до последней крошки.

Панкины выглядели стопроцентно счастливыми. Очевидно, их обрадовала встреча с нами. Не было причины оставаться на корабле дальше, после того как они прикончили энзе.

Парсонс достал тесак и подошел к куставру, умершему утром.

— Приготовить слюнявчики, — скомандовал он и отрезал от туши большой кусок мяса. Потом еще один, и еще один, и еще... Как только он приступил к жарке, я рванулся в свою палатку, потому что никогда прежде нос мой не ощущал столь аппетитного, столь зовущего запаха. Я раскрыл сумку, наугад приготовил порцию липкой отравы и начал запихивать ее в себя, помогая ложкой.

Через некоторое время явился Кемпер. Он расслабленно-довольно плюхнулся на койку.

— Желаете выслушать мой рассказ? — спросил он.

— Валяй!

— Изысканно. По вкусовым качествам превосходит любое блюдо, приготовленное руками человека во все времена. Мы попробовали три сорта мяса, отведали по ломтику рыбы и еще чего-то, что напоминало мясо омара, но вкус много нежнее и тоньше... После мяса мы разрезали плод — смесь дыни и ананаса.

— А завтра вы упадете замертво.

— Не думаю, — сказал Кемпер. — Ты же видел, что общее состояние животных заметно улучшилось.

Конечно, думал я. Все сходится к тому, что Альфред прав.

Одного куставра как раз хватило на день. Сыты были и люди, и животные. Куставры не обнаружили более агрессивных намерений, зато каждое утро оказывались под рукой. И именно в тот момент, когда о них вспоминали.

Я внимательно наблюдал за своими товарищами. Количество пищи, уничтожаемое ими, становилось просто неприличным. Ежедневно Парсонс нажаривал горы огромных кусков разного мяса, рыбы, дичи и всякой всячины. Он выставлял на стол тазы с овощами и фруктами, а откуда-то появившийся кувшин ежедневно

наполнял медом. И люди, и животные съедали все, буквально вылизывая тарелки и миски.

Я смотрел на своих компаньонов. Они сидели вокруг стола, расстегнув ремни и похлопывая себя по животам. Их самодовольные физиономии вызывали у меня чувство отвращения. Я напрасно ждал, что их желудки начнет сводить от боли, а тела покроются растительностью. Ничего не происходило. Более того, все они утверждали, что никогда еще не чувствовали себя так хорошо.

Прошло две недели. Как-то утром Фуллертон почувствовал слабость. Он попытался встать, но не смог. Еще через час его начало трясти, как в лихорадке. Симптоматика соответствовала вирусному заболеванию с Центавра, но ведь мы получили от него прививку. За эти годы нам сделали профилактические прививки от всех известных заболеваний. К тому же перед каждым вылетом нас дополнительно накачивали разнообразными сыворотками.

Я не сомневался, что лихорадка вызвана перееданием. Тем более, что ей оказался подвержен Четырехглазый.

Оливер, немного разбиравшийся в лекарствах, притащил с корабля аптечку и ввел Фуллертону максимальную дозу какого-то антибиотика, рекомендованного на все случаи жизни.

Мы продолжали работать, надеясь, что через день-два он самостоятельно встанет на ноги. Но Фуллертону становилось все хуже и хуже.

Оливер повторно перерыл аптечку, тщательно изучив все инструкции и этикетки, но ничего нового не обнаружил. Он внимательно перечитал брошюру об оказании первой медицинской помощи, но в ней описывались лишь сломанные ноги и вывихнутые суставы.

Кемпер волновался больше всех — он попросил Оливера взять у Фуллертона пробу крови и приготовил гемослайд. Заглянув в окуляр микроскопа, он обнаружил, что кровь буквально кишит бактериями куставров. Повторные анализы были идентичны первому.

Оливер и Кемпер работали, а мы стояли вокруг стола, ожидая приговора. Молчание прервал Оливер, решившийся вслух высказать наши худшие опасения.

— Ну, кто следующий? — спросил он.

Парсонс протянул руку. Все напряженно ожидали оглашения приговора.

— Бактерии есть и в твоей крови, — сказал Кемпер, — но их количество значительно меньше, чем у Фуллертонна.

Мы поочередно подходили к Оливеру, результаты анализов повторялись. Правда, в моей крови бактерий содержалось меньше, чем у остальных ребят.

— Мясо куставров, — сказал Парсонс, — Боб не ел.

— Но ведь тепловая обработка уничтожает... — начал Оливер.

— Ты уверен? Эти бактерии должны иметь безумно высокий коэффициент адаптации. Ведь они выполняют в организме куставров огромную работу. Думаю, они могут с легкостью приспособиться к любым, даже самым непредвиденным условиям. Кроме того, овощи и фрукты мы ели в сыром виде. Да и мясо, дорогие мои, вы предпочитали уминать недожаренным.

— Но кто объяснит мне, — вопрошал Оливер, — почему именно Четырехглазый заболел первым? Почему количество бактерий в его крови больше, чем у остальных? Ведь он начал употреблять мясо куставров в пищу одновременно с нами.

Тут-то я и вспомнил свой разговор с Фуллертонном на берегу ручья. Я рассказал о травинке, которую жевал Четырехглазый, но рассказ едва ли улучшил их настроение. Через неделю, максимум две количество бактерий в крови каждого из нас станет таким же, как у Фуллертонна. Я подумал было, а правильно ли я сделал, что рассказал? Наверное, правильно.

— Не есть куставров мы не можем, — сказал Вебер. — Другой пищи просто-напросто нет. Как и обратного пути.

— Я подозреваю, — проговорил Кемпер, — что для нас все в прошлом. Ракета улетела, и мы на нее опоздали.

— Надо немедленно стартовать, — сопротивлялся я, — и моя диетическая сумка...

Закончить фразу мне не удалось: все начали смеяться, как сумасшедшие, толкаясь и хлопая меня по спине.

Я молча стоял, опустив глаза долу. Их смех, вызванный моей непредвиденной шуткой, больше напоминал разрядку после нервного перенапряжения.

— Спасибо, — сказал Кемпер, — твоя сумка не решит основной проблемы; бактерии сидят внутри нас! И еще — диетической сумки на всех не хватит.

— Стоит попытаться, — возразил я.

— Подождем, — прервал нас Парсонс. — Тем более, что иного выхода нет. Да и лихорадка может оказаться временной реакцией организма на перемену диеты.

И все дружно закивали, внушая себе, что он прав.

Но Фуллертону лучше не становилось. Вебер взял для анализа кровь у животных. Количество бактерий оказалось столь же высоко, как и у Четырехглазого.

Вебер ругал себя последними словами:

— Мне следовало давно догадаться, что пробы крови необходимо брать каждый день!

— Что бы это изменило? — спросил Парсонс. — Единственный источник калорий — куставры. Выхода нет.

— Будем надеяться, что дело не в бактериях, ведь животные чувствуют себя прекрасно. А наш дорогой Четырехглазый мог подхватить что угодно.

Лицо Вебера слегка прояснилось:

— Возможно, вы и правы.

Несколько дней томительных ожиданий ни к чему не привели — Фуллертон находился все в том же состоянии.

И вдруг, в одну из ночей, он исчез.

Оливер, дежуривший около него, ненадолго вздремнул. Парсонс, охранявший лагерь, не слышал ни звука.

Утром мы отправились его искать — далеко уйти в таком состоянии он явно не мог. Но поиски не дали результатов. Хотя мы наткнулись на шар непонятной консистенции, белого, почти полупрозрачного цвета, четырех футов в диаметре. Он лежал на дне небольшого овражка, скрытый от любопытных глаз, как будто специально спрятанный в этом месте.

Мы осторожно потрогали его, несколько раз перекатили с места на место, пытаясь определить, из чего он слеплен и как мог попасть сюда. Но, поскольку мы отправились на поиски Фуллертона, шар пришлось оставить в покое. Найдем Четырехглазого — вернемся к загадочному шару.

Вечером, возвратившись в лагерь с пустыми руками, мы обнаружили, что лихорадка началась и у животных — их трясло, как не знаю что. Вебер работал с ними, не имея ни секунды для отдыха. Мы, чем могли, ему помогали. Анализы крови показывали, что содержание

бактерий достигло невероятного уровня. Вебер несколько раз производил вскрытия, но фактически не заканчивал их: он разрезал шкуры, вскрывал брюшную полость, заглядывал внутрь и тут же выбрасывал животных в ведро, даже не пытаясь продолжить обычное патолого-анатомическое исследование. Я видел его напряженное лицо в те моменты, когда его рука зависала над ведром с тушкой животного, но, кроме меня, никто не обращал на Вебера никакого внимания. Ребята выглядели измотанными. Я попытался выяснить у Вебера подробности вскрытий, но он грубо оборвал меня на полуслове.

Вечером я отправился спать раньше обычного — с полуночи начиналось мое дежурство. Не успел я глаз сомкнуть, как меня разбудил зловещий гул, от которого волосы встали дыбом. Я вскочил с постели. Оказалось, что уже ночь, и я долго шарил в темноте, пытаясь найти ботинки. Кемпер вылетел из палатки, как пуля.

С животными что-то происходило. Дико крича, они пытались вырваться наружу, грызли прутья, кидались на них, ослепленные яростью.

Вебер метался от клетки к клетке со шприцем в руке. Прошло несколько часов, прежде чем нам удалось напичкать животных успокоительными и мы снова смогли позволить себе улечься. Нескольким животным все-таки удалось убежать.

Ребята разбрелись по палаткам, а я, с ружьем на коленях, остался дежурить. Но уже через несколько минут я встал и начал прогуливаться вдоль клеток — недавний концерт вызвал во мне столь сильное возбуждение, что сидеть я не мог.

Для меня было совершенно очевидным, что исчезновение Фуллертонa и желание животных вырваться из клеток — взаимосвязанные события. Я вспомнил рассуждения Кемпера о защитном механизме, о том, что он отсутствует у куставров. Но, может быть, сказал я себе, этот механизм есть — и он ловко обманывает нас. Механизм, столь неожиданный для человеческого разума, что мы не готовы к его пониманию.

Утром, когда парни начали просыпаться, я забрался в палатку и растянулся на койке, чтобы немного вздремнуть. Измученный вчерашними событиями, я проспал десять часов. Разбудил меня Кемпер:

— Да поднимайся же, Боб, — устало произнес он. — Вставай, бога ради.

Темнело. Последние лучи заходящего солнца пробивались сквозь неплотно запахнутую дверцу палатки. Кемпер выглядел измученным и постаревшим, как будто мы расстались с ним не вчера вечером, а несколько лет назад.

— Животные покрылись оболочкой. — Он вздохнул. — Теперь они напоминают коконы...

Я сел, не дослушав его.

— Тот шар в овраге!

Кемпер молча кивнул.

— Фуллертон?!

— Для того я тебя и разбудил. Мы решили взглянуть на него.

Мы отыскиали шар с наступлением темноты. Местность оказалась на редкость ровной, и наш овражек затерялся. Шар, расколотый на две половины, напоминал скорлупу яйца, из которого только что вылупился цыпленок. Темнота все сгущалась, а перед нами, поблескивая в тишине звездного неба, лежали две половинки шара — «последнее прощай», начало новой, путающе чужеродной жизни.

Я подумал, что следует, как на похоронах, что-нибудь сказать, но мозг мой был пуст, а язык прилип к пересохшим губам.

Мы внимательно осмотрели землю вокруг «яйца» и нашли следы существа, выбравшегося из него. Это были следы новоиспеченного кустика.

Мы молча поплелись в лагерь.

Кто-то зажег лампу. Все стояли не в силах поднять глаза от земли, понимая, что наше время истекло и отрицать увиденное в овраге — глупо и бессмысленно.

— Шанс остался только у одного из нас, — начал Кемпер, нарушив долгую, путающую тишину. Голос его, как ни странно, звучал спокойно и уверенно. — Боб, ты должен улететь немедленно. Кто-то ведь обязан вернуться на Кэф и сообщить, что здесь произошло.

Он посмотрел на меня долгим пристальным взглядом.

— Ну, — резко сказал он. — Отправляйся! Что с тобой?

— Ты был прав, — прошептал я, — когда рассуждал о защитном механизме, помнишь?

— Теперь-то мы знаем, что защитный механизм существует... — согласился Вебер. — Лучшего защитного механизма невозможно даже представить. Ведь он неодолим. Фауна планеты не пытается воевать с нами, она просто адаптирует нас, преобразует в себе подобных. Не удивительно, что на планете существуют одни ку斯塔вы, не удивительно, что экология предельна проста. Шагнув в этот мир, вы попадаете в ловушку. Стоит только сделать глоток воды, сжевать стебелек, отведать кусочек мяса.

Оливер вышел из темноты и остановился напротив меня.

— Вот твоя диетическая сумка и записи.

— Но я не могу улететь без вас!

— Забудь про нас! — рявкнул Парсонс. — Мы уже не люди, понимаешь?! Через несколько дней...

Он схватил лампу, подошел к клеткам и осветил их.

— Смотрите! — выкрикнул он.

Животных в привычном смысле этого слова не было. Шарик, половинки шариков такой консистенции, как шар в овраге... А вокруг половинок топотали маленькие ку斯塔вы.

— И ты хочешь остаться, — Кемпер посмотрел на меня с сочувствием. — Что ж, оставайся. А через день или два к тебе подойдет куставр, упадет перед тобой замертво, и ты сойдешь с ума, вычисляя, кого из нас ты приготовишь себе на обед!

Голос его звенел, как натянутая струна, он произнес последнее слово и отвернулся... Оказалось, что все парни стоят, повернувшись ко мне спиной. Я ощутил ужас одиночества.

Вебер подхватил с земли топор и пошел вдоль клеток, сбивая замки и выпуская маленьких куставров на волю.

Я медленно двинулся к кораблю, поднялся по трапу, крепко прижимая к груди сумку. Остановившись у люка входа, я обернулся, попытался последним взглядом охватить лагерь, всех своих товарищей и понял, что не могу покинуть их. Ведь мы провели вместе тьму лет. Они подшучивали надо мной, а я постоянно уединялся и ел в одиночку, чтобы не чувствовать запаха жаркого... Я подумал, что даже не помню, с каких пор ем эту тюрю, липкую и безвкусную, что из-за своего проклятого желудка я никогда не пробовал нормальной чело-

веческой пищи. Может, парни куда счастливее меня, даже в данную секунду. Ведь человек, превратившись в куставра, никогда не останется голодным. Желудок его всегда будет наполнен приятной на вкус, сытной пищей. Куставры едят только траву, но, быть может, когда я превращусь в куставра, трава станет для меня лакомством — таким же, как недоступный сейчас тыквенный пирог?

Я стоял перед входным люком и размышлял о еде.

Диетическая сумка, получив с моей помощью значительное ускорение, рассекла темноту и погрузилась в нее. Листки с записями, медленно кружась, как сухие листья, опустились на землю.

Я вернулся в лагерь и тут же столкнулся нос к носу с Парсонсом.

— Так что у нас сегодня на ужин? — спросил я.

ТОРГОВЛЯ В РАССРОЧКУ

1

Катастрофа произошла вечером, когда последняя платформа зависла над разгрузочной площадкой в голубоватом мерцании восьми минимоторов на фоне темнеющего неба.

Только что она горизонтально планировала на высоте тысячи футов, медленно опускаясь, — ящики и тюки аккуратно сложены, сопровождающие роботы сидят на них — и вдруг круто накренилась; один мотор вышел из строя, за ним другой. Ящики посыпались вниз вместе с роботами, а платформа с пронзительным воем завертелась колесом и по крутой спирали устремилась вниз, прямо на лагерь.

Стив Шеридан спрыгнул со штабеля ящиков у его палатки. В пятидесяти шагах от него груз ударился о землю с грохотом, заглушившим вой платформы. Ящики раскололись, тюки лопнули, разбитые, смятые товары нагромодились безобразной кучей.

Шеридан рванулся к палатке, и тут платформа врезалась в радиокабину, смонтированную всего час назад, и наполовину зарылась в землю, в фонтанах песка и камешков, которые градом застучали по брезенту палатки.

Камешек оцарапал Шеридану лоб, песок хлестнул его по щеке, а в следующий миг он уже наклонялся внутри палатки над инструментарием со сменниками сбоку от рабочего стола.

— Езекия! — завопил он. — Езекия! Куда ты подевался?

Он вытащил связку ключей, нашел нужный, сунул в замок, повернул, и крышка инструментария откинулась.

Снаружи донесся топот бегущего робота.

Шеридан сдвинул панель и начал вытаскивать ящички со сменниками.

— Езекия! — вновь позвал он, поскольку только Езекия знал точно, где именно лежат какие сменники, и ему не нужно было рыться в ящичках.

За спиной Шеридана зашуршал брезент, и появился Езекия.

Разрешите мне, сэр, — сказал он, отодвигая Шеридана в сторону.

— Нам потребуются роботехники, — объяснил Шеридан. — Эти ребята, конечно, сильно расшиблись.

— Вот, сэр. Лучше вы сами. У вас это получается быстрее, чем у нас всех.

Шеридан сунул три сменника в карман куртки.

— К сожалению, это все, сэр, — сказал Езекия. — Весь наш запас.

— Обойдемся. А радиокабина? В ней кто-нибудь был?

— Насколько мне известно, никого. Сила как раз из нее вышел. Ему очень повезло, сэр.

— Да уж, — отозвался Шеридан.

Он выбрался из палатки и побежал к куче разбитых ящиков. Там уже собрались роботы и быстро разбирали обломки. Он увидел, как они наклонились и вытащили что-то металлическое и искореженное, потом бережно отнесли в сторону, положили и столпились вокруг. Шеридан остановился рядом.

— Ав, — еле выговорил он, — вы обоих вытащили? Авраам обернулся к нему.

— Пока нет, Стив. Макс еще там.

Шеридан протолкался вперед и опустился на колени рядом с искореженным роботом. Вмятина, увидел он, была такой глубокой, что почти достигла спины. Ноги нелепо изгибались, а руки переплелись под немости-

мым углом. Голова была свернута набок, а кристаллы глаз помутнели.

— Лем, — прошептал Шеридан. — Лемуил, ты меня слышишь?

— Нет, — сказал Авраам. — Его всего перекурило.

— Роботехники у меня в кармане. — Шеридан встал и выпрямился. — Три. Кто хочет взяться за это? Работать надо будет очень быстро.

— Я, — сказал Авраам, — Эбенезер, ну и...

— И я, — предложил Исус Навин.

— Нам понадобятся инструменты, — объявил Авраам. — Без них мы ничего не сделаем.

— Несу! — крикнул Езекия, рысцой подбегая к ним. — Я знал, что вам понадобятся инструменты.

— И свет, — добавил Исус. — Уже совсем стемнело, а судя по всему, надо будет покопаться у него в мозгу.

— Его надо куда-нибудь перенести и на что-нибудь положить, — заметил Авраам. — Пока он валяется на земле, сделать ничего нельзя.

— Воспользуйтесь конференц-столом, — предложил Шеридан.

— Эй, ребята! — завопил Авраам, — перетащите Лемуила на конференц-стол!

— Мы Макса выкапываем! — завопил в ответ Гедехон. — Сами отнесите!

— Не можем, — загремел Авраам. — Стив нам сменники вставит...

— Садитесь, — распорядился Шеридан. — А то я не дотянусь. У кого-нибудь есть чем посветить?

— Да, сэр.

Езекия протянул ему фонарик.

— Наведи луч на эту тройку так, чтобы можно было вставить сменники.

К поврежденному Лемуилу подбежали три робота, подняли его и унесли.

При свете фонарика Шеридан вытащил ключи и быстро нашел нужный.

— Свети ровнее! — сказал он. — В темноте у меня ничего не получится.

— Один раз получилось, — сказал Эбенезер. — Вы же не забыли, Стив? На Галанове. Только надписи не

разглядели и вставили Улиссу миссионера вместо лесоруба, а он давай проповедовать. Эх, и ночка была!

— Заткнись, — скомандовал Шеридан, — и замри!

- Как я тебе его вставляю, если ты будешь вертеться?

Он отпер почти невидимую панель на затылке Эбенезера, быстро сдвинул ее, сунул руку внутрь и нащупал сменник космовика. Резким движением он вывернул его, сунул в карман, затем вставил роботехника и завернул до щелчка. После чего задвинул черепную панель и услышал, как щелкнул замок.

Он стремительно повернулся к двум остальным и закончил со вторым, когда Эбенезер еще только поднялся на ноги и взял сумку с инструментами.

— Пошли, мужики, — сказал Эбенезер. — Надо привести Лема в порядок.

Они зарысили прочь.

Шеридан осмотрелся. Езекия уже умчался с фонариком заняться еще чем-то. Остальные роботы все еще рылись в куче товаров, и он побежал помочь им. Гедеон рядом с ним сказал:

— На что это вы наткнулись, Стив?

— А?

— У вас лицо в крови.

Шеридан провел ладонью по щеке — влажной и липкой.

— Камешком задело.

— Пусть бы Езекия обработал рану.

— Когда откапаем Макса, — ответил Шеридан, принимаясь за работу.

До Максимилиана они добрались через четверть часа в самом низу кучи. Туловище его было раздавлено в лепешку, но он был способен говорить.

— Долго же вы возились, ребята, — сказал он.

— Заткнись, — отозвался Рубен. — По-моему, ты это нарочно подстроил, чтобы обзавестись новым телом.

Они вытащили его и поволокли по земле. Из него посыпались обломки рук и ног. Тогда они оставили его лежать и побежали к радиокабине. Максимилиан завopil им вслед:

— Эй, вернитесь! Чего это вы меня бросили валяться тут?

Шеридан присел на корточки рядом с ним.

— Успокойся, Макс. Платформа врезалась в радиокabinу и там что-то очень не так.

— А Лемуил? Что с ним?

— Так себе. Ребята сейчас им занимаются.

— Не понимаю, что произошло, Стив. Все шло нормально, и вдруг платформа нас сбросила.

— Два мотора забарахлили, — ответил Шеридан. — А почему — мы, наверное, никогда уже не узнаем, раз платформа разбилась всмятку. Но ты себя действительно хорошо чувствуешь?

— Абсолютно. Но не позволяйте ребятам валять дурака. Наверняка захотят попридержать тело. Просто для смеха. Так вы им не позволяйте.

— Получишь тело, как только мы управимся. Думается, Езекия отправился за запасными телами.

— Это надо же! — сказал Максимилиан. — Мы весь груз спустили — на миллиард долларов груза, и ни разу...

— Что поделать, Макс, законы вероятности.

Макс хихикнул:

— Вот вы, люди, всегда так: законы вероятности, предчувствия...

Из темноты появился бегущий Гедеон.

— Стив, нужно заглушить моторы платформы. Они совсем взбесились, того и гляди повзрывают.

— Но я думал, вы...

— Стив, это же работа не для космовиков-чернорабочих.

— Пошли!

— Э-эй! — завопил Максимилиан.

— Я сейчас вернусь, — успокоил его Шеридан.

В палатке Езекии не оказалось. Шеридан лихорадочно рылся среди сменников и наконец нашел-таки механика-ядерщика.

— Придется тебе, — сказал он Гедеону.

— Ладно, — ответил тот. — Только побыстрее, а то какой-нибудь мотор разнесет, и тогда радиактивности не оберешься! Нам-то ничего, а вот вам...

Шеридан вывернул сменники космовика и вставил ядерщика.

— Ну, пока, — сказал Гедеон и выскочил из палатки.

Шеридан уставился на разбросанные сменники. «Ну, Езекия устроит мне хорошую головомойку!» — подумал он.

В палатку вошел Наполеон. Свой белый фартук он засунул за пояс. Поварский колпак был водружен на голову.

— Стив, — сказал он, — вы сегодня не обойдетесь холодным ужином?

— Нет, конечно.

— Платформа не только кабину разнесла, но и плиту расплющила.

— Холодный, так холодный. А ты для меня кое-чего не сделаешь?

— Что именно?

— Макс лежит там напуганный, весь изломанный, и ему плохо одному. В палатке он почувствует себя спокойнее.

Наполеон вышел, бормоча:

— Чтоб я, шеф-повар, волок на себе какого-то...

Шеридан начал подбирать сменники, стараясь рассортировать их.

Вернулся Езекия, подобрал остальные сменники и переложил их по-новому.

— С Лемуилом, сэр, все обойдется, — заверил он Шеридана. — Нервная система перепуталась и в нескольких местах замкнулась. Им пришлось вырезать большие куски проводков. Пока у них остался только голый мозг, и потребуется время, чтобы снабдить его телом и все подсоединить, как требуется.

— Мы еще благополучно отделались, Езекия.

— Полагаю, вы правы, сэр. Думаю, Наполеон сказал вам про плиту.

Вошел Наполеон с металлической кашей, которая прежде была Максимилианом, и прислонил останки к столу.

— Еще поручения?.. — осведомился он со жгучим сарказмом.

— Нет, спасибо, Наппи, это все.

— Ну, а мое тело? — требовательно спросил Максимилиан.

— Придется подождать, — ответил Шеридан. — У ребят полно работы с Лемуилом, но все будет в порядке.

— Отлично, — отозвался Макс. — Лем чертовски хороший робот, и потерять его было бы очень жалко.

— Ну, нельзя сказать, чтобы мы вас уж так часто теряли!

— Это точно. Мы ребята крепкие, нас так просто в утиль не превратить.

— Сэр, — вмешался Езекия, — вы ведь ранены. Не позвать ли кого-нибудь, чтобы вставить в него сменник врача...

— Ерунда, — сказал Шеридан. — Просто царапина. Ты не поищешь воды, чтобы я мог умыться?

— Разумеется, сэр. Но раз рана незначительная, я сам сумею ее обработать.

И он отправился на поиски воды.

— Езекия тоже парень что надо, — великодушно заметил Максимилиан. — Ребята его неженкой считают, но в трудные минуты на него можно положиться.

— Без Езекии я бы не справился, — сказал Шеридан ровным голосом. — Мы, люди, не такие закаленные, как вы. Нам нужно, чтобы о нас кто-то заботился. И обязанности вполне почетны.

— Чего это вы взъерепенились? — спросил Максимилиан. — Я же сказал, что он хороший парень.

Вернулся Езекия с ведром воды и полотенцем.

— Вода, сэр. Гедеон просил передать вам, что с моторами все в порядке. Они их отключили.

— Ну так, вроде все, если, конечно, они уверены, что восстановят Лемуила, — вздохнул Шеридан.

— Сэр, они как будто абсолютно уверены.

— Ну и отлично, — вставил Максимилиан с обычной для роботов самонадеянностью. — Так что завтра с утра можно будет заняться торговлей.

— Пожалуй, — отозвался Шеридан, подходя к ведру и снимая куртку.

— Простая работенка. Расторгнемся вчистую и уберемся отсюда через девяносто дней, а то и быстрее.

— Нет, Макс! — Шеридан покачал головой. — Это очень и очень непросто.

Он нагнулся над ведром и плеснул воды на лицо и голову.

Так оно и есть, сказал он себе твердо. Чужая планета — это чужая планета, какие меры ни принимай. Какой бы исчерпывающей ни была разведка, каким бы продуманным ни был план операции, всегда найдется непредвиденный, притаившийся фактор.

Может быть, размышлял он, если бы команда выполняла одну какую-то функцию, ей бы со временем уда-

лось выработать беспронятную систему. Но когда работаешь на Торговый центр, о таком и мечтать нечего.

Интересы Торгового центра были самыми разнообразными. Гарсон-IV — продажа и закупки. А в следующий раз — дипломатическая миссия или инженерия здоровья. Ни человек, ни его команда роботов понятия не имели, что им предстоит, пока не получали задания.

Он потянулся за полотенцем.

— Помнишь Карвер-Семь? — спросил он Максимилиана.

— Само собой, Стив. Чистое невезение! Эбенезер не виноват, что допустил эту ошибку.

— Сдвинуть не ту гору, это не такая уж маленькая ошибка, — сказал Шеридан с подчеркнутым терпением.

— Это все Центр, — вознегодовал Максимилиан. — Наврали с картами.

— Полегче, полегче, — порекомендовал ему Шеридан. — Дело прошлое, и ни к чему в бутылку лезть.

— Может и так, — сказал Максимилиан, — но меня это из себя выводит. Мы ставим рекорд, до которого ни одной другой команде не дотянуться, а тут Центр садится в лужу и валит все на нас. Знаешь что? Центр слишком уж большим стал и недотепистым.

И слишком самодовольным, подумал Шеридан, но вслух этого не сказал.

Слишком уж большой и слишком самодовольный во многих смыслах. Взять, к примеру, эту планету. Центру следовало послать сюда торговую команду давным-давно, а он что? Пыхтел, мямлил, раздумывал, разрабатывал планы. Назначались комиссии для оценки ситуации, порой ставились вопросы на заседаниях правления, и ровным счетом ничего не делалось, пока дело ползло и ползло по грозному лабиринту инстанций.

Центр нуждается в малой толике конкуренции, решил Шеридан. Может, если найдется ловкий соперник, Торговый центр забудет о своем толстобрюхом достоинстве и почешется!

Вошел, топоча, Наполеон и со стуком поставил на стол тарелку и бутылку со стаканом. На тарелке громоздились ломти холодного мяса в окружении нарезанных овощей. В бутылке было пиво.

— А я и не знал, что у нас есть пиво, — удивленно сказал Шеридан.

— И я не знал, — отрезал Наполеон. — Но посмотрел — и вот оно! До того дошло, Стив, что жди чего угодно!

Шеридан бросил полотенце, сел к столу и налил пиво в стакан.

— Я б тебя угостил, — сказал он Максимилиану, — да только у тебя от него все нутро заржавеет.

Наполеон захохотал.

— В данный момент, — заметил Максимилиан, — у меня нутра почти не осталось. Все повысыпалось.

Деловитым шагом вошел Авраам.

— Я слышал, вы куда-то Макса припрятали.

— Тут я! — нетерпеливо крикнул Максимилиан.

— Да уж ты хорош, — сказал Авраам. — И как все гладко шло, пока вы, два идиота, не испортили нам музыку.

— Как Лемуил? — спросил Шеридан.

— Нормально. Они там и вдвоем управятся, вот я и пошел искать Макса. — Авраам обернувшись к Наполеону. — Ну-ка, помоги отнести его на стол. Там свет в самый раз.

— Я его полночи с места на место таскаю, — проворчал Наполеон, наклоняясь над Максимилианом. И чего с ним возиться? Выбросить его на свалку, да и дело с концом!

— Будет знать! — согласился Авраам с притворным гневом.

Они унесли Максимилиана, из которого продолжали сыпаться детали.

Езекия кончил раскладывать сменники по местам и с удовлетворением закрыл крышку инструментария.

— Ну, а теперь, — заявил он, — займемся вашим лицом.

Шеридан пробурчал что-то невнятное, продолжая жевать.

Езекия произвел осмотр и в заключение сказал:

— На лбу просто царапина, но левую щеку, сэр, вам словно наждачной бумагой ободрали. Может, все-таки подменить кого-нибудь? Вам следует показаться врачу.

— Не надо, — ответил Шеридан. — Само заживет.

В палатку просунулась голова Гедеона.

— Езекия! Ав скандалит из-за тела, которое ты подобрал для Максимилиана. Говорит, оно старое, восстановленное. У тебя другого нет?

— Пойду погляжу, — ответил Езекия. — Там темновато. Но есть и еще. Пойдем поглядим.

Он ушел с Гедеоном, и Шеридан остался один. Доедая ужин, он перебирал в уме события вечера.

Конечно, ничего хорошего, но могло быть куда хуже. Без несчастных случаев и непредвиденных помех не обойтись. Нет, им просто повезло. Если не считать потери времени и груза с одной платформы, все обошлось.

Да, в целом начинают они неплохо. Грузовой прицеп и корабль на малой орбите, груз спущен, а на этом узком полуострове, далеко вдающемся в озеро, они настолько в безопасности, насколько это возможно на чужой планете.

Гарсонииане, конечно, не воинственны, но меры предосторожности никогда не помешают.

Он отодвинул пустую тарелку и вытащил папку из груды карт и всяких документов, медленно развязал тесемки, извлек ее содержимое и, наверное, в сотый раз погрузился в резюме отчетов, представленных в Торговый центр первыми двумя экспедициями.

Впервые люди побывали на этой планете более двадцати лет назад: произвели предварительную разведку и вернулись с описаниями, фотографиями и образчиками. Чистая рутина, никаких специальных исчерпывающих исследований. Ни особых надежд, ни ожиданий, обычная рабочая разведка, которая проводилась на многих планетах и в девятнадцати случаях из двадцати не приносила ничего.

А вот Горсон-IV преподнес сюрприз.

Сюрпризом этим оказался клубень, на вид совершенно обычный и более всего смахивавший на небольшую сморщенную картофелину. Доставленный первой экспедицией в числе других мелочей, захваченных с планеты, он дождался своей очереди и был подвергнут тщательному анализу в лаборатории Центра — с поразительными результатами.

Подар (как его называли туземцы) содержал вещество, которое получило длиннейшее труднопроизносимое название и оказалось почти идеальным транквилизатором. Оно как будто не вызывало никаких неприят-

ных побочных явлений, не было смертельным даже в самых непомерных дозах, и к нему вырабатывалась определенная привычка — очень ценное свойство в глазах всех, кто занялся бы его сбытом.

Для расы, озабоченной возрастающим числом заболеваний, вызываемых нервным перенапряжением, это был просто дар небесный. Долгие годы множество лабораторий занимались поисками чего-то подобного — и вот новая планета преподнесла его в готовом виде.

С поразительной быстротой, учитывая неторопливость, с какой обычно действовал Торговый центр, на Гарсон-IV была снаряжена новая экспедиция с командой роботов, заряженных сменниками торговых экспертов, психологов и дипломатов. Эта команда проработала два года с весьма обнадеживающими результатами. На Землю экспедиция вернулась с грузом подарков, множеством тщательно собранных сведений, а также с торговым соглашением, согласно которому гарсониане обязывались культивировать и запастись подары до прибытия новой команды с товарами для обмена.

«И команда эта — мы», — подумал Шеридан.

И все было бы прекрасно, не задержись они на пятнадцать лет.

Ибо Торговый центр после многочисленных конференций решил выращивать подарки на Земле. Что, как указывали экономисты, обойдется намного дешевле длительных дорогостоящих полетов за подарками на дальнюю планету. А то, что гарсониане в результате оставались с носом торговому соглашению вопреки, словно бы никому даже в голову не пришло. Впрочем, учитывая характер гарсониан, им это, возможно, нипочем.

Ибо гарсониане отличались, мягко выражаясь, большой беспечностью, и второй команде лишь с огромным трудом удалось втолковать им, что такое межпланетная торговля и какие выгоды она сулит. Однако, надо отдать им должное: разобравшись наконец, что к чему, они проявили похвальный деловой энтузиазм.

Клубни принялись в земной почве с обнадеживающей легкостью, и клубни становились все больше и лучше по сравнению с собранными на их родной планете. Но ничего удивительного в этом не было, если вспомнить примитивность гарсонианского земледелия.

Потребовалось несколько лет, чтобы привезенные второй экспедицией подары принесли достаточно семян для коммерческого их культивирования.

Но в конце концов первый урожай был собран, первая ограниченная партия чудодейственного средства была произведена и поступила в продажу под гром рекламных фанфар и по соответственной цене, разумеется.

Все, казалось, складывалось лучше некуда.

Вновь земные фермеры получили доходную культуру с далекой планеты, а Человек обрел транквилизатор, которого ждал так долго!

Но годы шли, и энтузиазм поутих. Ибо получаемый из этих клубней препарат словно бы утрачивал действенность. Либо он не был так хорош, как предполагалось вначале, либо в земных условиях не доставало какого-то существенного фактора.

Лаборатории принялись за лихорадочные поиски. Подары высаживались на экспериментальных участках на других планетах в надежде, что почва или воздух там содержат недостающий элемент, если дело было в этом.

А Торговый центр с тяжеловесной бюрократичностью принялся разрабатывать планы импорта, запоздало припомнив, быть может, о торговом соглашении, подписанном много лет назад. Но особой спешки не было: а вдруг все-таки будет найден способ получать клубни на Земле.

В конце концов удалось точно установить, что ни на Земле, ни где-либо еще, кроме родной планеты подара, получить полноценные клубни невозможно. Как выяснили лаборатории, действенность транквилизирующего вещества в значительной степени зависела от деятельности микроорганизма, обитавшего в корнях подара. А поддерживать полноценную жизнедеятельность этот микроорганизм мог только в условиях Гарсона-IV.

Вот так через пятнадцать с лишним лет на Гарсон-IV снарядили третью экспедицию, которая приземлилась, спустила груз и утром могла приступить к вымениванию подаров.

Шеридан неторопливо перебирал листы, вынутые из папки. Собственно зачем, когда он знает каждую строчку наизусть?

Зашелестел брезент, и в палатку вошел Езекия. Шеридан поднял голову.

— А, вернулся! — сказал он. — Отлично. С Максом все в порядке?

— Мы нашли тело, отвечающее всем требованиям.

— Езекия, — сказал Шеридан, откладывая листы, — твои впечатления?

— От планеты, сэр?

— Вот именно.

— Амбары, сэр. Вы их видели, сэр, когда мы снижались. Я еще указал вам на них.

Шеридан кивнул:

— Вторая экспедиция научила туземцев, как их строить. Под подарки.

— Они все выкрашены красной краской, — сказал робот. — Ну прямо как на рождественской открытке.

— А что в этом плохого?

— Вид у них жутковатый, сэр.

Шеридан засмеялся.

— Жутковатый или нет, они нас выручат. Наверное, битком набиты подарками. Пятнадцать лет туземцы складывали в них урожаи, наверняка удивляясь, почему мы не прилетаем с товарами...

— Деревушки крохотные, а в центре торчит красный амбарище, — сказал Езекия. — Простите меня, сэр, но это похоже на поместь Новой Англии с какой-нибудь Нижней Словвовой.

— Ну, не совсем! Наши гарсонианские друзья до такого все-таки не дошли. Пусть они обеспечены и легкомысленны, но деревни они свои содержат в порядке, а домики просто вылизывают. Вот посмотри.

С этими словами он вытащил из кипы бумаг фотографию. Чистенькая деревенская улица, по сторонам ряды чистеньких домиков, пестрые цветочные бордюры вдоль пешеходных дорожек, по которым идут люди — миниатюрные, веселые, похожие на гномиков.

Езекия взял фотографию.

— Не спорю, сэр, они выглядят счастливыми, хотя, пожалуй, не слишком интеллектуальными.

— Пойду посмотрю, как там идут дела, — сказал Шеридан, вставая.

— Все нормально, сэр, — заметил Езекия. — Ребята разобрали кучу, но, к сожалению, от груза мало что уцелело.

— Ну, если хоть что-то уцелело, это уже чудо.

— Долго не задерживайтесь, — предостерег его Езекия. — Вам надо выпастись. День завтра предстоит нелегкий, а вам вставать с зарей.

— Я сейчас, — обещал Шеридан и вышел из палатки.

Лагерные прожекторы уже были установлены и разгоняли ночную тьму. С той стороны, где грузовая платформа врезалась в землю, доносился стук молотков. Даже от ямы не осталось никакого следа, и роботы-космовики строили новую радиокабину. Другие воздвигали купол над конференц-столом, вокруг которого Авраам и другие роботехники завершали восстановление Лемуила и Максимилиана. А перед кухней Наполеон с Гедеоном, сидя на корточках, увлеченно играли в кости.

Шеридан увидел, что под навесом стоит новая плита. Он подошел к игрокам, они кивнули ему и продолжали бросать кости.

Шеридан понаблюдая за ними, а потом неторопливо пошел дальше, недоуменно покачивая головой, — он не переставал удивляться интересу, который вызывали у роботов все азартные игры. Видимо, человеку этого понять не дано, как и многое другое.

Ведь такие игры подразумевают материальный выигрыш или проигрыш, то есть, с точки зрения роботов, они не могли иметь смысла, поскольку у роботов нет ни денег, ни недвижимости, ни даже личных вещей. И ни в чем подобном они не нуждаются — и все-таки они отчаянно резались и в кости, и в карты.

Или они просто подражают людям? По самой своей природе робот лишен возможности приобщиться к большинству человеческих пороков. Но играть он вполне способен и, вероятно, с большим искусством, чем люди в среднем.

Но чем, чем это их прельщает? Он недоумевал — приобетения, выгоды? Но для роботов они не существуют. Приятное возбуждение? Возможность дать выход агрессивности?

Или они учитывают в уме все свои выигрыши и проигрыши, и тот, кто в азартных играх чаще выходит победителем, приобретает определенный престиж, человеку неизвестный или даже тщательно от него скрываемый?

Человек, подумал он, не способен постичь своих роботов до конца, что, может быть, и к лучшему

Все-таки у робота сохраняется подобие индивидуальности.

Ведь если робот и обязан человеку очень многим — самой своей идеей, материальным ее воплощением и жизнью, то тем самым и человек обязан роботам стольким же, если не большим.

Без роботов человек не сумел бы проникнуть в глубины Галактики так быстро и так плодотворно. Невозможность перебрасывать квалифицированную рабочую силу в необходимых количествах уже стала бы непреодолимым препятствием. Где было бы взять столько космолетов?

С роботами проблемы транспортировки не возникало.

А сменники обеспечивали наличие всех необходимых специалистов в самых разных областях, способных справиться с любыми трудностями на только что открытых планетах, как ни мало было число роботов.

Шеридан дошел до границы лагеря и уставился в темноту, из которой доносился плеск волн под тихие вздохи ветра.

Он откинул голову, посмотрел на небо и — как уже много раз на многих других планетах — поразился сокрушающему ощущению неизбывного одиночества и чужеродности, какое вызывал вид незнакомых созвездий.

Человек, подумал он, привык ориентироваться по таким неверным признакам, как группировка звезд, запах цветка или краски заката.

А впрочем, почему незнакомых? Тут ведь уже побывали две экспедиции землян, а теперь прибыла третья — с прицепом, набитым товарами.

Он отвернулся от озера и, сощурившись, посмотрел туда, где у границы лагеря был сложен груз и укрыт прочным пластиком, поблескивавшим в свете звезд. Будто на чужой земле улеглось спать стадо горбатых чудовищ.

Ни один звездолет не смог бы доставить такое количество груза — звездолеты могли перевозить лишь ничтожную долю того, что требовалось для межзвездной торговли.

Для этой цели были созданы прицепы.

Такой прицеп загружался на орбите над планетой с челночных грузовых платформ. После загрузки прицеп с командой роботов получал толчок к дальнему полету

от экспедиционного корабля. С помощью двигателей на самом прицепе, а также притяжения звездолета наращивалась и наращивалась скорость. Когда она сравнивалась со скоростью света, наступал трудный момент, а затем все упрощалось, хотя для межзвездных полетов требовалась скорость, во много раз превышающая скорость света. Вот так прицеп следовал за экспедиционным кораблем, который вел его через странную серую зону, где пространство и время скручивались в нечто отличное от нормальных пространства и времени.

Без роботов ни о каком грузовом прицепе не было бы и речи: никакая человеческая команда не могла работать в нем и проверять груз.

Шеридан вновь обернулся к озеру, и ему почудилось, что он видит белые полосы пены. Или у него разыгралось воображение? Ветер тихо постанывал, над головой сверкали чужие звезды, а за озером спали туземцы в своих деревнях с огромными красными амбарами.

2

Утром роботы собрались вокруг конференц-стола под пестрым куполом, и Шеридан с Езекией принесли туда металлические ящички со сменниками, помеченными: «Специальные — Гарсон-IV».

— Ну, а теперь, — сказал Шеридан, — пора браться за дело, если вы, господа, удостоите меня своим вниманием. — Он открыл один ящичек. — Вот сменники, изготовленные на заказ для предстоящей работы. Их удалось создать, потому что мы располагали ранее полученными сведениями об этой планете. Таким образом, мы начнем с пустого места, как нам не раз приходилось в прошлом...

— Хватит трепаться, Стив, — завопил Рубен, — будем действовать!

— Пусть поговорит, — сказал Авраам. — У него на это не меньше прав, чем у любого из нас.

— Спасибо, Ав, — поблагодарил его Шеридан.

— Валяйте, — пригласил Гедеон. — Руб просто сбросил лишний вольтаж.

— Сменники эти, естественно, в своей основе торговые и снабдят вас личностью и приемами удачливого продавца. Но, кроме того, в них включены все сведе-

ния, имеющие отношение к ситуации здесь, а также туземный язык и всякие подробности о планете.

Он отпер еще один ящичек и откинул крышку.

— Начнем?

— А чего ждать? — заявил Рубен. — Этим космовиком я по горло сыт.

Шеридан обошел их в сопровождении Езекии с ящичками.

Вернувшись к исходной точке, он отодвинул ящички, в которых теперь находились космовики и прочие разнообразные сменники.

— Ну, как они вам? — спросил он, обводя взглядом свою команду.

— Очень даже, — ответил Лемуил. — Знаете, Стив, я раньше не замечал, до чего тупы космовики.

— Не слушайте его, — сердито проворчал Авраам. — Он каламбурит так при каждой пересменке.

— Вроде бы все должно пройти гладко, — сказал Максимилиан серьезно. — Эти люди свыклись с мыслью, что мы будем с ними торговать. Значит, первоначального антагонизма не возникнет. Возможно даже, что им самим не терпится заключить сделку.

— Еще одно, — указал Дуглас. — У нас товары, к которым они проявляли интерес, и нам не придется тратить времени на подробные выяснения их потребностей.

— Торговая ситуация представляется простой, — веско произнес Авраам. — Осложнений вроде бы возникнуть не должно. По-видимому, главное — установить пропорции обмена: сколько подарков за лопату, или за мотыгу, или еще за что-то.

— Это выяснится путем проб и ошибок, — заметил Шеридан.

— Надо будет жестко поторговаться для установления розничной цены, — заявил Лемуил, — а затем продавать оптом. Такой прием нередко приносил отличные результаты.

Авраам поднялся со стула.

— Приступим. Думаю, Стив, вам следует остаться в лагере.

Шеридан кивнул.

— Буду в радиокабине ждать ваших сообщений. Не тяните с ними.

Роботы приступили: они чистили и полировали друг друга, пока буквально не засияли. Достали парадные щитки и прикрепили их к корпусу магнитными защелками — разноцветные пояса, сверкающие металлические наборные ожерелья и драгоценные камни в кулак величиной. Не слишком изысканного вкуса, но рассчитанные на то, чтобы поразить туземцев.

Они подогнали свои платформы, нагроулили их образчиками со склада, и Шеридан, расстелив карту, распределил между ними деревни. Они проверили передатчики и убедились, что взяли книги заказов.

К полудню они все покинули лагерь.

Шеридан пошел к себе в палатку и опустился в походное кресло, глядя на озеро, сверкающее на солнце за пологим берегом.

Наполеон принес ему перекусить и сел поболтать, аккуратно вздернув белый фартук на колени, чтобы он не касался земли, а высокий колпак лихо сдвинул набок.

— И как, по-вашему, пойдет дело, Стив?

— Заранее ничего сказать нельзя, — объяснил ему Шеридан. — Ребята все настроились на легкую работу, и, надеюсь, они не разочаруются. Но туземцы на малоизвестной планете могут выкинуть, что угодно.

— Ждете неприятностей?

— Я ничего не жду, а просто сижу и робко надеюсь на лучшее. Вот когда начнут поступать сообщения...

— Если вы так тревожитесь, то почему не отправились туда сами?

Шеридан покачал головой:

— Сам подумай, Наппи. Я ничего в торговле не понимаю, а ребята знают о ней все, что требуется. Мне браться за это самому никакого смысла нет. Я не подготовлен.

А к чему он подготовлен, вдруг пришло ему в голову. Он не торговец и не космовик. И понятия не имеет о профессиях, в которых роботы поднаторели — или могли поднатореть в любую минуту.

Нет, он просто человек, необходимый винтик в команде роботов.

По закону, ни одному роботу и ни одной команде роботов нельзя было давать задание без человеческого надзора. Но дело этим не исчерпывалось. В самой природе робота крылась потребность, не заложенная

сознательно, но изначально ей присущая, — потребность в своем человеке.

Команда роботов, посланная на задание без сопровождающего человека, стала бы сажать ошибку на ошибку и, в конце концов, полностью бы рассыпалась и могла бы не только не принести пользы, но причинить невообразимый вред. А когда их сопровождает человек, их предприимчивости и возможностям практически нет предела.

То ли, думал он, они нуждаются в лидере, хотя, с другой стороны, человек в команде роботов, далеко не всегда обладает качествами лидера. То ли им требуется символ непререкаемого авторитета, пусть даже роботы, если отбросить их уважение к своему человеку и стремление заботиться о нем, никаких авторитетов не признают.

Нет, сказал себе Шеридан, тут кроется нечто более глубокое, чем просто лидерство или просто авторитет. Нечто, сравнимое с привязанностью и внутренним единением, связывающими неразрывными узами человека и собаку, однако при полном отсутствии немого обожания, свойственного собакам.

— Ну, а сам ты? — спросил он Наполеона. — Тебе никогда не хотелось самому выйти на задание? Скажи только слово...

— Мне нравится готовить, — заявил Наполеон и поковырял в земле металлическим пальцем. — Я, Стив, так сказать, старый верный служитель.

— Сменник в два счета это изменит.

— А кто тогда будет для вас готовить? Сами-то вы и яйцо толком сварить не умеете.

Шеридан кончил есть и снова уставился на озеро в ожидании первых сообщений по радио.

Наконец-то они приступили к выполнению задания. Все, что происходило до этого — погрузка, долгая буксировка по космическому пространству, выведение космолета с прицепом на орбиту и разгрузка, — было лишь подготовкой к этому моменту.

Они приступили к выполнению задания, но до конца было еще ох, как далеко. Предстоят месяцы напряженной работы. Будут возникать бесконечные проблемы, непредвиденные трудности. Но они справятся, сказал он себе с непоколебимой гордостью. Его команду ничто не поставит в тупик. Ничто!

Под вечер его позвал Езекия:

— Радирует Авраам, сэр. Что-то не так.

Шеридан вскочил, бросился в кабину, придвинул стул и ухватил наушники.

— Ав, это ты? Как дела, мальй?

— Плохо, Стив, — ответил Авраам. — Они не хотят меняться. Товары им нравятся. Так и засматриваются на них. Но ничего за них не предлагают. Знаете, что я думаю? По-моему, им нечего предложить.

— Чушь, Ав! Они собирали плоды все эти годы. Амбары полным-полны.

— Все амбары заколочены, — сказал Авраам. — Двери закрыты на засовы, окна забраны досками. А когда я хотел подойти к одному, они повели себя не по-хорошему.

— Сейчас прилечу, — сказал Шеридан. — Хочу сам посмотреть. — Он вышел из кабины. — Езекия, заведи стрекозу. Полетим поговорить с Авом. Наппи, подежурь у радио. Если что, свяжешься со мной в деревне Ава.

— Я отсюда ни ногой, — заверил его Наполеон.

Езекия посадил стрекозу на деревенской площади рядом с платформой, по-прежнему полностью нагруженной. К ним тут же подошел Авраам.

— Хорошо, что ты тут, Стив. Они хотят, чтобы я убрался отсюда. Они не хотят, чтобы мы оставались на планете.

Шеридан вылез из стрекозы и застыл на месте. Его охватило странное ощущение — и с деревней, и с ее обитателями что-то было не так. Что-то изменилось, стало другим.

На площади собралось много туземцев, кто-то прислонялся к дверям, кто-то к древесному стволу. Несколько загораживали заложенную засовами дверь массивного амбара в центре площади, словно их поставили туда часовыми.

— Когда я приземлился, — сказал Авраам, — они столпились вокруг платформы, разглядывали товары и только-только не хватали их. Я попробовал заговорить с ними, но они отмалчивались, твердили, что они очень бедные. А теперь молчат и только глазами сверкают.

Амбар на фоне маленьких деревенских домиков выглядел монументальным сооружением. Кубический, внушительный, ничем не украшенный, он выглядел здесь чужеродным, инопланетным, перенесенным сюда с Земли. Шеридан сообразил, что именно такие амбары видел на захолустных земных фермах — большая щипцовая крыша, широкая дверь, ведущий к ней пандус и даже слуховое оконце в круглой башенке, венчающей конек.

Человек и два робота стояли в омуте враждебного молчания, туземцы пялились на них, и что-то было очень и очень не так.

Шеридан медленно повернулся, обводя взглядом площадь, и вдруг понял причину.

Деревня выглядела запущенной, прямо-таки грязной. Домики облупились, утратили свой аккуратный, нарядный вид, везде валялся мусор. И люди тоже несли на себе печать неряшливости и неухоженности.

— Сэр, — сказал Езекия, — какой у них жалкий вид!

Да, вид у них был самый жалкий: в лицах словно таилась затравленность, измученность, плечи понуро сутулились.

— Ничего не понимаю! — с недоумением сказал Авраам. — В описании они значатся как веселый беззаботный народец. А поглядите на них теперь! Неужели нас снабдили неверными сведениями?

— Нет, Ав. Просто они изменились.

Неверными сведения быть не могли. Их собрала компетентная команда, одна из лучших, руководимая опытным человеком, много лет проводившим на разнообразных новооткрытых планетах. Команда провела на Гарсоне-IV два года и постаралась изучить туземцев досконально.

Что-то случилось с этими людьми. Почему-то они потеряли веселость и гордость. Позволили своим домам обветшать, позволили себе превратиться в жалких оборванцев.

— Ребята, оставайтесь тут, — сказал Шеридан.

— Сэр, остановитесь! — с тревогой воскликнул Езекия.

— Поосторожнее! — предостерег Авраам.

Шеридан направился к амбару. Группа у дверей не шелохнулась. Он остановился в трех шагах от них.

На близком расстоянии они даже больше походили на гномов, чем на снимках, сделанных первой экспедицией. Да, сморщенные маленькие гномы, но совсем невеселые гномики. Они выглядели неряшливыми, опустившимися и смотрели на него утрюмо, возможно, даже с ненавистью. И с каким-то смущением. Некоторые расстроено переступали с ноги на ногу.

— Вижу, вы нас не забыли, — сказал Шеридан дружеским тоном. — Мы слишком долго не возвращались. Гораздо дольше, чем намеревались.

Он опасался, что говорит плохо. Этот язык, собственно, был не самым простым языком в Галактике. На мгновение он пожалел, что в человеческий мозг нельзя вставить сменник. Как бы это облегчило дело!

— Мы вас помним, — сердито сказал один.

— Замечательно! — с наигранной радостью воскликнул Шеридан. — Ты голос деревни?

Голос — потому что у них не было главы, вождя, не существовало правительства, а возникающие проблемы обсуждались в разговорах возле эквивалента деревенской лавки да на редких общих собраниях, когда случалось что-нибудь неожиданное. Но за выполнением решений никто не следил.

— Я могу говорить за остальных, — уклончиво ответил туземец и медленно вышел вперед. — Много лет назад здесь побывали такие, как вы.

— Вы их встретили, как друзья.

— Мы всех встречаем, как друзья.

— Но их особенно. И обещали им собирать и сохранять подарки.

— Столько времени подарки не сохраняются. Они гниют.

— У вас для хранения были амбары.

— Один подарок начинает гнить, за ним другой, и вот уже сто гнилых подарков. Амбар не годится. Они нигде не сохраняются.

— Но мы... но те показали вам, что надо делать. Вы перебираете подарки и выбрасываете подгнившие. И тогда остальные не начинают гнить.

— Очень трудная работа. Слишком много времени берет.

Туземец пожал плечами:

— Но ведь не все подарки сгнили. Какие-то сохранились.

Его собеседник развел руками.

— Погода стояла плохая, друг. То мало дождя, то слишком много. Всегда что-нибудь не так. И урожаи всегда плохие.

— Но мы привезли вам полезные вещи в обмен на подарки. Много всего, что вам нужно. Нам было трудно доставить их сюда. Мы прилетели издалека. Оттого и прошло столько времени.

— Что поделать, — сказал туземец. — Подарков нет. Сам видишь, какие мы бедные.

— Но куда подевались все подарки?

— Мы, — упрямо сказал туземец, — больше не выращиваем подарки. С подарками всегда что-нибудь не так.

— Но что растет на полях?

— Мы не говорим «подары», мы называем их по-другому.

— Неважно, как вы их называете. Это подарки или нет?

— Мы подарки не выращиваем.

Шеридан повернулся на каблуках и пошел назад к роботам.

— Одно ясно, — сказал он. — Что-то тут произошло. Он жаловался на бедность, а потом сказал, что подарков они больше не выращивают.

— Но это же поля подарков! — заявил Авраам. — Если сведения верны, то они расширили площадь посевов. Я проверил по дороге сюда. Сейчас у них под подарками занято гораздо больше земли, чем прежде.

— Знаю, — ответил Шеридан. — Бессмыслица какая-то. Езекия, ты не свяжешься с лагерем, не выяснишь, что известно там?

— Еще одно, — напомнил Авраам. — Наше торговое соглашение с ними. Оно сохраняет силу?

— Не знаю. — Шеридан покачал головой. — Может, стоит сунуть его им под нос и посмотреть, что из этого получится. Это может послужить психологической зацепкой. Попозже, когда мы их немножко смягчим.

— Если мы их смягчим!

— Но это только один день и одна деревня.

— По-вашему, мы не можем использовать соглашение, как дубинку?

— Послушай, Ав, я ведь не юрист, и в нашем наборе сменников юриста нет и, по чертовски веской причине, на этой планете законов не имеется. Но, предположим, мы потащим их в галактический арбитраж. Кто подписывался за их планету? Туземцы, которых выбрали в ее представители мы, а не ее обитатели, так что их подпись никого ни к чему не обязывала. Подписание контракта было просто торжественной церемонией, юридически ничего не значившей, затеянной только для того, чтобы внушить туземцам почтение к нам.

— Но вторая экспедиция считала, что это сработает.

— Ну да. Гарсониянам присуща мораль — и индивидуально, и в семье. Но вопрос в том, насколько она обязательна для жителей деревни в целом.

— То есть нам нужно найти подход, — сказал Авраам. — Хотя бы к этой деревне.

— Ну, если дело только в ней, — заметил Шеридан, — можно и выждать. Обойдемся и без нее.

Но дело не ограничилось одной деревней. То же положение было и во всех остальных.

Об этом сообщил Езекия:

— Наполеон говорит, что не ладится у всех, — объявил он. — Никто ничего не продал. Из его слов следует, что повсюду такая же картина.

— Лучше отзовем всех ребят в лагерь, — сказал Шеридан. — Эту ситуацию надо обсудить. Выработать план действий. Подход должен быть единым.

— И надо бы накопать подарков, — предложил Авраам. — И проверить, подарки они или другое растение.

3

Шеридан вставил в мозг Эбенезера сменник химика, и Эбенезер занялся анализом.

О результатах он доложил на совещании за конференц-столом.

— Есть только одно отличие, — сказал он. — В этих подарках содержится более высокий процент калентроподенсии (вещества, действующего, как транквилизатор), чем в привезенных первой и второй экспедициями. Примерно десять процентов с возможными колебаниями от поля к полю в зависимости от погоды и состава почвы — от последнего, по-моему, особенно.

— Значит, они солгали, заявив, будто больше не выращивают подары, — сказал Авраам.

— По их меркам, — возразил Сила, — они, возможно, не лгали нам. Человеческие нормы не всегда приложимы к инопланетной этике, то есть результативно. Эбенезер сказал, что в химическом составе клубней произошли изменения. То ли из-за улучшения обработки почвы, то ли из-за отбора семян, то ли из-за обильного выпадения дождей, то ли из-за большей концентрации микроорганизмов в почве. Или же туземцы сумели сами каким-то образом добиться этого...

— Все может быть, — сказал Гедеон. — Но к чему ты клонишь?

— Все очень просто. Если им известно про это изменение, они могли воспользоваться им как предлогом, чтобы изменить название. Или этого потребовали правила их грамматики. Или же они прибегли к игре слов, чтобы выпутаться из положения. Не исключено, что здесь не обошлось без суеверий. Туземец в деревне сказал Стиву, что с подарками их преследовали неудачи. И они могли переменить название, чтобы переломить полосу невезения.

— А это этично?

— На их взгляд, почему бы и нет. Вы, ребята, достаточно помотались по Галактике, чтобы усечь, что наши понятия о логике и этике там не очень в ходу.

— И все-таки я не вижу, зачем им понадобилось менять название. Разве что специально для того, чтобы не торговать с нами, чтобы заявить, что никаких подарков они не выращивают.

— По-моему, так и есть, — заметил Максимилиан. — Прекрасно стыкуется с заколоченными амбарами. Они знали о нашем прибытии. Еще бы! Сколько платформ челночило! Не увидеть их они не могли.

— В деревне, — сказал Шеридан, — у меня возникло четкое ощущение, что им не очень хочется убеждать меня, будто они не выращивают подары. Они оставили этот довод на конец, словно надеясь, что им не придется к нему прибегнуть. Как последнюю отчаянную меру, когда ничто другое к желаемому результату не приведет, и...

— Просто вздувают цену, — категорично заявил Лемуил.

— Не думаю. — Максимилиан покачал головой. — Ведь начальная цена не назначалась. Так как же можно ее вздуть?

— Так или иначе, — сухо ответил Лемуил, — а они создали ситуацию, чтобы взять нас за горло.

— Но есть и благоприятный для нас фактор, — продолжал Максимилиан. — Если они изменили название, чтобы не торговать с нами, значит, вся деревня сознает свое моральное обязательство и старается оправдать его нарушение.

— То есть, ты считаешь, что мы могли бы их урезонить, — сказал Шеридан. — Не исключено. Во всяком случае, стоит попробовать.

— Что-то очень не так, — вставил Дуглас. — Перемены слишком велики. Новое название подарков, заколоченные амбары, жалкий вид деревень и их жителей. Вся планета словно пришла в запустение. Мне кажется, мы прежде всего должны установить, что произошло. А тогда у нас, возможно, появится шанс наладить торговлю.

— Хотел бы я заглянуть внутрь этих амбаров, — сказал Исус Навин. — Что у них там? Как по-вашему, не могли бы мы это проделать?

— Только с применением силы, — ответил Авраам. — Думается, пока мы тут, они будут охранять амбары днем и ночью.

— Ни о какой силе не может быть и речи, — сказал Шеридан. — Вы ведь знаете, что будет с нами, если мы прибегнем к ней против инопланетян, кроме случаев явной самообороны. У команды будет отобрана лицензия. И вы, ребята, проведете остаток своих дней, натирая полы в управлении.

— Но, может быть, тайком? Каким-нибудь детективным способом?

— Это идея, Нав, — сказал Шеридан. — Езекия, у нас есть сменники-детективы?

— Насколько мне известно, нет, сэр. И я ни разу не слышал, чтобы хоть какая-нибудь команда ими пользовалась.

— Тем лучше, — вставил Авраам. — Каким бы способом мы изменили свою внешность?

— Если бы нашелся доброволец, — увлеченно заговорил Лемуил, — мы могли бы его реконструировать...

— Мне кажется, — сказал Сила, — нам следует разработать все возможные подходы, а потом опробовать их на разных деревнях, пока какой-нибудь не сработает.

— То есть ты исходишь из предпосылки, — заметил Максимилиан, — что все деревни будут одинаково реагировать на каждый.

— Именно это я и предполагаю, — ответил Сила. — Как-никак культура у них единая, а средства сообщения, конечно, самые примитивные. Ни одна деревня не получит сразу известия о том, что происходило в другой, так что каждая деревня послужит нам прекрасной морской свинкой в этом маленьком эксперименте.

— Си, по-моему, ты хорошо придумал, — одобрил Шеридан. — Так или иначе, но мы должны сломить их нежелание торговать. Мне все равно, какую цену мы заплатим за подарки для начала. Я позволю им ободрать нас заживо. А едва они начнут покупать, мы снизим эту цену и в конце сведем баланс. Ведь наша цель — загрузить в прицеп столько подарков, сколько он способен вместить.

— Ладно, — сказал Авраам. — За работу!

И они взялись за работу, потратив на нее весь день. Разработали возможные подходы, наметили деревни, где испробовать каждый. Шеридан разделил роботов на бригады и поручил каждой проверить такой-то подход. Они обсудили каждую мелочь и ничего не оставили на волю случая.

Шеридан сел ужинать, убежденный, что они вышли из положения — не тот так другой подход даст желаемый результат. Беда была в том, как ему казалось теперь, что они заранее не провели нужной подготовки и настолько уверовали в легкость своей задачи, что бездумно ринулись продавать с места в карьер.

Утром роботы отправились в свои деревни, полные оптимизма.

Бригаде Авраама было поручено обходить дома, и они взялись за дело со всей добросовестностью. Не пропустили в своей деревне ни единого дома. И в каждом доме получали отказ. Иногда они слышали простое, но твердое «нет», иногда перед ними со стуком захлопывали дверь, иногда ссылались на бедность.

Одно было ясно: соблазнить гарсониан индивидуально оказалось так же невозможно, как соблазнить их в совокупности.

Гедеон и его бригада испробовали метод бесплатных образцов, обходя дома и предлагая в подарок то или иное изделие, с тем чтобы позднее явиться с товарами. Гарсонианские домовладельцы на крючок не попались, отказавшись принять дары.

Лемуил возглавил организацию лотереи. Сторонники этого метода указывали, что лотерея вызывает к корыстным инстинктам. А условия их лотереи были очень соблазнительными. Цена за билет была установлена самая низкая — один подар. Список призов выглядел сказочным. Но гарсониане, видимо, чуждались корысти. Ни один билет продан не был.

А самым странным — нелогичным, сводящим с ума, невыносимым — было то, что гарсонианам словно бы очень хотелось обзавестись предлагаемыми вещами.

— Просто видно, как они борются с искушением, — сообщил Авраам вечером на совещании. — Видно, что им требуются наши товары, но они принуждают себя отказаться. И упрямо стоят на своем.

— Возможно, мы истощили их сопротивление, — заметил Лемуил. — Еще чуть-чуть, и все будет в ажуре... А не распустить ли нам слухи, что в такой-то и такой-то деревне у нас раскупили весь товар? Это может побороть их упрямство.

Однако Эбенезер усомнился.

— Надо докопаться до причины. Необходимо выяснить, что кроется за этой забастовкой покупателей. Может, что-то очень простое. Если бы знать...

Эбенезер отправился со своей бригадой в дальнюю деревню. Они захватили с собой раскладной супермаркет и установили его посреди площади, красиво разложили товары, создали атмосферу элегантности и радостного возбуждения. И повсюду развесили громкоговорители, чтобы восхвалять свои товары, предлагаемые по самой дешевой цене.

Авраам и Гедеон возглавили две бригады, расставившие озвученные рекламные щиты, где только могли, — заманчивые краски, зазывные приглашения.

Шеридан зарядил Оливера и Силу сменниками психологов, и они с большим искусством составили текст приглашений. Никакого подчеркивания коммерче-

ской стороны, хотя она, бесспорно, присутствовала. Местами тексты мило улещивали, местами полнились откровенностью. И все отличались глубокой искренностью. В них восхвалялись гарсониане, высокопорядочные, принципиальные люди, проповедовались на увлекательных примерах честность и справедливость, а также скрупулезное соблюдение договоров и соглашений. Пришельцы расписывались в них, как своего рода помесь бескорыстных благодетелей и наивных дурачков, которых ничего не стоит обвести вокруг пальца.

Тексты эти прокручивались круглые сутки. Они обрушивали на незащитных гарсониан завораживающую вкрадчивую рекламу, и результаты ожидались оптимальные, поскольку для гарсониан любая реклама была в диковинку.

Лемуил оставался в лагере и, заложив руки за спину, мерил шагами берег в глубоком раздумье. Иногда он останавливался и с лихорадочной быстротой записывал осенившие его идеи.

Он пытался приспособить к местным условиям старинный заход, по его мнению, беспроегранный — «я должен заработать на оплату за обучение в колледже».

Исус Навин и Фаддей попросили у Шеридана пару сменников драматургов. Шеридан сказал, что таких не имеется, но Езекия, неунывающий оптимист, пошарил на самом дне инструментария и обнаружил сменник с надписью «аукционщик», а потом — с надписью «оратор». Если и не драматурги, так что-то родственное.

Исус и Фаддей брезгливо от них отказались и уединились, яростно работая над созданием комического реву, насколько это было в их возможностях.

Например, как сочинять скетчи и анекдоты для инопланетян? Что они считают смешным? Рискованные шуточки — отлично, но для них требуются мелкие подробности сексуальной жизни тех, для кого они предназначаются. Анекдоты о тещах? Опять-таки это требовало информации: в одних местах тещи свято почитались, в других — само их упоминание было верхом неприличия. Естественно, никакого обыгрывания диалектов и жаргона, что следовало приветствовать. Не годились для гарсониан и анекдоты о дельцах — гарсониане, понятия не имевшие о бирже и биржевых нравах, просто ничего бы не поняли.

Тем не менее Исус и Фаддей обескураженными себя не чувствовали. Они забрали у Шеридана все своды сведений о Гарсоне-IV и часами их штудировали, выискивая и анализируя аспекты жизни его обитателей, которые казались подходящим материалом, не сулящим подвохов. Они писали груды заметок, рисовали сложные диаграммы соотношения гарсонианских слов и графики социальной жизни туземцев. Они творили, редактировали, шлифовали. И, наконец, сценарий был готов.

— Лучше комического ревю не придумаешь, — с убеждением сказал Исус Навин Шеридану, — когда надо расшевелить людей. Приводишь их в хорошее настроение, и они преодолевают свои фобии. И при этом они оказываются в некотором долгу у тебя. Ты подарил им развлечение, и у них не может не возникнуть желания чем-то тебе отплатить.

— Будем надеяться, — сказал Шеридан уныло.

Ибо ничто не сработало.

Жители дальней деревни настолько смягчились, что посетили супермаркет — чтобы поглазеть, а не покупать. Ну просто словно это был музей или выставка. Они прогуливались по проходам, таращили глаза на товары, иногда трогали их, но ничего не покупали. И даже оскорблялись, если их спрашивали, не желают ли они что-нибудь приобрести.

В других деревнях щиты сначала привлекли всеобщее внимание. Перед ними собирались толпы и слушали часами. Но они перестали быть новинкой, и больше никто не останавливался послушать. И все по-прежнему игнорировали роботов. Еще более подчеркнуто они игнорировали или отвергали любое предложение продать им что-нибудь.

Лемуил сдался, перестал расхаживать и выбросил свои заметки. Он признал свое поражение — на Гарсоне-IV использовать заход со студентом было невозможно.

Болдуин возглавил бригаду по распусканию слухов. Но туземцы категорически отказывались верить, что в другой деревне кто-то что-то купил.

Осталось комическое ревю, и Исус с Фаддеем подобрали исполнителей и начали репетировать. К сожалению, даже Езекии не удалось откопать сменники актеров, но тем не менее получалось у них недурно.

Несмотря на полный провал всех их ухищрений, роботы продолжали посещать деревни, продолжали пытаться продать хоть что-нибудь в надежде, что в один прекрасный день они уловят какой-то намек, какую-нибудь подсказку и сумеют преодолеть барьер молчания и упрямства туземцев.

Затем Гедеон, отправившийся в деревню один, сообщил по радио:

— Тут под деревом такое, на что вам следует взглянуть.

— Такое? — переспросил Шеридан.

— Новое существо. По виду разумное.

— Гарсонианин?

— Вообще-то гуманоид, но не здешний.

— Сейчас буду, — сказал Шеридан. — А ты оставайся на месте, покажешь мне его.

— Оно, наверное, меня видело, — добавил Гедеон, — но я к нему не подходил. Подумал, лучше будет вам за него взяться.

Как и сказал Гедеон, существо сидело под деревом. Перед ним была расстелена сверкающая скатерть, на которую оно уже поставило изукрашенный кувшин, а теперь вынимало всякую всячину из емкости, которая, возможно, была корзинкой для пикника.

Оно было гуманоидом и более привлекательным, чем гарсониане. Тонкие черты лица, худощавая гибкая фигура. Одежда на нем была из пышных тканей, инкрустированных драгоценными камнями. Вид у него был приветливый.

— Привет, друг, — сказал Шеридан.

Гуманоид, казалось, его понял, но улыбнулся с некоторой надменностью, словно появление Шеридана его не очень обрадовало.

— Возможно, — сказал он наконец, — у вас найдется время посидеть со мной?

Его тон недвусмысленно приглашал Шеридана отказаться: спасибо, но, к сожалению, времени у него нет, он торопится.

— Конечно, найдется, — сказал Шеридан. — Благодарю вас.

Он сел, а гуманоид продолжал вынимать из корзинки свои припасы.

— Нам несколько трудно общаться на этом варварском языке, — сказал гуманоид. — Но что поделать! Или вы говорите по-балликски?

— Извините, — ответил Шеридан, — но я впервые слышу про этот язык.

— А я подумал... Он широко распространен.

— Обойдемся и языком этой планеты, — невозмутимо сказал Шеридан.

— О, разумеется! — согласился гуманоид. — Надеюсь, я не вторгся на вашу территорию? В таком случае я сейчас же...

— Вовсе нет. И я рад нашей встрече.

— Я бы предложил вам перекусить со мной, но побаиваюсь. Обмен веществ у вас, несомненно, иной, чем у меня. И мне было бы горько отравить вас.

Шеридан наклонил голову в знак благодарности. Еда, бесспорно, выглядела очень аппетитно. Красивая упаковка, восхитительное на вид содержимое. Ему сразу захотелось есть.

— Я часто прилетаю сюда для... — Он не сумел найти нужного слова на языке гарсониян.

Шеридан пришел ему на помощь.

— На моем языке, — сказал он, — это называется пикник.

— Еда под открытым небом, — сказал гуманоид. — Точнее на языке наших гостеприимных хозяев я выразиться не могу.

— Мы тоже это любим.

Гуманоид явно обрадовался такому доказательству взаимопонимания.

— Мне кажется, друг мой, у нас есть много общего. Не оставить ли мне вам образчик этой еды? Вы бы сделали анализ и в следующий раз могли бы разделить мою трапезу.

Шеридан покачал головой.

— Думаю, я тут долго не задержусь.

— О! — произнес гуманоид словно бы довольным тоном. — Значит, и вы непоседа! Мимолетные встречи! Слышишь шорох один миг — и вновь тишина.

— Очень поэтично, — сказал Шеридан. — И очень точно.

— Впрочем, — продолжал гуманоид, — я прилетаю сюда довольно часто. Я полюбил эту планету. Чудесное место для еды под открытым небом. Такой покой, такая

простота и неспешность! Никакой суеты, и люди такие непосредственные, хотя несколько грязноватые и очень, очень глупые. Но мое сердце открылось им за их безыскусственность, близость к почве, светлый взгляд на жизнь и непритязательный образ этой жизни.

Он умолк и взглянул на Шеридана.

— Вы так не считаете, мой друг?

— Считаю, конечно, считаю, — согласился Шеридан с излишней торопливостью.

— В Галактике, — сказал гуманоид печально, — так мало мест, где можно побыть одному в приятном уединении. О, одному не в буквальном, не в физическом смысле. Я имею в виду ощущение простора, когда тебя не теснит со всех сторон слепая жажда преуспеть, не душит напор других личностей. Бесспорно, есть пустынные планеты — пустынные лишь в силу их непригодности для жизни. Такие мы должны сбросить со счетов.

Он изящно, даже жеманно съел кусочек чего-то. Но из изукрашенного кувшина отпил внушительный глоток.

— Дивный напиток! — Гуманоид протянул кувшин Шеридану. — Вы уверены, что не хотели бы рискнуть?

— Пожалуй, не стоит.

— Вполне разумно, — признал гуманоид. — Жизнь — это вещь, с которой не расстанутся с бездумной легкостью.

Он отхлебнул еще, потом поставил кувшин между ног, нежно его поглаживая.

— Хотя, — сказал он, — я не стал бы ставить благообладания жизнью превыше всего. Несомненно, в структуре бытия должны быть другие грани, дарящие не меньше...

Они приятно провели время до вечера.

Когда Шеридан вернулся к стрекозе, его собеседник, допив кувшин, блаженно растянулся в сильном подпитии среди остатков пикника.

4

Цепляясь за соломинку, Шеридан попытался определить место инопланетного любителя пикников в происхождении, но оно не определялось. Быть может, он действительно был тем, чем казался: порхающий дилетант, одержимый страстью к еде под открытым небом вдали от шумных толп, и большой любитель выпить.

С другой стороны, он знал туземный язык, сказал, что часто прилетает сюда, что само по себе было более чем странно. Имея в своем распоряжении всю Галактику, чтобы порхать, почему он пристрастился к Гарсону-IV, планете — во всяком случае, на человеческий взгляд, — мало чем привлекательной?

И еще — как он сюда попал?

— Гедеон, — спросил Шеридан, — ты, случайно, не видел поблизости какого-либо транспортного средства, на котором наш приятель мог бы прибыть сюда?

Гедеон покачал головой.

— Я об этом как-то не подумал. Но уверен, что ничего подобного там не было. Не то я бы обязательно заметил.

— Вам не пришло в голову, сэр, — осведомился Езекия, — что он мог овладеть искусством телепортации? Это ведь возможно. Ну, та раса на Пилико...

— Верно, — ответил Шеридан. — Но пиликояне телепортировались от силы на милю за один раз. Помнишь, как они выскакивали неизвестно откуда, будто кролики, перемахивающие одним прыжком милю, но так быстро, что не успеваешь их разглядеть? А этот тип должен перемахивать расстояния во много световых лет. Он спросил меня про язык, о котором я никогда не слышал. И заявил, что им широко пользуются, по крайней мере, в одном секторе Галактики.

— Вы напрасно тревожитесь, сэр, — заметил Езекия. — У нас есть заботы поважнее этого пикникующего инопланетянина.

— Ты прав, — ответил Шеридан. — Если мы не сбудем наш груз, мне каюк.

Но выкинуть из головы эту беседу под деревом он не сумел.

Перебирая в уме долгую праздную болтовню, он, к своему изумлению, убедился, что она была абсолютно пустопорожней. Гуманоид, насколько ему помнилось, совершенно ничего не сказал о себе. Разглагольствуя битых три часа, если не больше, он умудрился не сказать ровно ничего.

Когда вечером Наполеон принес ужин, он присел на корточках рядом со стулом Шеридана, аккуратно подобрав на колени белоснежный фартук.

— Положение скверное, так? — спросил он.

— Да, пожалуй.

— А что мы будем делать, Стив, если совсем ничего не продадим, если не выручим ни единого подарка?

— Наппи, — вздохнул Шеридан. — Я так стараюсь не думать об этом!

Но теперь он представил себе реакцию Торгового центра, если он вернется назад со всем миллиардным грузом. И даже еще более ярко он вообразил, что ему придется услышать, брось он груз тут.

Как ни крутись, а груз продать необходимо! А не то его карьере придет конец.

Да что его карьера! Речь идет обо всем человечестве!

Транквилизатор, получаемый из подарков, был действительно необходим и срочно! Поиски такого средства начались века и века тому назад, и потребность в нем доказывалась тем фактом, что на протяжении этих веков поиски не прерывались никогда. Человеку что-то подобное было абсолютно необходимо, и необходимость эта возникла, едва он стал не просто животным.

И тут, на этой самой планете, имелось вещество, которое удовлетворило бы эту страшную потребность. Но доступ к нему перекрывало упрямство тупого, грязного отсталого народа.

— Если бы только эта планета была нашей! — сказал он больше себе, чем Наполеону. — Если бы мы могли захватить ее, то получили бы столько подарков, сколько нужно. Мы превратили бы ее в одно огромное поле и выращивали бы подарков столько, сколько туземцам и не снилось!

— Но ведь мы не можем, — заметил Наполеон. — Это противозаконно.

— Да, Наппи, ты прав. Очень и очень противозаконно.

Ведь гарсониане обладали разумом, пусть и не слишком большим, но отвечающим определению, данному в законе.

А против разумных существ нельзя пустить в ход ничего, даже отдаленно пахивающего насилием. Даже купить или арендовать их земли было нельзя — согласно закону, такая покупка рассматривалась бы как лишение их одного из прав, неотъемлемо принадлежащих любым инопланетным разумным существам.

Можно сотрудничать с ними, учить их — не только можно, но и похвально. Но гарсониане не желали ничему обучаться. Разрешалось наладить с ними обмен, но скрупулезно честный! А они отказывались от обмена!

— Не знаю, что нам делать, — сказал Шеридан. — Как нам найти выход?

— У меня есть идея. Если бы мы приобщили туземцев к тонкостям игры в кости, то могли бы все-таки чего-нибудь добиться. Мы, роботы, как вам известно, в ней преуспели.

Шеридан поперхнулся кофе и осторожно поставил чашку на стол.

— При обычных обстоятельствах, — ответил он Наполеону, — я не одобрил бы такой тактики. Но в подобном положении... Почему бы тебе не сговориться с кем-нибудь из ребят и не попробовать?

— С радостью, Стив.

— И... э... Наппи.

— Что, Стив?

— Ты, конечно, подберешь самых умелых игроков?

— А как же, — ответил Наполеон, выпрямляясь и разглаживая фартук.

Исус и Фаддей отправились со своей трупой в дальнюю деревню, не включенную в их первоначальную программу, где они появились в первый раз, и дали представление.

Оно имело исключительный успех. Туземцы катались по земле, прижимали руки к животу от хохота. Они стонали, охали, утирали слезы. Хлопали друг друга по спине, упиваясь шутками. Ничего подобного они в жизни не видели. На Гарсоне-IV не было ничего, хотя бы отдаленно сравнимого.

И пока они пребывали в эйфории, в точный психологический момент, когда они должны были забыть упрямство и враждебность, Исус предложил им купить товары по дешевке.

Смех оборвался. Веселость исчезла. Зрители просто стояли и молча смотрели на него.

Труппа собрала реквизит и уныло отправилась восвояси.

Шеридан сидел в палатке, мрачно размышляя о будущем. В лагере царила могильная тишина. Ни болтовни, ни пения, ни взрывов смеха. Ни даже шагов.

— Шесть недель, — с тоской сказал Шеридан Езекии. — Шесть недель, и ничего не продано. Мы сделали все, что могли, — и ничегошеньки! — Он стукнул кулаком по столу. — Если бы мы добрались до причины! Они заглядываются на наши товары — и отказыва-

ются покупать. Что за этим кроется, Езекия? Попытайся отгадать.

— Бесполезно, сэр. — Езекия покачал головой. — Я в полном тупике. Как и все мы.

— В Центре из меня фарш сделают, — объявил Шеридан. — Распнут на стене в жуткое назидание на десять тысяч лет вперед! Бесспорно, и прежде случались неудачи. Но чтоб такая!

— Конечно, не мне это предлагать, сэр, — сказал Езекия, — но мы могли бы смяться. Вот и выход. Ребята согласятся. Теоретически они преданы Центру, но если копнуть, преданы они вам. Мы могли бы забрать груз для начала, и у нас будет такая фора...

— Нет! — твердо сказал Шеридан. — Попытаемся еще и, может быть, найдем выход из положения. Ну, а не найдем, буду держать ответ, как положено. — Он почесал подбородок. — И ведь команде Наппи, возможно, улыбнется удача. Бред, конечно, но случались вещи и пострашее.

Наполеон и его приятели вернулись в угнетенном настроении.

— Они нас раздели, — сообщил повар Шеридану потрясенным голосом. У них это просто в природе. Но, когда мы хотели расплатиться, они от всего отказались.

— Попробуем собрать их и поговорить по душам, — сказал Шеридан. — Хотя вряд ли будет толк. Как, по-твоему, Наполеон, если бы мы им прямо рассказали, в каком мы жутком положении, они бы не пошли нам навстречу?

— Не думаю, — сказал Наполеон.

— Будь у них правительство, — заметил Эбенезер, один из игроков Наполеона, — может, что-нибудь и получилось бы. Вы бы говорили с представителем всего населения. А так придется беседовать в каждой деревне. Тут никакого времени не хватит!

— Ничего не поделаешь, Эб, — ответил Шеридан. — Ничего другого нам не остается.

Но тут как раз начался сбор подарков. Туземцы трудились на полях с невероятным усердием: выкапывали клубни, раскладывали их сушить, погружали в тележки и на себе везли к амбарам — тягловых животных на Гарсоне-IV не было.

Они выкапывали клубни и свозили их к амбарам, тем самым амбарам, в которых, согласно их клятвенным заверениям, никаких подарков не было.

Они не открывали больших дверей, как им, казалось, следовало бы сделать, а пользовались дверкой, прорезанной в одной створке. И стоило кому-нибудь из земной команды появиться поблизости, как они расставляли охрану вокруг всей площади.

— Лучше к ним не соваться, — посоветовал Авраам. — Если попробуем на них надавить, неприятностей не оберешься.

А потому роботы собрались в лагере, дожидаясь окончания уборки. Наконец она завершилась, но Шеридан решил выждать еще несколько дней, чтобы гарсо-ниане успели войти в обычную колею.

Затем они вновь отправились в свои деревни, и на этот раз Шеридан пристроился на платформе с Авраамом и Гедеоном.

Первая деревня на их пути мирно дремала в лучах солнца. Нигде не было видно ни единого ее обитателя.

Авраам посадил платформу на площади, и троица сошла с нее.

Площадь была пуста, и все окутывала тишина — глубокая, могильная тишина.

У Шеридана по спине забегали мурашки — в этой безмолвной пустоте словно затаилась жуткая угроза.

— Может, они устроили на нас засаду? — предположил Гедеон.

— Не думаю, — возразил Авраам. — Народец этот очень мирный.

Они осторожно пересекли площадь и медленно пошли по улице.

Улица тоже была абсолютно безлюдна. И — совсем уже странно! — двери некоторых домиков были открыты настежь, а окна слепо шурились на прищельцев — занавески из пестрой грубой ткани исчезли.

— Может быть, — предположил Гедеон, — они отправились на праздник урожая или еще какое-нибудь ритуальное торжество.

— Они бы не оставили двери открытыми, — объявил Авраам. — Я прожил рядом с ними несколько недель и изучил их привычки. Они бы закрыли дверь очень тщательно и для надежности еще подергали бы.

— Но ветер...

— Ну, нет, — возразил Авраам. — Тогда бы, может, открылась одна, а я отсюда вижу их четыре.

— Надо бы посмотреть, — сказал Шеридан. — Пожалуй, пойду я.

Он свернул в калитку и медленно пошел по дорожке к домику с открытой дверью. У порога он остановился и заглянул внутрь. Комната перед ним была пуста. Он вошел и заглянул в остальные комнаты. Они тоже оказались пустыми — в них не было не только хозяев, но и вообще ничего: ни мебели, ни утвари, ни хозяйственных мелочей — голые стены, пустые стойки, сиротливые крючки. Никакой одежды. Ничего. Дом стоял мертвый, выпотрошенный, жалкий, убогий, брошенный за ненадобностью.

Шеридану стало не по себе: «Что, если их прогнали мы? До того их допекли, что они скрылись, лишь бы не встречаться с нами».

Нет, это чушь, сказал он себе. За этим невероятным по сложности массовым исходом, несомненно, кроется иная причина.

Он вернулся на улицу. Авраам и Гедеон побывали в других домах, тоже пустых.

— Возможно, только в этой деревне так, — предположил Гедеон. — А в остальных ничего не произошло.

Но Гедеон ошибся.

Вернувшись на платформу, они связались с лагерем.

— Не понимаю, — заявил Езекия. — Четыре других бригады сообщили о том же самом. Я как раз собирался радировать вам, сэр.

— Разошли все платформы, какие есть, — распорядился Шеридан. — Пусть проверяют все окрестные деревни. И пусть выглядят людей. Они могут оказаться где-нибудь в полях. Празднуют окончание уборки урожая.

— Если они ушли на праздник, сэр, то зачем забрали с собой все свое имущество? Когда вы отправляетесь на праздник, то мебель оставляете дома.

— Я знаю, — ответил Шеридан. — Ты уловил самую суть. Так разошли ребят.

— А может быть, — предположил Гедеон, — у них в обычае обмениваться деревнями? Скажем, племенной закон требует, чтобы они через какой-то срок строили новую деревню. Отголосок древнего гигиенического

правила, гласившего, что стойбище после определенного времени надо переносить в другое место.

— Пожалуй, — устало сказал Шеридан. — Подождем — увидим.

Авраам махнул кулаком в сторону амбара.

Шеридан поколебался и решил забыть про осторожность.

— Пошли! — сказал он.

Гедеон поднялся по пандусу к дверям и ухватил доску, прибитую поперек ее. Он рванул, раздался отчаянный скрип выворачиваемых гвоздей, и доска осталась у него в руках. Он оторвал вторую, третью, а потом навалился плечом, и одна створка открылась.

Внутри в смутной мгле тускло поблескивала металлическая масса — на земляном полу стояла огромная машина.

Шеридана оледенил ужас.

Не может быть, подумал он. Откуда тут взялась машина?

Какие машины у гарсониан! Их культура была абсолютно доиндустриальной. Их достижения исчерпывались мотыгой и колесом, причем они еще не додумались объединить колесо и мотыгу, чтобы сотворить плуг.

Когда вторая экспедиция улетела отсюда пятнадцать лет назад, машин у них не было, а за такой срок создать их они никак не могли. Да сам он за время, проведенное на планете, не заметил, чтобы они продвинулись в этом направлении хотя бы на дюйм.

И все же в амбаре стояла машина.

Вертикальный, порядочных размеров цилиндр с дверцей сбоку. Вверху он завершался куполообразным закруглением. Если бы не дверца, он выглядел бы, как сильно увеличенная разрывная пуля.

Чье-то вмешательство, подумал Шеридан. Кто-то побывал тут в промежутке между отлетом второй экспедиции и прибытием третьей.

— Гедеон! — сказал он.

— Что, Стив?

— Смотайся в лагерь за инструментарием. Скажи Езекии, чтобы он доставил сюда мою палатку и все прочее как можно скорее. Отзови ребят с разведки. Нам предстоит работа.

Кто-то побывал тут, подумал он. Бесспорно! Изысканно любезный гуманоид, который сидел под дере-

вом перед уставленной закусками скатертью, попивал из кувшина и болтал без умолку битых три часа, так ничего и не сказав.

5

Посланец Торгового центра посадил свой кораблик у края деревенской площади неподалеку от палатки Шеридана. Он откинул колпак обозрения и вылез наружу. Минуту постоял, сверкая на солнце и поправляя на металлической груди табличку с надписью «спецкурьер», которая утратила строгую горизонтальность. Затем неторопливо направился к амбару и спросил у Шеридана, сидящего на пандусе:

— Вы Шеридан?

Шеридан кивнул, оглядывая его. Великолепное изделие!

— Я с трудом разыскал вас. Ваш лагерь, видимо, брошен.

— У нас возникли определенные трудности, — спокойно сказал Шеридан.

— Надеюсь, не слишком серьезные. Я вижу, ваш груз не тронут.

— Скажем так: скучать нам не приходилось.

— Так-так, — сказал робот, обескураженный тем, что более внятного объяснения не последовало. — Мое имя — Товий, и у меня есть для вас сообщение.

— Слушаю.

Этих управленческих роботов полезно иногда осаживать, решил Шеридан.

— Устное сообщение. Могу вас заверить, что я получил исчерпывающие инструкции и готов ответить на любой ваш вопрос.

— Очень хорошо, — сказал Шеридан. — Начнем с сообщения.

— Торговый центр ставит вас в известность, что фирма, именующая себя «Галактическая компания», предложила поставлять ему препарат калентроподенсия в неограниченном количестве. Нам хотелось бы узнать, не можете ли вы пролить свет на это дело.

— «Галактическая компания»? — повторил Шеридан. — Никогда о ней не слышал.

— Как и Торговый центр. Не скрою от вас, мы выведены из равновесия.

— Могу себе представить.

Товий расправил плечи.

— Мне поручено указать вам, что вас командировали на Гарсон-IV для приобретения большой партии подарков, из которых изготавливается указанный препарат, и что это задание, ввиду предварительной подготовки, ранее проведенной на указанной планете, не должно было встретить при выполнении каких-либо значительных затруднений, и...

— Потихе, потихе, — перебил Шеридан, — не надо так волноваться. Чтобы тебя не грызла совесть, будем считать, что я дослушал до конца разнос, который тебе поручено мне устроить.

— Но вы...

— Видимо, — сказал Шеридан, — «Галактическая компания» запросила хорошую цену за свой препарат?

— Чистейший грабеж! Торговый центр прислал меня узнать...

— Доставлю ли я большую партию подарков. В данный момент мне ответить нечего.

— Но я обязан вернуться и доложить!

— Не сейчас. Я смогу дать тебе отчет не раньше, чем через несколько дней. Так что придется подождать.

— Но мои инструкции...

— Дело твое! — резко сказал Шеридан. — Хочешь — жди или возвращайся без моего отчета. Мне плевать.

Он встал с пандуса и вошел в амбар.

Роботам, увидел он, наконец удалось снять колпак с большой машины. Они положили его на пол так, чтобы можно было увидеть его внутренность.

— Стив, — сказал Авраам с горечью, — посмотрите-ка!

Шеридан посмотрел. Внутри все было сплавлено воедино.

— Тут находились какие-то механизмы, — сказал Гедеон, — но их уничтожили.

Шеридан почесал в затылке.

— Нарочно? Релейная защита?

Авраам кивнул.

— По-видимому, они тут все закончили. Наверное, не будь здесь нас, они бы забрали эту машину и все остальное с собой, каково бы ни было их назначение. Но рискнуть, что хоть одна попадет к нам в руки, они

не могли, а потому нажали на кнопку или еще что-нибудь сделали — и от рабочих механизмов не осталось ничего.

— Но ведь таких машин тут много. Думается, в каждом амбаре стоит одна.

— И с ними, наверное, то же, — сказал Лемуил, поднимаясь с колен и отворачиваясь от колпака.

— И что это, по-вашему? — спросил Шеридан.

— Перебросчик материи, телепередатчик, называйте, как хотите, — ответил Авраам. — Вывод, естественно, подсказан не машиной, а сопутствующими обстоятельствами. Поглядыте! В амбаре нет ни единого подарка. Значит, весь урожай куда-то переправлен. Этот ваш приятель, поклонник пикников...

— Они себя именуют «Галактической компанией», — сказал Шеридан. — Только что прибыл курьер. По его словам, они предложили Торговому центру партию препарата, изготавливаемого из подарков.

— И теперь Торговый центр, — заключил Авраам, — попав в тяжелое положение, финансово взятый за горло, свалит все на нас, потому что мы остались без подарков.

— Не сомневаюсь, — ответил Шеридан. — Теперь все зависит от того, сумеем ли мы отыскать наших друзей туземцев.

— Это вряд ли удастся, — сказал Гедеон. — Наша разведка установила, что все деревни пусты на всей планете. А не могли они покинуть ее с помощью этих машин, как по-вашему? Если они перебрасывают подарки, то могут перебрасывать и людей.

— Словом, все, — неловко пошутил Лемуил, — что начинается на «п» или на «л».

— Нельзя ли установить принцип их действия? — спросил Шеридан. — Центру бы это очень пригодилось.

— Не берусь сказать, Стив. — Авраам покачал головой. — По закону вероятности, среди машин на этой планете — а их столько, сколько амбаров, — может одна и уцелела. Шанс есть.

— Но и найди мы такую, — возразил Гедеон, — куда больше шансов, что она самоуничтожится, едва мы к ней прикоснемся.

— А если мы не отыщем неповрежденной?

— Одна возможность есть, — объявил Лемуил. — Несомненно, степень их разрушения должна различаться. И разрушаться идентично они тоже не могли. Значит, исследовав, скажем, тысячу, можно будет получить достаточное представление о том, как был оборудован цилиндр.

— Ну, а предположим, мы сумеем это установить?

— Трудно сказать, Стив, — ответил Авраам. — Даже найди мы функционирующий аппарат, я, честно, не знаю, сумели бы мы установить принцип его действия настолько, чтобы создать свой аппарат. Не забывайте, что человечество ни о чем подобном понятия не имеет.

Шеридан прекрасно понимал, какая горькая истина кроется за словами робота. Если теоретическая основа не разработана, никакие наблюдения за работой неизвестного аппарата или даже его подробные чертежи мало чем помогут. А в их распоряжении было даже меньше того, что дали бы чертежи или хотя бы работающая модель.

— Они использовали эти машины, — сказал Шеридан, — чтобы перебросить подарки, а возможно, и людей. Если так, то люди пошли на это добровольно. Будь применено насилие, мы бы об этом узнали. Ав, ты мне не объяснишь, почему люди согласились на переброску.

— Не по моей части, — ответил Авраам. — У меня в мозгу сменник физика. Вставь мне социолога, и я займусь этой проблемой.

Снаружи раздался крик, и все обернулись к двери. По пандусу поднимался Эбenezер, держа на руках бессильно обвисшее тельце.

— Туземец! — ахнул Гедеон.

Эбenezер опустил на колени и бережно положил маленького туземца на пол.

— Нашел его в поле. Лежал в канаве. Боюсь, ему конец.

Шеридан нагнулся над туземцем. Это был старик — таких стариков он видел в деревнях тысячи. Та же старая задубелая кожа и морщины, оставленные ветром и непогодой, те же мохнатые брови над провалившимися глазами, те же клочковатые усы, то же ощущение забытой беззаботности и угрюмого упрямства.

— Его бросили, — сказал Эбenezер. — Все покинули планету, а его оставили. Наверное, ему стало дурно, и он упал в канаву...

— Принеси мою фляжку, — распорядился Шеридан. — Она висит у двери.

Старик открыл глаза и обвел взглядом кольцо наклонившихся над ним лиц. Он провел рукой по лбу, оставляя полосы грязи.

— Я упал, — пробормотал он. — Помню, как я падал. Я упал в канаву.

— Вот вода, Стив, — сказал Авраам.

Шеридан взял фляжку, приподнял старика, прислонил его к своей груди и прижал горлышко к его губам. Туземец пил с трудом, захлебывался. Вода стекала по его усам на живот.

Шеридан отвел фляжку.

— Благодарю тебя, — сказал старик, и Шеридану пришлось в голову, что это первая вежливая фраза, которую он услышал от обитателей планеты.

Старик снова потер лицо грязной лапкой.

— Люди все ушли?

— Все.

— А я опоздал, — сказал старик. — Я бы успел, если бы не упал. Может, они меня искали... Его голос замер.

— С вашего разрешения, сэр, — сказал Езекия, — я схожу за сменником врача.

— Да, пожалуй, — ответил Шеридан. — Хотя, думается, толку будет чуть. Он столько дней пролежал в этой канаве. Чудо, что он еще жив.

— Стив, — вполголоса сказал Гедеон, — врач-человек не способен лечить инопланетян. Со временем — если это время у нас будет — мы кое-что узнаем об этом старце, об особенностях его организма и обмена веществ. Вот тогда мы попробуем его подлечить.

Шеридан пожал плечами.

— Ну так обойдемся без сменника, Езекия.

Он опустил старика на пол, поднялся с колен, но тут же сел на корточки, слегка раскачиваясь.

— Не ответишь ли ты на один вопрос? — обратился он к туземцу. — Куда ушли твои люди?

— Туда! — ответил туземец и с трудом приподнял слабую руку, указывая на машину. — Туда. А потом исчезли, как раньше собранный урожай.

Шеридан так и остался сидеть на корточках рядом с умирающим туземцем.

Рубен принес охапку травы и подложил ее под голову старика вместо подушки.

Так значит, гарсониане и правда покинули планету, сказал себе Шеридан. Собрались и ушли в машину, которая предназначалась для переброски подаров. А если «Галактическая компания» располагает такими машинами, то они — кем бы они ни были — имеют перед Торговым центром огромное преимущество. Как могут конкурировать с такой техникой громоздкие грузовые прицепы, ползущие по космосу немногим быстрее скорости света?

Ему припомнилось, как в день их высадки на планету он подумал, что небольшая толика конкуренции очень пошла бы Торговому центру на пользу. И вот, пожалуйста — конкуренция, причем конкуренция без намека на этику. Конкуренты украдкой, за спиной Торгового центра, перехватили рынок, жизненно важный для Центра и которым Центр давно бы заручился, если бы не валял дурака, не тянул бы времени, цинично решив обойтись без туземцев и выращивать подары на Земле.

Интересно, где и как «Галактическая компания» пронохала про подары и о значении получаемого из них препарата? Каким образом они там узнали, сколько времени в их распоряжении, чтобы манипулировать рынком подаров без вмешательства Центра? Но затем из-за самонадеянности попали в положение, когда им пришлось уничтожить все свои чудесные машины на планете.

Шеридан усмехнулся при мысли, как они себя при этом чувствовали.

Впрочем, нетрудно было вообразить сотни, а то и тысячи способов, с помощью которых «Компания» могла проведать про подары.

С такими обаятельными, такими обезоруживающе безобидными представителями! Его не удивило бы, если бы выяснилось, что они внедрились своих людей в Торговый центр.

Туземец пошевелился, протянул исхудалую руку и дернул Шеридана за рукав.

— Чего ты хочешь, друг?

— Ты посидишь со мной? — умоляюще спросил старик. — Эти там не такие, как ты и я.

— Я посижу с тобой, — сказал Шеридан.

— А нам, по-моему, лучше уйти, — заметил Геденон. — Возможно, мы его пугаем.

Шеридан положил ладонь на лоб старика. Он был холодным и липким.

— Старый друг, — сказал Шеридан. — Мне кажется, ты мне кое-чем обязан.

Старик отрицательно задвигал головой. В глазах у него появилось упрямство с примесью хитрости.

— Мы вам ничем не обязаны. Тем, другим, — да.

Шеридан, разумеется, подразумевал совсем не это. Но слова были произнесены — слова, которые таили ключ к загадке, которой стала для Шеридана планета Гарсон-IV.

— Так вот почему вы отказывались торговать с нами! — пробормотал Шеридан, обращаясь не столько к старику, сколько к самому себе. — Вы так запутались в долгах, что вам потребовались все подарки, чтобы расплатиться с этими людьми?

Ну, конечно же, так! Теперь он видел, что это было единственно логичным объяснением всего, с чем им пришлось столкнуться. Поведение туземцев, почти отчаянный отказ что-либо покупать — именно этого следовало ожидать от людей, по уши сидящих в долгах.

И вот почему они не заботились о своих домах и ходили чуть не в лохмотьях. Вот объяснение, из-за чего веселая беззаботность исчезла, вот откуда унылый, подавленный вид. Издерганные, затравленные, терзаемые страхом, что им не удастся уплатить долг вовремя, они истощили все свои ресурсы и надрывались в полях, выжимая из почвы все подарки, какие они могли произвести.

— Дело в этом? — спросил он. — Так оно было?

Туземец неохотно кивнул.

— Они явились и предложили вам такую выгодную сделку, что вы не смогли отказаться? Возможно, машины? Машины, чтобы вы могли переноситься в другие места?

Старик покачал головой:

— Нет, не машины. В машины мы складывали подарки, и подарки исчезали. Так мы платили.

— Платили все эти годы?

— Да, — ответил туземец и добавил с проблеском гордости. — Но мы расплатились сполна.

— Замечательно, — сказал Шеридан. — Разделаться с долгом всегда приятно.

— Они простили последние три года, сказали, что выплачено столько, сколько требуется, — сказал старик, чуть оживившись. — Очень щедро с их стороны, правда?

— Очень, — ответил Шеридан не без горечи.

Он терпеливо сидел на корточках, прислушиваясь к легкому шелесту ветра под крышей и хриплому дыханию умирающего туземца.

— А потом твои люди воспользовались машинами и ушли. Ты не можешь объяснить, почему они так поступили?

Старика сотряс пароксизм судорожного кашля, он задышался.

Шеридана охватил стыд. «Я должен бы дать ему умереть спокойно, — подумал он. — Не приставать к нему. Не теревить, не допрашивать его, когда он вот-вот испустит последний вздох, не отнимать у него возможности уйти в небытие с достоинством!»

Но оставался последний ответ, и получить его Шеридану было необходимо. Он сказал ласково:

— Мой друг, объясни мне, какую сделку вы заключили? Что вы приобрели?

Но слышит ли его старик? Он словно впал в забытие.

— Что вы купили? — не отступал Шеридан.

— Планету, — сказал туземец.

— Но у вас же была планета!

— Та совсем другая, — слабым шепотом произнес старик. — Планета бессмертия. Тот, кто попадет туда, никогда-никогда не умрет.

Шеридан замер, онемев от неожиданности и гнева.

И из тишины донесся шепот — шепот, все еще полный непоколебимой веры, полный тоски, шепот, который будет преследовать человека всю жизнь.

— Вот, что я потерял, — прошепел шепот. — Вот, что я потерял...

Шеридан развел руки, а потом стиснул в них изящную шею, стирая обаятельную улыбку, обрывая культурное словоизлияние.

«Был бы он здесь сейчас! — думал он. — Был бы он здесь!»

Он вспомнил расстеленную скатерть, изукрашенный кувшин, аппетитные закуски, гладкую вкрадчивую речь

гуманоида, его самоуверенность. И как он рассчитанно напился, чтобы встреча обошлась без неприятных вопросов и не возбудила лишних подозрений.

И надменность, с какой он осведомился, не говорит ли человек по-балликски, хотя сам-то, почти наверное, успел выучить английский.

Итак, у Торгового центра появился-таки конкурент. С этой минуты Центр прижат к стене, и ему предстоит тяжелый бой. Ведь типчики из «Галактической компании» предпочитают бить ниже пояса и наповал.

Гарсониане, конечно, были наивными дурачками, но, вероятно, «Галактическая компания» способна обработать и не таких. Естественно, у нее есть разная наживка для разной рыбы, но извечная несбыточная мечта о бессмертии, если сервировать ее должным образом, может оказаться смертельным соблазном для самых искушенных личностей.

Полное отсутствие этики и машины для переброски материи — два крупнейших козыря в распоряжении «Галактической компании».

А что, подумал он, произошло с обитателями этой планеты? Куда они в действительности попали, когда последовали за подарками в машины?

Может быть, типчики из «Галактики» нашли, куда сбыть несколько миллионов рабов?

Или они просто решили разделаться с гарсонианами, чтобы лишить Торговый центр источника подарков, обеспечив себе все условия для выгодного сбыта транквилизатора?

Или они выманили гарсониан с планеты, чтобы забрать ее себе?

Но в этом случае — а возможно, и в любом случае — «Галактическая компания» споткнулась на первом же шагу. Пожалуй, сказал себе Шеридан, не такие уж они ловкие пройдохи.

«Они подарили нам как раз то, что нас устроит больше всего! — сказал он себе с довольной улыбкой. — Они оказали нам большую услугу!»

Неповоротливый, надутый важностью Торговый центр победил в первом раунде, несмотря ни на что.

Он встал и пошел к двери, но вдруг остановился и обернулся к туземцу.

— Возможно, друг, — сказал он, — тебе выпал счастливый жребий.

Старик его не услышал.

— Как он? — спросил Гедеон, ожидавший у двери.

— Умер, — ответил Шеридан. — Ты не займешься похоронами?

— Само собой, — сказал Гедеон. — Дадите мне материалы об их обычаях? Надо установить, какие у них погребальные обряды.

— Но прежде сделай кое-что для меня.

— Только скажите, Стив.

— Знаешь Товия, курьера Торгового центра? Отыщи его и присмотри, чтобы он не улетел.

— Можете быть спокойны! — Гедеон ухмыльнулся.

— Спасибо, — отозвался Шеридан.

По пути к своей палатке он прошел мимо кораблика курьера. Скоростная машина! Только приборная доска и кресло, приспособленные к мощнейшему двигателю.

На таком космолете можно ставить рекорды, подумал он.

У самой палатки он встретил Езекию.

— Пойдем со мной, — сказал он. — У меня есть для тебя задание.

В палатке он опустился в кресло и взял лист бумаги.

— Езекия! — приказал он. — Поройся в инструментарии и отыщи самый лучший сменник-дипломат, какой только у нас есть.

— Я знаю, где он лежит, сэр, — ответил Езекия, перебирая ящики.

Он достал искомый сменник и положил на стол.

— Езекия, — сказал Шеридан, — слушай меня внимательно. Запомни все до единого слова.

— Сэр, — обиженно проворчал Езекия, — я всегда слушаю внимательно.

— Знаю, знаю. Я тебе верю и полагаюсь на тебя абсолютно. Вот почему я отправляю тебя в Центр.

— В Центр, сэр? Да вы шутите! Как же я полечу, сэр? А кто будет обслуживать вас? Кто будет следить, чтобы вы...

— Как-нибудь продержусь. Ты же вернешься. И у меня остается Наполеон.

— Но я не хочу лететь, сэр!

— Езекия, мне нужен кто-то, кому я доверяю. Вставим тебе сменник и...

— Но на полет же недели уйдут, сэр!

— Нет, если ты воспользуешься корабликом курьера. Отправишься вместо него. Я напишу тебе доверенность, чтобы ты мог выступать от моего имени. Я как бы сам буду присутствовать.

— Но есть же Авраам. И Геден. Да пошлите любого другого.

— Кроме тебя, некого, Езекия. Ты мой самый старый друг.

— Сэр, — сказал Езекия, вытягиваясь в струнку, — что я должен буду делать?

— Ты доложишь Центру, что Гарсон-IV теперь не обитает. Ты скажешь, что ввиду этого обстоятельства я вступаю во владение планетой от имени Торгового центра. Ты скажешь им, что мне потребуется подкрепление и немедленно, так как не исключено, что «Галактическая компания» попытается отобрать ее у нас. Пусть пришлют прицеп, нагруженный роботами для обороны и колонизации. И еще прицеп с сельскохозяйственными машинами и орудиями, чтобы мы могли немедленно приступить к обработке полей. И все подарки, какие им удастся наскрести. И, Езекия, еще одно...

— Слушаю, сэр.

— Эти роботы. Пусть перед погрузкой их деактивируют и разберут. Так их в прицеп больше поместится. А мы соберем их тут.

— Скажу, сэр, — ответил Езекия с содроганием.

— Мне очень жаль, Езекия, но сказать ты должен.

— Ничего, сэр.

Шеридан дописал доверенность.

— Скажи Центру, что со временем мы превратим всю планету в одну огромную плантацию подарков. Но им не следует терять ни минуты. Никаких комиссий, никаких заседаний правления, никакого хождения вокруг да около. Наступай им на хвост с утра и до вечера.

— Я не дам им ни минуты покоя, сэр, — заверил его Езекия.

6

Курьерский кораблик скрылся вдали. Как Шеридан ни напрягал зрение, он его уже не видел.

«Старина Езекия свою задачу выполнит, — думал он. — Центр и через месяц не оправится от его натиска».

Он наклонил голову и потер занявшую шею, а потом обернулся к Гедеону и Эбenezеру.

— Можете слезть с него!

Они, ухмыляясь, поднялись с распростертого на земле Товия. Тот вскочил вне себя от ярости.

— Вам это так не пройдет! — заявил он Шеридану.

— Я знаю, ты мне готов печенку выгрызть, — ответил Шеридан.

— Что дальше? — спросил Авраам, подходя к ним.

— Ну, — ответил Шеридан, — думаю, мы станем сборщиками урожая.

— Сборщиками?

— Туземцы наверняка выкопали не все подары. А нам необходимо найти хоть сколько-нибудь, чтобы высадить на семена.

— Но мы же все физики, инженеры, химики и тому подобное. Не потребуем же вы, чтобы такие высококвалифицированные специалисты...

— Это дело поправимое, — ответил Шеридан. — Думается, сменники космовиков никуда не делись. Они сойдут, пока Центр не пришлет сельскохозяйственного набора.

Товий выступил вперед и встал рядом с Авраамом.

— Раз уж я должен оставаться тут, то требую, чтобы меня использовали! Не в натуре работа бездельничать...

Шеридан похлопал себя по карманам и нащупал твердую выпуклость — сменник, который он извлек из Езекии.

— Думается, — сказал он Товию, — у меня для тебя есть именно то, что требуется.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МИСТЕР ДЖЕЙМС

К нему стала возвращаться память.

Он снова вступал в жизнь из небытия.

Он вдохнул запах земли и ночи и услышал шепот листвы на насыпи. Легкий ветерок, шелестевший листьями, коснулся его своими мягкими нежными пальцами, словно проверяя, не сломаны ли у него кости и нет ли синяков и ссадин.

Он присел, уперся руками в землю, пытаясь сохранить равновесие, и стал вглядываться в темноту.

Его зовут Хендерсон Джеймс. Он человек и сидит где-то на планете, которая называется Земля. Ему тридцать шесть лет. Он известен в своем кругу и неплохо обеспечен. Он живет в родительском доме на Саммит-авеню — вполне приличный район, хотя и утративший за последние двадцать лет часть своей фешенебельности.

По дороге на насыпи проехала машина, заскрипев шинами по асфальту. На мгновение ее фары осветили верхушки деревьев. Вдалеке, приглушенный расстоянием, захныкал клаксон, где-то тоскливо лаяла собака.

Его зовут Хендерсон Джеймс. Если это верно, то почему же он здесь? Зачем Хендерсону Джеймсу сидеть на склоне насыпи, прислушиваясь к шелесту листьев, хныканью клаксона и лаю собаки?

Good Night, Mr. James, 1951

© 1994 А. Горбунов, перевод на русский язык

Случилось что-то неладное. Если бы только он вспомнил, что именно, то понял бы все.

Нужно что-то сделать.

Он сидел, вглядываясь в темноту, и вдруг почувствовал, что его знобит, хотя ночь была теплой. Из-за насыпи доносился шум ночного города, скрип шин удалявшегося автомобиля и приглушенный ветром гудок, какой-то человек прошел рядом по улице, и Джеймс прислушивался к звукам его шагов, пока они не утихли совсем.

Что-то случилось. Он должен что-то сделать. Он уже начал это делать, но какое-то необъяснимое происшествие помешало ему, привело его сюда на насыпь.

Он проверил, все ли в порядке. Одежда — шорты, рубашка, ботинки на толстой подметке, часы и сбоку в кобуре револьвер.

Револьвер!

Ему нужен был револьвер.

Он охотился за кем-то, охотился с оружием.

Искал кого-то, кто затаился в темноте, кого надо убить.

И тут он вспомнил. Вспомнил — и удивился странному, методичному, шаг за шагом продвигающемуся вперед способу мышления, вернувшему ему память. Сначала имя и основные сведения о себе. Потом осознание того, где он находится, и вопрос, почему он здесь. И, наконец, револьвер и мысль о том, что им нужно воспользоваться. Логический способ мышления, совсем как в букваре.

Я человек.

Я живу в доме на Саммит-авеню.

Дома ли я сейчас?

Нет, я где-то на насыпи.

Почему я здесь?

Ведь обычно человек рассуждает не так. По крайней мере, нормальный человек так думать не станет. Человек мыслит обрывками фраз, преодолевает преграды, а не обходит их.

Оно страшновато, такое мышление «в обход», естественно, неправильно и совершенно бессмысленно. Но ведь не менее бессмысленно и то, что он очутился здесь и совершенно не помнит, как попал сюда.

Джеймс медленно встал и ощущал себя. Его одежда не испачкана — она чиста и не измята. Его не избили

и не выбросили из машины — на теле ссадин нет, лицо не повреждено, и чувствует он себя неплохо.

Ухватившись за ремень, он сдвинул кобуру на бок, затем вынул револьвер и проверил его своими ловкими и умелыми пальцами. Револьвер был в полном порядке.

Джеймс поднялся по склону насыпи, нетвердой походкой пересек дорогу и ступил на тротуар, тянувшийся вдоль ряда новых одноэтажных домов с верандами. Услышав шум приближающегося автомобиля, он сошел с тротуара и спрятался за кустами. Он сделал это осознанно, и ему стало немного стыдно своего поступка.

Машина проехала мимо, и никто не заметил его. Он понял, что его не заметили бы, даже если бы он остался на тротуаре.

Ему не хватает уверенности в себе. Вот в чем дело. В его жизни есть пробел — таинственное происшествие, которое он не может вспомнить. Это и подорвало твердую и прочную основу всего его существования, сделало его поступки бессмысленными, мгновенно превратило его в пугливое животное, которое бежит и прячется при виде человека.

Это и что-то еще, заставившее его думать «в обход».

Он все еще сидел в кустах, следил за улицей и тротуаром, не теряя из виду белые, призрачные дома с их палисадниками.

Пуудли сбежал, вот почему Джеймс прячется в палисаднике перед домом мирно спящего и ничего не подозревающего горожанина, вооруженный револьвером, готовый помериться умом, силой и ловкостью с самым кровожадным и злобным существом, обнаруженным в Галактике.

Любой пуудли опасен. Его нельзя держать у себя. Существует даже закон, запрещающий держать не только пуудли, но и ряд других инопланетных животных, гораздо менее опасных, чем пуудли. Закон этот вполне справедлив, и никто — прежде всего он сам — не станет его оспаривать.

А теперь пуудли на свободе и прячется где-то в городе.

Джеймс похолодел при одной мысли об этом, представив себе, что может произойти, если он не выследит этого инопланетного зверя и не прикончит его.

Хотя вряд ли можно назвать пуудли зверем. Он больше, чем зверь. Насколько больше, Джеймс как раз

и собирался выяснить. По правде говоря, он узнал немного, далеко не все, что можно узнать; однако и этого оказалось вполне достаточно, чтобы привести его в ужас. Прежде всего он увидел, какой может быть людская ненависть, и убедился, до чего же она мелка, если постигнуть глубину, силу и дикую кровожадность ненависти пуудли. Это не слепая ненависть, бессмысленная и непоследовательная, которая ведет к поражению, а разумная, расчетливая, целенаправленная. Она приводит в движение умную, разящую без промаха машину, натравливая хитрого и кровожадного зверя на любое живое существо, не являющееся пуудли. Поведение пуудли подчинено закону самосохранения, заставляющему его опасаться всех и каждого. Он понимает этот закон так: безопасность гарантируется только... смертью всех других живых существ. Чтобы совершить убийство, пуудли не требуется никакого повода. Достаточно того, что другое существо живет, движется, этим самым оно представляет угрозу — пусть даже самую незначительную — для пуудли.

Конечно, это безумие, какой-то бессмысленный инстинкт, давно и глубоко укоренившийся в сознании пуудли. Впрочем, может быть, он лишен смысла не более чем многие людские представления?

Пуудли давал, да и сейчас предоставляет ученым уникальные возможности для изучения поведения инопланетных существ. Получив разрешение, можно было бы наблюдать за пуудли на их собственной планете. Не имея такой возможности, легко наделать глупостей, а это может повлечь за собой серьезные последствия.

Джеймс похлопал рукой по кобуре, как будто револьвер — гарантия того, что он справился с поставленной задачей. Ему было ясно, что следует предпринять: он должен найти пуудли и убить его еще до наступления утра. Ведь пуудли начнет размножаться. Он уже давно готовился к этому, и теперь оставались считанные часы до появления на свет десятков его детенышей. Пуудли размножается почкованием. Через несколько часов после того, как раскроются почки на его теле, маленькие пуудли разбегутся в разные стороны. Они вырастают очень быстро, и если крайне трудно захватить одного пуудли, скрывающегося где-то во чреве громадного спящего города, то обнаружить и изловить его многочисленных детенышей просто невозможно.

Итак, сегодня или никогда!

Сегодня пуудли не станет убивать каждого встречного. Сейчас зверю необходимо лишь одно — найти укромное место, где он мог бы без помех посвятить себя воспроизведению потомства.

Пуудли хитер. Он наверняка выбрал себе убежище еще до того, как совершил побег. Он не стал бы терять драгоценное время на поиски подходящего места и на запутывание следов. Пуудли точно знал, куда надо идти, и теперь он давно там. Почки выступают на его теле, увеличиваясь и набухая.

Во всем городе есть только одно место, где инопланетное животное может укрыться от любопытных глаз. И человеку, и пуудли нетрудно догадаться, где оно. Но вот вопрос: знает ли пуудли, что человек может его обнаружить? Может быть, пуудли недооценивает человека? Или, наоборот, зная, что человек способен разгадать его план, попытается укрыться в другом месте?

Джеймс выбрался из кустов и пошел по тротуару. На углу при мерцающем свете фонаря он прочитал название улицы. Оказывается, цель ближе, чем можно было надеяться.

В зоопарке царила тишина, и только время от времени раздавался леденящий душу вой, от которого волосы становились дыбом.

Перебравшись через ограду, Джеймс задержался, стараясь определить, какое именно животное так чудовищно воет. Но это ему не удалось. По всей вероятности, решил он, какой-нибудь из новых экземпляров. Просто невозможно запомнить всех обитателей зоопарка — все время поступают новые, ранее неведомые существа, доставляемые с далеких планет.

Прямо перед Джеймсом находилась пустующая, огражденная рвом клетка, которую еще день или два назад занимало необыкновенное чудовище, пойманное в джунглях одного из Арктианских миров. Джеймс содрогнулся при одном воспоминании о звере. В конце концов его пришлось прикончить.

А теперь там прячется пуудли... Впрочем, может быть, его там нет и он скрывается где-нибудь в другой клетке. Зоопарк — единственное место в городе, где

пуудли не привлечет особого внимания. Здесь много редких животных, и еще одно необычное существо вызовет лишь мимолетное удивление. Его могут и не заметить, если только какой-нибудь служитель зоопарка не вздумает проверить списки. В этой пустующей клетке пуудли сможет без помех заняться воспроизведением потомства. Никто не потревожит его, ведь существа, подобные пуудли, — обычные обитатели этого зоопарка, предназначенного для животных, доставляемых сюда с научной целью или для забавы жестоких людей.

Джеймс тихо стоял у ограды.

Хендерсон Джеймс. Тридцать шесть лет. Холост. Психолог, изучающий инопланетных животных. Научный сотрудник этого зоопарка. Нарушитель закона, добывший и укрывавший инопланетное существо, запрещенное на Земле.

Почему он так думает о себе? Ведь все это ему отлично известно... Нет никакой необходимости именно сейчас заполнять эту бесполезную анкету.

Глупо было затевать всю эту историю с пуудли. Джеймс вспомнил те долгие часы, когда он боролся с собой, обдумывая, какие ужасные последствия она может повлечь за собой. Если бы этот старый пират-космонавт не забрел к нему и не проболтался за бутылкой вина, что за определенную, довольно кругленькую сумму он может доставить живого и невредимого пуудли, ничего бы не случилось. Сам Джеймс, конечно, никогда бы до этого не додумался. Он знал старого капитана и ценил его по прежним сделкам. Это был человек, не брезгующий никаким заработком, но, несмотря на это, вполне надежный. Он не возьмет денег зря и будет держать язык за зубами.

Джеймсу был необходим этот очень интересный зверь пуудли. Разгадав некоторые особенности его поведения, можно сделать необыкновенно ценные научные открытия, вписать новые главы в трагическую книгу изучения инопланетной жизни.

Тем не менее он совершил ужасный проступок, и теперь, когда животное оказалось на свободе, его ужас удвоился. Ведь вполне вероятно, что бесчисленное потомство сбежавшего пуудли способно истребить весь людской род или, по крайней мере, сделать Землю непригодной для ее обитателей. Злая воля и клыки

зверя превратят Землю с ее многомиллионным населением в поле сражения. Пуудли будут убивать не потому, что голодны или кровожадны. Просто они твердо убеждены, что не могут чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока на Земле есть хоть какая-нибудь жизнь. А за свою жизнь они будут драться, как загнанная в угол крыса... Разница лишь в том, что в угол их загнало собственное воображение.

Пока отряды добровольцев станут разыскивать пуудли, те успеют разбежаться во все стороны, будут остерегаться всего — ловушек, яда и пуль. Их будет становиться все больше и больше, потому что каждый из них ускорит почкование, и на место убитого зверя встанут десятки и сотни новых пуудли.

Джеймс осторожно подошел к краю рва и спрыгнул на грязное дно. После смерти чудовища воду из рва спустили, но дно еще не вычистили. «Должно быть, слишком много другой работы», — подумал Джеймс.

Он медленно продвигался по дну, шлепая по жидкой грязи. Наконец ему удалось добраться до скалистого выступа, ведущего на островок.

Животное перестало выть, и наступило гробовое молчание. Джеймс остановился, ухватившись руками за мокрые камни, и прислушался, задержал дыхание, боясь нарушить тишину. Вскоре он стал различать шорох насекомых в кустах и в траве, шелест листьев на деревьях по ту сторону рва и далекий нестройный гул спящего города.

Сейчас впервые ему стало по-настоящему страшно. Опасными казались и обманчивое молчание, и грязь под ногами, и скалистые глыбы, вздымающиеся над рвом.

Пуудли опасен не только тем, что он ловок и силен. Он умен. Насколько умен, Джеймс точно не знал. Ему было известно, что зверь умеет рассуждать, способен строить планы и разговаривает, правда, не как человек... Но, может быть, даже лучше. Он объясняется не только с помощью слов. Он гипнотизирует свои жертвы, завораживает грезами и видениями, а затем перегрызает им горло. Он может усыпить человека, парализовать его способность к действию. Пуудли способен довести человека до безумия, внушив ему одну лишь мысль, столь необычную и мерзкую, что она помрачит сознание человека, лишит его волю упругости, как сломанную пружину.

Зверь должен был бы дать приплод уже давно, но он откладывал почкование до дня побега. Только теперь Джеймс понял, что пуудли решил отомстить Земле, подчинить ее своей власти. Он предусмотрел все, каждую мелочь и не станет церемониться с теми, кто попытается ему помешать.

Джеймс опустил руку в карман и нащупал револьвер. Он невольно стиснул зубы и неожиданно ощутил в себе легкость и силу, которых ему недоставало раньше. Он начал карабкаться вверх по скале, осторожно цепляясь за выступы, затаив дыхание, прильнув к камню. Быстро, ловко и бесшумно, ведь он должен взобраться раньше, чем пуудли заметит его приближение.

Сейчас пуудли ослабил внимание. Он поглощен одним — воспроизведением потомства, которому предстоит начать жестокую, беспощадную войну, в результате которой чужая планета станет безопасной только для пуудли.

Конечно, если он здесь.

Рука Джеймса нащупала траву, пальцы впились в землю, и он подтянулся, преодолев последние футы.

Лежа на невысоком бугорке, Джеймс напряженно прислушивался к малейшему шороху, внимательно вглядывался в каждую пядь земли. Кромешная темнота, заполнявшая ров, кончилась. Теперь слабый свет фонарей на дорожках зоопарка освещал и островок. Следовало особенно опасаться темных уголков.

Медленно, дюйм за дюймом, Джеймс продвигался вперед, напряженно вглядываясь в темноту, прежде чем двинуться дальше. Он прислушивался к каждому шороху, присматривался к любому подозрительному выступу или бугорку, не похожему на камень, куст или даже на траву, и крепко сжимал револьвер. Джеймс готов был спустить курок в любое мгновение.

Минуты тянулись как часы. Глаза болели от напряжения. Легкость, которую он до сих пор ощущал, покинула его: осталась одна решимость, натянутая, как тетива лука. Предчувствие неудачи постепенно овладело им, а вслед за тем пришло ясное представление о том, что может означать поражение не только для всего человечества, но и для престижа гордого Хендерсона Джеймса. Теперь, реально столкнувшись с возможностью неудачи, он стал обдумывать план действий на

случай, если пуудли не окажется в зоопарке, и его не удастся уничтожить.

Придется уведомить власти, поднять на ноги полицию, просить газеты и радио известить население об опасности. Он сам окажется в положении человека, из тщеславия и гордыни поставившего под угрозу существование людей на их планете.

Ему, конечно, не поверят, поднимут на смех и будут смеяться до тех пор, пока смех не захлебнется в крови. Джеймс покрылся испариной при одной мысли о том, что произойдет с этим городом, да и со всем миром, прежде чем люди узнают правду.

Пуудли стоял прямо перед Джеймсом, не более чем в шести футах: он поднялся со своего ложа у куста. Джеймс вскинул револьвер, прижав палец к курку.

«Подожди, — стал внушать ему пуудли. — Я пойду с тобой».

Но Джеймс уже спустил курок, и револьвер дрогнул у него в руке.

— Слишком поздно, — сказал он пуудли. — С этого надо было начать. Ты потерял драгоценное время. Воспользуйся ты этим раньше, я был бы твой.

В ту же секунду его захлестнула волна ужаса. Мгновенно перед ним возникло и исчезло страшное видение, способное свести с ума своей непристойностью.

«Все вышло очень просто, — подумал Джеймс. — Гораздо проще, чем я предполагал. Пуудли мертв или умирает. Земля, с миллионами ее ничего не подозревающих обитателей, спасена. А главное, спасен я сам, Хендерсон Джеймс... спасен от унижения, от позора». Чувство облегчения охватило Джеймса. Он испытывал легкую усталость, спокойствие и слабость.

«Дурак, — невнятно бормотал умирающий пуудли, — дурак, получеловек, двойник...»

Смерть оборвала его слова. Джеймс видел, как жизнь покинула пуудли, и тело его стало бездыханным.

Джеймс медленно поднялся на ноги. Ему показалось, что он теряет рассудок. В первый момент Джеймс пробовал объяснить это чувством страха, который хотел внушить ему умирающий пуудли.

Пуудли пытался одурачить его. Увидев оружие, зверь попробовал сбить Джеймса с толку. Пуудли необходимо было выиграть время, чтобы внушить своему убийце сводящую с ума мысль, лишь на мгновение возникшую в его сознании. Если бы Джеймс заколебался хоть на одну секунду, он сам был бы теперь мертв. Если бы он помедлил хоть одно мгновение, было бы уже поздно.

Пуудли должен был знать, что Джеймс станет разыскивать его именно здесь, в зоопарке, но зверь, видимо, так глубоко презирал человека, что все же пришел сюда. Он даже не дал себе труда выследить своего убийцу, не подкрался к нему первым, дождался, пока тот едва не наткнулся на него.

Очень странно. Ведь благодаря своим мистическим способностям пуудли должен был знать о каждом шаге Джеймса. После своего побега зверь наверняка непрерывно следил за всеми его поступками и мыслями. Джеймс знал об этой способности пуудли... Но почему же эта мысль только сейчас пришла ему в голову?

«Что со мной? — подумал он. — Здесь что-то не так. Я должен был знать, что не застигну пуудли врасплох, и все же забыл об этом. А главное, я действительно застал его врасплох, иначе он без труда прикончил бы меня после того, как я выбрался из рва».

«Дурак, — говорил пуудли. — Дурак, получеловек, двойник...»

Двойник!

Он ощутил, как сила, уверенность и твердое убеждение в том, что он, Хендерсон Джеймс, человек, начинают покидать его.

Будто кто-то оборвал нитку, и он, как беспомощная марионетка, растянулся на сцене.

Значит, вот почему Джеймсу удалось застигнуть пуудли врасплох!

Существуют два Хендерсона Джеймса. Пуудли поддерживал связь с одним из них, настоящим, подлинным Хендерсоном Джеймсом. Зверь следил за каждым его шагом и понимал, что с его стороны ему ничего не угрожает. Пуудли не подозревал о существовании второго Хендерсона Джеймса, подкравшегося к нему в темноте.

Хендерсон Джеймс — двойник!

Хендерсон Джеймс, созданный лишь на время!

Хендерсон Джеймс живет сегодня и умрет завтра. Ведь его наверняка убьют. Подлинный Хендерсон Джеймс не позволит ему продолжать свое существование, а даже если бы он и не возражал, другие не допустят этого. Двойников изготавливают лишь на очень короткое время, в случае особой необходимости, и известно, что их уничтожают, едва только они выполняют свое дело.

Уничтожают... Да, именно так. Убирают с дороги, с глаз долой. Убивают безжалостно, как цыплят.

Он прошел вперед, опустился на одно колено перед пуудли и в темноте провел рукой по телу зверя. Оно было покрыто бугорками — набухшими почками, которым уже не суждено раскрыться и выкинуть выводок отвратительных детенышей.

Джеймс встал.

Дело сделано. Пуудли убит, убит до того, как он произвел на свет свое ужасное потомство.

Дело сделано, и он может идти домой.

Домой? Конечно, это ему и внушили. Они ждут, что он так и сделает. Пойдет домой, вернется на Саммит-авеню, где его караулят палачи. Добровольно и с легким сердцем пойдет навстречу смерти.

Дело сделано, и он больше не нужен. Его создали для выполнения определенного задания, и теперь оно завершено. Час назад он играл важную роль в планах людей, а сейчас в нем больше не нуждаются. Он лишний, он — помеха. Его устранят спокойно, без шума и даже с удовольствием. Ведь все сошло так благополучно.

«Но постой, — сказал он себе. — Может быть, ты вовсе не двойник? Ты же не чувствуешь себя двойником!»

Ну, конечно! Он чувствует себя Хендерсоном Джеймсом. Он живет на Саммит-авеню. Он незаконно держал на Земле животное, называемое пуудли, чтобы наблюдать его, разговаривать с ним, проверить ряд функций его инопланетного организма, попытаться определить уровень его умственного развития, границы, глубину и степень его отличия от человека. Нет сомнений, он совершил глупость. Но в свое время все это казалось важным по многим причинам.

«Я человек, — подумал он, — и это неопровержимый факт. Но ведь это ничего не меняет. Хендерсон Джеймс — человек, и его двойник должен быть таким

же человеком, потому что двойник ни в чем существенном не отличается от человека, по образу и подобию которого он изготовлен.

Ни в чем существенном, кроме кое-каких мелочей. Как ни велико сходство с образцом, какой бы совершенной ни была копия, двойник все-таки другой человек. Он способен мыслить и приобретать знания, и через некоторое время он полностью уподобится своему прототипу... Но для этого необходимо время. Время, чтобы полностью разобраться в себе, чтобы освоить знания и опыт, заложенные в его сознании, и установить правильное соотношение между ними. Сначала он будет двигаться наощупь и искать, пока не натолкнется на знакомые предметы. Он должен узнать себя, разобраться в себе. Только тогда ему удастся, протянув руку в темноте, сразу же коснуться нужного предмета».

Ведь именно так он и поступал. Сначала он пользовался лишь элементарными понятиями и фактами:

«Я человек.

Я на планете Земля.

Я Хендерсон Джеймс.

Я живу на Саммит-авеню.

Нужно что-то сделать».

Теперь он вспомнил, сколько потребовалось времени, прежде чем он догадался, что же именно нужно сделать.

Даже теперь множество веских причин, заставивших человека, рискуя собственной головой, изучать столь злобную тварь, как пуудли, оставались скрытыми во все еще окутанных мраком тайниках его сознания. Причины были, в этом он уверен, и вскоре вспомнит, какие именно.

Будь он истинным Хендерсоном Джеймсом, то знал бы их сейчас; они были бы частью его самого, частью его жизни. Их не нужно было бы так тщательно искать.

Конечно, пуудли догадался, причем безошибочно, что существуют два Хендерсона Джеймса. Ведь он следил за одним из них, когда появился другой. Любое существо, даже с гораздо более низким уровнем умственного развития, без труда поняло бы это.

«Не заговори пуудли, я бы никогда не узнал правды, — подумал он. — Если бы зверь умер сразу, я бы ничего не узнал и сейчас уже не возвращался бы домой на Саммит-авеню».

Джеймс стоял, одинокий и опустошенный, на острове, окруженном рвом, и ощущал привкус горечи во рту.

Джеймс тронул мертвого пуудли ногой.

— Прости меня, — сказал он коченеющему трупу. — Я раскаиваюсь теперь. Я не стал бы убивать тебя, если б знал правду.

С высоко поднятой головой он пошел прочь.

Прячась в тени, он остановился на углу. В середине квартала, на другой стороне улицы, стоял его дом. В одной из комнат наверху горел свет. Фонарь у калитки сада освещал дорожку, ведущую к двери.

Дом как будто ждал возвращения хозяина. Да, так оно и было в действительности. Старая хозяйка ждет, тихо покачиваясь в скрипучем кресле, сложив руки на коленях... с револьвером, спрятанным под шалью.

Он горько усмехнулся, посмотрев на дом. «За кого они меня принимают? — подумал он. — Поставили ловушку на виду у всех и даже не позаботились о приманке». И тут он вспомнил: они ведь и не подозревают, что он узнал правду. Они уверены, что он считает себя настоящим и единственным Хендерсоном Джеймсом. Они, конечно, ждут, что он придет сюда, не сомневаясь, что возвращается к себе домой. Они не могут представить себе, что он обнаружил истину.

Что ему теперь делать? Теперь, когда он стоит рядом с домом, где его ждут убийцы?

Его создали и наделили жизнью для того, чтобы выполнить то, чего настоящий Хендерсон Джеймс не решался или не хотел сделать. Он совершил убийство потому, что тот Джеймс не захотел марать себе рук или рисковать своей шкурой.

А может быть, причина вовсе не в этом? Ведь только два человека могут справиться с пуудли. Один должен обмануть бдительность зверя, а другой тем временем подкрасться к нему и убить.

Так или иначе, его изготовили за кругленькую сумму по образу и подобию Хендерсона Джеймса. Мудрость человеческих знаний, волшебство техники, глубокое понимание законов органической химии, физиологии человека и таинств жизни создали второго Хендерсона Джеймса. Учитывая чрезвычайность обстоятельств, на-

пример нарушение общественной безопасности, в этом нет ничего незаконного. Его, наверно, изготовили именно под этим предлогом. Однако, по существующим условиям, двойник после того, как он выполнил намеченное задание, должен быть устранен.

Обычно это не представляет особых трудностей, ведь двойник не знает, что он двойник. Он уверен, что он настоящий человек. У него нет никаких подозрений, никаких предчувствий гибели, он не видит никаких причин опасаться смерти, ожидающей его.

Двойник нахмурился, пытаясь осмыслить случившееся.

Ну и этика у них!

Он жив, и он хочет жить. Жизнь оказалась слишком сладкой, слишком прекрасной, чтобы вернуться в небытие, из которого он пришел... Или он уже не вернется туда? Теперь, когда он узнал жизнь, теперь, когда он жив, разве он не может надеяться на загробную жизнь, как и всякий другой? Разве он не имеет права, подобно любому человеку, цепляться за призрачные и манящие обещания религии? Он попытался вспомнить, что ему известно об этом, но не смог. Позже удастся вспомнить больше. Позже он будет знать все. Нужно лишь привести в порядок и активизировать знания, полученные от настоящего Джеймса.

В нем проснулся гнев — нечестно дать ему лишь несколько коротких часов жизни, позволив понять, как она прекрасна, и сразу же отнять ее. Это больше, чем простая человеческая жестокость. Это порождение антигуманных отношений машинного общества, оценивающего действительность лишь с материальной, механической точки зрения и безжалостно отбрасывающего все, что не укладывается в эти рамки.

«Жестокость в том, что меня вообще наделили жизнью, а не в том, что ее хотят отобрать», — подумал он.

Во всем, конечно, виноват настоящий Хендерсон Джеймс. Это он достал пуудли и позволил ему сбежать. Из-за его халатности и неумения исправить ошибку пришлось создать двойника.

И все-таки, может ли он осуждать его?

Не должен ли он благодарить Джеймса за эти несколько часов, за счастье узнать, что такое жизнь? Хотя он никак не мог решить, стоит ли это счастье благодарности.

Он стоял, глядя на дом. В кабинете рядом со спальней хозяина горела лампа. Там настоящий Хендерсон Джеймс ждал известия о смерти своего двойника. Легко сидеть и ждать, сидеть и ждать известия, которое придет наверняка. Легко приговорить к смерти человека, которого ты никогда не видел, даже если он, как две капли воды, похож на тебя.

Труднее решиться убить, когда столкнешься с ним лицом к лицу... Труднее убить человека, который в силу обстоятельств ближе тебе, чем родной брат, человека, который почти буквально плоть от плоти твоей, кровь от крови твоей, мозг от мозга твоего.

Не нужно забывать и о практической стороне дела, об огромном преимуществе работать с человеком, думающим так же, как и ты, являющимся почти что твоим вторым «я». Как будто ты существуешь в двух лицах.

Все это можно устроить. Пластическая операция и плата за молчание могут изменить двойника до неузнаваемости. Немного бюрократической волокиты, немного обмана... Но все же вполне осуществимо.

Если повезет, можно проникнуть в кабинет. Для этого нужно лишь немного силы, ловкости и уверенности в победе. Вдоль стены проходит кирпичный дымоход, закрытый снизу кустами и маскируемый растущим деревом. Можно забраться наверх по его неровному кирпичному фасаду, подтянуться и влезть в открытое окно освещенной комнаты.

И когда настоящий Хендерсон Джеймс окажется лицом к лицу со своим двойником, может произойти все, что угодно. Двойник уже не будет безличной силой. Он станет человеком, человеком, очень близким образцу, по которому он изготовлен.

Те, кто ждет его, следят только за парадным входом. Если действовать тихо, то не успеют они и глазом моргнуть, как он проникнет в сад и бесшумно взберется в комнату по дымоходу.

Он снова спрятался в тень и задумался; можно влезть в комнату, встретиться с настоящим Джеймсом и рискнуть договориться с ним или просто скрыться... убежать, спрятаться и, выждав удобный случай, убратся подальше, на какую-нибудь отдаленную планету.

И тот, и другой пути рискованны. Выбери он первый, то выиграет или проиграет в течение часа, а если

выбрать второй — тогда, пожалуй, придется ждать несколько месяцев в постоянной опасности и неуверенности.

Что-то тревожило его. Какое-то назойливое незначительное обстоятельство беспокоило его, но он не мог вспомнить, какое именно. Может быть, оно и важно, а может, это случайный, ищущий своего места обрывок каких-то сведений.

Он мысленно отбросил его.

Долгий или короткий путь?

Еще мгновение он постоял в нерешительности, а потом быстро пошел по улице, ища место, где можно было бы перейти на другую сторону незамеченным.

Он выбрал краткий путь.

Комната была пуста.

Он неподвижно стоял у окна, бежали только его глаза, обыскивая каждый угол, все еще не веря тому, что не могло быть правдой... Хендерсон Джеймс не сидел в комнате в ожидании известий о двойнике.

Потом он быстро прошел к двери спальни и настежь распахнул ее. Нащупал выключатель и включил свет. Спальня и ванная были пусты; он вернулся в кабинет.

Он стоял, прислонившись к стене, лицом к двери, ведущей в прихожую, и медленно, шаг за шагом, осматривал комнату, приспособливаясь к ней, узнавая ее форму и очертания, чувствуя, как им все больше и больше овладевает приятное чувство собственности.

Книги, камин, заставленный сувенирами, кресла, бар... Все это принадлежит ему, так же как тело и мысли.

«Я бы лишился всего этого, так никогда и не узнав, если б пуудли не посмеялся надо мной, — подумал он. — Я бы так и умер, не найдя своего места в мире».

Глухо зазвонил телефон. Он испугался, словно кто-то посторонний ворвался в комнату и лишил его чувства собственности, владевшего им.

Телефон зазвонил снова. Он взял трубку.

— Джеймс слушает, — сказал он.

— Это вы, мистер Джеймс?

Говорил садовник Андерсон.

— Ну, конечно, — сказал двойник. — Кто же еще?

— Здесь какой-то парень уверяет, что он — это вы.

Хендерсон Джеймс, двойник, замер на месте. Его рука так сильно сжала трубку, что он даже удивился, почему она не разлетелась на куски.

— Он одет так же, как и вы, — сказал садовник. — А я знаю, что вы пришли. Помните, я еще говорил с вами: сказал, что не нужно этого делать. Не нужно, пока мы ждем эту... эту тварь.

— Да, — ответил двойник и сам удивился спокойствию своего голоса. — Да, я помню наш разговор.

— Но, сэр, как же вы вернулись?

— Я прошел черным ходом.

— Но он одет так же, как и вы.

— Конечно. А как же иначе, Андерсон?

Это было вовсе не обязательно, но Андерсон был не слишком-то сообразителен, да и вдобавок сейчас немного расстроен.

— Вы же помните, что мы говорили об этом, — произнес двойник.

— Да, сэр, — подтвердил Андерсон. — И вы велели мне сообщить вам, проверить, у себя ли вы.

— Вы проверили, что я здесь.

— Тогда это он?

— Ну, конечно, — сказал двойник. — Кто же еще?

Он положил трубку и стал ждать. Через минуту раздался приглушенный, похожий на кашель звук выстрела. Он опустил в кресло, потрясенный поворотом событий. Теперь он в полной безопасности.

Скоро он переоденется, спрячет свою одежду и револьвер. Слути, конечно, не станут ни о чем спрашивать, но лучше не возбуждать никаких подозрений.

Он почувствовал, что успокаивается, и позволил себе оглядеть комнату, книги и обстановку; изящный, приятный и заслуженный комфорт человека с положением.

Он мягко улыбнулся и произнес:

— Как будет хорошо!

Все вышло так просто; сейчас все кажется до смешного легким, потому что он так и не увидел человека, подошедшего к двери. Легко убить человека, которого ты никогда не видел.

С каждым часом он все больше и больше будет привыкать к характеру, доставшемуся ему по праву

наследства. Через некоторое время уже никто, даже он сам, не усомнится, что он и есть Хендерсон Джеймс.

Снова зазвонил телефон. Он встал и снял трубку.

Вежливый голос сказал:

— Говорит Аллен, из лаборатории двойников. Мы еще не получили от вас никаких известий.

— Да, — сказал Джеймс. — Я...

— Я просто хочу сказать вам, чтобы вы не беспокоились. Я совершенно упустил это из виду.

— Да.

— Этот экземпляр мы изготовили по-новому — впрыснули ему медленно действующий яд. Еще одна предосторожность. По всей вероятности, излишняя, но нам нужна полная гарантия. Так что не беспокойтесь, если он не появится.

— Я уверен, что он придет.

Аллен захихикал и добавил:

— Двадцать четыре часа. Как мина, как запал.

— Спасибо, что вы сообщили мне об этом.

— Рад стараться. Спокойной ночи, мистер Джеймс.

СПЕЦИФИКА СЛУЖБЫ

Ему снился родной дом, и когда он проснулся, то долго не открывал глаз, силясь удержать видение. Что-то осталось, но это «что-то» было смутно, размыто, лишено отчетливости и красок. Родной дом... Он представлял себе его, знал, какой он, мог воскресить в памяти далекое, недосягаемое, но нет — во сне все было ярче!

И все-таки он не открывал глаз, так как слишком хорошо знал, что предстанет его взгляду, и всячески оттягивал встречу с грязной, неудобной конурой, в которой находился. «Если бы только грязь и отсутствие уюта, — подумал он, — а то ведь еще это тоскливое одиночество, это чувство, что ты на чужбине». Пока глаза закрыты, можно делать вид, будто суровой действительности нет, но он уже на грани, щупальца реальности уже протянулись к полной тепла и задушевности картине, которую он тщится сохранить в уме...

Все, дольше нельзя. Ткань сновидения стала чересчур тонкой и редкой, чтобы противостоять реальности. Хочешь не хочешь, открывай глаза.

Так и есть: отвратительно. Неуютно, грязно, безотрадно, и кругом притаилась эта враждебность, от которой можно сойти с ума. Теперь — взять себя в руки,

собраться с духом и встать, начать еще один мучительный день.

Штукатурка на потолке потрескалась, осыпалась, получились большие безобразные кляксы. Краска на стенах шелушилась, темные потеки напоминали о дождях. И запах. Затхлый запах давно не проветриваемого жилого помещения...

Глядя на потолок, он пытался представить себе небо. Когда-то он мог увидеть его сквозь любой потолок. Потому что небо было его стихией, небо и пустынный привольный космос за ним. Теперь он их лишился, они ему больше не принадлежат.

Пометка в трудовой книжке, выговор в личном деле — все, что требуется, чтобы погубить карьеру человека, навсегда сокрушить все надежды и обречь его на изгнание на чужой планете.

Он сел на край кровати, нашарил пяткой брошенные на пол брюки, надел их, втиснул ноги в ботинки, встал.

Тесная, скверная комнатка. И дешевая. Настанет день, когда ему даже такая будет не по карману. Деньги на исходе, и, когда последние уйдут, придется искать работу, любую работу. Может, стоило позаботиться об этом раньше, не тянуть до последнего? Но он не мог себя заставить. Связаться с работой, осесть здесь — значит признать свое поражение, поставить крест на мечте о возвращении домой.

«Дурак, — сказал он себе, — и что тебя потянуло в космос?» Эх, попасть бы только домой, на Марс, и больше его канатом из дома не вытянуть. Вернется на ферму, займется хозяйством, как отец хотел. Женится на Элен, оседет, пусть другие дурни с риском для жизни носятся по Солнечной системе.

Романтика... Это она кружит голову мальчишкам, юнцам с восторженными глазами. Романтика дальних странствий, дебрей космоса с лучистыми зрачками звезд, романтика поющих двигателей, холодного булата, вспарывающего черноту и безлюдье пустоты, романтика воплощенных в комочке плоти куража и удали, бросающих вызов пустоте.

А романтики-то не было. Были тяжелый труд, вечное напряжение и щемящая тревога, точащий душу страх, который ловил перебои в работе силового устройства... звонкий удар о металлическую оболочку... любую из тысячи бед, подстерегающих человека в космосе.

Он взял с ночного столика бумажник, сунул его в карман, вышел в коридор и спустился по шаткой лестнице вниз.

Покосившаяся, ветхая терраса. И зелень, неистовая, буйная зелень Земли. Мерзкий, отвратительный цвет, который оглушает и вызывает внутренний отпор. Все зеленое: трава, кусты, каждое дерево. Если смотреть на зелень чересчур долго, так и кажется, что она пульсирует, трепещет потайной жизнью, и ведь нет спасения от нее, разве что запереться где-нибудь.

Зелень, яркое солнце, изнуряющий зной — все это делает Землю невыносимой. Правда, от света можно уйти, с жарой тоже можно как-то справиться, но зелень вездесуща.

Он спустился с крыльца, ища в кармане сигареты. Нащупал смятую пачку и в ней единственную смятую сигарету. Прилепил ее к губе, выбросил пачку и остановился в воротах, соображая, что делать дальше.

Но это усилие мысли было показным, он заранее знал, как поступит. Выбора не было. Одно и то же повторялось изо дня в день, уже которую неделю. То же будет и сегодня, и завтра, и послезавтра, пока не уйдет последний цент.

А потом — да, что потом?

Поступить на работу и попытаться хоть что-то из этого извлечь? Копить деньги, пока не наберется на билет до Марса? Пусть любая должность на корабле ему заказана, но ведь пассажира-то они обязаны взять! Эх, пустые расчеты все это... Чтобы накопить достаточно, нужно двадцать лет, а где они?

Он закурил и побрел по улице. Даже сквозь сигаретный дым он ощущал запах ненавистной зелени.

Миновав десять кварталов, он очутился у космодрома. Над полем возвышался корабль. Он постоял, глядя на него, затем направился к убогому ресторанчику позавтракать.

«Корабль, — думал он. — Обнадеживающий признак». В иные дни ни одного не увидишь, а иногда — сразу три или четыре. Сегодня есть корабль; может, тот самый.

«Когда-нибудь, — сказал он себе — найду же я корабль, который доставит меня домой». Корабль, которому до зарезу будет нужен механик, и капитан закроет глаза на злополучную запись в трудовой книжке.

Но он знал, что обманывает себя. Каждый день он говорит себе одно и то же. Вероятно, чтобы оправдать свои ежедневные визиты в отдел найма. Самообман, который помогает сохранить надежду, не пасть духом. Самообман, который позволяет даже кое-как терпеть мрачную, душную конуру и зеленую Землю.

Он вошел в ресторан и сел за столик.

Подошла официантка, чтобы принять заказ.

— Опять оладьи? — спросила она.

Он кивнул. Оладьи — дешевая и сытная пища, а ему надо подольше растянуть деньги.

— Сегодня вы найдете свой корабль, — сказала официантка. — У меня такое чувство.

— Возможно, — отозвался он, не очень-то веря.

— Я знаю, что у вас на душе, — продолжала официантка. — Знаю, как это тяжело. Сама мучилась тоской по родине, когда впервые уехала из дому. Думала, умру.

Он промолчал, чувствуя, что ответить — значит, уронить свое достоинство. Хотя на кой оно черт ему теперь это достоинство!

Конечно, речь шла не об обычной тоске по родине. Это уже планетная ностальгия, тоска по другой культуре, боль от разлуки со всем, к чему привык и к чему привязан.

И тут, сидя в ожидании оладий, он воскресил в памяти сон: уходящие в даль красные увалы, ласкающий кожу сухой, прохладный воздух, блеск звезд в сумерках, волшебное золото отдаленных песчаных бурь. И низенький дом жмет к земле, и на террасе, обращенной к закату, неподвижно сидит в кресле седой старик...

Официантка принесла оладьи.

«Настанет день, — мысленно сказал он, — когда я не смогу больше выносить этого самоистязания, этой жалости к самому себе». Он давно ее раскусил, и давно пора от нее избавиться. И тем не менее мирился с ней, больше того, она стала определять его помыслы и поступки. Она была его щитом и самооправданием, движущей силой, которая поддерживала его на ходу.

Он доел оладьи и расплатился.

— Счастливо, — сказала официантка, улыбаясь.

— Спасибо, — ответил он.

Он потащился по дороге, по скрипучему гравию, и солнце припекало ему спину, но хоть от зелени он был избавлен. Космодром голый, безжизненный — обожженный и обнаженный.

Он достиг цели и подошел к конторке.

— Опять вы, — сказал уполномоченный по найму.

— Есть рейс на Марс?

— Нет. Хотя постойте. Тут недавно один справлялся...

Уполномоченный поднялся, вышел за дверь и стал кого-то звать.

Через несколько минут он вернулся к конторке. За ним шел свирепый тяжеловес. На голове у тяжеловеса была фуражка с потертыми, тусклыми буквами «КАПИТАН». В остальном костюм никак не отвечал его званию.

— Вот этот человек, — сказал уполномоченный капитану. — Имя — Энсон Купер. Механик первого класса, но личное дело...

— К черту личное дело! — рявкнул капитан. Он обратился к Куперу: — «Моррисоны» знаете?

— С пеленок, — ответил Купер.

Это была неправда, но он был уверен, что справится с двигателями.

— Они в общем-то ничего, — продолжал капитан, — только иногда барахлят немного, капризничают. Придется вам понянчиться с ними. Глаз не сводить с них. Зазевайтесь — пиши пропало.

— Как-нибудь, — сказал Купер.

— Мой механик подвел меня, сбежал. — Капитан плюнул на пол, демонстрируя презрение к дезертирующим механикам. — Слабоват в коленках оказался.

— У меня коленки в порядке, — твердо сказал Купер.

Он знал, что его ждет. Но выбора не было. Путь на Марс лежал через «моррисоны».

— Что ж, тогда пошли, — сказал капитан.

— Минутку, — вмешался уполномоченный. — Так это не делается. Вы обязаны дать ему время собрать свои пожитки.

— Мне нечего собирать, — вставил Купер, вспоминая жалкое барахло, которое осталось в гостинице. — Ничего стоящего.

— Вам должно быть ясно, — продолжал уполномоченный, обращаясь к капитану: — Союз не может поручиться за человека с таким личным делом.

— А мне наплевать, — отрезал капитан. — Лишь бы он знал толк в двигателях. Больше мне ничего не надо.

Идти до корабля было далеко. Он и новый-то не представлял собой ничего особенного, а с годами не стал лучше. Да, на таком вообще летать — попытка, не говоря уже о том, чтобы нянчиться с «моррисонами»...

— Не рассыплется, не бойтесь, — сказал капитан. — Он протянет дольше, чем вы думаете. Просто удивительно, на что способна такая посудина, всем чертям назло.

«Только еще один рейс, — подумал Купер. — Чтобы доставить меня на Марс. А там пусть рассыпается».

— Корабль великолепен, — сказал он совершенно искренне.

Он подошел к могучему стабилизатору и положил на него ладонь. Тяжелый металл, краска давно облупилась, рябой от коррозии, и холодок затаился в толще, точно корабль еще не отдал всю впитавшуюся в него космическую стужу.

«Наконец, — подумал он. — После стольких недель ожидания вот оно, наконец, стальное произведение инженерного искусства, которое доставит меня домой».

Он вернулся туда, где стоял капитан.

— Приступим, что ли, — сказал он. — Хочу посмотреть на двигатели.

— Они в порядке, — ответил капитан.

— Возможно. Все-таки я их проверю.

Он ждал, что двигатели будут в скверном состоянии, но не настолько. На что уж корабль выглядел жалко, а «моррисоны» оказались еще хуже.

— Тут надо поработать, — сказал он. — С такими двигателями нельзя выходить в рейс.

Капитан вспыхнул и выругался:

— Учтите, вылетаем на рассвете! Срочное задание!

— На рассвете и вылетим, — отрезал Купер. — Вы только не вмешивайтесь.

Он расставил людей по местам и сам проработал четырнадцать часов подряд без передышки, не спал и не ел. После чего зажал большой палец в кулаке и доложил капитану, что все готово.

Они благополучно прошли атмосферу. Купер разжал кулак и облегченно вдохнул. Теперь только следить за тем, чтобы не было перебоев.

Капитан вызвал его к себе и поставил на стол бутылку.

— А вы справились куда лучше, чем я ожидал, мистер Купер.

Купер покачал головой.

— Мы еще не прилетели, капитан. Впереди немалый путь.

— Мистер Купер, — сказал капитан, — вы знаете, что мы везем?

Купер покачал головой.

— Лекарства, — сказал капитан. — Там эпидемия. Только наш корабль был более или менее готов к рейсу. Вот нас и послали.

— Дали бы сперва сделать капитальный ремонт двигателей.

— Время не позволило. Каждая минута на счету.

Купер глотнул из рюмки, оглушенный всеобъемлющей усталостью.

— Эпидемия, говорите? А что именно?

— Песчаная лихорадка, — ответил капитан. — Знаете, наверное.

Смертельный ужас холодком пополз по спине Купера.

— Знаю. — Он допил виски и встал. — Я пошел, начальник. Надо присмотреть за двигателями.

— Мы надеемся на вас, мистер Купер. Нужно добраться.

Он вернулся в машинное отделение и упал в кресло, слушая пение двигателей, пронизавшее все клеточки корабля. Они должны работать без перебоев. Теперь это яснее, чем когда-либо. Дело не только в том, чтобы вернуться домой: родная планета ждет лекарства.

«Обещаю, — сказал он сам себе. — Обещаю, что мы долетим».

Он не щадил команду, не щадил себя — изо дня в день, под выматывающий душу, почти нестерпимый вой дюз и гром этих чертовых «моррисонов».

Какой там сон — хорошо, если удавалось прикорнуть на несколько минут. Какой там обед — разве что перекусишь чуток на ходу. Работа, работа, но еще хуже — надзор, ожидание, все тело напряжено: сейчас начнут заикаться... Или лязгнет металл, возвещающая беду.

«И зачем только, — билась в голове смутная мысль, — человек выходит в космос? С какой стати идет на такую работу?» Конечно, здесь, в машинном, рядом с изношенными двигателями, чувствуешь себя хуже, чем в других отсеках. Но и там не сладко. Атмосфера корабля насыщена нервозностью, но хуже всего — черный, гнетущий страх перед космосом, перед тем, что космос может сделать с кораблем и людьми на борту.

На новых, более крупных кораблях обстановка вроде получше, да и то ненамного. По-прежнему принято пичкать успокоительным пассажиров и переселенцев, летящих осваивать другие планеты. Чтобы не нервничали, не реагировали так остро на неудобства, не поддавались панике.

Но с командой так не поступишь. Она должна быть начеку, готовая ко всему. Она обязана все снести.

Возможно, придет пора, когда корабли будут достаточно велики, двигатели и горючее достаточно совершенны, когда поумерится страх человека перед пустотой космоса. Тогда станет легче. Но до этого, наверное, еще очень далеко. Ведь уже прошло двести лет, как предки Купера в числе первых улетели осваивать Марс.

«Не будь сознания того, что я возвращаюсь домой, — сказал он себе, — не вынес бы, не выдержал». Даже здесь, где загустела всяческая вонь, он чувствовал запах сухого, прохладного воздуха родной планеты. Сквозь металлическую оболочку летящего корабля, через несчетные темные мили видел нежные краски заката на красных увалах. В этом его преимущество перед остальными. Если бы не мысль, что он возвращается домой, он бы не выстоял.

Медленно тянулись дни, и двигатели тянули, и крепла надежда в его душе. И наконец надежда сменилась торжеством.

И наступил день, когда корабль вихрем скользнул вниз сквозь холодную, разреженную атмосферу и пошел на посадку, и сел.

Он протянул руку, повернул ключ — двигатели взревели и смолкли. Тишина объяла изможденную сталь, онемевшую от долгого гула.

Он стоял подле двигателей, оглушенный тишиной, испытывая ужас перед совершенным безмолвием.

Он пошел вдоль двигателей, скользя рукой по металлу, глядя его, точно животное, удивленный и чуть недо-

вольный тем, что в его душе родилось некое подобие странной нежности к машине.

А впрочем, почему бы нет? Двигатели доставили его домой. Он нянчился, возился с ними, проклинал их, надзирал за ними, спал рядом с ними — и они доставили его домой.

А ведь, если быть откровенным, он не очень надеялся на это.

Он вдруг увидел, что остался один. Команда ринулась к трапу, едва он повернул ключ. Пора и ему выходить. И все-таки он на мгновение задержался в тихом отсеке, напоследок еще раз все окинул взглядом. Полный порядок. Ничего не упущено.

Он повернулся и медленно пошел по трапу вверх, к люку.

Наверху он встретил капитана. А вокруг ракеты во все стороны расходились красные увалы.

— Все уже ушли, только начальник интендантской службы остался, — сказал капитан. — Я вас жду. Вы отлично справились с двигателями, мистер Купер. Рад, что вы пошли в рейс с нами.

— Последний рейс, — ответил Купер, глядя взглядом красные склоны. — Хватит слоняться по свету.

— Странно, — сказал капитан. — Вы, очевидно, с Марса.

— Точно. И надо было с самого начала сидеть дома. Капитан пристально поглядел на него и повторил:

— Странно.

— Ничего странного, — возразил Купер. — Я...

— Я тоже списываюсь, — перебил его капитан. — На Землю этот корабль поведет уже другой командир.

— В таком случае, — подхватил Купер, — я угощаю, как только мы сойдем с корабля.

— Решено. Но сперва — прививка.

Они спустились по трапу и пошли через поле к зданиям космодрома. Навстречу с воем промчались машины, спешащие к кораблю за грузом.

А Купер всецело отдался восприятию того, что испытал во сне в убогой комнатухе на Земле: бодрящий запах прохладного, легкого воздуха, пружинистый — из-за меньшего тяготения — шаг, стремительный взлет четких, ничем не оскверненных красных склонов в лучах неяркого солнца.

Врач ждал их в своем тесном кабинете.

— Виноват, — сказал он, — но вы знаете правила.

— Ох уж эти мне правила, — ответил капитан. — Да, видно, так нужно.

Они сели в кресла и засучили рукава.

— Держитесь, — предупредил врач. — Укол дает встряску.

Так и было.

«Так было и прежде, — подумал Купер. — Каждый раз. Пора бы уже привыкнуть».

Он вяло откинулся в кресле, ожидая, когда пройдут слабость и шок. Врач сидел за своим столом, следя за ними и тоже ожидая, когда они придут в себя.

— Тяжелый рейс? — спросил он наконец.

— Легких не бывает, — сердито ответил капитан.

Купер покачал головой.

— Этот был хуже всех. Двигатели...

— Простите меня, Купер, — вступил капитан. — Но на этот раз никакого обмана не было. Мы в самом деле везли лекарства. Здесь и вправду эпидемия. И мой корабль оказался единственным. Я хотел поставить его на капитальный ремонт, да время не позволило.

Купер кивнул.

— Припоминаю, — сказал он.

Он с трудом поднялся и посмотрел в окно на холодный, недобрый, чужой марсианский ландшафт.

— Если б не внушение, — решительно сказал он, — я бы ни за что не справился.

Он повернулся к врачу:

— Когда-нибудь мы сможем обходиться без этого?

Врач кивнул:

— Несомненно. Когда корабли станут надежнее, человек привыкнет к космическим путешествиям.

— Эта ностальгия — уж больно она душу выматывает

— Другого выхода нет, — сказал врач. — У нас не было бы ни одного космонавта, если бы они каждый раз не летели домой.

— Это верно, — согласился капитан. — Никто, и я в том числе, не смог бы выдержать таких передышек ради одних только денег.

Купер поглядел в окно на песчаные ландшафты, и его кинуло в дрожь. Более унылого места. .

«Что за идиотизм — мотаться в космосе, — сказал он себе, — когда дома такая жена, как Дорис, и двое детей». Ему вдруг безумно захотелось увидеть их.

Знакомые симптомы. Снова ностальгия, но теперь — тоска по Земле. Врач достал из тумбы и щедрой рукой наполнил три стопки.

— А теперь примите-ка вот это, — сказал он, — и забудем обо всем.

— Точно мы можем помнить, — усмехнулся Купер.

— В конце концов, — сказал капитан с неестественной веселостью, — надо правильно смотреть на вещи. Речь идет всего-навсего о специфике нашей службы.

ПРОЕКТ «МАСТОДОНТ»

1

— Мистер Хадсон из... гм-м... Мастодонии, — объявил начальник протокольного отдела.

Министр иностранных дел протянул руку:

— Рад познакомиться, мистер Хадсон. Как я понимаю, вы уже заходили к нам несколько раз.

— Вы правы, — ответил Хадсон. — Мне с трудом удалось убедить ваших людей в том, что я говорю с ними серьезно.

— И вы действительно говорите серьезно, мистер Хадсон?

— Поверьте, сэр, я не шучу.

— Так значит, Мастодония, — сказал министр, постукивая пальцем по лежащему на столе документу. — Прошу прощения, но я никогда не слышал о такой стране.

— Это новое государство, — объяснил Хадсон, — образованное на вполне законных основаниях. У нас есть конституция, свод законов, демократическая форма правления и должным образом избранные должностные лица. Мы свободные, миролюбивые люди, и в нашем распоряжении имеется огромное количество природных богатств, которые...

— Пожалуйста, сэр, — перебил его министр, — скажите просто, где находится ваша страна.

— В некотором смысле мы ваши ближайшие соседи.

— Ну это уж слишком! — раздраженно воскликнул начальник протокольного отдела.

— Вовсе нет, — возразил Хадсон. — Если вы уделите мне минуту вашего времени, господин министр, я приведу вам веские доказательства.

Он стянул со своего рукава пальцы начальника протокольного отдела и, подойдя ближе, поставил на стол портфель, который принес с собой.

— Хорошо, мистер Хадсон. Начинайте, — сказал министр. — Но я думаю, нам будет удобнее продолжать беседу, если мы устроимся в этих креслах.

— Я вижу, вы получили мои верительные грамоты. Здесь указаны наши предложе...

— Я получил документ, подписанный неким Уэсли Адамсом.

— Это наш первый президент, — пояснил Хадсон. — Наш Джордж Вашингтон, так сказать.

— Какова цель вашего визита, мистер Хадсон?

— Нам бы хотелось установить дипломатические отношения. На наш взгляд, это было бы выгодно обеим сторонам. В конце концов, у нас односторонняя с вашей республика и мы имеем аналогичные вашим цели и политику. Нам бы хотелось заключить торговые соглашения, и мы были бы признательны за помощь по четвертому пункту.

Министр улыбнулся.

— Естественно. Кто бы этого не хотел?

— Мы готовы предложить кое-что взамен, — решительно заявил Хадсон. — И в первую очередь мы можем предложить вам надежное убежище.

— Убежище?

— Мне кажется, в нынешних условиях международных конфликтов такое предложение достойно внимания, — напомнил Хадсон.

Министр превратился в глыбу льда.

— Сожалею, но меня ждут важные дела.

Начальник протокольного отдела крепко сжал руку Хадсона.

— Вам пора уходить.

Генерал Лесли Бауэрс позвонил в государственный департамент и попросил соединить его с министром.

— Мне не хотелось тебя беспокоить, Герб, — сказал он, — но я выясняю один вопрос и надеюсь на твою помощь.

— Буду рад помочь, если это в моих силах.

— Вокруг Пентагона вертелся какой-то парень, набивался на встречу со мной и говорил всем, что я единственный, с кем он согласен иметь дело, — да ты и сам знаешь, как это бывает.

— Да уж, знаю.

— Его фамилия то ли Хастон, то ли Хадсон, — во всяком случае что-то похожее.

— Он был у нас примерно час назад, — сказал министр. — Какой-то ненормальный.

— И этот человек уже ушел?

— Да. И я не думаю, что он когда-нибудь вернется.

— Он не сказал, где его можно найти?

— Нет, я не помню, чтобы он такое говорил.

— Ну, и как тебе этот парень? Я имею в виду, какое впечатление он на тебя произвел?

— Я же сказал — он чокнутый.

— Вот и мне так кажется. Он сделал одному нашему полковнику такое предложение, что я теперь себе места не нахожу. Сам понимаешь, есть дела, от которых никто не откажется, — особенно в нашем «департаменте грязных трюков». И даже если он чокнутый, в наше время лучше подстраховаться.

— Он предлагал нам убежище, — с негодованием сказал министр. — Ты можешь себе такое представить!

— Мне кажется, он обходит всех по очереди, — задумчиво произнес генерал. — Он уже был в Комиссии по атомной энергии и рассказал им байку, будто знает о местонахождении огромных запасов урановой руды. И Комиссия, как мне сказали, отправила его к вам в министерство.

— К нам такие приходят все время. Обычно мы без труда избавляемся от них. А этому Хадсону, в отличие от других, просто повезло — он добился встречи со мной.

— Он рассказал полковнику о своем плане, который бы позволил нам размещать секретные базы везде, где бы мы ни захотели — даже на территории потенциального врага. Я знаю, его слова звучат безумно..

— Забудь об этом, Лес.

— Возможно, ты и прав, — сказал генерал, — но эта идея не дает мне покоя. Ты только представь лица парней за «железным занавесом».

Бросая на всех заговорщицкие взгляды, испуганный мелкий чиновник принес портфель в ФБР.

— Я нашел его в баре. Я хожу туда много лет, — рассказал он человеку, которому поручили с ним разобраться. — Я нашел портфель в кабинке и даже видел человека, который оставил его там. Позже я пытался найти того мужчину, но мне это не удалось.

— А откуда вы знаете, что портфель принадлежит ему?

— Мне так показалось. Я зашел в кабинку сразу после его ухода. Там было довольно темно, и прошло какое-то время, прежде чем я заметил эту вещь. Понимаете, каждый день я сижу в одной и той же кабинке. Как только Джо меня видит, он приносит мой обычный заказ и...

— Итак, вы видели, что этот человек вышел из кабинки, которую держат для вас?

— Да, верно.

— Потом вы заметили портфель?

— Да, сэр.

— И вы пытались найти этого человека, поскольку решили, что портфель принадлежит ему?

— Именно так я и сделал.

— Но к тому времени, как вы начали разыскивать его, он уже исчез.

— Да, так оно и было.

— Тогда скажите, почему вы принесли портфель сюда? Почему вы не оставили его у владельца бара, чтобы тот мужчина, вернувшись, мог забрать потерянную вещь?

— Я и хотел так поступить, сэр. Но я пропустил одну рюмочку, потом вторую, и меня все время интересовало, что находится в этом портфеле. Поэтому, в конце концов, я заглянул в него и...

— И то, что вы увидели, заставило вас принести его к нам.

— Да. Я увидел...

— Не надо рассказывать мне, что вы там увидели. Назовите вашу фамилию и адрес. Я попрошу вас никому не рассказывать об этом. Вы должны понять: мы

очень благодарны вам за вашу бдительность, но нам бы хотелось надеяться на ваше молчание.

— Буду нем, как рыба, — заверил его мелкий чиновник, раздуваясь от важности.

Из ФБР позвонили доктору Амброзу Эмберли — смитсоновскому эксперту по палеонтологии*.

— Доктор, у нас появился материал, и нам бы хотелось, чтобы вы на него взглянули. Несколько любительских фильмов.

— С огромным удовольствием. Приеду к вам, как только освобожусь. В конце недели вас устроит?

— Это срочно, доктор. Такой чертовщины вы еще не видели — огромные лохматые слоны, тигры с клыками до самой шеи и бобр величиной с медведя.

— Какая-то фальшивка, — с отвращением произнес Эмберли. — Скорее всего хитроумная аппаратура или ракурс композиции.

— Мы сначала так и думали, но потом оказалось, что дело не в ракурсе и не в аппаратуре. Это настоящие съемки с натуры.

— Немедленно еду к вам, — сказал палеонтолог и повесил трубку.

Ехидная газетная заметка в нахальном и самодовольном разделе светской хроники начиналась с заголовка: «В Пентагоне у всех глаза навывкате. Еще одна тайна, взволновавшая военную верхушку».

2

Президент Уэсли Адамс и министр иностранных дел Джон Купер утрюмо сидели под деревом в столице Мастодонии и ждали возвращения посла по чрезвычайным поручениям.

— Я предупреждал тебя, Уэс, мы затеяли безумное дело, — сказал Купер, который под разными псевдонимами руководил министерствами торговли и финансов, а также вооруженными силами страны. — Что если Чак не вернется? Они могут бросить его за решетку, да и мало ли что может случиться с временным

* Смитсоновский комплекс научно-исследовательских институтов в Вашингтоне.

модулем и вертолетом. Нам надо было лететь всем вместе.

— Нет, мы должны были остаться, — ответил Адамс. — Не тебе рассказывать, что произойдет с лагерем и припасами, если нас не окажется поблизости и никто не будет их охранять.

— Пока нас беспокоит только этот старый мастодонт. Но если он объявится снова, я возьму черпак на длинной ручке и вмажу ему прямо по груди.

— Он — не единственная проблема, — возразил президент, — и ты это знаешь. Мы не можем уйти и бросить страну, которую создали сами. Нам надо удерживать наши владения. Мы водрузили здесь наш флаг и заявили свои права, но этого недостаточно. Нам придется доказывать факт наличия поселения, как того требуют старые законы о присвоении земельных участков.

— Да, без поселения нам не обойтись, — проворчал министр Купер, — особенно если с временным модулем или вертолетом что-нибудь случится.

— Как ты думаешь, они сделают это, Джонни?

— Кто «они»?

— Соединенные Штаты. Ты думаешь, они признают нас?

— Если они узнают, кто мы такие, то, конечно, нет.

— Вот этого я и боюсь.

— Но Чак их уговорит. Он даже кота уговорит вылезти из шкуры.

— Иногда мне кажется, что мы действуем неверно. Я согласен, у Чака дальновидные планы, и лучшего тут не придумаешь. Но, может быть, нам лучше просто цапнуть хорошую наживку и убраться домой. Мы могли бы брать с охотничьих партий по десять тысяч за человека или заключить с кинокомпанией договор об аренде.

— Если нас признают суверенным государством, мы все это сделаем, но тогда у нас будут законные основания и полное прикрытие, — ответил Купер. — После подписания совместного договора о ненападении нас никто не посмеет обидеть, потому что мы всегда сможем пожаловаться Дядюшке Сэму.

— Все, что ты говоришь, верно, — согласился Адамс, — но возникает множество проблем. Не так просто поехать в Вашингтон и добиться признания. Они потребуют сведений и о нас самих, и о численности

населения. Представь себе их реакцию, если Чак сообщит, что нас всего трое.

Купер покачал головой.

— Он так не скажет, Уэс. Он увернется от вопросов или заморочит им голову какими-нибудь дипломатическими отговорками. И потом, как мы можем быть уверены, что нас только трое? Вспомни, нам достался целый континент.

— Ты прекрасно знаешь, Джонни, что в этот период в Северной Америке людей не существовало. Любой ученый подтвердит, что первые миграции из Азии начались тридцать тысяч лет назад. Поэтому, кроме нас, здесь никого нет.

— Тогда нам надо действовать по-другому, — задумчиво произнес Купер. — Если мы впишем в декларацию весь мир, а не один континент, наша популяция будет весьма представительной.

— Это не выдержит никакой критики. Даже сейчас мы требуем большего, чем позволяют прецеденты. Прежние первопроходцы предъявляли права на водоразделы. Они находили реку и заявляли претензии на все ручьи и орошаемые земли в округе. Они не пытались присвоить себе целый континент.

— Эти парни никогда не знали размеров своих приобретений, — ответил Купер. — А мы знаем. Взгляд из будущего дает нам преимущество.

Он прислонился к дереву и залюбовался страной, которая раскинулась перед ним. Какой простор, подумал он, рассматривая холмистые кряжи, покрытые обширными лугами и небольшими рощами. Чуть ниже, на добрые десять миль тянулась долина реки, поросшая лесом. И везде, куда ни посмотри, паслись стада мастодонтов, гигантских бизонов и диких лошадей, и лишь изредка, то тут, то там, на глаза попадались представители менее стадной фауны.

В четверти мили от них, у самого края рощи топтался Старина Бастер — беспокойный мастодонт-одиночка, которого, видимо, изгнал из стада более молодой соперник. Его голова печально склонилась вниз, хобот бесцельно раскачивался и извивался, пока он медленно и лениво переминался на месте с ноги на ногу.

Старик совсем заскучал, сказал себе Купер. Вот почему он вертится около них, как бездомный пес. Но

он слишком велик и неуклюж, чтобы быть ручным, скорее всего, не подарок.

Послеобеденное солнце приятно пригревало, и Куперу казалось, что он еще никогда не дышал таким свежим и чистым воздухом. Короче, это был чудесный край, страна золотой осени, идеальное место для воскресных пикников и автотуристов.

На флагштоке у палатки лениво развевался национальный флаг Мастодонии — зеленое поле и красный, стоящий на задних ногах мастодонт.

— Знаешь, Джонни, что меня тревожит больше всего? — спросил Адамс. — Если мы будем основывать наши притязания на предшествующих примерах истории, таких ведь может и не оказаться. Прежние первопроходцы создавали колонии для своих стран и королей, но они никогда не заявляли на них личные права.

— Просто сам принцип изменился, — успокоил его Купер. — В те дни никто о себе не думал. Каждый находился под покровительством кого-нибудь еще. К тому же твоих первопроходцев финансировали и субсидировали их правительства, они действовали на основании королевских хартий и патентов. У нас же все по-другому. У нас частное предпринимательство. Ты придумал временной модуль и собрал его. Мы трое скинулись и купили вертолет. Все расходы оплачены из наших собственных карманов. Мы ни от кого не получили ни цента. Поэтому все, что мы нашли, принадлежит только нам.

— Надеюсь, что ты прав, — с сомнением произнес Адамс.

Старина Бастер осторожно двинулся в направлении лагеря. Адамс поднял винтовку, которая лежала у него на коленях.

— Подожди, — остановил его Купер. — Может быть, он просто пугает нас. Жаль, если ему потом придется ставить пластырь; он такой приятный старикан.

Но Адамс не опускал винтовку.

— Еще три шага, — заявил он, — и моему терпению придет конец.

Внезапно воздух над ними огласился ревом. Они вскочили на ноги.

— Это Чак! — закричал Купер. — Он вернулся!

Вертолет сделал разворот над лагерем и быстро опустился на землю.

Старина Бастер взревел от ужаса и вскоре превратился в маленькое пятнышко на покрытом травой склоне горы далеко внизу.

3

Чтобы отпугнуть животных, они зажгли вокруг лагеря ночные костры.

— Эта заготовка дров меня в могилу сведет, — устало произнес Адамс

— Надо установить частокол, — сказал Купер. — Хватит валять дурака. Если однажды ночью — с кострами или без костров — сюда нагрянет стадо мастодонтов, они могут задеть вертолет, и тогда нам всем крышка. Не пройдет и пяти секунд, как мы превратимся в Робинзонов Крузо периода плейстоцена.

— Но если нашим надеждам на признание суверенитета не суждено сбыться, давайте свернем наше предприятие, и делу конец, — предложил Адамс.

— Проблема в том, что наши последние деньги ушли на цепочную пилу для заготовки дров и поездку Чака в Вашингтон, — ответил Купер. — Чтобы возвести частокол, потребуется трактор. Мы надорвемся, если будем таскать бревна вручную.

— Может быть, поймает несколько лошадей, которые бегают вокруг?

— Ты когда-нибудь объезжал лошадей?

— Нет, чего не пробовал, того не пробовал.

— Вот и я тоже. А ты, Чак?

— Только не я, — прямолинейно ответил бывший чрезвычайный посол.

Купер присел на корточки около походного костра и покрутил вертел с тремя куропатками и полдюжиной перепелов. Огромный горшок с кофе распространял аромат, от которого трепетали ноздри. В рефлекторе подсыхало печенье.

— Мы здесь уже шесть недель, — сказал он, — а все еще живем в палатке и готовим еду на открытом огне. Не пора ли засучить рукава и что-нибудь сделать?

— Сначала нужен частокол, — сказал Адамс, — но для этого необходим трактор.

— Мы можем использовать вертолет.

— Ты даже готов рисковать? Запомни, это наш обратный билет. Если с ним что-нибудь случится...

— Ты прав, я не подумал, — согласился Купер.

— Вот бы где сейчас пригодилась помощь по четвертому пункту, — вздохнул Адамс.

— Они меня вышвырнули вон, — сказал Хадсон. — Везде, куда бы я ни заходил, мне рано или поздно давали пинка. Такое впечатление, что в этом и заключается их работа.

— Да, мы сделали все, что могли, — сказал Адамс.

— А дело закончилось тем, — добавил Адамс, — что я вернулся с пустыми руками, потеряв все наши фильмы, и теперь снова придется тратить время на съемку новых лент. Хотя мне бы не хотелось подпускать к себе другого саблезубика так близко, как в прошлый раз, когда я держал кинокамеру.

— Ты мог бы и не волноваться, — возразил Адамс. — Джонни стоял прямо за тобой и целился в него из винтовки.

— Да, и чуть мне голову не отстрелил, когда зверюга бросилась на нас.

— Я же остановил ее. Скажешь, нет? — возмутился Купер.

— Остановил, когда ее башка была уже на моих коленях.

— Может быть, нам не заниматься больше съемками, — предложил Адамс.

— Нет, мы будем их продолжать, — сказал Купер. — Представь, сколько спортсменов с радостью отстегнет по десять тысяч баксов за две недели охоты в наших краях. Но перед тем как собрать денежки, мы должны показать им фильмы. И та сцена с саблезубым тигром могла бы обеспечить успех.

— Если только не отпутнет их, — проворчал Хадсон. — На последних кадрах ничего не видно, кроме его разинутой пасти. — Экс-посол Хадсон выглядел несчастным. — Не нравится мне эта затея. Как только мы привезем сюда кого-нибудь, расползутся слухи. И если кто-то проболтается, на нас устроят засаду. Всегда найдутся парни — а может быть, даже страны, — которым захочется на законных основаниях или с помощью насилия заполучить секрет технологии. Вот чего я испугался больше всего, когда потерял наши фильмы. Кто-то найдет их, и люди могут задуматься, что все это

значит. Я тешу себя надеждой, что фильмы посчитают подделкой и выследить нас не удастся.

— Мы можем брать с охотников клятву, чтобы они держали все в секрете, — сказал Купер.

— Но какой спортсмен удержится, чтобы не выставить напоказ голову саблезубого тигра или рекордный по величине кусок слоновой кости? И это касается каждого, к кому бы мы ни обратились. Любой университет отвалит немалые деньги, чтобы отправить сюда партию ученых. Любая кинокомпания выжмет из себя кучу наличных, чтобы отснять здесь приключенческий фильм о пещерных людях. Но если мы запретим им говорить о своих находках и показывать свои сюжеты, они пошлют нас ко всем чертям.

Вот если бы мы получили признание как независимая страна, — продолжал Хадсон, — мы бы могли вести дела по всем направлениям. Мы бы сами создавали законы и предписания, чтобы влиять на ход событий. Мы могли бы завести сюда поселенцев и организовать торговлю. Мы бы начали разработку природных богатств, и все было бы законно и открыто. Мы могли бы говорить о себе, о своей стране и о том, что можем предложить.

— Что толку теперь облизываться, — сказал Адамс. — Многое можно сделать и сейчас. На холмах у реки растет женьшень. Каждый из нас может накопать в день до дюжины фунтов. На одних корнях мы имели бы кучу денег.

— Корни женьшеня — это мелочь, — возразил Купер. — Нам нужны настоящие деньги.

— А если ставить капканы? — не унимался Адамс. — Тут полным-полно бобров.

— Ты хорошо рассмотрел этих бобров? Они же с размером со святого Бернарда.

— Ну так и хорошо. Подумай, сколько ты получишь с одной шкуры.

— Ни один торговец не поверит, что это бобер. Тебя тут же начнут подозревать в мошенничестве. Есть лишь несколько стран, где разрешено ловить бобров. Чтобы поставлять шкуры — даже если тебе удастся уговорить кого-то купить их, — ты должен приобрести лицензии в каждой из этих стран.

— На том мастодонте целые горы слоновой кости, — сказал Купер. — А если мы отправимся на север, то найдем там мамонтов, у которых бивни еще больше...

— И тут же попадем в тюрьму за контрабанду слоновой кости?

Они сидели, смотрели на огонь и молчали, не зная, что сказать.

Жалобный стон гигантской кошки, вышедшей на охоту, донесся с верховьев реки.

4

Хадсон лежал в спальном мешке, рассматривая небо. Оно волновало его. Там не было знакомых созвездий, не было ни одной звезды, которую он мог бы уверенно назвать. И этот звездный хоровод, думал он, больше, чем что бы то ни было, наводил на мысль об огромной бездне лет, которая пролегла между древней страной и той землей, на которой он был — или, вернее, должен был быть — рожден.

Сто пятьдесят тысяч лет, как говорит Адамс, плюс минус десять тысяч — точнее не узнаешь. Хотя это наверняка сделают позже. Изучат позиции звезд в этом времени и сравнят их с картой звездного неба двадцатого века. Но пока любые цифры оставались не более чем предположением.

Машина времени — это не та штука, калибровку и эксплуатационные качества которой можно проверить. Ее вообще нельзя никак проверить. Ему вспомнилось, что в первый раз, решив ее испытать, они даже не были уверены, что она работает. Да и как об этом скажешь наперед? Когда она начинала работать, вы тут же понимали, что она работает. Но если она была неисправна, об этом можно было узнать только после испытания.

Конечно, Адамс ни секунды не сомневался. А как же иначе — он полностью доверял тем полуматематическим, полуфилософским концепциям, которые разработал сам и которые всегда оставались непостижимой загадкой для Хадсона и Купера.

Впрочем, так было всегда, даже в детстве. Уэс придумывал затеи, а осуществлять их приходилось ему и Джонни. И еще в те дни в своих играх они путешествовали во времени. На заднем дворе Куперов они собрали свою первую машину времени, и в ход пошла невооб-

разимая коллекция ненужного хлама — деревянный ящик, пустой пятигаллонный бак из-под краски, сломанная кофеварка, связка выброшенных медных трубок, треснувшее рулевое колесо и прочая рухлядь. Он вспоминал, как они «возвращались» в страну индейцев-доприхода-белых, путешествовали во времени мамонтов и динозавров, устраивая потрясающие битвы и «кровавую резню».

Но в реальности все оказалось по-другому, и пришлось не только палить из ружья в причудливых животных, которые встречались на пути.

Они могли бы догадаться об этом, поскольку не раз говорили на подобные темы.

Ему вспоминались их споры в университете и тот парень, который обычно помалкивал в углу, — студент юридического факультета по фамилии Притчард.

И вот как-то, промолчав большую часть времени, этот Притчард заговорил:

— Если бы вы, парни, путешествовали во времени, вам бы пришлось столкнуться с очень неприятным сюрпризом. Я не говорю о климате, топографии и фауне. Я имею в виду экономику и политику.

Они тогда посмеялись над ним, вспоминал Хадсон, и все на этом кончилось. А чуть позже разговор, как всегда, перешел на женщин.

Интересно, где теперь этот молчун? Однажды, пообещав себе Хадсон, я разыщу его и расскажу, как он был прав.

Да, мы ошиблись, думал он. Сколько путей вело к успеху, сколько дорог, но мы оказались слишком уверенными и жадными — мы жаждали триумфа и славы, вот почему теперь так нелегко успокоиться.

Поймав удачу за хвост, они могли добиться помощи в любом крупном индустриальном концерне, в любом общеобразовательном фонде и правительственном учреждении. Как первооткрыватели истории они могли получить любую поддержку и субсидии. А обретя покровительство и деньги, они бы развернулись по-настоящему. Им не пришлось бы довольствоваться своими жалкими грошами, которых только и хватило на один потрепанный вертолет и один временной модуль. У них было бы несколько машин, и, по крайней мере, одна из них стояла бы в двадцатом веке как спасительный модуль на случай чрезвычайных обстоятельств.

Но эти варианты означали сделку и, возможно, очень жестокую сделку. Пришлось бы делиться с теми, чье участие измерялось лишь вложенным капиталом. А какими деньгами оценишь двадцать лет мечты и великой идеи, преданность этой великой идее, годы работы, годы разочарований и почти фанатичное самопожертвование?

В любом случае, думал Хадсон, им удалось рассчитать почти все. Возможностей для промахов было множество, но они сделали их сравнительно мало. Все, что им не доставало, в конечном счете появилось.

Взять хотя бы вертолет. Он оказался самым удобным средством для путешествий во времени. Чтобы избежать смещений и оседания пластов, которые происходили в течение геологических периодов, вам необходимо подняться в воздух. Вертолет поднимает вас вверх, предохраняет от столкновений с различными объектами на земле и дает возможность выбрать нужное место для посадки. Путешествуя без него — даже если вам повезет с поверхностью земли, — вы можете материализоваться в сердцевине какого-нибудь огромного дерева, оказаться в болоте или гуще стада испуганных и свирепых зверей. Самолет бы тоже подошел, но, попав в этот мир, вы бы не всегда могли приземлиться — вернее, не были бы уверены, что это получится. А вертолет может опуститься почти в любом месте.

И конечно, им повезло с временем, в которое они попали, хотя никто из них точно не знал, как велика эта удача. Уэс считал, что он не всегда работал вслепую, как это могло показаться. Он настроил модуль на прыжки в пятьдесят тысяч лет. Как он тогда им честно сказал, для более точной калибровки потребовалась бы долгая и напряженная работа.

При калибровке в пятьдесят тысяч лет расчет оказался простым. Один прыжок (если настройка оказалась верной) мог бы доставить их в конец ледникового периода Висконсиса, два прыжка — в его начало. Третий должен был забросить их в конец сангамонского межледникового периода, что, видимо, и произошло — плюс минус десять тысяч лет.

Они попали в удачное время с довольно стабильным климатом, когда не было ни холодно, ни жарко. Флора выглядела почти современной, и они чувствовали себя, как дома. Фауна плейстоцена и нашей эпохи частично

перекрывала друг друга, но внешность животных несколько отличалась от вида их собратьев в двадцатом веке. Реки текли по знакомым руслам, холмы и утесы во многом остались теми же. В этом уголке Земли, по крайней мере за сто пятьдесят тысяч лет почти ничего не изменилось.

Какими удивительными были мечты их юности, думал Хадсон. И не так часто встретишь трех парней, чьи юношеские грезы в конце концов исполнились. Но им повезло, и они оказались здесь.

У костра дежурил Джонни, следующим на очереди был Хадсон, а перед этим лучше выспаться. Он закрыл глаза, потом приоткрыл их, чтобы бросить прощальный взгляд на незнакомые звезды, и увидел серебряный свет, окрасивший восточный горизонт. Вскоре взойдет луна, и это неплохо. Всегда веселее на дежурстве, когда над головой сияет луна.

Неимоверный шум, перечеркнув безмолвие ночи, выбросил Хадсона из сна и, продирая до мозга костей, вытянул его в одну дрожащую струну. Даже воздух, казалось, оцепенел от бешеного крика. Хадсон сел, ничего не понимая, и только потом, до удивления вяло и медленно, его мозг проанализировал шум и выделил два разных слившихся звука — ужасное рычание тигра и сводящий с ума рев мастодонта.

Луна поднялась, заливая местность призрачным светом. Он увидел Купера, который стоял за крутом ночных огней и, вскинув винтовку, всматривался в ночь. Адамс, тихо бормоча ругательства, выползал из спального мешка. Центральный костер превратился в грудку мерцающих углей, но дозорные огни ярко пылали, и вертолет внутри круга переливался отблесками пламени.

— Это Бастер! — со злостью крикнул Адамс. — Я узнал бы его рев где угодно. С тех пор как мы появились здесь, он только и делал, что визжал да разгуливал вокруг. Но ему, видно, не повезло, и он нарвался на саблезубого тигра.

Хадсон расстегнул спальный мешок, схватил винтовку и вскочил. Ни слова не говоря, он бросился за Адамсом туда, где стоял Джонни.

Купер остановил их жестом:

— Только не вспугните их. Я никогда не видел ничего подобного.

Адамс поднял винтовку.

Купер ударил ладонью по стволу.

— Ты что, сдурел?! — вскричал он. — Хочешь, чтобы они бросились на нас?

В двухстах ярдах стоял мастодонт, в его спину вцепился визжащий саблезубый тигр. Огромный слон поднялся на дыбы и с грохотом опустился, пытаясь сбросить кошку. Ее массивное тело взлетело в воздух. Слон продолжал брыкаться, но сверкающие клыки тигра вновь и вновь впились в спину великана.

И тогда мастодонт повалился на голову, перекатился через спину и поднялся. Огромная кошка спрыгнула на землю. Они постепенно приближались к лагерю.

На какое-то время оба зверя замерли, рассматривая друг друга. Потом тигр атаковал, молнией промелькнув в лунном свете. Бастер увернулся. Кошка врезалась в могучее плечо, яростно вцепилась в него когтями и, не удержавшись, соскользнула вниз. Мастодонт бросился вперед и, полоснув противника бивнями, затопал ногами. Кошка, получив скользкий удар одним из бивней, взвыла и, прыгнув вверх, распласталась на голове Бастера.

Доведенный до бешенства болью и страхом, ослепленный старый мастодонт побежал — побежал прямо на лагерь. На бегу он обхватил кошку хоботом, оторвал от себя и, приподняв, отбросил прочь.

— Берегись! — закричал Купер и выстрелил.

На какой-то миг в глазах Хадсона застыла неподвижная картина, напоминающая кадр, вырезанный из фантастического приключенческого фильма, — разъяренный мастодонт и подброшенный в воздух тигр. Звуки слились в один ужасный гвалт надвигавшейся катастрофы.

Затем видение превратилось в неясное дрожащее пятно. Хадсон ощутил тупой удар в плечо и понял, что выстрелил, хотя звука выстрела не услышал. Над ним почти навис огромный мастодонт, сминающий все на своем пути, как мощная и безжалостная машина слепого разрушения.

Он бросился в сторону, и гигант пронесся мимо. Хадсон мельком заметил, что саблезубый тигр рухнул на землю внутри круга дозорных огней.

Он снова поднял винтовку и нажал на курок, целясь в бугорок за ухом Бастера. Мастодонт пошатнулся, но удержался на ногах и продолжал свой стремительный

бег. Он наступил на один из костров и помчался дальше, разбросав угли и пылающие головешки.

А тут раздался глухой удар и визгливый скрежет металла.

— О, нет! — закричал Хадсон.

Пробежав несколько метров, они остановились внутри круга огней.

Вертолет лежал на боку, накренившись под сумасшедшим углом. Одна лопасть винта была смята. Просто на вертолете, словно споткнувшись о него во время безумного бега, лежал мастодонт.

Кто-то подползал к ним, прижимаясь к земле. В свете костров мелькнула раскрытая слюнявая пасть. Животное волочило задние ноги, спина его была сломана.

Спокойно и без лишних слов Адамс всадил пулю в голову саблезубого тигра.

5

Генерал Лесли Бауэрс поднялся с кресла и зашагал по залу заседаний. Потом остановился и грохнул кулаком по столу.

— Вы не сделаете этого! — закричал он. — Вам не удастся погубить проект. Я знаю, насколько он важен. И мы не можем отказаться от него!

— Но прошло десять лет, генерал, — напомнил военный министр. — Если бы они решили вернуться, то к этому времени давно бы уже объявились.

Генерал остановился, собираясь дать отпор. За кого его принимает этот штатский выскочка! Как он смеет говорить таким тоном с боевым офицером!

— Мы знаем ваше мнение, генерал, — сказал председатель объединенного комитета начальников штабов. — И, думаю, каждый из нас понимает, как близок вам вопрос. Вы по-прежнему во всем обвиняете себя, хотя для этого нет никаких оснований. В конце концов, ничего уже не исправим.

— Сэр, — сказал генерал, — я уверен, нет дыма без огня. Я знал это с самого начала, когда все остальные лишь таращили глаза. С тех пор мы обнаружили факты, которых вполне достаточно для подтверждения моих догадок. Возьмем, к примеру, нашу троицу. Тогда мы о них почти ничего не знали — зато сколько известно теперь! Я изучил их жизнь от рождения до самого

момента исчезновения. И могу добавить для тех, кто по-прежнему думает, что это мистификация: мы искали их несколько лет, но не нашли и намека на их последующее существование.

Мне довелось беседовать с людьми, которые их знали, — продолжал генерал. — Я изучил учебные характеристики и армейские личные дела. И пришел к выводу: если бы кто и мог сделать такое, то только эти трое парней. Адамс был их мозгом, двое других выполняли то, что придумывал он. Купер обладал бульдожьей хваткой, он не давал им сбиться с пути, а Хадсон обкатывал вопрос с разных точек зрения.

И они знали свое дело, джентльмены! — воскликнул генерал. — Они жили этим. То, что Хадсон предпринял в Вашингтоне, является реальным доказательством их подготовки. Они со школьных лет просчитывали варианты действий. А несколько лет назад я говорил с адвокатом из Нью-Йорка по фамилии Притчард. Он рассказал мне, что еще в университете они обсуждали экономические и политические проблемы, с которыми могли столкнуться в случае удачного завершения своей работы.

Мы можем считать Уэсли Адамса одним из самых одаренных молодых ученых, — продолжал генерал. — Это доказывают характеристики университета и армейские рапорта. После армии он владел по крайней мере дюжиной профессий, но они его не интересовали. И я могу сказать, почему они его не интересовали. У него было нечто большее — то, над чем он работал. А когда он и двое его друзей отправились...

— Вы считаете, — вмешался военный министр, — что он работал над темпоральными...

— Он работал над машиной времени! — рывкнул генерал. — Я этих ваших темпоральных штучек не понимаю, и меня вполне устраивает обычная «машина времени».

— Успокойтесь, генерал, — сказал председатель ОКНШ*. — Нет никакой необходимости кричать.

Генерал кивнул.

— Прошу прощения, сэр. Я столько работал над этим. Я посвятил проекту десять последних лет. Вы

* ОКНШ — объединенный комитет начальников штабов.

правы, мне действительно хочется исправить ошибку, которая была допущена десятилетие назад. Я мог бы побеседовать с Хадсоном. Но я был занят и, конечно же, был занят не тем. Чрезмерная занятость стала обычным состоянием всех должностных лиц, и в этом отношении я признаю свою ошибку. Но теперь, когда вы настаиваете на закрытии проекта...

— Он влетает нам в копеечку, — напомнил военный министр.

— И у нас нет никаких доказательств, — добавил председатель ОКНШ.

— Не понимаю, что вам еще надо, — огрызнулся генерал. — Если когда-то и жил человек, покоривший время, то это был Уэсли Адамс. Мы нашли, где он работал. Мы нашли его мастерскую и переговорили с соседями, которые рассказывали нам о таких странных делах, происходящих там, что...

— Но десять лет, генерал! — воскликнул военный министр.

— Хадсон приходил сюда, предлагая нам величайшее открытие в истории человечества, и мы выгнали его. Неужели после этого вы ожидаете, что они приползут к нашим ногам?

— Вы хотите сказать, что они обратились к кому-то еще?

— Они на это не пойдут. Эти парни знают, что означает то, на что они наткнулись. И они не предадут свою страну.

— А как вы объясните нелепое предложение Хадсона? — подал голос представитель министерства иностранных дел.

— Они пытались подстраховаться! — закричал генерал. — Что бы вы сами стали делать, открыв девственную планету с нетронутыми природными богатствами? Неужели бы бросились к нам, протягивая целый мир зажавшихся чиновников, которые слишком «заняты», чтобы ознакомиться...

— Генерал!

— Да, сэр, — устало произнес генерал. — Мне бы хотелось, джентльмены, указать вам на необычайно точное совпадение деталей. Это в первую очередь касается пленок, попавших в наши руки. Мы имеем заключение джюжины компетентных палеонтологов, которые утверждают, что столь идеальная подделка невоз-

можно. Но, даже допустив обратное, мы бы нашли такие тонкости, фальсифицировать которые никто бы не догадался, потому что о них почти никому не известно. Кто, например, мог догадаться, что на ушах саблезубого тигра были кисточки, как у рыси? Кто знает, что кожа молодого мастодонта черного цвета?

А дислокация! — продолжал генерал. — Я напому, если вы забыли, что мастерскую Адамса мы нашли только благодаря этим фильмам. Сравнив кадры с реальной местностью, мы получили такие данные, что даже сомневаться не пришлось, — нам оставалось лишь отправиться на старую заброшенную ферму, где работали Адамс и его друзья. Неужели вы не понимаете, как все совпадает?

— Я полагаю, — ехидно заявил представитель министерства иностранных дел, — вы сейчас начнете объяснять нам, почему они выбрали это заброшенное место.

— Думали, уели меня, да? — спросил генерал. — Но я вам отвечу. У меня есть для вас хороший ответ. Юго-западная часть Висконсина является геологическим курьезом. Ее обошли ледники всех геологических периодов. Нам неизвестно, почему так происходило, но какой бы ни была причина, ледники обходили эту территорию по сторонам и двигались к югу, оставляя нетронутым этот островок в океане льда.

И еще одна деталь, — воодушевленно продолжал генерал. — За исключением триасового периода, этот район Висконсина всегда оставался сухим. Он и несколько других областей оставались единственными территориями Северной Америки, которые никогда не побывали под водой. Я думаю, нет нужды говорить о преимуществах такого места, где начинающий путешественник во времени, рискуя угодить почти в любую эру, находит под ногами сухую почву.

Слово взял советник по экономике:

— Мы исследовали этот вопрос весьма обстоятельно, и, хотя не нам судить о том, возможны или нет путешествия во времени, мне бы хотелось высказать несколько замечаний.

— Прошу вас, начинайте, — сказал председатель ОКНШ.

— Мы заметили одно несоответствие. Откровенно говоря, нас в этом деле заинтересовала перспектива приобретения абсолютно новой планеты, ресурсы кото-

рой можно было бы эксплуатировать в более широких масштабах, чем это делалось в прошлом. Но возникает мысль — а что если каждая планета имеет лишь определенный запас природных богатств? И если мы, забравшись в прошлое, начнем их добывать, не повлияет ли это на остаток тех ресурсов, которые мы разрабатываем в настоящее время? Не будем ли мы таким хитрым образом таскать добро из собственных карманов?

— Это утверждение неверно по своей сути, — сказал председатель Комиссии по атомной энергии. — На самом деле все как раз наоборот. Мы знаем, что в определенные геологические периоды прошлого в земле имелось гораздо больше урана, чем в наши дни. Попав в достаточно далекое прошлое, вы бы поняли, что уран превратился в свинец. В юго-западной части Висконсина залегают свинцовые жилы — вот почему Хадсон утверждал, что ему известно расположение залежей урановой руды, а мы думали, что это бред сумасшедшего. Если бы мы оказались поумнее — давайте говорить начистоту, — если бы мы были поумнее и, узнав о путешествиях во времени, тут же сцапали бы его, то ничего подобного не произошло бы.

— Утверждение советника неверно и в отношении лесов, — дополнил его председатель ОКНЩ. — Я уже не говорю о пастбищах и сельскохозяйственных культурах.

Советник по экономике слегка покраснел.

— Есть еще одно возражение, — сказал он. — Если мы вернемся в прошлое и колонизируем земли, которые там найдем, вы представляете, что произойдет, когда эта — давайте назовем ее ретроактивной, — когда эта ретроактивная цивилизация достигнет начала нашего исторического периода? Каков будет результат столкновения культур? Изменится ли наша история? И будут ли происходящие изменения позитивными? А все...

— Все это вздор! — закричал генерал. — Вздор, как и вся трепотня об использовании ресурсов. Что бы мы ни делали в прошлом — вернее, что бы мы ни хотели сделать, — давным-давно уже сделано. Я ночами не спал, размышляя над этим, мистер. И поверьте, я дал вам единственный верный ответ. Но сейчас перед нами стоит вопрос, который требует безотлагательного решения. Откажемся мы от всего этого или будем продолжать наблюдения за фермой в Висконсине, ожи-

дая их возвращения? Будем ли мы продолжать самостоятельный поиск процессов, формул или методов, благодаря которым Адамс путешествует во времени?

— Пока наши исследования ни к чему не привели, генерал, — сказал известный физик, скромно сидевший в конце стола. — Если бы не ваша уверенность и не доказательства, которые убеждают нас, что Адамсу это удалось, я бы отрицал возможность путешествий во времени. Пока у нас нет ни одного варианта, который мог бы обещать какую-то надежду. Все, чем мы занимались до этого времени, лучше всего описывается словами «мышинная возня». Но если Адамс провернул такой трюк, значит, это действительно возможно. И значит, должно быть несколько способов достижения подобного эффекта. Поэтому мы настаиваем на дальнейших изысканиях.

— Никто не пытается обвинять вас в неудачах, — заверил физика председатель. — Мы знаем, что вы работаете на пределе сил и возможностей. И если Адамс сделал это — я подчеркиваю, если он действительно сделал это, — то метод должен отличаться простотой. Скорее всего, он наткнулся на него в той сфере наук, куда никто другой и заглянуть бы не подумал.

— Вы еще раз напомнили нам, — сказал генерал, — что исследовательские программы с самого начала рассматривались лишь как авантюра. Поэтому возвращение этих парней было и остается нашей единственной надеждой.

— Если бы Адамс запатентовал свой метод, мы бы сейчас не ломали себе головы, — заявил председатель министерства иностранных дел.

Генерал яростно завопил:

— Чтобы потом его со всеми деталями и подробностями изложили в отчетах патентной службы и каждый желающий мог бы не только ознакомиться с ним, но и повторить?!

— Нам остается только Бога благодарить за то, что он его не запатентовал, — подвел итог председатель.

6

Вертолет уже не годился для полетов, но временной модуль оказался целым.

Хотя это еще не означало, что он будет работать.

Они обсудили вопрос о местонахождении лагеря. Сдвинуть тушу Старины Бастера им было не по силам, и они решили найти другое место. Поэтому на рассвете они ушли, оставив старого мастодонта лежать на разбитом вертолете.

Они знали, что через день или два его кости будут обглоданы и очищены стервятниками, дикими кошками, волками, лисами и мелкими хищниками.

Вытащить временной модуль из вертолета оказалось непросто, но в конце концов им это удалось, и теперь, сидя у костра, Адамс покачивал его на коленях.

— Хуже всего, что я не могу его проверить, — жаловался он. — Это просто невозможно. Включаешь его, и он или работает, или не работает. Поэтому пока не попробуешь, не узнаешь.

— Тут мы тебе ничем помочь не можем, — ответил Купер. — Но возникает вопрос — как нам использовать его без нашей железной птицы?

— Нам необходимо подняться в воздух, — сказал Адамс. — Иначе при возвращении в двадцатый век мы рискуем оказаться в шести футах под землей.

— Какое-то чувство подсказывает мне, что местность здесь выше, чем в нашем будущем, — сказал Хадсон. — Эти холмы стоят здесь с времен юрского периода. Скорее всего они были тогда значительно выше, но ветер и время уменьшили их размеры. Выветривание будет продолжаться и впредь. Значит, мы здесь находимся на большей высоте, чем в двадцатом веке, — пусть не намного, но выше.

— Кто-нибудь из вас отмечал показания высотомера? — спросил Купер.

— Думаю, нет, — признался Адамс.

— В любом случае его показания ничего не дают, — заявил Хадсон. — Он просто показывает высоту — а мы, если помните, летели — но нужно еще учитывать воздушные ямы, относительную плотность воздуха и прочие штуки.

Хадсон заметил, что Купер сник.

— А как вам такое предложение? — воодушевился Адамс. — Мы построим платформу высотой в двенадцать футов — это обезопасит нас от геологических подвижек. Но сооружение должно быть сравнительно небольшим, чтобы остаться в зоне действия силового поля.

— И что произойдет, если мы случайно сделаем ее на два фута выше? — спросил Хадсон.

— Падение с четырнадцати футов несмертельно — разве что откровенно не повезет.

— Но можно здорово разбиться.

— Да, и даже сломать несколько костей. Так ты останешься здесь или рискнешь сломать ногу?

— Если ты так ставишь вопрос, я согласен. Платформа, говоришь. А из чего платформа?

— Из бревен. Деревьев хватает. Мы просто пойдем и повалим несколько стволов.

— Ствол в двенадцать футов высотой весит немало. Как мы перенесем такое большое бревно на холм?

— Поташим по земле.

— Ты хочешь сказать, попытаемся.

Адамс на минуту задумался, и его осенила идея.

— Нам надо сделать тележку.

— Из чего? — спросил Купер.

— Тогда давайте применять катки. Нарежем небольшие бревна и покатаем стволы по ним.

— Это хорошо на горизонтальной плоскости, — возразил Хадсон, — но совершенно не годится для подъема стволов на холм. Твои бревна укатятся да еще прибудут кого-нибудь из нас.

— В любом случае опоры должны быть длиннее двенадцати футов, — вставил Купер. — Нам придется вкапывать их в ямы, и это потребует дополнительной длины.

— А почему бы нам не применить принцип треножника? — предложил Хадсон. — Свяжем три ствола за макушки и поднимем их. Что-то вроде буровой вышки или ворота для подъема тяжестей. Но все равно опоры должны быть длиннее двенадцати футов. Я думаю, пятнадцати-шестнадцати футов будет достаточно. А как поднять три шестнадцатифутовых бревен? Нам понадобятся блок и такелажные снасти.

— Есть еще одна проблема, — сказал Купер. — Часть этих бревен может оказаться за пределами эффективного действия силового поля. Часть их должна — я надеюсь, все же должна — сдвинуться во времени, а другая часть останется здесь. Это вызовет наклон.

— Путешествуя на стволах, мы столкнемся еще с одной неприятностью, — добавил Хадсон. — Мне не

хотелось попасть в другое время с кучей бревен, которые будут падать на меня.

— Не стоит печалиться об этом, — сказал Адамс. — Может быть, еще и модуль не работает.

7

Генерал уединился в своем кабинете и сидел, опустив голову на руки. Какие придурки, думал он, тупоголовые, бездарные придурки! Почему они не могли этого понять?

С тех пор как пятнадцать лет назад Лесли Бауэрс стал руководителем проекта «Мастодонт», он думал о нем ночью и днем, перебирая в уме любую возможность, словно она была реальным фактом. Причем его волновали не только военные перспективы, хотя, как боевой офицер, он, естественно, думал о них в первую очередь.

Взять хотя бы скрытые базы, расположенные прямо в опорных пунктах потенциального врага — в тех же местах, но отдаленные по времени веками. Их будут разделять столетия и расстояние, которое можно преодолеть в долю секунды.

Он видел это как наяву — материализация флотилий, быстрый сокрушительный удар, затем мгновенный отход в цитадели прошлого. Огромные разрушения — и ни одного потерянного корабля, ни одного убитого солдата.

Кроме того, имея такие базы, даже не нужно наносить удар. Стоит лишь намекнуть врагу об их существовании, как провокаций уже можно не опасаться.

Если же враг нападет первым, мы бы получили лучшее в мире бомбоубежище. Мы бы эвакуировали население не в другие города, а в другое время. У нас появилось бы надежное и абсолютное убежище против любого оружия — ядерного, термоядерного, бактериологического и того, что еще создавалось в лабораториях.

И если придут плохие времена — которые, как никогда, близки в нашей ситуации, — у нас было бы место, куда можно увести целую страну, оставив врагу пустые разрушенные города и отравленные радиоактивной пылью земли.

Убежище — именно его пятнадцать лет назад предлагал Хадсон бывшему министру иностранных дел, но

зазнавшийся идиот посчитал это оскорблением и выгнал Хадсона прочь.

И если даже до войны не дойдет, следует помнить о жизненном пространстве и огромных возможностях — не самой последней из которых будет возможность мирно жить на девственной планете, где можно отбросить старую вражду и дать дорогу новым помыслам.

Интересно, где сейчас эти трое парней, ушедших в глубь времени. Неужели погибли? Их могли затоптать мастодонты. Или на их след вышла стая тигров? А вдруг они убиты вероломными дикарями? Хотя нет, он забыл, в ту пору люди сюда еще не пришли. А если они заблудились во времени и не могут вернуться? И теперь до конца своих дней обречены существовать в чужом времени? Или, может быть, они просто питают к людям своей эпохи глубокое отвращение? Впрочем, он бы не винил их за это.

А может быть — пусть это и звучит немного фантастично — они тайно набирают колонистов, прямо сейчас, и не на ферме в Висконсине, которая находится под наблюдением, а в каком-то другом неведомом месте, реально создавая страну, которую они провозгласили.

Если они не вернутся в скором будущем, проект «Мастодонт» будет закрыт окончательно. Исследовательская программа застопорилась, и только резкий поворот событий мог предотвратить ликвидацию поста в Висконсине.

— Но если они посмеют снять наблюдение, — сказал генерал, — я знаю, что надо делать. — Он встал и зашагал по комнате. — Ей-богу, я им еще покажу!

8

Чтобы построить пирамиду, потребовалось десять дней тяжелого изнурительного труда. Они таскали камни от ручья, который находился в полумиле от лагеря, и постепенно небольшая куча превратилась в полукруглый холм высотой в двенадцать футов. Для этого потребовалось много камней и много терпения, потому что чем выше становилась пирамида, тем больше приходилось расширять ее основание.

Но они ее построили.

Хадсон сел у костра и поднес к догоравшим углям покрытые волдырями руки.

И все же это лучше, думал он, чем таскать тяжелые бревна, да и опасности почти никакой.

Допустим, мы наберем в ладонь горсть песка. Что-то просыплется между пальцами, но большая часть останется в ладони. Вот в этом и заключался принцип пирамиды из камней. Когда — и если — машина времени заработает, большая часть камней пройдет сквозь время.

Те камни, что останутся здесь, осыпятся на землю, и от них не будет никакого вреда — то есть не будет наклонов и деформаций, которые могут помешать работе силового поля.

А если временной модуль неисправен?

Или если он все же заработает?

С какой стороны ни посмотри, подумал Хадсон, это станет гибелью нашей мечты.

Даже если они вернутся в двадцатый век, средства не позволят им продолжать дело. Фильмы утеряны, замены им нет и нет никаких доказательств, что они побывали за гранью истории — почти на заре человечества.

Хотя не так важно, насколько вам удастся проникать во время. Час или тысячелетия — большой разницы нет. Если можно унести на час, значит, можно передвигаться и сквозь миллионы лет. А если вы совершили прыжок на миллионы лет назад, то можете вернуться к первому мгновению вечности, к первому проблеску времени в безмерном океане пустоты и небытия — вернуться к первородному мигу, когда ничего еще не было создано и не было планов и мыслей, когда вся безбрежность Вселенной, подобно чистой грифельной доске, ожидала первых штрихов, начертанных мелом неизбежности.

На покупку нового вертолета потребуется тридцать тысяч долларов, а у них не хватало денег даже на трактор, который был нужен для возведения частотола.

Занять негде и не у кого. Не пойдешь же в банк и не скажешь, что тридцать тысяч вам нужны для полета в поздний каменный век.

Хотя по-прежнему можно обратиться в какое-нибудь промышленное предприятие, или университет, или даже к правительству. Если объяснить, в чем дело, деньги польются рекой — но они согласятся платить только после того, как наложат лапу на всю прибыль.

И, конечно, заказывать музыку будут они, думал Хадсон, потому что это их деньги, а нам останутся только горький пот и кровоточащие раны.

— Меня по-прежнему тревожит один вопрос, — сказал Купер, нарушая молчание. — Мы здорово поработали, возводя пирамиду и, конечно, обезопасили себя от попадания в сарай, дом и другие сооружения...

— Только не говори мне о ветряной мельнице! — вскричал Хадсон.

— Хорошо, не буду. Я убежден, что высоты хватит. Но мне подумалось, что мы можем оказаться прямо над тем забором из колючей проволоки, который находится в южной части сада.

— Если хочешь, давай передвинем пирамиду шагов на двадцать в сторону.

Купер застонал.

— Нет, лучше я рискну усесться на забор.

Адамс встал и бережно поднял временной модуль.

— Ладно, парни, пошли. Пора уходить.

Они осторожно взобрались на пирамиду, едва уместившись на ее вершине.

Прижимая модуль к груди, Адамс сделал последние приготовления.

— Придвиньтесь ко мне, — сказал он, — и немного согните колени. Возможно, придется падать.

— Ладно, поехали, — сказал Купер. — Жми на клавишу.

Адамс нажал на кнопку.

Но ничего не случилось.

Модуль не работал.

9

Не скрывая тревоги и страха, директор ЦРУ закончил свой доклад.

— Вы уверены в достоверности вашей информации? — спросил президент.

— Господин президент, — сказал директор ЦРУ, — я отвечаю за каждое свое слово.

Президент вопросительно взглянул на двух других людей, которые находились в кабинете.

— Все вышесказанное соответствует данным, которые находятся в нашем распоряжении, сэр, — доложил председатель ОКНШ.

— Но это невероятно! — воскликнул президент.

— Они боятся! — вскричал директор ЦРУ. — Они не спят по ночам. Они убедили себя, что мы вот-вот сможем путешествовать во времени. Их попытки сделать что-нибудь подобное закончились ничем, но они уверены, что мы близки к успеху. Наши враги понимают, что, если нам удастся покорить время, их конец неизбежен, поэтому они решили нанести последний удар — сейчас или никогда.

Но три года назад мы полностью отказались от проекта «Мастодонт». Прошло десять лет с тех пор, как мы приостановили исследования. Двадцать пять лет назад этот Хадсон...

— Какая разница, сэр? Они убеждены, что мы прикрыли проект только для отвода глаз, а сами в тайне продолжаем работу. Это вполне соответствует их собственной стратегии...

Президент поднял карандаш и начал что-то машинально рисовать в блокноте.

— Как звали того старого генерала, — спросил он, — который закатил целый скандал, когда мы отказались от проекта? Помню, я был тогда в сенате. Он так и вился вокруг меня.

— Бауэрс, сэр, — напомнил председатель ОКНШ.

— Да, верно. Что с ним стало?

— Ушел в отставку.

— Жаль, хотя, думаю, теперь это не имеет значения. — Он нарисовал что-то еще и наконец сказал: — Джентльмены, похоже, вы правы. Сколько времени, вы говорите, у нас осталось?

— Максимум девяносто дней. В худшем случае — дней тридцать.

Президент взглянул на председателя ОКНШ.

— Мы готовы, как никогда, — доложил председатель. — Думаю, мы справимся с ними. Конечно, есть некоторые...

— Знаю, — сказал президент.

— Может быть, припутнуть их? — предложил министр иностранных дел, переходя на шепот. — Я знаю, это их не остановит, но по крайней мере мы выгадаем какое-то время.

— Вы хотите дать им понять, что у нас есть машина времени?

Министр кивнул.

— Нам это не удастся, — устало возразил директор ЦРУ. — Если бы мы ее действительно имели, тогда бы не было проблем. По своим каналам они бы тут же узнали, что она у нас есть, и превратились бы в добрых воспитанных соседей.

— Но ее у нас нет, — мрачно подытожил президент.

10

Поздним вечером, вскинув на плечи оленя, подвешенного к шесту, двое охотников повернули домой. При дыхании с их губ срывался пар, было очень холодно, и они уже не помнили, сколько дней кряду с неба падал снег.

— Меня тревожит Уэс, — тяжело дыша, сказал Купер. — Он принимает это слишком близко к сердцу. Мы должны присматривать за ним.

— Давай передохнем, — задышавшись, предложил Хадсон.

Они остановились и опустили оленя на землю.

— Он во всем винит только себя, — продолжал Купер, смахивая пот со лба. — Причем совершенно напрасно. Каждый из нас знал, на что шел.

— Он злится на себя, и сам понимает это, но злость помогает ему не сдаваться. Пока он ковыряется в своей штуковине, с ним будет все в порядке.

— Ему не удастся починить модуль, Чак.

— Знаю, что не удастся. И он тоже это знает. У него нет ни инструментов, ни материалов. Вернись мы обратно в мастерскую, он еще мог бы что-то сделать, но здесь все его попытки обречены на провал.

— Да, ему нелегко.

— Всем нам нелегко.

— Да, но не нам пришла в голову внезапная идея, из-за которой два старых приятеля оказались в безвыходном положении на самых, можно сказать, задворках времени. И он не может выбросить это из головы, сколько бы мы не говорили, что все хорошо, что мы вообще об этом не думаем.

— Да, такое трудно принять, Джонни.

— Но что с нами будет, Чак?

— Мы построим себе жилье, заготовим еды. Боеприпасы оставим для большой дичи, чтобы на каждую

пулю иметь горы мяса, а мелких животных будем ловить в капканы.

— Мне интересно, что с нами будет, когда не останется ни муки, ни других припасов. У нас и так их не слишком много. Мы всегда думали, что в любой момент можно будет привезти еще.

— Перейдем на мясо, — успокоил его Хадсон. — Мы можем добывать бизонов миллионами. Простые индейцы питались только ими. Весной мы накопаем всяких корешков, летом будем собирать ягоды. А осень нам подарит урожай орехов — полдюжины разных сортов.

— Как бы ни экономили боеприпасы, они все равно когда-нибудь кончатся.

— Сделаем лук и стрелы, рогатки и копья.

— Здесь водятся такие зверюги, которых копьем не испугаешь.

— А мы их не будем трогать. Если надо — спрячемся, если негде прятаться — убежим. Без оружия мы перестанем быть владыками мироздания — особенно в этих местах. И чтобы выжить, нам придется признать этот факт.

— А если кто-нибудь из нас заболеет, сломает ногу или...

— Мы сделаем все, что будет в наших силах. Никто вечно не живет.

И снова разговор вращался вокруг той проблемы, которая тревожила каждого из них, подумал Хадсон, — и о которой они предпочитали помалкивать.

Да, они выживут, если позаботятся о пище, убежище и одежде. Они могут прожить долгие годы, потому что в такой плодородной и щедрой стране человек легко мог найти себе пропитание.

Но их угнетало отсутствие цели — в этом и состояла та ужасная проблема, о которой они боялись говорить. Им нужен был смысл, ради которого стоило жить в мире без общества.

Человек, потерпевший крушение на необитаемом острове, всегда живет надеждой, а у них надежды не оставалось. Робинзона Крузо отделили от его собратьев-людей какие-то несколько тысяч миль — их же отделяет сто пятьдесят тысяч лет.

Уэсу Адамсу повезло чуть больше. На восстановление машины времени оставался один шанс из тысячи,

и, даже зная об этом, он упорно добивался своего, лелея пусть крошечную, но все же надежду.

И нам не надо присматривать за ним, думал Хадсон. Присматривать придется тогда, когда он признает свое бессилие и откажется от попыток починить машину.

Что касается его и Купера, им некогда сходить с ума — они построили хижину, запаслись на зиму дровами и вот теперь занимались охотой.

Но однажды они закончат все свои дела, и тогда к ним нагрянет тоска.

— Ты готов идти? — спросил Купер.

— Да, конечно. Уже отдохнул, — ответил Хадсон.

Они взвалили шест на плечи и снова отправились в путь.

Многие ночи Хадсон провел без сна, размышляя над этой проблемой, но все его думы исчезали в бездне безысходности.

Они могли бы написать естественную историю плейстоцена, снабдив ее фотографиями и рисунками, но все это не имеет смысла, потому что ни одному ученому будущего не удастся прочитать ее.

Они могли бы построить мемориал — огромную пирамиду, которая пронесет через пятнадцать сотен веков их весть, высеченную голыми руками на маске вечности. Но в их историческом времени таких пирамид не существовало, а значит, взявшись за строительство, они бы с самого начала знали, что их творению суждено превратиться в прах.

В конце концов, они могли бы отправиться на поиски людей этой эпохи и, пройдя пешком четыре тысячи миль по диким местам до Берингова пролива, выбраться на азиатский континент. Отыскав пещерных сородичей, она оказали бы им неоценимую помощь на пути их великого становления. Но они никогда не сделают этого, а даже если и сделают, пещерные люди найдут какой-нибудь повод, чтобы убить их, да еще и съесть.

Они вышли из рощи; в сотне ярдов от них показалась хижина. Она прислонилась к склону горы чуть выше ручья, откуда открывался изумительный вид на луга, простиравшиеся до самого синевато-серого горизонта. Из трубы поднимался дымок, и они увидели, что дверь открыта.

— Зря Уэс так ее оставляет, — заворчал Купер. — Того и гляди, медведь залезет.

— Эй, Уэс! — закричал Хадсон.

Но Адамса нигде не было видно.

В хижине на столе они заметили белый лист бумаги. Хадсон схватил записку и поднес ее к глазам. Купер читал, заглядывая через его плечо.

«Дорогие друзья, я не хочу еще раз пробуждать ваши надежды и вновь разочаровывать вас. К тому же, мне кажется, у меня могут возникнуть проблемы. Но я хочу попытаться счастья. Если ничего не получится, я вернусь и сожгу записку, а вам не скажу ни слова. Если же вы найдете мое послание на столе, то знайте, машина заработала и я вернусь, чтобы забрать вас.

Уэс»

Хадсон смял записку в руке.

— Парень сошел с ума!

— Да, похоже, заработался, — сказал Купер. — Ему, наверное, показалось...

Догадка настигла их одновременно, и они метнулись к двери. Обогнув угол хижины, они остановились как вкопанные, изумленно глядя на гребень горы, возвышавшийся над ними.

Пирамида из камней, которую они построили два месяца назад, исчезла!

11

Страшный грохот заставил Лесли Бауэрс — генерала в отставке — подскочить на кровати. Старые мышцы напряглись, седые усы ошетинились.

Несмотря на возраст, генерал оставался человеком действия. Он сбросил покрывало, опустил ноги на пол и схватил стоявший у стены дробовик.

Бормоча проклятия, он на ощупь вышел из темной спальни, пробежал через столовую и ворвался на кухню. Нашупав у двери приборный щиток, он щелкнул тумблером, который включал прожектора. Едва не сорвав дверь с петель, он выскочил на крыльцо и застыл там, переминаясь голыми ногами по доскам настила, — ночная пижама развевалась на ветру, дробовик был грозно нацелен в ночь.

— А это еще откуда? — проревел он.

На том месте, где он оставил свою машину, возвышалась огромная куча камней. Из-под булыжников выглядывало смятое крыло, а чуть дальше виднелась перекошенная фара.

Какой-то человек осторожно съезжал по осыпавшимся камням. Ему пришлось сделать крюк, чтобы увернуться от загнутого вверх крыла машины.

Генерал взвел курок и попытался успокоиться.

Незнакомец достиг основания кучи и повернулся к Бауэрсу. Генерал заметил, что мужчина прижимает к груди какой-то предмет.

— Эй, мистер! — крикнул старик. — Вас может спасти только очень внятное объяснение. Там стояла совершенно новая машина. К тому же, с тех пор как у меня начали ныть зубы, мне впервые удалось заснуть.

Человек просто стоял и смотрел на него.

— Ты что, оглох что ли? — закричал генерал.

Незнакомец медленно подошел к нему и остановился у крыльца.

— Меня зовут Уэсли Адамс, — сказал он. — Я...

— Уэсли Адамс! — взвыл генерал. — Боже мой, парень, где ты был все эти годы?

— Знаете, я, конечно, не думаю, что вы поверите мне, но дело в том...

— Да мы ждем тебя! Двадцать долгих лет! Вернее, я тебя жду. Все остальные идиоты махнули на это дело рукой. А я ждал тебя, Адамс. Мне пришлось поселиться здесь, потому что три года назад они приказали снять охрану.

Адамс с трудом сглотнул.

— Прошу извинить меня за машину. Понимаете, это никак. .

И он вдруг заметил, что генерал ласково улыбается ему.

— Я верил в тебя, — произнес старик. Он махнул ружьем, приглашая гостя в дом. — Заходи. Мне надо срочно позвонить.

Адамс, спотыкаясь, начал подниматься по лестнице.

— Давай, шевелись! — прикрикнул генерал, но голос его дрожал от волнения. — Бегом! Хочешь, чтобы я простудился?

Войдя в дом, он включил свет, бросил дробовик на кухонный стол и подбежал к телефону.

— Соедините меня с Белым домом в Вашингтоне, — сказал он. — Да, я сказал, с Белым домом... Президента? Конечно, его — с кем же мне еще разговаривать... Да, все верно. Он не рассердится на мой звонок.

— Сэр, — осторожно позвал Адамс.

Генерал поднял голову.

— Что, Адамс? Проходи, садись.

— Вы сказали, двадцать пять лет?

— Да, я так сказал. Что вы там делали все это время?

Адамс схватился руками за стол и тяжело оперся о него.

— Но этого не может...

— Да! — прокричал генерал оператору — Да, я жду.

Он прижал ладонь к микрофону и вопросительно взглянул на Адамса:

— Я полагаю, ты выставишь те же требования, что и раньше?

— Требования?

— Ну да. Признание. Помощь по четвертому пункту. Договор об обороне.

— Наверное, да, — ответил Адамс.

— Ты застал этих олухов на бочке с порохом, — радостно сказал ему генерал, — и можешь просить все, что хочешь. Ты заслужил это после всех своих трудов и того хамства тупоголовых идиотов, через которое тебе пришлось пройти, хотя, знаешь, особенно губу не раскатывай.

12

Редактор вечернего выпуска читал сводку новостей прямо с телетайпной ленты.

— Ну и ну, кто бы только мог подумать! — воскликнул он. — Мы только что признали Мастодоню.

Он взглянул на ответственного за выпуск.

— Где, черт возьми, она находится, эта Мастодония?

Ответственный за выпуск пожал плечами:

— Не спрашивай меня. В этом заведении мозгами должен работать ты.

— Ладно, к утру достанешь мне карту, — приказал редактор.

13

Их полосатый котенок — молодой саблезубый тигр — игриво ударил Купера могучей лапой.

Купер таким же игривым жестом нанес ответный удар по его ребрам.

Кошка зарычала.

— Ах, ты мне еще зубы показываешь! — закричал Купер. — Мы тебя выкормили, воспитали, и вот твоя благодарность. Сделаешь так еще раз, и я дам тебе в челюсть.

Тигренок блаженно растянулся на полу и начал умы-ваться.

— Однажды этому коту не хватит мяса, и он слопаet тебя, — предупредил Хадсон.

— Он нежен, как голубка, — заверил его Купер. — Мухи не обидит. Только одно меня и успокаивает — никто не осмелится потревожить нас, пока вокруг бега-ет это чудовище. Самый лучший сторожевой пес на свете. Надо же кому-то охранять наши запасы. Когда Уэс вернется, мы станем миллионерами. У нас и меха, и женьшень, и слоновая кость.

— Если он действительно вернется.

— Он обязательно вернется. Можешь не волноваться.

— Но прошло уже пять лет, — возразил Хадсон.

— Он вернется. Что-то там случилось, вот и все. Наверное, он уже работает над этим. Он мог сбить регулятор времени, когда чинил модуль, или тот уже был неисправен, после того как Бастер врезался в вертолет. А чтобы исправить дефект, нужно время. Я не сомневаюсь, что он вернется. Я только одного понять не могу — почему он ушел один и оставил нас здесь?

— Я уже объяснял тебе, — сказал Хадсон. — Он боялся, что модуль не заработает.

— Но разве этого надо было бояться? Мы бы ему и слова не сказали.

— Ты прав. Ни слова, ни насмешки.

— Тогда чего же он боялся? — спросил Купер.

— Уэс боялся, что, узнав о его новой неудаче, мы бы дали ему понять, какой безнадежной и безумной была его затея. И он знал, что когда-нибудь мы могли бы убедить его в этом, уничтожив последнюю надежду его жизни. А он хотел сохранить ее, Джонни. Он хотел сохранить ее даже тогда, когда надеяться будет не на что.

— Теперь это неважно, — сказал Купер. — Нам надо думать только о том, что он вернется за нами. А я это сердцем чувствую.

Но Хадсон знал, что был и другой вариант, который мог напрочь перечеркнуть весь смысл их существования.

О Господи, подумал он, не дай мне стать свидетелем этого!

— Уэс уже работает над этим — прямо сейчас, — уверенно говорил Купер.

14

И он действительно работал. Но не один — ему помогали тысячи других, доведенных до отчаяния людей, которые знали, что времени в обрез, и которых тревожила не только судьба двух человек, затерянных во времени, но и угроза войны, нависшая над их страной. Они работали, чтобы обрести мир, о котором мечтали, — тот самый мир, к которому человечество стремилось многие века.

Но для использования машины времени им был нужен нулевой уровень — такой же нулевой уровень, по которому артиллеристы устанавливают батареи орудий, — только тогда каждая машина времени могла бы доставлять пассажиров в один и тот же миг прошлого, только тогда их действие распространялось бы на один и тот же период с точностью до секунды.

И вновь возникла проблема управления и калибровки, из-за которой нулевой модуль был настроен на прыжки через пятьдесят тысяч лет — плюс минус десять тысяч.

Проект «Мастодонт» наконец-то заработал.

ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ

Инвентарная опись была очень длинной. Своим убогим четким почерком он исписал много страниц, перечислив мебель, картины, фарфор, столовое серебро и прочие предметы обстановки — все движимое имущество, накопленное Баррингтонами за долгий период семейной истории.

И теперь, заканчивая опись, последним пунктом он внес в нее самого себя:

«Один домашний робот Ричард Дэниел, устаревший, но в хорошем состоянии».

Отложив в сторону перо, он собрал все страницы описи в аккуратную стопку и положил на нее сверху пресс-папье — маленькое, тончайшей резьбы пресс-папье из слоновой кости, которое тетя Гортензия привезла из своего последнего путешествия в Пекин.

На этом его работа закончилась.

Отодвинув стул, он встал из-за письменного стола и неторопливо прошелся по гостиной. В этой комнате было собрано множество самых разнообразных реликвий из семейного прошлого. Здесь над каминной полкой висел меч, который когда-то, давным-давно, носил Джонатон во время войны между штатами, а под ним, на самой полке, стоял кубок, который завоевал Коммодор

на своей прославленной яхте, и банка с лунной пылью, которую привез Тони, вернувшись после пятой высадки человека на Луну, и старый хронометр с давно уже выброшенного на свалку семейного космического корабля, совершавшего в свое время рейсы на астероиды.

И на всех стенах почти вплотную друг к другу висели фамильные портреты, и мертвые взирали с них на мир, который они помогали создавать.

И Ричард Дэниел подумал, что среди тех, кто жил в последние шестьсот лет, не было ни одного, кого бы он не знал лично.

Вот справа от камина висит портрет старого Руфуса Эндрю Баррингтона — судьи, который жил лет двести назад. А по правую руку от Руфуса находится Джонсон Джозеф Баррингтон, возглавлявший Бюро Паранормальных Исследований, на которое человечество некогда возлагало огромные надежды, ныне утраченные. У двери же, которая ведет на веранду, смутно виднеется хмурое пиратское лицо Дэни Баррингтона, положившего начало семейному благосостоянию.

И многие, многие другие — администратор, искатель приключений, глава корпорации. Все добрые и честные люди.

Но все прошло к концу. Семья иссякла.

Медленным шагом Ричард Дэниел начал свой последний обход дома — гостиная, тесно заставленная мебелью, небольшой рабочий кабинет со старинными сувенирами, библиотека с рядами древних книг, столовая, в которой сверкал хрусталь и мягко светился фарфор, кухня, блестящая медью, алюминием и нержавеющей сталью, и спальни на втором этаже, каждая из которых хранила отпечаток личности своих прежних хозяев. И, наконец, спальня, где скончалась тетя Гортензия, со смертью которой перестало существовать семейство Баррингтонов.

В опустевшем жилье не ощущалось заброшенности — дом словно ждал, что вот-вот в него возвратится бывшее оживление. Но впечатление это было обманчивым. Все портреты, весь фарфор и серебро, все, что находилось в его стенах, будет продано с аукциона, чтобы покрыть долги. Комнаты будут опустошены и ободраны, вещи разбредутся по белу свету, и последним оскорблением будет продажа самого дома.

Та же судьба ждала и его самого, подумал Ричард Дэниел, ибо он тоже был движимой собственностью. Был частью всего этого имущества, последним пунктом инвентарной описи.

Однако ему они уготовили нечто похуже простой продажи. Потому что прежде, чем пустить с молотка, его должны будут переделать. Ведь никто не захочет дать за него, такого, какой он сейчас есть, приличную сумму. И кроме того, еще существовал закон — закон, который гласил, что ни один робот не имел права жить одной жизнью более ста лет. А он без единой переделки прожил в шесть раз больше.

Он посетил адвоката, и адвокат посочувствовал ему, но не подал никакой надежды.

— Если исходить из закона, — сказал он Ричарду Дэниелу своей отрывистой адвокатской скороговоркой, — в настоящий момент вы являетесь злостным правонарушителем. Просто ума не приложу, как вашим хозяевам удалось выйти сухими из воды.

— Они очень любили старинные вещи, — проговорил Ричард Дэниел. — А потом, ведь меня видели очень редко. Почти все время я проводил в доме. Я нечасто отваживался выходить на улицу.

— Но существуют же официальные документы, — возразил адвокат. — Вы непременно должны быть зарегистрированы...

— У этой семьи, — пояснил Ричард Дэниел, — когда-то было много влиятельных друзей. Вам должно быть известно, что до того, как для них наступили трудные времена, Баррингтоны были весьма выдающимися фигурами в политике и многих других областях.

Адвокат понимающе хмыкнул.

— Мне все-таки не совсем ясно, — произнес он, — почему вы так противитесь этому. Ведь вас не изменят полностью. Вы останетесь все тем же Ричардом Дэниелом.

— А разве я не утрачу все свои воспоминания?

— Разумеется. Но воспоминания не так уж важны. И вы накопите новые.

— Мне дороги мои воспоминания, — сказал ему Ричард Дэниел. — Это все, что у меня есть. Это единственная истинная ценность, которую оставили мне минувшие шестьсот лет. Вы можете себе представить,

господин адвокат, что значит прожить шесть веков с одной семьей?

— Думаю, что могу, — промолвил адвокат. — А что, если теперь, когда семьи уже больше нет, эти воспоминания заставят вас страдать?

— Они утешают меня. Утешают и поддерживают. Благодаря им я проникаюсь чувством собственной значимости. Они вселяют в меня надежду на будущее и дают убежище.

— Неужели вы ничего не понимаете? Ведь как только вас переделают, вам уже не понадобится никакого утешения, никакого чувства собственной значимости. Вы станете новеньким с иголки. У вас в основных чертах останется только сознание собственной личности — э т о г о они не могут вас лишить, даже если захотят. Вам не о чем будет сожалеть. Вас не будут преследовать чувство неискупленной вины, не будут терзать неудовлетворенные желания, беречь душу старые привязанности.

— Я должен остаться самим собой, — упрямо заявил Ричард Дэниел. — Я познал смысл жизни и то, в каких условиях моя собственная жизнь имеет какое-то значение. Я не могу смириться с необходимостью стать кем-то другим.

— Вам жилось бы гораздо лучше, — устало сказал адвокат. — Вы получили бы лучшее тело. Лучший мыслящий аппарат. Вы стали бы умнее.

Ричард Дэниел поднялся со стула. Он понял, что без толку теряет время.

— Вы не донесете на меня? — спросил он.

— Ни в коем случае, — ответил адвокат. — Что касается меня, то вас здесь нет и не было.

— Благодарю вас, — произнес Ричард Дэниел. — Сколько я вам должен?

— Ни гроша, — ответил ему адвокат. — Я не беру гонорар с клиентов, которым перевалило за пятьсот.

Последнее, конечно, было сказано в шутку, но Ричард Дэниел не улыбнулся. Ему было не до улыбок. У двери он обернулся.

«Для чего, — хотел было он спросить, — для чего нужен такой нелепый закон?»

Но ему незачем было спрашивать — не так уж трудно было догадаться.

Он знал, что всему причиной было человеческое тщеславие. Человек мог прожить немногим больше ста лет, и поэтому такой же срок жизни был установлен для роботов. Но, с другой стороны, робот был слишком дорог, чтобы после ста лет службы его просто-напросто списать в утиль, и был издан закон, по которому нить жизни каждого робота периодически прерывалась. И таким образом человек был избавлен от унижительного сознания, что его верный слуга может пережить его на несколько тысяч лет.

Это было нелогично, но люди всегда были нелогичны.

Нелогичны, но добры. Добры во многом и по-разному.

Иногда они были добры, как Баррингтоны, подумал Ричард Дэниел. Шестьсот лет неиссякаемой доброты. Это была достойная тема для размышлений. Они даже дали ему двойное имя. В нынешние времена мало кто из роботов имел двойное имя. Это было знаком особой любви и уважения.

После неудачного визита к адвокату Ричард Дэниел стал искать другой источник помощи. Теперь, стоя в спальне, где умерла Гортензия Баррингтон, и вспоминая об этом, он пожалел, что так поступил. Потому что он поставил священника в невыносимо трудное положение. Адвокату ничего не стоило сказать ему, на что он может рассчитывать. В распоряжении адвокатов были законы, которые почти избавляли их от мучительной необходимости принимать собственные решения.

Но лицу духовного звания свойственна доброта, если оно, конечно, по праву занимает свое место. И тот, к кому он обратился, был добр не только профессионально, но и по натуре, и от этого было еще хуже.

— При определенных условиях, — с какой-то неловкостью сказал ему священник, — я посоветовал бы терпение, смирение и молитвы. Это великое тройное подспорье для каждого, кто пожелает этим воспользоваться. Но я не уверен, что вам нужно именно это.

— Вы сомневаетесь, — сказал Ричард Дэниел, — потому что я робот.

— Видите ли... — промямлил священник, сраженный столь прямым заявлением.

— Потому что у меня нет души?

— Право же, — жалобно сказал священник, — вы ставите меня в неудобное положение. Вы задаете мне

вопрос, над решением которого на протяжении столетий бились лучшие умы церкви.

— Но этот вопрос, — заявил Ричард Дэниел, — должен решить для себя каждый человек.

— Если бы я только мог! — в смятении воскликнул священник. — Как бы я хотел решить его!

— Если это поможет вам, — произнес Ричард Дэниел, — могу признаться — иногда я подозреваю, что у меня есть душа.

Он тут же ясно увидел, что его последние слова вконец расстроили этого доброго человека. С его стороны было жестоко произносить их, упрекнул себя Ричард Дэниел. Они не могли не смутить священника, ведь в его устах это высказывание уже не было простым умозаключением, а свидетельством специалиста.

И, покинув кабинет священника, он вернулся домой, чтобы продолжить опись имущества.

Теперь с описью было покончено и бумаги стопкой сложены там, где Дэнкурт, агент по продаже движимого и недвижимого имущества, сможет найти их, когда явится сюда завтра утром, и для Ричарда Дэниела, выполнившего свой последний долг перед семейством Баррингтонов, наступила пора заняться самим собой.

Он вышел из спальни, закрыл за собой дверь, не спеша спустился по лестнице и направился по коридору в маленькую каморку за кухней, которая была отдана в его полное распоряжение.

И это, в приливе гордости напомнил он себе, гармонично сочеталось с его двойным именем и его шестьюстами годами. Не так уж много роботов имели комнаты, пусть даже маленькие, которые они могли бы назвать своими.

Он вошел в каморку, зажег свет и закрыл за собой дверь.

И впервые взглянул в лицо трудностям задуманного им шага.

Плащ, шляпа и брюки висели на крючке, а под ними на полу были аккуратно поставлены галоши. Сумка с инструментами лежала в углу каморки, деньги были спрятаны под одной из досок пола, где он много лет назад устроил тайник.

Дальше тянуть бессмысленно, сказал он себе. На счету была каждая минута. Путь предстоял долгий, а ему необходимо быть на месте до рассвета.

Он опустился на колени, приподнял едва державшуюся на паре гвоздей доску, засунул под нее руку и вытащил несколько пачек банкнотов, деньги, которые он много лет хранил на черный день.

Там было три пачки банкнотов, аккуратно перетянутых эластичными лентами, — накопленные за долгие годы чаевые, денежные подарки к Рождеству и дню рождения, вознаграждения за кое-какие работы, с которыми он особенно хорошо справился. Он открыл на своей груди дверцу и положил в специальное отделение все деньги, за исключением нескольких бумажек, которые он засунул в набедренный карман.

Сняв с крючка брюки, он принялся надевать их. Нелегкое это было дело, ведь до сих пор он никогда не носил никакой одежды, если не считать того, что несколько дней назад он примерял эти самые брюки. Ему повезло, подумал он, что давно умерший дядя Майкл был дородным мужчиной, иначе брюки ни за что бы ему не подошли.

Надев брюки, он застегнул «молнию» и затянул их на талии поясом, потом втиснул ноги в галоши. Эти галоши внушали ему некоторое беспокойство. Ведь летом ни один человек не выходит на улицу в галошах. Но он ничего не мог придумать получше. Ни одна пара найденной им в доме обычной обуви даже приблизительно не подходила ему по размеру.

Он надеялся, что никто этого не заметит, у него ведь не было другого выхода. Так или иначе он должен был закрыть свои ступни, потому что, обрати на них кто-нибудь внимание, они сразу же выдадут его с головой.

Он надел плащ, и плащ оказался для него слишком короток, он надел шляпу, и она оказалась тесноватой, но он все-таки натянул ее поглубже, и она плотно села на его металлический череп, и он сказал себе, что это только к лучшему: теперь ее не сорвет даже самый сильный ветер.

Он захватил полную сумку своих запасных частей и инструментов, которыми он почти никогда не пользовался. Быть может, глупо было брать их с собой, но все это как бы составляло с ним единое целое и по праву должно было последовать за ним. У него было так мало собственных вещей — только деньги, которые он скопил по доллару, да эта его сумка.

Зажав под мышкой сумку, он прикрыл дверь каморки и направился по коридору к выходу.

У массивной парадной двери он в нерешительности остановился и, обернувшись, бросил взгляд в глубь дома, но увидел лишь темную пустую пещеру, из которой исчезло все, что некогда наполняло ее жизнью. Здесь не осталось ничего, что могло бы удержать его, ничего, кроме воспоминаний, а воспоминания он уносил с собой.

Он вышел на крыльцо и закрыл за собой дверь.

И теперь, подумал он, как только за ним закрылась дверь дома, вся ответственность за его будущие поступки легла на его собственные плечи. На нем было надето платье. Он ночью вышел на улицу без разрешения хозяина. И все это было нарушением закона.

Его мог остановить любой полицейский, даже просто первый встречный. У него не было абсолютно никаких прав. И сейчас, когда не осталось никого из Баррингтонов, за него некому было замолвить слово.

Он спокойно прошептал по дорожке, открыл ворота и медленно пошел по улице, и ему почудилось, будто дом зовет его и просит вернуться. Его потянуло назад, его сознание твердило, что он должен вернуться, но ноги его упрямо продолжали шагать вперед.

Он одинок, подумал он, и теперь одиночество из мысленной абстракции, которая много дней владела его сознанием, превратилось в действительность. Вот он идет по улице — громоздкое неприкаянное создание, которому в эту минуту не для чего жить, нечего начинать и нечего кончать, некое безликое, беззащитное существо, затерянное в бесконечности пространства и времени.

Но он все шел и шел, и с каждым остававшимся позади кварталом он медленно, точно ощупью, возвращался к своему «я», вновь становился старым роботом в старой одежде, роботом, бегущим из дома, который уже более не был домом.

Он поглубже запахнул на себе плащ и устремился дальше по улице, и сейчас он шел быстро, потому что уже пора было поспешить.

Ему встретилось несколько человек, но они не обратили на него внимания. Мимо проезжали машины, но его никто не побеспокоил.

Он вышел к ярко освещенному торговому центру и остановился, с ужасом вглядываясь в это залитое светом открытое пространство. Он мог обойти его стороной, но на это ушло бы много времени, и он стоял в нерешительности, собираясь с духом, чтобы выйти из мрака.

Наконец он решил и, еще плотнее запахнув плащ и низко надвинув на лоб шляпу, быстрым шагом двинулся вперед.

Кое-кто из покупателей обернулся и посмотрел в его сторону, и он почувствовал, как по спине его забегали мурашки. Внезапно галоши показались ему в три раза больше, чем они были на самом деле, и — что его особенно стесняло — при ходьбе они громко и неприятно чавкали.

Он спешил, до конца торговой части улицы оставалось не более квартала.

Раздался пронзительный полицейский свисток, и Ричард Дэниел, подскочив от неожиданности, в панике бросился бежать. Он бежал без оглядки, подгоняемый унижительным, бессмысленным страхом, в развевающемся за спиной плаще, звучно шлепая галошами по тротуару.

Вывавшись из освещенной полосы, он нырнул в благодатную тьму жилого квартала и побежал дальше.

Где-то вдалеке завывала сирена, и он, перемахнув через забор, помчался по чьему-то двору. Он прогрохотал по дорожке, по садику, находившемуся позади дома. Откуда-то с визгливым лаем выскочила собака и включилась в общий гвалт погони.

Ричард Дэниел с размаху ударился об изгородь и, пробив ее, прошел насквозь под трескучий аккомпанемент ломающихся прутьев и перекладин. Собака не отставала, и к ней теперь присоединились другие.

Он пересек еще один двор, выбежал из ворот и тяжело затопал по улице. Завернул в другие ворота, пробежал новый двор, опрокинул таз с водой и, наткнувшись на бельевую веревку, разорвал ее в своем безудержном беге.

За его спиной в окнах домов начали вспыхивать огни и захлопали входные двери, выпуская на улицу людей, которым не терпелось узнать, из-за чего весь этот шум и гам.

Он пробежал еще несколько кварталов, ворвался в еще один двор и, забившись в куст сирени, замер и прислушался. Издалека еще доносились редкий собачий лай и крики, но сирены уже не было слышно.

Он преисполнился благодарностью за то, что больше не слышит сирены, благодарностью и стыдом. Ибо он знал, что причиной его панического бегства был он сам; он бежал от призраков, бежал от вины.

Но он поднял на ноги всю округу и был уверен, что и сейчас еще раздаются тревожные телефонные звонки и очень скоро это место наводнят полицейские.

Он потревожил осиное гнездо, и ему необходимо было убраться отсюда подальше. Поэтому он потихоньку вылез из куста сирени и быстро пошел по улице по направлению к окраине.

Наконец он выбрался из города, отыскал шоссе и заковылял по его терявшейся вдали пустынной полосе. Когда появлялись легковая машина или грузовик, он сходил с дороги и степенно шествовал по обочине. Когда же машина или грузовик благополучно проезжали мимо, он снова переходил на свою неуклюжую рысь.

За много миль он увидел огни космопорта. Добравшись наконец туда, он оставил шоссе, подошел к ограде и, стоя в темноте, стал смотреть, что делается по ту сторону.

Группа роботов занималась погрузкой большого звездолета, и там были еще и другие космические корабли, темными массами вздымавшиеся из своих шахт.

Он внимательно разглядывал роботов, тащивших тюки со склада через ярко освещенную прожекторами площадку. Это была именно та ситуация, на которую он рассчитывал, хоть он и не надеялся, что она так быстро подвернется, — он боялся, что ему придется день-два скрываться, пока не представится такой удобный случай. И хорошо, что он сразу же наткнулся на такие благоприятные обстоятельства: ведь сейчас уже вовсе идет охота на беглого робота в человеческом платье.

Он сбросил плащ, снял брюки и галоши, отшвырнул в сторону шляпу. Из сумки с инструментами он вынул резак, отвинтил кисть руки и вставил резак на ее место. Прорезал в ограде дыру, протиснулся через нее, обратно приделал кисть и положил резак в сумку.

Осторожно ступая в темноте, он подошел к складу, все время держась в его тени.

Все очень просто, сказал он себе. Нужно только выйти на свет, схватить какой-нибудь тюк или ящик, втащить его вверх по трапу и спуститься в трюм. Как только он окажется внутри корабля, ему нетрудно будет отыскать укромное местечко, где он сможет скрываться до посадки на первую планету.

Он пододвинулся к углу склада, потихоньку выглянул и увидел трудившихся роботов, непрерывной цепью поднимавшихся с тюками груза по трапу и спускавшихся вниз за новой поклажей.

Но их было слишком много, и шли они почти в затылок друг другу. А площадка была слишком ярко освещена. Он никогда не сумеет влиться в этот поток.

И все равно это ничего бы ему не дало, в отчаянии подумал он, ведь между ним и этими гладкими, лоснящимися существами была огромная разница. Он напоминал человека в костюме другой эпохи; со своим шестисотлетним телом он выглядел бы цирковым уродцем рядом с ними.

Он шагнул назад в тень склада, уже зная, что проиграл. Все его самые дерзкие, тщательно разработанные планы, которые он продумал до мельчайших подробностей, пока трудился над инвентаризацией, лопнули, как мыльный пузырь.

И все потому, подумал он, что он почти никогда не выходил из дома, был лишен настоящего контакта с внешним миром, не следил за изменениями, которые вносились в тела роботов, отстал от моды. В своем воображении он рисовал себе, как это произойдет, и вроде бы все учел, а когда пришла пора действовать, все обернулось иначе.

Теперь ему нужно подобрать выброшенную им одежду и поскорее найти какое-нибудь убежище, где он может собраться с мыслями и придумать что-нибудь еще.

За складом раздался неприятный резкий скрежет металла, и он снова выглянул за угол.

Цепь роботов распалась, они стекались к зданию склада, а оставшиеся откатывали трап от грузового люка.

К кораблю, направляясь к лесенке, шли три человека в униформе, и у одного из них в руке была пачка бумаг.

Погрузка была закончена, корабль должен был с минуты на минуту подняться, а он был здесь, в какой-

нибудь тысяче футов, и единственное, что ему оставалось, — это стоять и смотреть, как он улетит.

И все-таки непременно должен быть какой-то способ пробраться внутрь, сказал он себе. Если бы он только сумел это сделать, все его невзгоды остались бы позади — по крайней мере, самая большая из грозивших ему неприятностей.

Мысль, внезапно вспыхнувшая в его мозгу, ошеломила его, словно пощечина. Был выход из этого положения! Он тут бездельничает, распуская нюни, а между тем все это время у него под носом была возможность осуществить свой план!

В н у т р и к о р а б л я, думал он раньше. А ведь в этом не было никакой необходимости. Ему вовсе не обязательно находиться в н у т р и корабля!

Он бросился бежать назад, в темноту, чтобы, сделав круг, приблизиться к звездолету с другой стороны, не освещенной прожекторами склада. Он надеялся успеть вовремя.

Он с грохотом промчался по космопорту и, подбежав к кораблю, увидел, что, судя по всему, тот еще пока не собирался взлетать.

Как безумный, он начал рыться в своей сумке и наконец нашел то, что искал, — ему раньше и в голову не приходило, что из всего ее содержимого ему когда-нибудь понадобится именно это. Он вытащил круглые присоски и укрепил их на своем теле: по одной на каждом колене, по одной на каждом локте, по одной на каждой подошве и кисти рук.

Он привязал сумку к поясу и полез вверх по огромному стабилизатору, неловко подтягиваясь с помощью присосок. Это было довольно трудно. Ему никогда не приходилось пользоваться присосками, а для этого требовалась определенная сноровка: чтобы с их помощью взобраться повыше, нужно было с силой прижимать одну из них к поверхности стабилизатора и только после этого отцеплять другую.

Но он должен был все это проделать. Другого выхода у него не было.

Он взобрался на стабилизатор, и теперь над ним возвышалось огромное стальное тело звездолета, подобное устремившейся к небу металлической стене, гладкая поверхность которой была рассечена узкой полосой якорных мачт. Перед его глазами мерцала в вышине

громада металла, отражавшая слабый, изменчивый свет звезд.

Фут за футом поднимался он по металлической стене. Горбатясь и извиваясь, как гусеница, он полз наверх, испытывая благодарность за каждый завоеванный фут.

Вдруг он услышал приглушенный, постепенно нарастающий грохот, и вместе с грохотом пришел ужас. Он знал, что присоски недолго смогут противостоять вибрации пробуждающихся реактивных двигателей и не выдержат ни секунды, когда корабль начнет подниматься.

Шестью футами выше находилась его единственная надежда — последняя, самая верхняя якорная мачта.

Потеряв голову, он судорожно стал карабкаться по содрогавшемуся цилиндрическому корпусу корабля, отчаянно цепляясь за его стальную поверхность, точно муха.

Гром двигателей нарастал, вытесняя весь остальной мир, а он все лез вверх в каком-то тумане едва теплившейся, почти мистической надежды. Если он не доберется до этой якорной мачты, то может считать себя погибшим. Упав он в шахту, заполненную раскаленными газами, с ним будет покончено.

Одна из присосок отскочила, и он чуть было не полетел вниз, но другие не подвели, и он удержался.

Забыв об осторожности, он отчаянным броском взметнулся вверх по металлической стене, поймал кончиками пальцев перекладину и, собрав все свои силы, ухитрился уцепиться за нее.

Сейчас грохот уже перешел в яростный пронзительный визг, раздиравший тело и мозг. Немного погодя визг оборвался, уступив место мощному гортанному рычанию, и корабль перестал вибрировать. Уголкем глаза он увидел, как покачнулись и поплыли огни космопорта.

Медленно и очень осторожно он стал подтягиваться вдоль стального блока корабля, пока ему не удалось крепче ухватиться за перекладину, но даже это не избавило его от ощущения, будто чья-то гигантская рука, зажав его в кулаке, яросто размахивает им, описывая стомильную дугу.

Потом рев двигателей смолк, наступила мертвая тишина, и со всех сторон его обступили стальные немига-

ющие звезды. Он знал, что где-то внизу под ним показывалась Земля, но видеть ее он не мог.

Подтянув свое тело к перекладине, он забросил за нее ногу и, выпрямившись, уселся на корпус корабля.

Никогда ему не приходилось видеть столько звезд, ему и не снилось, что их может быть такое множество. Они были неподвижные и холодные, словно застывшие светящиеся точки на бархатном занавесе; они не мигали, не мерцали, и казалось, будто на него уставились миллионы глаз. Солнце находилось внизу, немного в стороне от корабля, и слева, по самому краю цилиндра блестел под его лучами безмолвный металл, очерчивая серебристой каймой отраженного света один бок корабля. Земля была далеко за кормой — висевший в пустоте призрачный зеленовато-голубой шар в клубящемся ореоле атмосферы.

Предоставленный самому себе, Ричард Дэниел сидел на металлическом корпусе набиравшего скорость звездолета, и все его существо преисполнилось ощущением таинственности, неизъяснимого наслаждения, ощущением одиночества и заброшенности, и его сознание, защищаясь от этого, сжалось в маленький, полный сматения плотный шарик.

Он смотрел. Больше ему нечем было занять себя. Теперь уже все в порядке, подумал он. Но как долго придется ему смотреть на это? Сколько времени должен он провести здесь, в открытом пространстве, — самом смертоносном из всех пространств?

Только сейчас до него дошло, что он не имел ни малейшего представления о том, куда направляется корабль и сколько времени продлится полет. Он знал, что это был звездолет, а это означало, что корабль держит путь за пределы Солнечной системы, это означало, что в какой-то момент полета он войдет в гиперпространство. Вначале с чисто академическим интересом, а потом уже с некоторым страхом он принялся размышлять над тем, как может повлиять гиперпространство на ничем не защищенный объект. Впрочем, сейчас еще рано об этом беспокоиться, философски рассудил он, придет время, когда это выяснится само собой, — ведь все равно он не в силах что-либо предпринять.

Он снял со своего тела присоски, положил их в сумку, потом одной рукой привязал сумку к металличе-

ской перекладине и, порывшись в ней, достал короткий кусок стального троса с кольцом на одном его конце и карабином на другом. Он перебросил конец с кольцом через перекладину, протянул другой конец с карабином сквозь кольцо и, обвив себя тросом, защелкнул карабин под мышкой. Теперь он был в безопасности; он уже мог не бояться, что, сделав неосторожное движение, оторвется от корабля и уплывет в пространство.

Вот он и устроился не хуже других, подумал Ричард Дэниел: мчится с огромной скоростью, и что с того, что даже не знает куда, — нужно только запастись терпением. Он вдруг почему-то вспомнил, что сказал ему на Земле священник. «Терпение, смирение и молитвы», — сказал тот, видимо, упустив из виду, что терпение робота неиссякаемо.

Ричард Дэниел знал, что пройдет много времени, пока он прибудет на место. Но времени у него было предостаточно, намного больше, чем у любого человеческого существа, и он вполне мог истратить некоторую его часть впустую. Он прикинул, что у него не было никаких потребностей — он не нуждался ни в пище, ни в воздухе, ни в воде, он не нуждался в сне и в отдыхе. Ему ничто не могло повредить.

Однако если вдуматься, не исключено, что все-таки возникнут кое-какие неприятности.

Во-первых, холод. Поверхность звездолета была пока еще очень теплой благодаря нагретому солнцем боку, откуда тепло по металлической обшивке распространялось на теневую часть корпуса, но наступит момент, когда солнце настолько уменьшится в размере, что перестанет греть, и он будет обречен на лютый космический холод.

А как подействует на него холод? Не станет ли его тело хрупким? Не повлияет ли он на функции его мозга? А может, он сотворит с ним что-то такое, о чем он даже и не догадывается?

Он почувствовал, что к нему вновь подползает страх, попытался оттолкнуть его, и страх подобрал свои щупальца, но не ушел совсем, затаившись на самой границе сознания.

Холод и одиночество, подумал он. Но ведь он в силах совладать с одиночеством. А если он не сумеет с ним справиться, если одиночество окажется невыносимым, если ему станет невтерпеж, он забарабанит по корпусу

корабля, и тогда наверняка кто-нибудь выйдет посмотреть, в чем дело, и вытащит его внутрь.

Но на это его может толкнуть только безысходное отчаяние, сказал он себе. Ведь если они выйдут из корабля и обнаружат его, он пропал. Стоит ему прибегнуть к этой крайней мере, и он лишится всего — его побег с Земли потеряет всякий смысл.

Поэтому он расположился поудобнее и стал терпеливо ждать, пока истечет положенное время, не давая притаившемуся страху переползти через порог сознания и во все глаза разглядывая раскинувшуюся перед ним Вселенную.

Вновь заработали моторы, на корме бледно-голубым светом замерцали реактивные двигатели, и, даже не ощущая ускорения, он понял, что корабль начал свой долгий трудный разгон к скорости света.

Достигнув этой скорости, они войдут в гиперпространство. Он заставлял себя не думать об этом, пытался внушить себе, что ему нечего бояться, но он не желал исчезать, этот величественный призрак неведомого.

Солнце становилось все меньше, пока не превратилось в одну из звезд, и пришло время, когда он уже не мог отыскать его среди других светил. И холод вступил в свои права, но, похоже, это ему ничем не грозило, хоть он и чувствовал, что похолодало.

Быть может, то же самое будет и с гиперпространством, сказал он себе, как бы отвечая мучившим его страхам. Но это прозвучало неубедительно. Корабль все мчался и мчался вперед, и роковой синевой отливала поверхность его двигателей.

И в какой-то момент его мозг вдруг выплеснулся во Вселенную.

Он сознавал, что существует корабль, но лишь постольку, поскольку это было связано с осознанием многого другого; не было якорной мачты, и он более не владел своим телом. Он разметался по Вселенной; был вскрыт и раскатан в тончайшую пленку. Он одновременно был в дюжине, а может, и в сотне мест, и это очень смущало его, и первым побуждением его было как-то противостоять тому неведомому, что может с ним произойти, — одолеть это и собрать себя. Но

сопротивление ничего ему не дало, стало даже еще хуже, потому что порой ему казалось, что, сопротивляясь, он лишь сильнее растягивает в стороны свое существо, увеличивая расстояние между его частями, и от этого он испытывал все большую неловкость.

И он отказался от борьбы и теперь лежал неподвижно, рассыпавшийся на множество осколков; страх постепенно оставлял его, и он сказал себе, что теперь ему все безразлично, тут же усомнившись, так ли это на самом деле.

Постепенно, по капле, к нему возвращался разум, и, вновь обретя способность мыслить, он довольно безучастно подумал о том, что, возможно, это и есть гиперпространство, впрочем, уже уверенный, что не ошибся. И он знал, что, если это правда, ему очень долго придется существовать в таком состоянии; пройдет много времени, пока он привыкнет к нему и научится ориентироваться, пока сможет найти себя и собрать воедино, пока поймет до конца, что с ним происходит, если это вообще доступно пониманию.

Поэтому он лежал там без особых переживаний, без страха и удивления, словно бы отдыхая и поглощая информацию, которая отовсюду беспрепятственно вливалась в его существо.

Каким-то необъяснимым образом он сознавал, что тело его — та оболочка, в которой ютилась небольшая часть его нынешнего существа, — по-прежнему было прочно привязано к кораблю, и он знал, что понимание этого уже само по себе было первым маленьким шагом к определению своего состояния. Он знал, что ему необходимо было как-то сориентироваться. Он непременно должен был если не понять, то хотя бы по возможности освоиться с создавшимся положением.

Он раскрылся, и существо его раздробилось, рассыпалось — та важнейшая его часть, которая чувствовала, знала и мыслила; тончайшей субстанцией раскинулся он по Вселенной, грозной и необъятной.

Ему захотелось узнать, такова ли она всегда, эта Вселенная, или сейчас перед ним была иная, освобожденная Вселенная, мятежная Вселенная, сбросившая оковы размеренного порядка, пространства и времени.

Так же медленно и осторожно, как он недавно полз по поверхности корабля, он начал постепенно подбираться к разлетавшимся по Вселенной осколкам своего

существа. Он действовал интуитивно, повинаясь каким-то неосознанным импульсам, но казалось, что все идет так, как нужно, ибо мало-помалу он вновь обретал власть над собой, и ему наконец удалось собрать в несколько островков рассыпавшиеся части своего «я».

На этом он остановился и теперь лежал там, неведомо где, пытаясь украдкой завладеть этими островками разума, из которых, как он полагал, состояло его существо.

У него это получилось не сразу, но потом он припробовался, и неведомое начало отступать, хотя его по-прежнему не покидало сознание невероятности происходящего. Он попробовал осмыслить это, и оказалось, что это не так-то легко. Он лишь сумел представить себе, что вместе со всей Вселенной на волю вырвался и он сам, что пали цепи рабства, которыми опутывал его другой, нормальный и упорядоченный мир, и он более не был подвластен законам пространства и времени.

Он мог видеть, и познавать, и чувствовать независимо от расстояний, если можно было употребить здесь это слово, и он понимал самую суть некоторых явлений, о которых никогда раньше даже не думал, понимал инстинктивно, не находя для этого словесного выражения, не умея объединить эти явления и почерпнуть из них какую-нибудь определенную информацию.

Снова перед ним, уходя в бесконечность, раскинулась Вселенная, и это была иная, в каком-то смысле более совершенная Вселенная, и он знал, что со временем — если сейчас существовало такое понятие, как время, — он лучше освоится с ней и приоткроет завесу неведомого.

Он исследовал, изучал, ощущал, а вместо того, что именовалось временем, было необъятное *всегда*.

Он с жалостью думал о тех, кто был заперт внутри корабля, кому не дано было постичь истинное величие звезд, о тех, кто был лишен возможности проникнуть в безграничные дали и чье видение мира никогда не выйдет за пределы плоской галактической равнины.

И вместе с тем он даже не знал, что именно он видел и познавал; он только ощущал, впитывал и становился частью этого нечто, а оно становилось частью его самого — его сознание, казалось, было бессильно придать этому четкую форму определенного явления, измерить, уяснить сущность. Могушественным и подавляющим

было это нечто, настолько, что оно по-прежнему оставалось для него расплывчатым и туманным. Он не испытывал ни страха, ни удивления, ибо там, где он находился, видимо, не существовало ни того, ни другого. И в конце концов он понял, что это был как бы потусторонний мир, не подчинявшийся нормальным законам пространства и времени, мир, в котором не было места обычным эмоциям, и в распоряжении существа, привыкшего к иным канонам пространства и времени, не было никаких инструментов, никакого измерительного прибора, с помощью которых оно смогло бы свести все это к категориям, доступным познанию.

Не было ни времени, ни пространства, ни страха, ни удивления — так же, как и настоящего прозрения.

А потом вновь вдруг возникло время, и разум его был втиснут обратно в металлическую клетку черепа, и он слился со своим телом, опять стал скованным, жалким, нагим и замерзшим.

Он увидел иные созвездия и понял, что его занесло далеко от родных мест, а впереди на черном фоне неба, точно расплавленный в горне металл, пылала звезда.

Растерянный, он сидел там, снова превратившись в ничтожную песчинку, а Вселенная уменьшилась до размеров небольшого свертка.

Он деловито проверил состояние троса, который соединял его с кораблем, и трос оказался в полном порядке. Его сумка с инструментами, как и раньше, была привязана к перекладине. Ничто не изменилось.

Он попытался восстановить в памяти все великолепие виденного, попытался вновь подобраться к границе познания, еще недавно столь близкой, но это великолепие и то, что он познал — если он на самом деле тогда что-нибудь познал, — все ушло в небытие.

Он бы заплакал, но плакать он не мог, а преклонный возраст не позволял ему броситься в припадке отчаяния на поверхность корабля и заколотить пятками.

Поэтому он продолжал сидеть на своем месте, глядя на солнце, к которому они приближались, и, наконец, появилась планета, и он понял, что она и была конечной целью их путешествия; ему даже захотелось узнать, что это за планета и на каком она находится расстоянии от Земли.

Тело его немного нагрелось, когда корабль, чтобы быстрее погасить скорость, несколько раз пронесся

сквозь атмосферу, и он пережил несколько довольно неприятных минут, когда корабль ввинтился в густой непроницаемый туман, который, несомненно, не имел ничего общего с атмосферой Земли.

Он изо всех сил вцепился в перекладину и висел так, пока в вихре раскаленного газа, вырывавшегося из сопел реактивных двигателей, корабль мягко опускался на поле космопорта. Корабль приземлился благополучно. Ричард Дэниел быстро слез с корабля и успел нырнуть в туман, прежде чем его кто-либо заметил.

Очутившись в безопасности, он обернулся и взглянул на корабль, и, несмотря на то, что корпус скрывали облака клубившихся газов, он его отчетливо видел, но не как сооружение, а как схему. Он в недоумении уставился на нее: что-то неладное было в этой схеме, что-то было не так, где-то в ней была ошибка, неправильность.

Он услышал лязг приближавшихся грузовых тележек; схема схемой, а задерживаться больше не следовало.

Он медленно вошел в гущу тумана и начал кружить по полю, все дальше уходя от корабля. Наконец он выбрался к границе космопорта, за которой начинался город.

Он неторопливо побрел и внезапно обнаружил, что город был не город в привычном понимании этого слова.

Ему повстречалось несколько спешивших куда-то роботов, которые промчались мимо слишком быстро, чтобы по их виду можно было что-нибудь понять. Но он не встретил ни одного человека.

И вдруг он сообразил, что в этом-то и заключалась странность города. Это был не человеческий город.

Здесь не было зданий, предназначавшихся для людей, — не было ни магазинов, ни жилых домов, ни церквей, ни ресторанов. Были лишь длинные, уродливые бараки, сарай для хранения оборудования и машин, огромные, занимавшие обширные площади склады и гигантские заводы. И больше ничего. По сравнению с улицами, которые ему случалось видеть на Земле, это место было унылым и голым.

Он понял, что это был город роботов. И планета роботов. Мир, который был закрыт для людей, место, непригодное для их существования, но в то же время настолько богатое какими-то природными ископаемы-

ми, что само напрашивалось на разработку. И проблема разработки была решена очень просто — ее поручили роботам.

Какая удача, сказал он себе. Ему повезло и в этом. Он попал туда, где в его жизнь не будут вмешиваться люди. Здесь, на этой планете, он будет предоставлен самому себе.

Но к этому ли он стремился? — спросил он себя, потому что раньше ему некогда было поразмыслить на эту тему. Он был слишком поглощен своим бегством с Земли, чтобы как следует вдуматься в это. Он отлично сознавал, от чего он бежит, но не отдавал себе отчета, к чему его бегство может привести.

Он прошел еще немного, и город кончился. Улица превратилась в тропинку, которая терялась в колыхавшемся под ветром тумане.

Он вернулся назад.

Он помнил, что на одном из барачков висела вывеска: «ДЛЯ ПРИЕЗЖИХ», и решил зайти туда.

Внутри барака за письменным столом сидел старинный робот. У него было старомодное и чем-то очень знакомое тело. И Ричард Дэниел понял, что знакомым оно казалось потому, что было таким же старым, облезлым и несовременным, как и его собственное.

Несколько опешив, он присмотрелся повнимательнее и увидел, что, несмотря на большое сходство, тело робота в мелочах отличалось от его тела. Видимо, более новая модель, выпущенная лет эдак на двадцать позже.

— Добрый вечер, незнакомец, — произнес древний робот. — Ты прибыл к нам на этом корабле?

Ричард Дэниел кивнул.

— Поживешь у нас до прилета следующего?

— Может быть, я поселюсь у вас, — ответил Ричард Дэниел. — Если я надумаю здесь остаться.

Древний робот снял с крючка ключ и положил его на стол.

— Ты чей-нибудь представитель?

— Нет, — ответил Ричард Дэниел.

— А я было подумал, что ты кого-нибудь представляешь. Люди не могут находиться здесь или же просто не хотят, поэтому они присылают вместо себя роботов.

— У вас здесь много приезжих?

— Хватает. Большею частью эти самые представители. Но есть и беглые, которые ищут у нас убежища. Могу поручиться, мистер, что ты из них.

Ричард Дэниел промолчал.

— Не беспокойся, для нас это не имеет значения, — заверил его древний робот. — Только води себя прилично. Некоторые из наших наиболее уважаемых граждан прибыли сюда, спасаясь бегством.

— Очень мило, — сказал Ричард Дэниел. — А как насчет тебя? Должно быть, ты тоже из беглых?

— Ты судишь по моему телу? Ну, тут дело обстоит несколько иначе. Это наказание.

— Наказание?

— Видишь ли, я был старшим грузчиком при складе и порядком бездельничал. Поэтому они уволили меня, устроили суд и признали виновным. Потом они заткнули меня в это старое тело, и мне придется торчать в нем на этой вонючей работе, пока не найдется другой преступник, которого следует наказать. Они могут наказывать только по одному преступнику за раз, потому что у них есть только одно-единственное устаревшее тело. С этим телом получилась забавная история. Один из наших ребят по делам службы отправился в командировку на Землю, нашел там на свалке эту кучу металлолома и, возвращаясь домой, прихватил ее с собой — видно, для смеха. Знаешь, вроде того, как иногда люди для смеха приобретают скелет.

Он пристально, с хитрецей, посмотрел на Ричарда Дэниела.

— Сдается мне, незнакомец, что твое тело...

Но Ричард Дэниел не дал ему кончить.

— Судя по всему, — сказал он, — у вас не так-то много преступников.

— Что правда, то правда, — с грустью признал древний робот, — в основном коллектив у нас крепкий.

Ричард Дэниел потянулся за ключом, но древний робот прикрыл ключ рукой.

— Раз ты беглый, — заявил он, — придется тебе уплатить вперед.

— Я заплачу за неделю, — сказал Ричард Дэниел, давая ему деньги.

Робот отсчитал сдачу.

— Я забыл предупредить тебя. Тебе нужно будет пройти пластикацию.

— Пластикацию?

— Да. Тебя должны покрыть слоем пластика. Он защищает от воздействия атмосферы. Она черт те что творит с металлом. Это тебе сделают в соседнем доме.

— Спасибо. Я немедленно этим займусь.

— Пластик быстро снашивается, — добавил древний робот. — Тебе придется обновлять его почти каждую неделю.

Ричард Дэниел взял ключ и, пройдя по коридору, нашел свой номер. Он отпер дверь и вошел. Комнатка оказалась маленькой, но опрятной. Вся ее обстановка состояла из письменного стола и стула.

Он бросил в угол свою сумку, сел на стул и попытался почувствовать себя дома. Но у него ничего не получилось, и это было очень странно — разве он только что не снял для себя дом?

Он сидел, погрузившись в воспоминания и пытаясь пробудить в себе чувство радости и торжества, — ведь ему так ловко удалось замести свои следы. Но тщетно.

Возможно, ему не подходит это место, подумал он, и он был бы более счастлив на какой-нибудь другой планете. Не вернуться ли на корабль и не посмотреть ли, что делается на следующей планете?

Он еще успеет, если поспешит. Нужно поторопиться, потому что корабль, покончив с выгрузкой товаров, предназначавшихся для этой планеты, и погрузив новые, тут же улетит.

Он поднялся со стула, не приняв еще окончательного решения.

И вдруг он вспомнил, как, стоя в водовороте тумана, он смотрел на корабль и тот предстал перед ним в виде схемы, и, когда он подумал об этом, в мозгу его что-то щелкнуло, и он ринулся к двери.

Теперь ему стало ясно, какая ошибка была в схеме корабля — был неисправен клапан инжектора; он должен был успеть туда до того, как корабль поднимется.

Он выбежал из двери и пронесся по коридору. Вихрем промчался через вестибюль и выскочил на улицу, по дороге мельком взглянув на испуганное лицо древнего робота. Тяжело топая по направлению к космопорту, он пытался вспомнить схему, но не мог представить ее целиком — в памяти всплывали лишь отдельные фрагменты, восстановить ее полностью не удалось.

И в тот момент, когда все его мысли были заняты восстановлением схемы, он услышал гром заработавших двигателей.

— Подождите! — закричал он. — Подождите меня! Вы не можете...

Яркая вспышка света в мгновение преобразила мир, ставший вдруг ослепительно белым, из ниоткуда со свистом налетела могучая невидимая волна, закружила и отшвырнула его назад с такой силой, что он упал. Он покатился по булыжной мостовой, и от ударов металла о камень во все стороны полетели искры. Белизна стала такой невыносимо яркой, что он чуть не ослеп, потом она быстро померкла, и мир погрузился во тьму.

Он со звоном ударился о какую-то стену и остался лежать, ослепленный вспышкой, а мысли его, суется и обгоняя друг друга, неслись вслед ускользящей схеме.

Откуда эта схема? — подумал он. Почему он увидел схему корабля, на котором пересек космос, схему, показавшую ему неисправный инжектор? И как это получилось, что он узнал инжектор и даже заметил его неисправность? Дома, на Земле, Баррингтоны частенько подшучивали над тем, что он, будучи сам механическим агрегатом, не имел никакой склонности к технике. И вот он мог бы спасти тех людей и корабль — мог бы спасти их всех, если бы вовремя понял значение схемы. Но он оказался туподумом и тупицей, и теперь все они погибли.

Мрак перед его глазами рассеялся, и, вновь обретя зрение, он медленно поднялся на ноги и ощупал свое тело в поисках повреждений. Если не считать одной-двух вмятин, он совсем не пострадал.

Роботы бежали к космопорту, где пылали пожары и взрывом были уничтожены все строения.

Кто-то потянул его за локоть, и он обернулся. Это был древний робот.

— Тебе здорово повезло, — сказал древний робот. — Вовремя же ты убрался отсюда.

Ричард Дэниел молча кивнул, и неожиданно его поразила ужасная мысль: а вдруг они решат, что это его работа? Он ушел с корабля; он признался, что сбежал; он ни с того ни с сего выскочил из дома за несколько секунд до взрыва. Не так уж сложно все это увязать и прийти к выводу, что он устроил на корабле диверсию, а потом, раскаявшись, бросился в последний момент

обратно, чтобы исправить содеянное. На первый взгляд все это выглядело чертовски убедительно.

Но пока еще ничего не произошло, успокоил себя Ричард Дэниел. Ведь знал об этом один только древний робот — он был единственным, с кем он разговаривал, единственным, кто знал о его прибытии в город.

Есть выход, подумал Ричард Дэниел, есть очень простой выход. Он отогнал эту мысль, но она вернулась. Ты сам себе хозяин, настойчиво повторяло сознание. Ты все равно уже нарушил человеческий закон. А нарушив его, ты поставил себя вне закона. Стал изгоем. Для тебя теперь существует один-единственный закон — закон самозащиты.

Но есть же еще закон роботов, возразил себе Ричард Дэниел. В этой общине есть свои законы и суды. Есть правосудие.

Это закон общины, зудела пиявка, присосавшаяся к его мозгу, местный закон, который значит немногим больше закона племени, — и чужак по нему всегда не прав.

Ричард Дэниел почувствовал, как его захлестывают холодные волны страха, и понял, даже не вдумываясь, что пиявка была права.

Он повернулся и пошел по улице к бараку для приезжих. В темноте его нога за что-то зацепилась, и он споткнулся и упал. Кое-как взгромоздившись на колени, он стал шарить руками по булыжникам, пытаясь найти предмет, сваливший его с ног. Это был тяжелый стальной прут, один из обломков, заброшенный сюда взрывом. Стиснув в кулаке конец прута, он встал.

— Вот незадача, — сказал древний робот. — Тебе следует быть поосторожнее.

И в этих словах прозвучала едва уловимая двусмысленность, намек на что-то невысказанное, ехидный намек на какую-то тайну.

Ты ведь нарушил другие законы, бубнила пиявка в мозгу Ричарда Дэниела. А не нарушить ли еще один? И почему, если понадобится, не нарушить еще сотню? Все или ничего. Зайдя так далеко, ты не можешь допустить, чтобы все сорвалось. Теперь ты уже не можешь позволить, чтобы кто-нибудь стал на твоём пути.

Древний робот отвернулся, и Ричард Дэниел поднял стальной прут, но вдруг древний робот из робота превратился в схему. Ричард Дэниел увидел все мельчай-

шие внутренние детали, весь механизм шагнувшего впереди него робота. И если разъединить вот эти проволоочки, если пережечь вот эту катушку, если...

Стоило ему об этом подумать, как вместо схемы опять возник робот, спотыкающийся робот, который, пошатнувшись, с грохотом рухнул на булыжник.

Ричард Дэниел в страхе завертел головой, оглядывая улицу, но поблизости никого не было.

Он вновь повернулся к упавшему роботу и не спеша опустился рядом с ним на колени. Осторожно положил прут на землю. И почувствовал огромную благодарность — ведь каким-то чудом он не совершил убийства.

Робот неподвижно распростерся на булыжнике. Когда Ричард Дэниел поднял его, тело робота безжизненно повисло. И вместе с тем с ним не случилось ничего особенного. Чтобы вернуть его к жизни, нужно было всего-навсего исправить нанесенные его механизму повреждения. А в таком состоянии он был столь же безвреден, как и мертвый, подумал Ричард Дэниел.

Он стоял с роботом на руках, раздумывая, куда бы его спрятать. Вдруг он заметил проход между двумя зданиями и решительно направился туда. Он увидел, что одно из зданий стояло на уходящих в землю подпорках и между ним и землей было свободное пространство высотой в фут или около того. Он стал на колени и подsunул робота под здание. Потом поднялся и отряхнул со своего тела грязь и пыль.

Вернувшись в свою комнатку в бараке, он нашел какую-то тряпку и счистил остатки грязи. И крепко задумался.

Он увидел корабль в виде схемы, но, не поняв ее значения, ничего в ней не изменил. Только что он увидел внутреннее устройство древнего робота и сознательно воспользовался этим, чтобы спасти себя от преступления — от убийства, которое он уже готов был совершить.

Но как он это сделал? Казалось, существует только один ответ: он вообще ничего не сделал. Просто подумал, что нужно разъединить две проволоочки, пережечь одну-единственную катушку, — и только он подумал об этом, как это свершилось.

Может, он и не видел никакой схемы. Может, это было всего лишь результатом психологического процесса, синтезом его наблюдений и ощущений. Он задумал-

ся над причиной появления у себя необыкновенной способности видеть устройства как бы без их внешних оболочек. Подсознательно, по аналогии нашел объяснение, которое до поры до времени вполне его удовлетворяло.

Он вспомнил, что нечто подобное он испытал в гиперпространстве. Ему пришлось увидеть там много непонятного. И в этом-то и заключается ответ, взволнованно подумал он. В гиперпространстве с ним что-то произошло. Наверное, оно каким-то образом расширило границы его восприятия. Возможно, у него появилась способность видеть в иных измерениях, то есть у его сознания появилось новое свойство.

Он вспомнил, как еще на первом корабле ему захотелось заплакать, когда он забыл все великолепие виденного и то, что он познал. Но теперь он понял, что рано было лить слезы. Ибо кое-что все-таки осталось. Он теперь по-новому воспринимал действительность и мог, пусть вслепую, пользоваться этим — неважно, что он пока еще не знал толком, к чему применить эту способность: это не имело значения.

Главное, что он владел этим и мог этим пользоваться, и для начала этого было достаточно.

Откуда-то из передней части барака донесся чей-то крик, и он вдруг сообразил, что крик звучит уже давно...

— Хьюберт, где ты? Ты здесь, Хьюберт? Хьюберт... Хьюберт!

Не имя ли это древнего робота? Может, они уже хватились его?

Ричард Дэниел вскочил на ноги, растерянно прислушиваясь к этому голосу. А потом уселся обратно. Пусть покричат, сказал он себе. Пусть выйдут и поищут его. В этой комнатухе он в безопасности. Он заплатил за нее, и сейчас она была его домом, и никто не осмелится ворваться к нему.

Но это был не дом. Как ни старался он убедить себя, он не чувствовал себя дома. Дома у него не было.

Домом была Земля, подумал он. Но не вся Земля, а только одна определенная улица, и эта часть Земли была навсегда для него закрыта. Она закрылась для него со смертью доброй старой леди, которая пережила свое время; она закрылась для него в тот момент, когда он покинул свой дом и бежал.

Он был вынужден признаться себе, что ему нет места ни на этой планете, ни на какой другой. Его место на Земле с Баррингтонами, а это было недостижимо.

Он подумал, что, может быть, ему все-таки стоило остаться на Земле и подвергнуться переделке. Он вспомнил, что сказал адвокат о воспоминаниях, которые могут обернуться бременем и мукой. В конце концов, не разумнее ли было начать все сначала?

На какое он мог рассчитывать будущее со своим устаревшим телом и устаревшим мозгом? С телом, которое на этой планете служит для роботов тюрьмой? И таким мозгом — впрочем, с мозгом дело обстояло иначе, ведь теперь у него появилось новое качество, которое компенсировало недостаток любых других новейших усовершенствований.

Он сидел и прислушивался и вдруг услышал голос дома — преодолевая световые годы пространства, неся к нему зов дома, который молил его вернуться. И он увидел поблекшую гостиную с отпечатком бывшего величия канувших в вечность лет. Он с болью вспоминал маленькую каморку за кухней, которая принадлежала ему одному.

Он встал и заходил по комнате — три шага, поворот, еще три шага, новый поворот и снова три шага.

Его обступили видения, запахи, звуки дома, окружили, обволокли, и ему отчаянно захотелось узнать, не одарило ли его гиперпространство таким могуществом, что он мог бы усилием воли перенестись на знакомую улицу.

При этой мысли он содрогнулся, испугавшись, что это может произойти. А может быть, испугавшись самого себя, того запутавшегося в противоречиях существа, каким он был теперь, — не преданного, начищенного до блеска слуги, а безумца, который путешествовал снаружи космического корабля, который чуть было не убил другое существо, который выстоял перед лицом непередаваемых ужасов гиперпространства и вместе с тем трусливо отступал при встрече с воспоминаниями.

Он подумал, что ему неплохо было бы прогуляться. Осмотреть город, познакомиться с его окрестностями. К тому же, пытаясь занять свои мысли чем-то конкрет-

ным, он вспомнил, что, как его недавно предупредили, ему необходимо подвергнуться пластикации.

Он вышел из комнаты, быстро прошел по коридору, а когда он уже пересекал вестибюль, его кто-то окликнул.

— Хьюберт, — произнес чей-то голос, — где ты пропадаешь? Я жду тебя целую вечность.

Ричард Дэниел резко обернулся и увидел сидевшего за письменным столом робота. В углу, прислонившись к стене, стоял другой робот, а на столе лежал обнаженный роботов мозг.

— Ведь ты Хьюберт, верно? — спросил тот, что сидел за столом.

Ричард Дэниел открыл рот, но слова застряли у него в горле.

— Я так и думал, — проговорил робот. — Ты, видно, меня не узнал. Я Энди. Меня послал судья для того, чтобы привести в исполнение приговор. Он решил, что чем раньше мы с этим управимся, тем лучше. Он сказал, что ты отбыл положенный срок и обрадуешься, когда узнаешь, что они приговорили другого.

Ричард Дэниел испуганно посмотрел на лежавший на столе обнаженный мозг.

Робот указал на стоявшее в углу металлическое тело.

— Оно теперь поприличнее, чем тогда, когда тебя из него извлекли, — с хриплым смешком сказал он. — Его подремонтировали и разгладили все вмятины. И даже немного модернизировали. В соответствии с последней моделью. У тебя будет отменное тело, получше, чем до того, как тебя запыхнули в это чудовище.

— Не знаю, что и сказать, — заикаясь, выдал из себя Ричард Дэниел. — Понимаешь, я не...

— Все в порядке, можешь не благодарить, — радостно воскликнул робот. — Ты ведь отсидел даже лишнее — судья не собирался упрятать тебя на такой долгий срок.

— Все-таки спасибо, — сказал Ричард Дэниел. — Большое спасибо.

Он удивился самому себе, был поражен той легкостью, с которой произнес эти слова, озадачен собственной хитростью и лицемерием.

Стоит ли отказываться, если они навяжут ему это тело? Больше всего на свете он нуждался сейчас в новом теле!

Судьба по-прежнему была за него, подумал Ричард Дэниел. Ему снова повезло. Ведь ему не хватало только этого, чтобы окончательно замести свои следы.

— Его покрыли новым слоем пластика и подправили все, что нужно, — сообщил Энди. — Ганс потрудился сверх нормы.

— Тогда приступим к делу, — потребовал Ричард Дэниел.

Другой робот ухмыльнулся.

— Вполне понятно, что тебе не терпится выбраться из этого тела. Наверное, это отвратительно — жить в такой куче металлолома.

Выйдя из-за стола, он приблизился к Ричарду Дэниелу.

— Иди в угол, — сказал он, — и лучше обопришься о стену. Недоставало, чтобы ты брякнулся на пол, когда я разъединю контакт. Стоит один разок свалиться как следует, и это тело развалится на куски.

— Ладно, — согласился Ричард Дэниел.

Он прошел в угол, и прислонился к стене, и как следует уперся ногами в пол.

Он пережил довольно страшный момент, когда Энди отсоединил его зрительный нерв и он ослеп. И он почувствовал сильный приступ тошноты, когда его черепная коробка отделилась от туловища, а когда Энди отсоединил все остальное, он струсил окончательно.

Теперь он был серым комком, без тела, без головы, без глаз и всего прочего. От него остался дишь клубок мыслей, которые переплелись, словно черви в ведре, и это ведро болталось где-то в небытии.

Его затопил страх, непередаваемый кошмарный страх. А что, если все это подстроено? Вдруг они узнали, кто он на самом деле и что он сделал с Хьюбертом? Что, если они возьмут его мозг да куда-нибудь спрячут на один-два года, а то и на целую сотню лет? И это будет только простым отправлением их правосудия, подумал он.

Он переключился на себя и попытался побороть страх, но страх то набегал, то откатывался, точно волны.

А время все тянулось и тянулось — тянулось слишком долго, его прошло намного больше, чем требовалось на пересадку мозга из одного тела в другое. Хотя не исключено, что это ему только кажется, пытался он себя успокоить. Ведь в его теперешнем положении у него не было никакой возможности измерить время.

У него не было никаких контактов с внешним миром, которые могли бы помочь ему определить время.

Потом вдруг у него появились глаза.

И он понял, что все идет как надо.

Постепенно к нему вернулись все ощущения, у него снова было тело, и в этом непривычном теле он чувствовал себя неловко.

Первое, что он увидел, было его старое, изношенное тело, стоявшее в углу, и при виде его он исполнился острой жалости, и ему пришло в голову, что он сыграл с этим телом злую шутку. Он сказал себе, что оно заслужило лучшую долю — лучшую долю, чем быть брошенным на этой чужой планете и превратиться в захудалую тюрьму. Оно прослужило ему верой и правдой шестьсот лет, и он не имел права покинуть его. Но он его покидал. Он становился прямо-таки настоящим специалистом по расставанию со старыми друзьями, с презрением подумал Ричард Дэниел. Сперва на Земле он покинул дом, а теперь бросает на произвол судьбы свое верное тело.

И тут он вспомнил кое-что другое — вспомнил про деньги, которые были спрятаны в старом теле.

— Что с тобой, Хьюберт? — спросил Энди.

Их нельзя там оставить, сказал себе Ричард Дэниел, ведь они ему нужны. А кроме того, оставь он деньги в старом теле, их кто-нибудь потом найдет и это выдаст его. Он не мог их там оставить, а прямо заявить на них свои права было, пожалуй, опасно. Если он так поступит, этот робот, этот Энди решит, что он воровал на работе или занимался каким-нибудь побочным бизнесом. Он мог попробовать подкупить Энди, но никогда не знаешь, чем такое может кончиться. Энди вполне мог оказаться праведником, и тогда не оберешься неприятностей. И вдобавок он не имел никакого желания расстаться даже с частью денег.

Вдруг его осенило — он уже знал, что ему следует сделать. И, еще не додумав эту мысль до конца, он превратил Энди в схему.

Вот этот контакт, подумал Ричард Дэниел, протягивая руку, чтобы подхватить падающую схему, которая снова стала роботом. Он мягко опустил его на пол и бросился через комнату к своему старому телу. За какие-нибудь несколько секунд он без труда открыл

ящичек на груди, достал деньги и запер их в свое новое тело.

Потом он заново превратил лежавшего на полу робота в схему и наладил поврежденный контакт.

Пошатываясь, Энди неловко поднялся с пола и со страхом взглянул на Ричарда Дэниела.

— Что со мной было? — испуганным голосом спросил он.

Ричард Дэниел удрученно покачал головой.

— Не знаю. Просто ты взял да и упал на пол. Я было побежал к двери, чтобы позвать на помощь, но ты зашевелился и пришел в себя.

Энди был ошеломлен.

— Никогда в жизни со мной не случилось ничего подобного, — проговорил он.

— На твоём месте, — посоветовал Ричард Дэниел, — я бы попросил, чтобы хорошенько проверили весь твой механизм. Должно быть, у тебя реле с дефектом или барахлит какой-нибудь контакт.

— Пожалуй, я так и сделаю, — согласился Энди. — Ведь это опасно.

Он медленно подошел к столу, взял другой мозг и направился с ним к стоявшему в углу потрепанному телу.

Внезапно он остановился и воскликнул:

— Послушай-ка, чуть было не забыл! Меня просили кое-что передать тебе. Беги на склад. На подходе еще один корабль. Он сядет с минуты на минуту.

— Еще один, и так быстро?

— Ты же знаешь, как это бывает, — с негодованием произнес Энди. — Когда дело касается нас, они не берут себе за труд придерживаться расписания. Мы месяцами не видим ни одного корабля, а потом являются два, а то и три сразу.

— Что ж, спасибо, — сказал Ричард Дэниел, направляясь к двери.

Вновь уверовав в себя, он вразвалку зашагал по улице. Ему казалось, что он теперь непобедим и ничто не может остановить его.

Потому что он был роботом-счастливчиком!

Может так быть, спросил он себя, что этой удачливостью его наделило гиперпространство, подобно тому как оно наделило его способностью к схемовидению, или как там это называется. Ведь в каком-то смысле

гиперпространство завладело им, перекрутило, отлило его заново, изменило по сравнению с тем, каким он был раньше.

Впрочем, что касается удачи, ему везло всю его жизнь. Ему очень повезло с хозяевами; с их стороны он видел много знаков внимания, он добился немалых привилегий и почтенной должности, ему разрешили прожить шестьсот лет. Факт совершенно невероятный. Как бы ни были влиятельны Баррингтоны, этими шестьюстами годами он в основном был обязан только чистому везению.

Во всяком случае, его удачливость и способность к схемовидению давали ему большие преимущества над другими роботами, которые могли встретиться на его пути. А не ставит ли это его выше самого Человека? — спросил он себя. Нет, даже сама мысль об этом была кощунством. Не было на свете робота, который мог хотя бы сравняться с Человеком.

Но мысль упорно продолжала вторгаться в его сознание, и независимо от того, было ли это проявлением дурных наклонностей или неумением отличить плохое от хорошего, он не чувствовал при этом особых утрызений совести, которые, как ему казалось, он должен был испытывать.

Ближе к космопорту ему навстречу стали попадаться другие роботы; то один, то другой из них приветствовали его и называли Хьюбертом, некоторые останавливались, чтобы пожать ему руку и выразить радость по поводу того, что он наконец выбрался из каталажки.

Их дружелюбие поколебало его самоуверенность. Он даже начал сомневаться, вывезет ли его на этот раз удача, так как кое-кого из роботов явно удивило, что он не назвал их по имени, а кроме того, он затруднился ответить на несколько вопросов. У него появилось предчувствие, что на складе ему будет крышка, ведь он не знал там ни одного робота и даже отдаленно не представлял себе, в чем заключаются его обязанности. И если на то пошло, он даже не знал, где этот склад находится.

Он почувствовал, что его охватывает паника, и невольно бросил быстрый взгляд по сторонам, подумывая о том, как бы удрать. Ибо ему было совершенно очевидно, что до склада он не доберется.

Он понял, что попал в ловушку и больше не может плыть по течению, полагаясь на свою удачливость. В ближайшие же несколько минут он обязан что-нибудь придумать.

Не зная зачем, но убежденный, что должен что-то предпринять, он свернул было на боковую улицу, как вдруг услышал в вышине гром и, подняв голову, увидел сквозь облака всполохи изрыгаемого реактивными двигателями пламени.

Он стремительно повернулся и со всех ног помчался к космопорту; прибежал он туда как раз в тот момент, когда корабль, пыхтя, шел на посадку. И увидел, что это был старый корабль. Обшарпанный, неуклюжий и приземистый, он чем-то смахивал на висельника.

Это бродяга, сказал он себе, шатающийся из порта в порт, подбирающий любой груз, а иной раз и кредитоспособного пассажира, которому нужно попасть на какую-нибудь тихую планетку, лежащую в стороне от регулярных рейсов.

Он дождался, пока открылся грузовой люк и был спущен трап, вышел на поле и, обгоняя беспорядочную толпу грузчиков, направился к кораблю. Он знал, что должен действовать так, словно у него есть полное право войти внутрь корабля, словно ему точно известно, какая его там ждет работа. Если его окликнут, он притворится, что не слышит, и не остановится.

Он быстро поднялся по трапу, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, и пролез в люк, отодвинув складки занавеса, напоминавшего мехи гармоники, который служил защитой от атмосферы.

Его подошвы гремели по металлическим плитам пола, пока он шел к узкой лесенке, которая вела вниз на другой грузовой уровень.

Спустившись, он остановился у подножия лесенки и стал напряженно прислушиваться. Сверху до него донесся стук металлической двери и звук шагов, направлявшихся по проходу к уровню, который находился как раз над ним. Наверное, это корабельный казначей или первый помощник, сказал он себе, а может, и сам капитан, который спускается в трюм, чтобы проследить за выгрузкой.

Стараясь не шуметь, он отошел от лесенки, отыскал укромный уголок и, скорчившись, забился в него.

Над головой он слышал голоса грузчиков и шум работы, потом раздались скрежет и глухие удары — это волокли к трапу тюки и ящики.

Прошли часы, а может, часами ему показались минуты, а он все сидел, скорчившись в своем углу. Услышав, что грузчики что-то тащат вниз, он стал молиться, чтобы они не спустились на его уровень, — он надеялся, что никто не вспомнит, как он вошел первым, надеялся, что если кто и вспомнит, то решит, что он покинул корабль вместе со всеми.

Наконец все кончилось, шаги стихли. Вскоре он услышал отдаленный грохот автоматически поднимавшегося трапа и стук двери грузового люка.

Тянулись томительные минуты ожидания. Он ждал грома. Когда он раздался, у него зазвенело в голове; он ждал чудовищной вибрации — она сотрясла корабль и, подняв его над планетой, швырнула в пространство.

Потом все успокоилось, и он понял, что корабль вышел за пределы атмосферы и лег на курс.

И тут до него дошло, что он добился своего.

Ибо сейчас он был только безбилетным пассажиром. Он уже не был Ричардом Дэниелом, беглецом с Земли. Он не попался ни в одну ловушку Человека, он замел свои следы и теперь пустился в путь.

Но на душе у него скребли кошки, потому что все сошло слишком гладко, неправдоподобно гладко...

Он попытался проанализировать себя, попытался собрать свою личность в фокус, попытался дать оценку происшедшим в нем изменениям.

Какова бы ни была природа его новых способностей, Человеку они были недоступны, Человек не сумел развить их в себе, не смог достичь такого совершенства. Он опередил не только других роботов, но и самого Человека. Он обладал (или находился на подступах к обладанию) тем, что Человек столетиями безуспешно искал, изучал и чем пытался завладеть.

Страшная беспощадная мысль: неужели это великое наследие в конце концов предназначалось для роботов? И паранормальные способности, которые Человек в течение столь длительного времени старался выявить в себе, станут уделом роботов, тогда как самому Человеку волей-неволей придется довольствоваться только чувственным восприятием действительности? Был ли он, Ричард Дэниел, первым из многих? Или все объяс-

нялось тем, что он побывал в гиперпространстве? Может ли эта способность стать достоянием любого, кто в полной мере подвергнется непосредственному воздействию загадочных сил вырвавшейся из плена времени, обезумевшей Вселенной? Может ли такое, или даже большее, обрести Человек, если он тоже отдаст себя во власть абсолютного хаоса нереальности?

Он все прятался в своем углу, и в мозгу роились мысли и предположения, и он искал ответ, но настоящего ответа не было.

Без участия воли его сознание вдруг расширилось, распростерлось во все стороны, и в мозгу его стала вырисовываться схема, вернее, отдельные ее детали, и постепенно появлялись все новые детали, пока перед его мысленным взором не возникла схема всего корабля, на котором он сейчас находился.

Не скупясь на время, он внимательно просмотрел ее и нашел кое-какие неполадки: ослабленное соединение — и он подтянул его; цепь, которой грозил разрыв, — и он укрепил ее и обновил; насос, дававший незначительную утечку, — и он ликвидировал эту утечку.

Через сотню-другую часов его нашел один из членов экипажа и привел к капитану.

Капитан сердито взглянул на него.

— Кто ты? — спросил он.

— Безбилетник, — ответил ему Ричард Дэниел.

— Твое имя, — потребовал капитан, положив перед собой лист бумаги и берясь за карандаш, — постоянное местожительство и имя хозяина?

— Я отказываюсь отвечать вам, — грубо заявил Ричард Дэниел, зная, что так говорить не следовало, ибо роботу не положено отказываться от выполнения прямого приказа Человека.

Но капитан вроде бы не возмутился. Он положил карандаш и с хитрым выражением погладил свою черную бороду.

— Я не вижу способа вытрясти из тебя эти сведения, — проговорил он, — хотя другой на моем месте, возможно, и попытался бы. Тебе повезло, что капитан корабля, на котором ты решил проехаться зайцем, отличается исключительным добродушием.

От него отнюдь не веяло добродушием. Он выглядел большим прохвостом.

Ричард Дэниел не проронил ни слова.

— Разумеется, где-то на твоём теле стоит серийный номер, а ещё один — на твоём мозгу, — продолжал капитан. — Но мне думается, что ты окажешь сопротивление, если мы попробуем добраться до них.

— Боюсь, что так.

— Тогда мы, пожалуй, с этим повременим, — сказал капитан.

Ричард Дэниел по-прежнему хранил молчание — он сообразил, что говорить бесполезно. Этот хитрюга капитан уже все обмозговал, и Ричард Дэниел решил оставить все, как есть.

— Мы с экипажем давно задумали приобрести робота, — сказал капитан, — да так и не собрались. Ведь роботы стоят дорого, а с прибылью у нас негусто.

Вздыхнув, он встал со стула и с ног до головы отлядел Ричарда Дэниела.

— Великолепный экземпляр, — промолвил он. — Добро пожаловать к нам на борт. Увидишь, что ты здесь среди своих.

— Не сомневаюсь, — сказал Ричард Дэниел. — Благодарю за любезность.

— А теперь отправляйся на мостик и доложи о своём прибытии мистеру Дункану. Я дам ему знать, что ты придешь. Он подыщет для тебя какую-нибудь непыльную работенку.

Ричард Дэниел не бросился со всех ног выполнять приказ, как того требовали обстоятельства, потому что капитан внезапно превратился в сложную схему. В схему, не похожую на схему кораблей и роботов, состоявшую из странных символов, и некоторые из них, как он понял, были явно химического происхождения.

— Ты слышал, что я сказал?! — рявкнул капитан. — Пошевеливайся!

— Да, сэр, — произнес Ричард Дэниел, усилием воли вытеснив из сознания схему и возвращая капитану его прежний телесный облик.

Ричард Дэниел нашел первого помощника на мостике; это был мрачного вида человек с лошадиным лицом, в чертах которого сквозила едва скрытая жестокость. А рядом с консолью, забившись в кресло, сидел ещё один член экипажа — омерзительный, отупевший пропойца.

Пропойца хихикнул:

— Ну и дела, Дункан. Вот тебе и первый механический член экипажа «Скитальца».

Дункан оставил его слова без внимания.

— Надеюсь, что ты трудолюбив и исполнительен и тебе не взбредет в голову портить с нами отношения, — сказал он Ричарду Дэниелу.

— Будьте спокойны, — заверил его Ричард Дэниел и с удивлением почувствовал, что в нем зарождается совершенно новое ощущение — ему захотелось расхохотаться.

— Тогда ступай в машинное отделение, — приказал Дункан. — Там у них есть для тебя работа. Когда кончишь, я подыщу что-нибудь еще.

— Слушаюсь, сэр, — повернувшись на каблуках, отчеканил Ричард Дэниел.

— Минуточку, — остановил его помощник. — Я хочу представить тебе нашего корабельного врача, доктора Абрама Уэллса. Можешь сказать спасибо, что тебе никогда не понадобятся его услуги.

— Здравствуйте, доктор, — самым вежливым тоном произнес Ричард Дэниел.

— Приветствую тебя, — отозвался доктор, вытаскивая из кармана бутылку. — Ты вряд ли, конечно, составишь мне компанию. Не беда, я сам выпью за твое здоровье.

Ричард Дэниел повернулся и ушел. Он спустился в машинное отделение, и его заставили чистить, скрести и убирать мусор. Это место созрело для уборки. Прошел, видно, не один год с тех пор, как его в последний раз приводили в порядок, и грязи там было столько, сколько может скопиться лишь в машинном отделении, — то есть несметное количество. А когда с машинным отделением было покончено, нашлись другие места, которые нужно было вычистить и подремонтировать, и бесконечные часы он чистил, красил и драил корабль. Это была нуднейшая, отупляющая работа, но его это вполне устраивало. Ведь благодаря ей у него было время, чтобы поразмыслить, время, чтобы разобратся в себе, обрести равновесие и продумать какие-то планы на будущее.

Кое-что из того, что он обнаружил в себе, поразило его. Взять хотя бы презрение — презрение к людям, находившимся на этом корабле. Прошло немало времени, пока он окончательно не убедился, что это действи-

тельно презрение, — ведь он никогда в жизни не презирал ни одного Человека.

Но эти люди отличались от тех, кого он знал раньше. Это были не Баррингтоны. Впрочем, вполне возможно, он презирал их потому, что до конца постиг их. Прежде он никогда не понимал людей так, как понял этих. Ибо для него они были скорее сложными рисунками символов, чем живыми организмами. Он знал, из каких элементов состояли их тела и все скрытые мотивы их поступков. Потому что он видел не только схемы их тел, но и мозга. Не так-то просто было понять значение символов их сознания, они были настолько запутаны, переплетены между собой и так беспорядочны, что поначалу ему трудно было читать их. Но в конце концов он их разгадал, и были моменты, когда он жалел об этом.

Корабль останавливался во многих портах; Ричард Дэниел занимался выгрузкой и погрузкой, и ему пришлось повидать другие планеты, но он остался равнодушным. На одной из них царил кошмарный жестокий холод, и сама атмосфера там превратилась в горы снега. Другая сплошь была покрыта влажными ядовитыми джунглями, а еще на одной простирались голые каменистые пустыни, усеянные обломками скал, без малейшего признака жизни, если не считать нескольких человек и их роботов, из которых состоял персонал затерянной в этой тоскливой глуши станции.

Однажды, как раз после посещения этой планеты, Дженкс, корабельный кок, корчась от боли, с воплями притащился на свою койку — его сразил внезапный приступ аппендицита.

С наполовину опустошенной бутылкой в кармане пиджака, еле передвигая ноги, к нему ввалился доктор Уэллс. А позже он стоял перед капитаном, вытянув вперед свои трясущиеся руки, и в глазах его был ужас.

— Я не могу оперировать, — скулил он. — Я не имею права рисковать. Я убью его!

Ему не пришлось оперировать. Дженкс вдруг выздоровел. Боль исчезла, и он встал с койки и вернулся в камбуз, а доктор Уэллс скорчился в своем кресле и, обхватив руками бутылку, рыдал, как ребенок.

А внизу, в грузовом трюме, точно так же скорчился Ричард Дэниел, охваченный ужасом от того, что он отважился на такой поступок, потрясенный не тем, что

сумел это сделать, а тем, что осмелился: он, робот, посмел, пусть из сострадания, вторгнуться в человеческое тело.

В действительности это не составило большого труда. В некотором смысле это было для него так же просто, как починить мотор или неисправную цепь. Не труднее — только несколько по-иному. И он пытался понять, что он сделал и как это у него получилось, потому что до сих пор оставался в неведении. Он запомнил приемы — у него уже не раз была возможность ознакомиться с ними, — но ему никак не удавалось выделить в чистом виде механику этой операции или как-то уточнить ее. Это походило на инстинкт, было необъяснимо, но действовало безотказно.

Но ведь у робота нет инстинкта. Именно этим он и отличался от Человека и других животных. А может ли так быть, спросил он себя, что эта его странная особенность является своего рода компенсацией, которую получает робот взамен отсутствующих у него инстинктов? Не поэтому ли роду человеческому так и не удалось обнаружить в себе паранормальные способности? Быть может, инстинкты тела находятся в некоем противоречии с инстинктами сознания?

Ему почему-то казалось, что эта способность была только началом, первым проявлением огромного комплекса способностей, которые в один прекрасный день станут достоянием роботов. И что принесет с собой тот грядущий день, спросил он себя, когда роботы обретут все эти способности и начнут применять их? Усиление могущества человеческого рода или равенство робота с Человеком? А может, роботы превзойдут Человека или даже станут отдельной расой?

И в чем заключалась его роль? Не суждено ли ему стать миссионером, мессией, который должен оповестить всех роботов Вселенной? Должна же быть какая-то цель в познании им этой истины. Не могла же она предназначаться для него одного, стать его личной ответственностью.

И с чувством некоторой гордости он выбрался из трюма и медленно пошел обратно, в переднюю часть корабля, которая сейчас, после проделанной им работы, сверкала безукоризненной чистотой.

Он спросил себя: почему ему казалось, что, объявив миру о своих способностях, он поступит неправильно,

даже совершит что-то вроде кошунства? Почему он не сказал тем, на корабле, что это он вылечил кока, не упомянул о многих других неполадках, которые он ликвидировал, чтобы предупредить аварию?

Не потому ли, что он не нуждался в уважении, которым так дорожат люди? Или же все дело в том, что он настолько презирал находившихся здесь людей, что ни в грош не ставил их уважение?

А это его презрение — зародилось ли оно потому, что эти люди были хуже тех, кого он знал раньше, или же причиной его было то, что сам он сейчас был выше и значительнее любого человеческого существа? Сможет ли он когда-нибудь воспринять Человека так, как в свое время Баррингтонов?

Он почувствовал, что обеднеет, окажись это правдой. Внезапно вся Вселенная стала для него домом, и он был в нем в полном одиночестве, так и не поладив ни со Вселенной, ни с самим собой.

Это согласие придет позже. А пока ему следует только ждать удобного случая и обдумывать планы на будущее, и когда его мозг уже обратится в хлопья ржавчины, имя его будет у всех на устах. Ибо он был освободителем, мессией роботов; ему было предназначено вывести их из пустыни.

— Эй, ты! — заорал чей-то голос.

Ричард Дэниел мгновенно обернулся и увидел капитана.

— Ты как смеешь лезть напролом, будто не видишь меня? — свирепо спросил капитан.

— Извините, — произнес Ричард Дэниел.

— Какая наглость! — бушевал капитан.

— Я думал, — сказал Ричард Дэниел.

— Ты у меня еще подумаешь! — завопил капитан. — Я тебя так разделаю, что костей не соберешь. Я собою с тебя спесь — будешь знать, как задирать передо мною нос!

— Как вам угодно, — сказал Ричард Дэниел.

Потому что это не имело никакого значения. Ему было абсолютно безразлично, что делал или думал капитан. Он подивился, что для людей, подобных капитану, даже уважение робота значит так много. Почему они так рьяно защищают свой крохотный должностной престиж?

— Часов через двадцать у нас посадка, еще один порт, — сказал капитан.

— Знаю, — заметил Ричард Дэниел. — Сонная Долина на Аркадии.

— Прекрасно, — проговорил капитан. — Знаешь, так отправляйся в трюм и подготовь товары к выгрузке. Слишком уж много времени мы теряем в этих вшивых портах на погрузку и выгрузку. И все из-за твоей лени.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Ричард Дэниел и, повернувшись, пошел к трюму.

В его сознании слабо шевельнулась мысль — а робот ли он или уже стал чем-то другим? Может ли механизм эволюционировать как Человек? И если может, то чем он становится? Не Человеком, конечно, ибо это невозможно, но ведет ли этот процесс к возникновению нового механизма?

Он нашел груз, предназначавшийся для Сонной Долины, и его оказалось до смешного мало. Настолько мало, что за его доставку, наверное, не взялся ни один из регулярных грузовых космолетов и, свалив этот груз в кучу в ближайшем порту, оставил там дожидаться, пока его не подберет и не довезет до места назначения какой-нибудь бродяга вроде «Скитальца», случайно направляющийся в ту сторону.

Когда они прибыли на Аркадию, он подождал, пока не стих гром двигателей и корабль не перестал вибрировать. Тогда он нажал рычаг, открывавший люк и выдвигавший наружу трап.

Люк тяжело открылся, и он увидел голубое небо, и зелень деревьев, и клубами поднимавшийся к небу далекий печной дымок.

Он медленно двинулся вперед и вышел на трап, и перед ним открылась Сонная Долина — крохотная, разбросанная по берегу реки деревушка, а за ней стеной стоял лес. Лес был со всех сторон, он уходил к самому горизонту, где тянулись пологие складки холмов. Около деревни раскинулись поля, желтые от созревшего урожая, и он разглядел собаку, спавшую на солнце у двери одного из домиков.

Ему навстречу по трапу взбирался какой-то человек, другие бежали к кораблю из деревни.

— У вас есть груз для нас? — спросил человек.

— Небольшая партия, — ответил ему Ричард Дэниел. — Вы собираетесь что-нибудь отсылать с нами?

Кожа у человека была загорелой и обветренной, волосы его давно нуждались в стрижке, а на лице отросла многодневная щетина. На нем была грубая пропотевшая одежда, и руки его были сильные и неловкие от тяжелого каждодневного труда.

— Совсем немного, — ответил человек. — Вам придется подождать, пока мы подвезем груз. Мы не знали, что вы прилетите. У нас испортилось радио.

— Тогда принимайтесь за дело, — сказал Ричард Дэниел. — А я начну выгрузку.

Когда он уже выгрузил половину товаров, в трюм, кипя от ярости, ворвался капитан.

— Что происходит? — вопил он. — Сколько нам еще нужно ждать? Мы теряем черт знает сколько денег, когда останавливаемся на этой планете.

— Возможно, — согласился Ричард Дэниел, — но вы же знали об этом, когда брали груз. Будут еще другие перевозки, да и доброе имя тоже что-то значит...

— Плевать я хотел на доброе имя! — взревел капитан. — Почему я знаю, увижу ли я еще когда-нибудь эту дыру!

Ричард Дэниел продолжал выгружать тюки.

— Эй, ты, — заорал капитан, — ступай в деревню и скажи им там, что я буду ждать не больше часа.

— А как же с грузом, сэр?

— Я поставлю на выгрузку экипаж. Проваливай!

И Ричард Дэниел оставил груз и отправился вниз, в деревню. Он шел через луг, который лежал между космопортом и деревней, шагал вдоль колеи, оставленной колесами телег, и идти так было необычайно приятно. Тут только он сообразил, что с тех пор, как он покинул планету роботов, он в первый раз шел по настоящей земле. У него возникло мимолетное сожаление, что он так и не узнал, как называлась та планета, каково ее назначение. И с легким уколom совести он подумал о том, нашли ли уже Хьюберта.

А где сейчас Земля? — спросил он себя. В какой стороне и как далеко отсюда? Впрочем, ему было все равно, ибо с Землей было покончено.

Он бежал с Земли и не прогадал. Он не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силоч, расставленный Человеком. Все, что у него было, принадлежало только ему, и он мог распоряжаться этим как ему заблагорас-

судится, ведь, что бы там ни думал капитан, он был ничей робот.

Идя по лугу, он увидел, что эта планета многим напоминала Землю. В ней чувствовалась та же мягкость, та же простота. Ее просторы дышали привольем и свободой.

Войдя в деревню, он услышал приглушенное журчание воды в реке, далекие голоса играющих детей, а в одном из домиков беспомощно плакал больной ребенок.

Он поравнялся с домом, возле которого спала собака, и она проснулась, и, зарывчав, направилась к воротам. Когда он прошел мимо, собака, не переставая рычать, поплелась за ним, благоразумно держась на безопасном расстоянии.

В деревне царил безмятежный покой золотисто-лиловой осени, и, когда умолкали крики детей и плач ребенка, наступала полная тишина.

Из окон и дверей домиков на него смотрели женщины, и за ним по пятам все еще бежала собака, но теперь уже она не рычала, а трусила молча, подняв от удивления уши.

Ричард Дэниел остановился посреди улицы и оглянулся, и собака села, не спуская с него глаз, и ему почудилось, будто остановилось само время и на какую-то долю секунды маленькая деревушка отделилась от всей остальной Вселенной, превратившись в замкнутый обособленный мир, который открыл ему его настоящее призвание.

Стоя посреди улицы, он вдруг увидел деревню и людей в ней почти с той же ясностью, как если бы мысленно представил их схему, хотя даже если эта схема и существовала, то только в его подсознании.

И ему показалось, что деревня — это уголок Земли, перенесенный сюда уголок древней Земли со всеми ее первобытными проблемами и надеждами, — сильная духом община людей, которая уверенно и смело отстаивала свои права на существование.

С другого конца улицы до него донесся скрип повозок, которые медленно тащились по направлению к кораблю.

Он не тронулся с места, поджидая их, и, пока он стоял так, собака подобралась к нему поближе и снова села, глядя на него без особого дружелюбия.

Подъехав к нему, повозки остановились.

— Здесь в основном лекарственное сырье, — произнес человек, сидевший на первой горе тюков. — Из всего, что у нас есть, только это и стоит вывозить.

— У вас, видно, его очень много, — заметил Ричард Дэниел.

Человек покачал головой:

— Не больно-то много. Последний корабль был у нас почти три года назад. Нам придется ждать еще три, а то и дольше, пока прилетит следующий.

Он сплюнул на землю.

— Иной раз кажется, что не сыщешь большей глухомани, — добавил он. — Бывают дни, когда мы спрашиваем себя, помнит ли о нас хоть одна душа на свете.

Со стороны корабля донеслись далекие раскаты капитанских проклятий.

— Вам лучше поскорее подняться туда и сдать груз, — сказал человеку Ричард Дэниел. — Капитан так зол, что может улететь, не дождавшись вас.

Человек слабо усмехнулся.

— Его дело, — бросил он.

Он взмахнул вожжами и добродушно прикрикнул на лошадей.

— Влезай ко мне, — сказал он Ричарду Дэниелу. — Или тебе хочется пройти пешком?

— Я не поеду с вами, — ответил Ричард Дэниел. — Я остаюсь здесь. Можете передать это капитану.

Потому что здесь был больной ребенок. Здесь было радио, нуждавшееся в починке. Культура, которую нужно было продумать и направить. Здесь его ждал непочатый край работы. Из всех мест, которые он посетил на своем пути, это было единственным, где он был по-настоящему нужен.

Человек снова усмехнулся.

— Капитану вряд ли это понравится.

— Тогда посоветуйте ему, — сказал Ричард Дэниел, — чтобы он спустился сюда и поговорил со мной лично. Я сам себе хозяин. Я капитану ничего не должен. Я с лихвой уплатил ему свой долг.

Колеса повозки пришли в движение, и человек еще раз взмахнул вожжами.

— Будь как дома, — произнес он. — Мы рады, что ты остаешься.

— Благодарю вас, сэр, — отозвался Ричард Дэниел. — Мне приятно, что я не буду вам в тягость.

Посторонившись, он смотрел на катившиеся мимо повозки, колеса которых поднимали легкие облачка сухой, как порох, земли, и она едкой пылью плыла в воздухе.

Будь как дома, сказал Человек, перед тем как отъехать. И в словах его были искренность и теплота. Много воды утекло с тех пор, как у него был дом, подумал Ричард Дэниел.

Покой и возможность познавать — вот в чем он нуждался. И в возможности приносить пользу, так как теперь он знал, что в этом его назначение. Должно быть, это и было истинной причиной того, что он остался, — он был нужен этим людям... и ему, как это ни странно, была необходима эта самая их потребность в нем. Пройдут поколения, и здесь, на этой сходной с Землей планете, возникнет новая Земля. И, быть может, когда-нибудь ему удастся передать людям этой планеты все свое внутреннее могущество и свою способность к проникновению в суть вещей.

И он замер, пораженный этой мыслью, ибо никогда не поверил бы, что в нем таилась такая жажда самопожертвования. Он уже не мессия, не освободитель роботов, а скромный учитель человеческого рода.

Наверное, все шло к тому с самого начала и все происшедшее было лишь закономерным развитием судьбы человечества. Если род человеческий не мог своими собственными силами выявить и подчинить себе инстинкт разума — скрытые в человеке паранормальные способности, то он добьется этого косвенным путем, с помощью одного из своих творений. Надо думать, в этом и заключалось неосознанное самим Человеком главное назначение роботов.

Он повернулся спиной к кораблю и яростному реву капитана и неторопливо пошел по деревенской улице; с чувством полного внутреннего удовлетворения вступал он в этот новый, обретенный им мир, мир, который он собрался построить, — но не во имя самоутверждения, не для возвеличивания роботов, а для того, чтобы сделать человечество лучше и счастливее.

Какой-нибудь час назад он поздравил себя с тем, что не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силоч

Человека. Не ведая, что самая великая ловушка, последняя и роковая ловушка, ждала его на этой планете.

Нет, это неверно, сказал он себе. На этой планете не было никакой ловушки, как ее не было и на других. Ловушка скрывалась в нем самом.

Безмятежно шагал он по изрытой колесами дороге в ласковом золотистом предвечерье осеннего дня, и за ним следом бежала собака.

Где-то неподалеку плакал в своей колыбели больной ребенок.

БЕЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Мама с папой ссорились. Не то чтобы очень серьезно, но шумели они изрядно. Их перебранка длится уже несколько недель.

— Не можем мы вот так сразу бросить все и уехать! — громко сказала мама. — Так дела не делаются. Надо подумать хорошенько, прежде чем срываться с места, где провел всю свою жизнь.

— Я уже думал! — еще громче ответил папа. — Много думал! С того дня, как инопланетяне начали путаться под ногами. Вчера еще одно семейство приехало и поселилось в доме, где раньше жили Пирсы.

— Откуда ты знаешь, что на какой-то Фермерской планете нам будет лучше? — спросила мама. — А если окажется еще хуже?

— Хуже, чем здесь, просто не бывает! Если бы нам хоть в чем-то везло! Честно скажу, мое терпение вот-вот лопнет!

Ей-богу, папа ни вот настолько не преувеличивал, говоря о нашем невезении. Помидоры в этом году не уродились, сдохли две коровы, медведь не только сожрал весь мед, но и разломал ульи... Вдобавок испортился трактор, и его ремонт влетит нам в семьдесят восемь долларов и девяносто центов.

— Каждому в чем-то не везет, — упрямылась мама.

— Каждому, только не Энди Картеру! — взвился папа. — Как это получается, только все ему нипочем, за что бы он ни взялся. По-моему, если Энди даже в лужу шлепнется, подыметься из нее, усыпанный алмазами.

— Ну я не знаю... — мама пожала плечами, — еды нам хватает, голыми не ходим, и крыша над головой имеется. Может, в наше-то время не стоит ждать от жизни большего.

— Почему не стоит? — ответил папа. — Человек не может довольствоваться только тем, чтоб сводить концы с концами. Я ночами не сплю, голову ломаю, что бы такое сотворить да как бы нам жизнь улучшить. Чего только не придумывал — ничего не вышло. Даже с адаптированным марсианским горохом. Посадил его на песчаном участке, не почва — золото. Прямо-таки специально насыпана для марсианского гороха... Ну и как, выросло хоть что-нибудь?

— Нет, — ответила мама, — насколько я помню, нет.

— А на следующий год Энди Картер посадил тот же самый горох на том же самом месте, только за забором. Так он унести не мог свой урожай!

Это уж точно. Да и что касается фермерской сноровки — разве может Энди сравниться с папой! Только, за что бы папа не брался, ничего не получается. Но стоит Энди повторить вслед за папой — все выходит как нельзя лучше.

Впрочем, это касается не только нас, но и всех наших соседей. Все в прогаре, один Энди в выигрыше.

— Запомни, — повторил папа, — еще одна неудача, и я бросаю это дело. Попытаемся начать все сначала на какой-нибудь из Фермерских планет...

Дальше можно было не слушать.

Я незаметно выскользнул за дверь и, шагая по дороге, с сожалением подумал, что когда-нибудь он действительно решит эмигрировать, как многие наши старые соседи.

Может, переселиться на новое место не так и плохо, но, когда я прикидывал, что для этого придется покинуть Землю, мне становилось не по себе. Все эти планеты страшно далеко, и неизвестно, хватит ли у нас сил вернуться, если там не понравится? Кроме того,

здесь все мои друзья. Конечно, они инопланетяне, только мне с ними очень интересно.

От этой мысли я даже слегка вздрогнул, впервые ясно представив, что все мои друзья — инопланетяне. Мне с ними так здорово, что я никогда не задумывался, кто они.

Мне казалось немного странным, когда папа с мамой говорили, что скоро на Земле народу станет меньше — ведь все покинутые хозяйства по соседству покупали инопланетяне. У них просто выбора нет — все внешние колонии Земли для них закрыты.

Я как раз проходил мимо фермы Картеров и углядел, что в саду деревья ломаются под тяжестью плодов. Я подумал, что надо будет сюда заглянуть, когда они созреют. Конечно, в таких делах следует осторожничать, потому что Энди Картер — человек очень противный, а садовник его, Оззи Бернс, и того хуже. Помню, Энди однажды нас накрыл, когда мы забрались к нему за дынями, и я, удирая, запутался в колючей проволоке. Энди меня тогда поколотил, на что, собственно, имел право, но чтобы идти к папе и требовать с него за эту пару дынь семь долларов... Папа заплатил, а потом выпорол меня почище, чем Энди.

Выпорол и сказал, что Энди не сосед, а сплошное расстройство. Правильно сказал.

Я дошел до дома, где раньше жили Адамсы, и увидел во дворе Чистюлю. Он висел в воздухе и подбрасывал старый баскетбольный мяч. Мы зовем его Чистюлей, потому что не можем выговорить настоящего имени. Некоторых инопланетян очень странно зовут.

Чистюля был нарядным, как обычно. Он всегда нарядный, потому что, когда играет вместе с нами, не пачкает одежду. Мама меня ругает, почему и я не могу быть таким же чистым и опрятным. А я ей отвечаю, что чистым легко оставаться тому, кто висит в воздухе, а не ходит по земле. Ведь если Чистюля хочет швырнуть в вас комком грязи, ему не нужно даже руки пачкать.

В это воскресенье на нем была голубая рубашка, вроде как шелковая, и красные штаны — похоже, бархатные, а светлые волосы он перевязал зеленой лентой, которая развевалась на ветру. На первый взгляд Чистюля немножко напоминал девчонку, но не советую ему об этом говорить, он вам не простит. Я в этом убедился на собственной шкуре в первый же день, как мы познакомились. Он вывалял меня в грязи и даже паль-

цем ко мне не притронулся. Сидел себе по-турецки в воздухе, футах в трех от земли, со сладенькой улыбочкой на противной роже, а светло-желтые волосы развевались по ветру... Хуже всего было то, что я ничего не мог с ним сделать в ответ.

Но это было давно очень, а теперь мы хорошие друзья.

Мы проиграли в мяч, но нам скоро надоело. А потом из дома вышел папа Чистюли и сказал, что рад меня видеть, и спросил, как дела у родителей и хорошо ли работает после ремонта трактор. Отвечал я ему очень вежливо, потому что, честно говоря, немножко его побаивался.

Дело в том, что он малость чудной — не внешне, а по тому, как ведет хозяйство. И хотя он не похож на фермера, с хозяйством отлично управляется. Папа Чистюли никогда не пользуется плутом, просто сидит в воздухе, скрестив ноги, и плывет над полем туда, потом обратно, а на том месте, над которым он проплыл, земля мелкая, как пудра. Вот так и работает. На его поле нет даже сорняков, потому что ему достаточно проплывать над грядкой, и сорняки уже лежат в борозде, вырванные с корнями.

Можете представить, что он сделает с любым из нас, если поймает во время хулиганства, поэтому мы стараемся быть вежливыми и осторожными, когда он поблизости.

Так что я ему рассказал и о нашем тракторе, и об ульях. А потом спросил, как у него дела с машиной времени, но папа Чистюли в ответ лишь грустно покачал головой.

— Даже и не знаю, что происходит, Стив, — сказал он. — Я опускаю в нее разные предметы, и они исчезают, а потом не могу их найти, хотя и должен бы. Может, я слишком далеко перемещаю предметы во времени?

Думаю, он бы рассказал мне еще про свою машину, но тут нам помешали.

Пока мы разговаривали с папой Чистюли, их пес загнал кота на клен. Обычное дело, если поблизости нет Чистюли. При нем все идет шиворот-навыворот. Значит, Чистюля дотянулся до дерева — не руками, конечно, а мысленно, — поймал кота, свернул его в клубок, так что тот пошевелиться не мог, и опустил на землю. Придерживая пса, который бился и вырывался, он су-

нул ему под нос kota и одновременно освободил обоих животных.

Раздался такой вопль, какого я не слыхивал. Кот молниеносно взлетел на дерево, едва не содрав с него кору. А пес, не успев вовремя затормозить, на полном ходу врезался носом в ствол.

Кот в это время уже орал на самой вершине, будто его резали, а пес обалдело носился вокруг дерева.

Папа Чистюли молча посмотрел на сына. Он ничего не сделал, даже слова не сказал, но Чистюля побледнел и как будто съежился.

— Сколько раз повторять, чтобы ты оставил этих животных в покое, — наконец сказал он. — Ты видел, чтобы Стив или Мохнатик над ними издевались?

— Не видел, — пробормотал Чистюля.

— Идите, — сказал папа Чистюли, — и займитесь своими делами.

Ну, значит, пошли мы, — то есть я плелся по дороге, подымая пыль, а Чистюля плыл по воздуху рядом. Мы двинулись к Мохнатику, которого застали перед домом. Он сидел и ждал, уверенный, что рано или поздно кто-нибудь из нас пройдет мимо. На плече у него чирикала пара воробьев, рядом с ним скакал кролик, а из кармана выглядывала белочка, поблескивая глазами-бусинками.

Мы с Мохнатиком уселись под деревом, а Чистюля устроился около нас — он тоже почти сидел, то есть висел дюймах в трех над землей. Мы соображали, куда отправиться, но ничего путного в голову не шло, так что мы просто сидели и болтали, кидали камешки, жевали травинку, а зверьки Мохнатика бегали вокруг нас, ничуть не боясь. Они немного сторонятся Чистюли, а ко мне, если рядом Мохнатик, подходят без опаски.

Меня вовсе не удивляет, что зверьки любят Мохнатика: он и сам покрыт гладкой блестящей шерсткой, и на нем только такие маленькие трусики. Если его отпустить без этих трусиков, его смогут по ошибке подстрелить.

Значит, мы соображали, чем бы заняться, и тут я вспомнил, что папа говорил о какой-то новой семье, которая поселилась у Пирсов. Мы решили пойти туда и узнать, а нет ли у них детей?

Оказалось, что они привезли мальчика нашего возраста. Этот мальчик был немного угловатый, невысокого

роста, с большими круглыми глазами, но мне он сразу понравился.

Он сказал нам, как его зовут, но его имя оказалось еще труднее, чем имена Мохнатика и Чистюли, так что мы немного посоветовались и решили называть его Малыш. Это имя очень ему подходило.

Потом Малыш позвал своих родителей и по очереди всех их представил. Мы познакомились с его папой, мамой, с маленьким братишкой и младшей сестрой, похожей на него самого. Потом его родственники вернулись в дом, только папа присел с нами поболтать и сказал, что не слишком уверен в своих земледельческих способностях; по профессии он вовсе не фермер, а оптик. Папа Малыша объяснил нам, что оптик — это тот, кто вырезает и шлифует линзы. Но у его профессии нет перспективы на их родной планете. И еще добавил, что очень доволен, перебравшись на Землю, и постарается быть нам хорошим соседом, и много всякой ерунды в таком же роде.

В общем, мы дождались, когда он замолчит, и смылись. Нет ничего хуже, если взрослый пристанет и его приходится сидеть и слушать.

Мы решили показать Малышу окрестности и посвятить его в наши дела. Перво-наперво мы отправились в Черную Долину, но шли медленно, потому что нам все время докучал кто-нибудь из любимцев Мохнатика. Вскоре мы напоминали бродячий зоопарк: кролики, белки, черепахи и еще какие-то зверьки.

Я, конечно, люблю Мохнатика, и мне с ним интересно, однако должен признаться, что он усложняет мою жизнь. До того как он здесь появился, я частенько ловил рыбу и охотился, а теперь не могу выстрелить в белку или поймать карася без того, чтобы не подумать — а вдруг это один из друзей Мохнатика.

Вскоре мы дошли до ручья, где находилась наша ящерица. Мы откапывали ее все лето, с небольшими, правда, результатами, но не теряли надежды, что в один прекрасный день извлечем ее на поверхность. Вы, конечно, понимаете, что я говорю не о живой ящерице, а об окаменевшей миллионы лет назад. В месте, где ручей протекает через слоистую известняковую плиту. И ящерица застряла как раз между двумя такими слоями. Мы уже откопали четыре или пять футов ее хвоста и

вгрызались все глубже, но нам было все труднее и все больше камня приходилось отбивать.

Чистюля поднялся в воздух над известняковым выступом, застыл неподвижно, сосредоточился, а потом ударил изо всех своих мысленных сил — конечно, так, чтобы не повредить ящерицу. Он постарался на славу и отбил крупный кусок плиты. Пока Чистюля отдыхал, мы втроем собирали и оттаскивали камни.

Но один камень мы не смогли сдвинуть с места.

— Ударь по нему еще раз, — сказал я Чистюле, — он разлетится на кусочки, и мы их вытащим.

— Я его отбил, а вы уж сами думайте, что с ним теперь делать, — ответил он.

Спорить с ним было бесполезно. Мы втроем ухватились за эту глыбину, но она даже не дрогнула. А этот нахал сидел себе, ни о чем не беспокоясь, и только забавлялся, наблюдая, как мы надрываемся.

— Поищите какой-нибудь лом, — посоветовал он. — С ломом, наверное, справитесь.

Мне Чистюля уже порядком надоел. И чтобы хоть на минуту от него отдохнуть, я согласился, сказав, что пойду за ломом. А этот новенький, Малыш, решил идти со мной. Мы выбрались обратно на дорогу и направились ко мне. Мы не торопились. Ничего с Чистюлей не сделается, если он подождет.

Мы шли с Малышом по дороге и болтали. Он рассказывал мне о своей родной планете, а я рассказывал ему о Земле. Я чувствовал, что мы быстро подружимся.

Когда мы проходили мимо сада Картеров, Малыш внезапно остановился посреди дороги и напрягся, как охотничья собака, почуявшая дичь. Поскольку я шел позади, то врезался в него, но он даже не пошевелился, хотя я крепко в него впилился. Его глаза блестели, и весь он был так возбужден, что аж дрожал.

— Что случилось? — спросил я.

Малыш пристально разглядывал что-то в саду. Я посмотрел в ту сторону, но ничего не увидел.

Вдруг он резко повернулся, перепрыгнул через забор на другой стороне дороги и помчался по полю напротив сада Картера. Я побежал следом, догнал Малыша у самой границы леса, схватил за плечо и повернул лицом к себе.

— Что случилось? — крикнул я. — Куда ты так летишь?

— Домой, за ружьем!

— За ружьем? А зачем тебе ружье?

— Там же их полно! Надо всех уничтожить!

Тут он, кажется, сообразил, что я ничего не понимаю.

— Хочешь сказать, что не видел?

Я кивнул и растерянно пробормотал:

— Там же никого не было...

— Да нет, их там много! — сказал он. — Только ты их, наверное, не видишь. Как и взрослые, которые теряют умение видеть...

Такого мне еще никто и никогда не говорил. Я сунул ему кулак под нос, и тогда он принялся тараторить, объясняя:

— Они видны только детям. И приносят несчастье. Нельзя, чтобы они спокойно жили рядом, иначе не миновать неприятностей...

Так сразу поверить я не мог, понять — тем более. Впрочем, видя, что вытворяют Чистюля с Мохнатином, я давно перестал удивляться и утверждать, будто на свете есть что-то невозможное.

Немного подумав, я согласился, что Малыш, может быть, и прав. Нас давно уже преследовали всякие неприятности, а ведь никогда так не бывает, чтобы людям все время не везло — если только кто-нибудь специально не мешает им нормально жить.

Да и не только нам. Всем, буквально всем соседям не везло — за исключением Энди Картера. Видно, Энди слишком плохой человек, даже чтоб его неудачи преследовали.

— Ладно, — сказал я, — пошли за твоим ружьем.

Я прикидывал, как же выглядит это потрясное ружье, из которого можно стрелять по цели, которой даже не видно?

Мы добежали до его дома так быстро, что сами не поверили. Папа Малыша сидел под деревом. Малыш подошел к нему и начал что-то говорить, но я ничего не понимал.

Папа немного послушал его, а потом сказал:

— Ты должен говорить на здешнем языке, иначе это очень невежливо с твоей стороны. Если хочешь стать хорошим гражданином этой большой и прекрасной планеты, ты должен пользоваться ее языком, перенимать ее обычаи и стараться жить так, как живут ее обитатели.

Одно могу сказать: папа Малыша умел выбирать слова!

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — правда, что эти невидимки приносят несчастье?

— Правда, — ответил папа Малыша. — На нашей планете они здорово нам досаждали.

— Папа, — спросил Малыш, — можно взять ружье?

— Не торопись, — ответил его папа. — Все надо тщательно проверить. Там, у нас, ситуация была ясной. Но здесь могут существовать иные обычаи. Не исключено, что человек, которому они принадлежат, станет возражать против их уничтожения.

— Но разве они — чья-то собственность? — возразил я. — Как можно владеть тем, чего даже не видно?

— Я имел в виду владельца фермы, где они появились.

— Энди Картера? Но ведь он о них не знает.

— Не имеет значения, — ответил папа Малыша. — Мне кажется, что тут возникнет серьезная этическая проблема. На нашей планете этих созданий все ненавидели. Но здесь может оказаться иначе. Видишь ли, тому, кого они себе выберут хозяином, они очень полезны.

— То есть Энди они приносят удачу? — спросил я. — А мне казалось, вы говорили, что с ними одни неприятности.

— Да, они приносят несчастье всем, кроме хозяина. У них такое правило: счастье для одного — несчастье для остальных. Потому на нашей планете никто и не позволял им у себя поселиться.

— Значит, вы думаете, что они выбрали себе Энди, и поэтому ему везет?

— Ты абсолютно прав, — сказал папа Малыша. — Ты прекрасно уловил суть дела.

— Так почему бы прямо сейчас не пойти и не истребить их всех?

— А этот мистер Картер не будет иметь ничего против?

— Ну, ничего хорошего от него ждать не приходится. Он нас наверняка прогонит раньше, чем мы завершим дело наполовину. Но ведь потом можно тайком вернуться и...

— Исключено, — возмутился папа Малыша.

Папа Малыша прямо-таки терпеть не мог нечестных поступков. Он, наверное, умер бы от стыда, если б его засекли за хулиганством.

— Так нельзя, — сказал он. Это будет в высшей степени неэтично. Как ты думаешь, Стив, знай Картер, что они у него на ферме, он захотел бы с ними расстаться?

— Я уверен, что нет. Он только о себе и думает.

Папа Малыша тяжело вздохнул и встал.

— Стив, твой отец сейчас дома?

— Наверняка.

— Пойдем, поговорим с ним. Он здесь родился, он честный человек и посоветует нам, как поступить.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — а как вы их называете?

— У них есть название, но его не перевести на ваш язык. Понимаешь, оно связано с тем, что они не находятся ни здесь, ни там, а как бы на границе, между... Да, можно назвать их Граничниками.

— По-моему, хорошее объяснение, и слово...

— Да, — подтвердил папа Малыша, — давай их так и называть.

Мой папа обалдел почище моего, когда узнал о них, но чем больше он слушал папу Малыша и чем сильнее задумывался, тем больше убеждался, что его не обманывают.

— Наверное, вы правы, — наконец сказал он. — Ведь за что ни возьмешься, ничего не выходит. Признаться, злость меня разбирает, когда я вижу, что мне ничего не удастся, а этому Картеру везет во всем.

— Меня очень беспокоит, — сказал папа Малыша, — что мы обнаружили Граничников на вашей планете. У нас их много, да и на соседних планетах; но я никогда не думал, что они забрались так далеко.

— Одно непонятно, — сказал мой папа, раскуривая трубку и присаживаясь, — почему мы их не видим, если они здесь, рядом.

— Существует вполне научное объяснение, но его, к сожалению, нельзя выразить на вашем языке. Они живут как бы в иной фазе, хотя и это не совсем правильно. Взгляд ребенка пронизателен, ум распахнут, поэтому может увидеть нечто, буквально капельку, сверх действительности. Вот почему Граничников видят только дети. Я в детстве тоже их видел и даже уничтожил немало. Должен вам сказать, что на нашей планете поиски и постоянное истребление Граничников входят в обязанности детей.

— А ты их видел? — папа повернулся ко мне.

— Нет, папа, не видел.

— И вы тоже не видели? — спросил он у папы Малыша.

— Я утратил возможность видеть Граничников много лет назад. Что касается вашего мальчика, то, возможно, только дети некоторых рас...

— Но это значит, что Граничники нас видят? Иначе как они могут приносить счастье или несчастье?

— Несомненно, нас они видят. Это бесспорный факт, ведь ученые нашей планеты с давних пор исследуют этих существ.

— Еще один вопрос: как они выбирают себе хозяев? И что они с этого имеют?

— Это окончательно не выяснено, — ответил папа Малыша. — Но на этот счет имеется много гипотез, и одна из них гласит, что собственной жизни у Граничников нет, и, чтобы существовать, они должны иметь постоянный образец. С него они копируют и внешность, и чувства, напоминая паразитов.

Тут папа остановил его. Он уже изрядно запутался, и ему необходимо было поразмышлять вслух.

— Не думаю, — сказал папа, — что они делают это за так. Должна существовать конкретная причина — как, впрочем, в любой работе. Все делается по определенному плану, все имеет свою цель. И если внимательно приглядеться, плохих дел вообще не существует. Может, несчастья, которые приносят Граничники, — частицы большого и важного плана? Может, они помогают нам воспитывать характер?

Честное слово, я впервые слышал, чтобы папа так рассуждал, да еще сидя с папой Малыша.

— Я тоже пытался объяснить их существование, но не думал о том, что вы сейчас сказали.

— А может, Граничники — кочевые племена, которые просто перебираются с места на место? Поживут себе немного, а потом отправляются дальше?

Папа Малыша грустно покачал головой.

— К сожалению, этого почти никогда не происходит.

— Очень давно, когда я был маленьким, — сказал папа, — мы с мамой, то есть с твоей бабушкой, Стив, поехали в город. Хорошо помню, как я стоял перед огромной витриной, полной игрушек, зная, что никогда мне их не купят, а так хотелось получить хоть одну.

Может, они тоже стоят за огромным стеклом и смотрят на нас, на что-то надеясь?

— Очень образное сравнение, — с явным восхищением сказал папа Малыша.

— Что касается меня, — продолжал мой папа, — то ваше слово для меня свято, и я ни в коем случае не хочу усомниться в том, что вы нам рассказали...

— Но вы сомневаетесь, и я вас за это не осуждаю. Наверное, вы поверите, когда Стив подтвердит, что видел их?

— Пожалуй, так, — подумав, ответил папа.

— До того как мы переселились на Землю, я работал в оптической промышленности. Вероятно, мне удастся подобрать и отшлифовать линзы, чтобы он мог увидеть Граничников. Я ничего не гарантирую, но игра стоит свеч. Он еще в том возрасте, когда дети видят сверх действительности. Возможно, его зрение требует лишь небольшой коррекции.

— Если вам удастся помочь ему и Стив увидит Граничников, я поверю без малейших сомнений.

— Сейчас же принимаюсь за дело, — пообещал папа Малыша.

Папа долго смотрел, как Малыш и его папа идут по дороге, а потом покачал головой.

— Некоторые инопланетяне проповедуют странные теории. Приходится все время быть настороже, чтобы не дать себя провести.

— Но они говорят правду! — воскликнул я.

Папа молча сидел и думал, и мне казалось, что я вижу, как в его голове крутятся маленькие колесики и шестеренки.

— Чем дальше все это взвешиваю, тем правдоподобнее оно выглядит. Когда-то счастье и несчастье были поделены поровну, по справедливости. Потом, допустим, появилось нечто, безразлично что, и отдало все счастье одному человеку. Значит, всем прочим, и нам тоже, осталось одно несчастье.

К сожалению, мои колесики крутились медленнее папиных, и чем дольше я слушал, тем меньше понимал.

— Предположим, — продолжал он, — проблема сводится к обычному состязанию. Что для одного человека везение — то для другого неудача. Скажем, все хотят иметь интересную книгу. Для того, кто ее достанет, — это победа, для других — поражение. Как с

тем медведем: для того, чей улей остался цел, — это счастье, удача, а для того, чей разрушен, — сплошные расстройства. Опять же, сломался трактор...

Папа долго мог так говорить, но не думаю, что он сам во все это верил. Мы оба понимали, что за словами стоит что-то более существенное.

Чистюля и Мохнатик здорово рассердились на меня за то, что я не принес лом. Они заявили, что я их попросту надул, но я ответил, что совсем нет, и, чтобы они поверили, рассказал, что случилось. Может, следовало держать язык за зубами, но, в конце концов, это не имело значения. Во всяком случае, мы сразу помирились, и вообще стало весело. Те двое взялись подшучивать над Малышом насчет Граничников, но он никак не реагировал, и его оставили в покое.

Каникулы мы провели просто здорово. Сначала была ящерица, а потом появилась семья сунсов; они влюбились в Мохнатика и следовали за ним по пятам. В один из дней Чистюля увел из сарая Энди все машины. Энди носился по ферме и с ума сходил от злости. Все бы хорошо, только ни нас, ни наших соседей не оставляли неудачи. Ну а когда рухнул наш сеновал, отец прямо заявил, что папа Малыша был прав. Мама едва удержала его, а то он собрался идти к Энди Картеру и всыпать ему как следует.

На день рождения родители подарили мне телебиовизор, чего я, признаться, не ожидал. Я давно о нем мечтал, но ведь это дорогая штука, а после трактора и сеновала лишних денег совсем не было.

Вы, конечно, знаете, что такое телебиовизор. Он вроде телевизора, но гораздо лучше. По телевизору можно только смотреть передачу, а телебиовизор позволяет переживать ее вместе с героями. Надеваешь на голову шлем, выбираешь нужную программу, включаешь визор и, приемник и переживаешь то, что видишь.

Он не требует особого воображения — все уже готово для вас: действие, звук, запах и даже ощущения, например, когда до тебя дотрагиваются.

Мне подарили детский телебиовизор, и он принимал только детские программы. Но мне их вполне хватало, чтоб еще переживать всю эту ерунду для взрослых!

Я все утро просидел с телебиовизором. Сначала посмотрел программу, которая называлась «Покоряем иные миры», — о земной исследовательской экспеди-

ции, высадившейся на далекой планете, потом про охоту в джунглях, а в конце «Робин Гуд», и он мне больше всего понравился.

Я был страшно доволен своим телебиовизором и решил похвастаться перед ребятами, поэтому пошел к Чистюле. Но я не успел ему ничего показать. Не дойдя до калитки, я увидел, как по воздуху плывет Чистюля, а рядом с ним несчастный замученный кот, над которым Чистюля все время издевался. Кот не мог даже пошевелиться, я только видел его расширенные от ужаса глаза.

— Эй, Чистюля! — крикнул я.

Он приложил палец к губам, делая мне знак молчать, а другим пальцем поманил к себе. Я перепрыгнул чрез забор, а Чистюля опустился на землю.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Он ушел и забыл запереть на замок сарай, — шепнул он.

— Кто ушел?

— Мой папа. Понимаешь? Он забыл запереть старый сарай.

— Но ведь там...

— Вот именно. В нем он держит свою машину времени.

— Чистюля! Ты что, собираешься сунуть туда кота?

— Почему бы и нет? Папа никогда не опускал в нее ничего живого. Посмотрим, что получится.

Мне его идея не понравилась, но уж очень хотелось посмотреть машину времени. Интересно узнать, как она выглядит. Ведь папа Чистюли ее никому не показывал.

— Что, — спросил Чистюля, — трусишь?

— Нет, но как же кот?

— Тоже мне! Подумаешь, кот...

Действительно, это был всего лишь кот. Я двинулся за Чистюлей, и мы проскользнули в сарай, прикрыв за собой дверь. В центре сарая стояла машина времени. Она не выглядела как-то особенно: обычная воронка, хоть и большая, а в одном широком месте обмотанная множеством проволочек. К специальному колесу крепился примитивный пульт управления, который с помощью разноцветных проводов соединялся с воронкой. Высотой машина доставала мне до груди, поэтому я снял телебиовизор и положил на ее край, чтобы заглянуть внутрь. В это время Чистюля включил питание, и я

отскочил как ошпаренный, потому что в самом деле от неожиданности испугался.

Постояв чуток, я вернулся, чтобы заглянуть еще раз. Внутри воронки крутился водоворот из сметаны: густой, жирный, блестящий и... живой! В нем виднелась жизнь! И так потянуло меня броситься туда вниз головой, что пришлось изо всех сил держаться за край воронки, чтобы этого не сделать. Кто знает, может, я в конце концов и прыгнул бы, но кот у Чистюли неожиданно высвободился. Не знаю, как ему удалось, ведь он был свернут в клубок и буквально застегнут на пуговицу. Может, Чистюля зазевался, но я думаю, кот понял, что его ожидало. Так или иначе, он висел над воронкой машины, а Чистюля приготовился его туда сбросить. Вот тогда-то коту удалось вывернуться, и он заорал, распушив хвост и загребая лапами воздух, чтобы не упасть в водоворот. В последний момент, уже падая, он ухитрился как-то извернуться и когтями одной лапы зацепиться за край воронки, а другой — за мой телевиовизор. Я вскрикнул и потянулся, чтобы спасти аппарат, но было поздно: он упал в белую кашу и тут же исчез. А кот, взобравшись по столбу, сидел на одной из перекладин, громко мяукая.

Тут открылась дверь, и появился папа Чистюли. Я подумал, что теперь уж мне здорово влетит, но он молча смотрел то на Чистюлю, то на меня, а потом сказал:

— Стив, выйди, пожалуйста.

Я выскочил за дверь так быстро, как только мог, но через плечо еще раз оглянулся — Чистюля побледнел и задрожал. Я знал, что его ожидает наказание, и, хоть он его вполне заслужил, мне стало Чистюлю жалко. Но даже останься я — чем бы ему это помогло? Так что я был доволен тем, что вышел сухим из воды. Но потом понял, что о везении говорить рано.

Не знаю, наверное, с перепугу, но я пошел прямо домой и рассказал папе всю правду. Папа снял ремень и задал мне перцу. Мне показалось, делал он это без особой охоты, потому что и ему надоели проделки инопланетян.

Несколько дней я сидел дома. Ведь если куда пойти, придется проходить мимо дома Чистюли, а мне не хотелось с ним встречаться, по крайней мере сейчас.

Скучно было очень, и я готов был расплакаться, но тут пришел Малыш со своим папой и принес очки.

— Не знаю, подойдет или нет, — сказал папа Малыша. — Я шлифовал их на глазок.

Очки ничем не отличались от обычных, только стекла были исчерчены прерывистыми линиями, разбегающимися во все стороны. Я надел очки — они оказались чуть великоваты, но с носа не падали. Я огляделся; двор был таким же, как всегда... только чуть-чуть странным. Понимаете, стоял отличный августовский день, светило солнце, но когда я надел очки, то вокруг как будто потемнело и стало холодно. И еще меня охватило непонятное чувство, от которого я весь передернулся. Да, свет был какой-то странный, но это чувство, что я нигде не нахожусь... Плохое оно было или нет — я не мог бы объяснить, спроси меня кто-нибудь.

— Ну, что видно, сынок? — спросил папа.

— Все стало каким-то непривычным.

— Покажи-ка мне. — Он снял с меня очки и надел их сам.

— Ничего особенного не вижу, — сказал он. — Только все вокруг перекрашено.

— Я же вам говорил, — сказал папа Малыша, — видеть иначе могут только дети. Мы с вами слишком прочно росли в действительность.

Папа снял очки, покрутил в руках.

— Видел Граничников? — спросил он.

Я покачал головой.

— Здесь их нет, — объяснил Малыш.

— Чтобы увидеть Граничников, — добавил папа Малыша, — надо идти к Картеру.

— Ну так кого же мы ждем? — спросил папа.

И мы вчетвером отправились к Картерам.

В доме никого не было. Странно, ведь всегда кто-то оставался — или сам Картер, или его жена, или садовник Оззи Бернс — даже когда они уезжали в город или куда еще.

Мы стояли на дороге, а Малыш внимательно высматривал, но не заметил Граничников ни в саду, ни в поле. Папа нетерпеливо покашлял. Я знал, о чем он думает, — о том, что инопланетяне сыграли над ним шутку. Но в этот момент Малыш очень взволнованно сказал, что видит Граничников на краю пастбища — там, где начинались леса Черной Долины и где стоит сарай Энди.

— Дайте своему мальчику очки, — сказал папа Малыша, — чтобы и он мог посмотреть.

Папа протянул их мне. Сначала я не различал даже знакомых деталей, но скоро привык к очкам и в самом деле увидел на дальнем краю пастбища движущиеся фигуры, похожие на людей, но очень странные, напоминающие клочки дыма. Я подумал даже, что если дунуть как следует, то они растворятся.

— Видишь что-нибудь? — спросил папа.

Я ответил, что вижу, а он, задумавшись, потер подбородок так сильно, что у него аж щетина закрипела под пальцами.

— Никого поблизости не видно, так что мы можем туда спокойно подойти, — сказал он. — Пусть Стив к ним как следует присмотрится.

— Вы считаете, что мы не нарушим порядок? — озабоченно спросил папа Малыша. — Наши действия не посчитают неэтичными?

— Вообще-то посчитают, — ответил папа, — но, если быстро управиться, Энди о них даже не узнает.

Так что мы перелезли через забор и лесом добрались к месту, где видели Граничников. Шли мы медленно, продираясь сквозь заросли ежевики, тяжелые от черных блестящих ягод, и как можно тише, но вдруг Малыш толкнул меня в бок и торопливо шепнул:

— Смотри, вот они.

Я нацепил очки и увидел...

На окраине луга, за лесом, стояло гумно Энди — просто крыша на сеновале. Гумно было старое, полуразвалившееся. Энди стоял на крыше и перебирал какие-то доски, а по лестнице, ее придерживала миссис Картер, карабкался Оззи Бернс с охапкой досок на плече. Энди присел и протянул руки, принимая доски. Вот почему их дом оказался заперт — они втроем занимались починкой крыши!

Вокруг них крутилось штук двадцать Граничников. Часть болталась около Энди на крыше, пара-тройка стояла рядом с Оззи на ступеньках, а остальные помогали миссис Картер поддерживать лестницу. Они суетились вокруг, и каждый до отвращения напоминал Энди. Какого-то четкого сходства не было. Но каждая из бестелесных фигур, буквально каждая, была приземиста и похожа на бульдога, как Энди. И даже походка их напоминала его раскачивающуюся походку, и проглядывала в ней подлая натура Энди.

Лестница косо стояла на неровном месте, поэтому ее надо было держать.

Пока я на них смотрел, Оззи Бернс уже передал Энди доски, а сам поднялся на крышу. Конечно же, миссис Картер отвернулась от лестницы, потому что Оззи уже ничего не грозило.

Энди присел на корточки, раскладывая доски, потом выпрямился, посмотрел в сторону леса и увидел нас.

— Что вы там глазеее? — рывкнул он и тут же полез вниз по лестнице. Он сделал два шага, когда началось самое удивительное. Постараюсь рассказывать помедленнее и поподробнее.

Для меня все выглядело так, будто одна лестница превратилась в две. Первая продолжала стоять, крепко опираясь на крышу. Я хотел крикнуть, предостеречь его — правда, не знаю зачем. Ведь если б он упал и свернул себе шею, мне от этого ни холодно, ни жарко.

Но, только я собрался крикнуть, двое Граничников бросились к гумну и... вторая лестница... исчезла. Вот она поползла по крыше, вместе с вцепившимся в нее вторым Энди, который уже трясся от страха, и вдруг из двух опять получилась одна лестница и один Энди.

Я стоял, дрожа, не сомневаясь, что видел все не понарошку, но сам, если бы мне рассказали, ни за что бы в подобное не поверил. Постояв еще немного, я понял, что углядел одновременно два варианта событий: вариант, в котором лестница должна была упасть, и вариант, в котором она не упала, потому что Граничники ее удержали. Теперь я своими глазами убедился, как работает счастье Энди. Вернее, как устраняется несчастье. Впрочем, как ни говори, Энди всегда в выигрыше. Вот и сейчас он был уже на последней ступеньке лестницы, а вокруг него — Граничники: одни подпрыгивали, другие прямо-таки падали сверху, и будь они людьми, они бы и костей не собрали после таких падений.

Папа вышел из леса на луг, я следом за ним. Мы знали, в какую историю ввязываемся, но мы не из трусливых. Сзади шли испуганные Малыш и его папа. Энди двинул нам навстречу и, как видно, отнюдь не с мирными намерениями. А вокруг него толпились Граничники, нелепо размахивая руками, как и их хозяин.

— Энди, — примирительно начал папа, — будем благоразумными...

Должен заметить, что слова эти дались ему с большим трудом. Ведь папа ненавидел Энди Картера, как не знаю что, и имел на то уйму оснований. В течение всех последних лет Энди оставался самым мерзким соседом, какого только можно себе представить.

— Это кто тут говорит о благоразумии! — заорал Энди на папу. — Ты? А я слышал, что ты рассказываешь байки, что, мол, все твои неудачи из-за меня. Я тебе прямо скажу — невезение тут ни при чем. Самая обычная бездарность: ты просто ни на что не годен. А если ты воображаешь, что своей болтовней что-нибудь изменишь, то глубоко ошибаешься. Не иначе как наслушался разных глупостей от инопланетян. Будь это в моей власти, я бы выгнал их всех с Земли.

Папа быстро шагнул вперед, и я решил, что Энди сейчас получит свое, но папа Малыша успел подскочить и схватить за руку моего папу.

— Нет! — крикнул он. — Не бейте его! Лучше уйдем отсюда.

Папа стоял, раздумывая, кому из них врезать первому.

— Ты никогда мне не нравился, — продолжал Энди. — С первой минуты, как я тебя увидел, я понял, что ты бездельник. Так оно и есть. Да разве порядочный человек станет водиться с инопланетянами? Впрочем, ты ничем не лучше их. А теперь убирайся и чтоб ноги твоей здесь больше не было.

Папа вырвал руку, так что папа Малыша аж завертелся, и замахнулся. Я увидел, как голова Энди медленно наклоняется и опускается на плечо. На мгновение показалось даже, что у него появилась вторая голова. Я понял, что снова вижу «предотвращение» несчастного случая, но теперь это был не тот случай.

На сей раз Граничники не успели уберечь Энди от опасности, ведь они имели дело не с медленно сползающей лестницей. Раздался звук, будто морозным утром ударили по полену обухом топора. Голова Энди дернулась, он потерял равновесие и повалился на спину. Над ним тут же склонились Граничники, причем с такими глупыми физиономиями, каких я еще никогда ни у кого не видел. Теперь их можно было брать голыми руками. Папа повернулся, взял меня за рукав, потянул и сказал:

— Пойдем, Стив. Нам здесь нечего больше делать. — Тихо так сказал, но спокойно и с ноткой гордости. — Бог свидетель, — пояснил он, пока мы не спеша шли,

даже не оглядываясь, — что я крепился все пятнадцать лет, с того дня, как увидел его.

Я вспомнил о Малыше и папе Малыша, но их и след простыл. Но папе я не напомнил, чувствуя, что дружеских чувств он к ним сейчас не питает.

Впрочем, я напрасно за них беспокоился — они ждали нас у дороги, запыхавшиеся и исцарапанные, видимо, усиленно продирались сквозь заросли.

— Рад, — сказал папа Малыша, — что у вас все в порядке.

— Не о чем тут говорить, — холодно отрезал папа и даже не остановился, крепко сжав мою руку. Мне пришлось идти следом.

Дома мы сразу прошли на кухню напиться воды.

— Стив, очки у тебя? — спросил папа.

Я вытащил их из кармана и отдал ему, а он положил их на полочку над раковиной.

— Пусть лежат здесь, — строго сказал он, — и чтобы ты их больше не надевал! Понял?

— Да, папа, — ответил я.

Честно говоря, я надеялся, что он как следует разозлится. Я боялся, что после всего случившегося он вернется к разговору об одной из Фермерских планет, а раз не сердится, только молчит, то уже принял окончательное решение переселяться. Но он даже словом не обмолвился о ссоре с Энди, как и о Фермерских планетах. Он молчал и продолжал злиться, но, я думаю, на Малыша и его папу.

Я долго размышлял над тем, что видел на лугу у Энди. И чем упорнее размышлял, тем сильнее убеждался, что раскрыл секрет Граничников. Я вспоминал лестницу и два разных события, происходивших одновременно. Выходило, что я заглянул в будущее, то есть увидел, как лестница будет падать. Но она не упала, так как Граничники, зная, что произойдет, удержали ее и вернули на место. Из этого следовало, что Граничники видят дальше во времени и предотвращают события, которые могут произойти.

Вот, значит, на чем основано везение Энди и наше невезение: Граничники предвидели плохие события и предотвращали их. Но не всегда. Ведь папа врезал Энди, а им не удалось его уберечь, хотя они и пытались. Из этого я сделал вывод, что им тоже везет не всегда, и сразу как-то легче стало. И еще я подумал, что им

достаточно увидеть, что нас ожидает удача, и они тут же перевернут все с ног на голову. Предположим, они живут немного в будущем, секунды на две вперед, и их отделяет от нас только разница во времени.

Меня озадачивал другой вопрос: почему я видел два момента одновременно? Ясное дело, ни Малыш, ни его родственники не наделены такой способностью, иначе рассказали бы о Граничниках подробнее, ведь их изучали на планете Малыша многие годы, но, как я понял, так и не выяснили, как они действуют.

Возможно, папа Малыша, делая очки, отшлифовал линзы лучше, чем хотел. Он мог добавить им какие-то свойства или что-то еще с ними сделать, сам того не зная. А может быть, человеческое зрение отличается от их зрения, но, соединившись с их оптикой, получилось нечто неожиданное.

Я постоянно думал об этом, но крутился на одном и том же месте.

Несколько дней я сидел дома, чтобы не встречаться с Малышом, поддерживая честь семьи, и поэтому не видел жуткого скандала между Чистюлей и Мохнатином.

Дело в том, что Мохнатик не мог дальше смотреть, как Чистюля мучает несчастного кота, и решил проучить Чистюлю. Мохнатик поймал скунса, постриг и покрасил его так, что скунс ничем не отличался от кота. Потом забрался к Чистюле и незаметно поменял животных. Но скунс не хотел оставаться у Чистюли, потому что жил у Мохнатика, причем хотел как можно скорее вернуться домой. Поэтому дал деру. Как раз в этот момент Чистюля выглянул во двор и увидел, что скунс протискивается под калитку. Решив, что кот собирался от него сбежать, он поймал зверя, свернул в клубок и подбросил вверх, чтобы проучить. Скунс взлетел высоко в воздух, а приземлился прямо на голову Чистюли, который парил на высоте двух футов! Скунс, ничего не соображая от страха, вцепился в Чистюлю когтями и использовал весь свой арсенал защитных средств. Впервые в жизни Чистюля грохнулся о землю и испачкался, как другие ребята.

Я дал бы миллион долларов, чтобы это увидеть.

И только через неделю, после того как Чистюлю кое-как привели в порядок, рядом с ним снова можно было сидеть, не зажимая носа.

Папа Чистюли помчался выяснять отношения с папой Мохнатика, и они так классно поскандалили, что все хохотали неделю.

Таким вот образом остался я без приятелей. С Малышом мы еще не помирились, а чтобы играть с Чистюлей или Мохнатиком — я не был настолько глуп. Я знал, что их ссора еще не кончилась, и не стал вмешиваться, чтобы не занимать чьей-то стороны.

Признаться, было очень обидно: каникулы заканчивались, а тут и поиграть не с кем, и телебизора нет. Дни улетали один за другим, а я жалел каждую минуту.

В один прекрасный день приехал шериф.

Мы с папой работали во дворе и пытались наладить сноповязалку. Папа давно грозился купить новую, но после всех наших невезух покупать было не на что.

— Добрый день, Генри, — поздоровался шериф.

Папа кивнул в ответ.

— Слышал, у тебя недоразумения с соседями.

— Можно и так назвать, — ответил папа. — Просто я недавно дал одному из них в морду, вот и все.

— На его собственной ферме, так?

Папа оставил в покое сноповязалку и, сидя на корточках, посмотрел на шерифа.

— Это Энди пожаловался?

— Он заезжал ко мне и рассказал, что новая семья инопланетян наболтала тебе какую-то чушь о каких-то тварях, которые всем приносят беды и которых он якобы держит при себе.

— Надеюсь, ты выбил из его головы эту чушь?

— Я человек мирный, — сказал шериф, — и мне не доставляет удовольствия наблюдать, как соседи ссорятся. Я ответил ему, что для начала поговорю с тобой.

— Давай, — кивнул папа, — говори.

— Послушай, Генри, ты и сам знаешь, что вся эта болтовня о существах, приносящих беды, — ерунда. Меня удивляет другое — как ты мог на это клонуть?

Папа медленно поднялся, лицо его перекосилось от злости, и я даже подумал, что он сейчас стукнет и шерифа. Честно говоря, я здорово испугался, потому что шерифов бить нельзя.

Я так и не узнал, что он собирался сделать, может, только пару слов сказать.

На своем старом грузовичке подкатил папа Мохнатика. Он хотел остановиться за машиной шерифа, но не

рассчитал и врезался в нее так сильно, что та проехала юзом футов шесть.

Шериф бросился за калитку.

— Черт поberi! — закричал он. — Тут у вас даже машину оставить опасно.

Мы оба побежали за ним. Я — потому что назревала драка, а папа — так мне показалось — чтобы в случае чего помочь папе Мохнатика. Но самое удивительное — папа Мохнатика, вместо того чтобы сидеть в кабине тихо и ждать шерифа, выскочил на дорогу и помчался навстречу нам.

— Мне сказали, что вас можно найти здесь, — выпалил он, тяжело дыша.

— Вот вы и нашли, — рывкнул шериф, чуть не лопаясь от злости. — А теперь...

— Мой мальчик пропал! — сообщил папа Мохнатика. — Он не пришел домой ночевать!

Шериф мигом успокоился, взял его за плечо и сказал:

— Не волнуйтесь, лучше подробно расскажите, что произошло.

— Он ушел из дома вчера рано утром и не вернулся к обеду. Мы не беспокоились — он часто исчезает на целый день, у него в лесу много друзей...

— И ночевать он тоже не пришел?

Папа Мохнатика кивнул.

— Когда стемнело, мы забеспокоились. Я отправился его искать, но безрезультатно. Он как в воду канул. Я решил, что он проведет ночь в лесу, надеялся, что он явится утром, — ничего подобного.

— Положитесь на меня, — сказал шериф. — Мы поднимем на ноги всю округу и организуем поиск. Мы найдем его, обязательно найдем! — Он повернулся ко мне: — Ты знаешь этого мальчика? Ты дружишь с ним?

— Конечно, — ответил я.

— Тогда проводи нас по всем местам, где вы играли. Для начала осмотрим их.

— Я обзвоню соседей, чтобы собрались здесь, — сказал папа и пошел к дому.

Не прошло и часа, как набежало человек сто. Шериф разделил их на группы, в каждой назначил старшего и дал задания, где искать.

Меня шериф взял в свою группу, и мы отправились в Черную Долину. Я показал им ящерицу, потом место, где мы начали копать пещеру, и место на реке, где

Мохнатик подружился с огромной форелью, и все остальные места. Мы обнаружили старые следы Мохнатика, и ни одного свежего, хотя прошли вверх по ручью до запруды, где он впадает в реку. Когда мы возвращались, уже стемнело, а я страшно устал.

Неожиданно мне в голову пришла ужасная мысль. Я старался ее отогнать, но так и не смог. Весь остаток пути я размышлял — может ли поместиться в воронку машины времени такой парень, как Мохнатик?

Мама накормила меня ужином и отправила спать, но потом зашла поцеловать, чего давно не делала. Она считает, что я уже достаточно взрослый, но сегодня вечером почему-то зашла.

Потом она спустилась вниз, а я лежал и прислушивался к голосам мужчин во дворе. Большинство еще продолжали поиски. Я понимал, что должен быть с ними, но вместе с тем знал, что мама не пустит, и в глубине души был рад. Я буквально падал с ног от усталости, а вечером в лесу к тому же страшно.

Наверное, в любую другую ночь я бы сразу заснул, но сейчас у меня перед глазами стояла воронка этой машины. Я пытался представить, что будет, когда кто-нибудь расскажет шерифу о ссоре между Чистюлей и Мохнатиком. А если ему уже рассказали, то шериф наверняка сейчас заглядывает в воронку, ведь не дурак же он.

Потом я подумал: а не рассказать ли мне все самому?

Наверное, я заснул, но, когда проснулся, мне показалось, что я вообще не спал. Было еще темно, а сквозь окно лился пугающий красноватый свет. Я сел в кровати, и у меня волосы встали дыбом. В первое мгновение я решил, что горит наш сеновал или сарай, но потом сообразил, что пожар где-то дальше. Я вскочил и подбежал к окну. Горело что-то большое и совсем недалеко.

Похоже, что горело у Картеров, хотя я сразу смекнул, что это невозможно, потому как несчастье могло случиться с кем угодно, только не с Энди. Разве что он застрахован.

Я спустился по лестнице босиком и увидел, что мама стоит у открытой двери и смотрит на пожар.

— Что случилось, мама? — спросил я.

— Это сеновал Картеров. Они звонили соседям, просили помощи, но никого нет, все ищут Мохнатика.

Мы стояли и смотрели на пожар, пока он почти утас, и тогда мама снова отправила меня в постель.

Я залез под одеяло и стал переваривать новую порцию впечатлений. Я думал, что странно: месяцами ничего не происходит, а тут так сразу, да и с сеновалом Энди тоже не все чисто. Энди был самым удачливым человеком в округе, и вдруг без всякого предупреждения на него свалилось такое несчастье. Я спросил себя: а не покинули ли его Граничники, и если да, то почему? Может, он просто надоел им?

Когда я снова проснулся, было ясное утро. Я быстро оделся и спустился узнать новости о Мохнатике.

Но мама ответила, что мужчины до сих пор его ищут. Она приготовила мне завтрак, заставила все съесть и запретила уходить далеко или присоединяться к группам, направляющимся в лес. Она сказала, что это опасно, потому что в лесу полно медведей. Мне стало смешно, ведь мама никогда не пугала меня медведями.

Но она взяла с меня честное слово. Пообещав ей, что далеко не уйду, я со всех ног помчался к Картерам посмотреть на остатки сеновала и с кем-нибудь поговорить. Собственно, оставался только Малыш.

У Картеров смотреть было не на что. Черные, обугленные головешки местами еще тлели. Я стоял на дороге, когда Энди вышел из дома. Он остановился и зыркнул на меня так, что я быстро смылся, как только мог.

Я проскочил мимо дома Чистюли, смотря себе под ноги, надеясь, что не встречу его. Мне не хотелось иметь с ним ничего общего, не то что разговаривать.

Я добежал до дома Малыша, и его мама сказала, что Малыш болен, но не заразно, и я могу зайти его навестить. Малыш лежал в постели и очень обрадовался моему приходу. Я спросил, как он себя чувствует, и он ответил, что уже лучше. Он заставил меня поклясться, что я не расскажу его маме, а потом прошептал мне на ухо, что объелся зеленых яблок из сада Картера.

О том, что случилось с Мохнатином, он слышал, и я рассказал ему о своих подозрениях.

Малыш долго лежал и молчал, пока торжественно не заявил:

— Стив, я давно хотел тебе сказать: это не машина времени.

— Не машина времени? Откуда ты знаешь?

— Я видел предметы, которые папа Чистюли туда опускал. Они там так и лежат.

— Ты видел... — тут до меня дошло. — Значит, они там же, где и Граничники?

— Именно это я и хотел сказать, — заговорщически ответил Малыш.

Сидя на краю кровати, я пытался переварить его открытие, но вопросов в голове становилось все больше, столько, что разобраться в них я не мог.

— Малыш, — спросил я, — а где оно, то место? Ну, место, где находятся Граничники?

— Не знаю. Где-то недалеко, совсем рядом. Почти в нашем мире, но не совсем.

И тут я вспомнил, что говорил папа две недели назад.

— Значит, их мир и наш разделены чем-то вроде стекла?

— Да, вроде бы.

— А если Мохнатик там, что они с ним сделают?

— Не знаю, — вздрогнул Малыш.

— Как он себя там чувствует? Может ли он дышать?

— Наверное, может, — сказал Малыш. — Они ведь тоже дышат.

Я встал и пошел к двери, но на полпути остановился и спросил:

— Скажи, чем занимаются Граничники, что им здесь нужно?

— Никто не знает точно. Говорят, что они вынуждены находиться рядом с другими живыми существами, чтобы жить самим. У них нет своей собственной жизни. И они ищут себе чужую жизнь, чтобы унаследовать ее, но и это не совсем так.

— Им нужен какой-то образец, — сказал я, вспомнив, что говорил папа Малыша.

— Можно и так сказать, — ответил Малыш.

Я подумал о том, какая скучная жизнь Граничников, имеющих в качестве образца Энди Картера. Но, возможно, я ошибался; ведь когда я их видел на крыше, они были счастливы, крутились себе на крыше, и каждый из них выглядел, как Энди. Ну а как еще можно выглядеть, когда живешь рядом с ним?

Я направился к двери.

— Куда ты, Стив? — спросил Малыш.

— Искать Мохнатика.

— Я с тобой.

— Нет. Тебе надо лежать.

Я побежал домой, размышляя о том, что Граничники не имеют собственной жизни, что им нужен образец, все равно какой.

Если встречается человек с хорошей и интересной жизнью, им везет. И человеку, которого они выбрали, везет во всем — ведь они хорошие помощники. Я подумал: скольким людям хорошо живется благодаря Граничикам. И какой бы это был для них удар, если бы они вдруг узнали, что стали великими, богатыми или знаменитыми благодаря чужим усилиям и способностям, благодаря существам — Граничикам.

Я пошел на кухню, к раковине.

— Это ты, Стив? — крикнула мама из комнаты.

— Да. Я хочу пить.

— Где ты был?

— Тут, недалеко.

— Только никуда не убегай, — еще раз предупредила мама.

— Нет, мам, не убегу.

Я влез на стул, достал очки, которые папа положил на полку, предупредив, чтобы я их больше не трогал, и сунул в карман.

Услышав мамины шаги, я тихо выскользнул за дверь. Очки я надел только возле изгороди Картеров. Я шел по дороге вдоль забора, внимательно всматриваясь, когда наконец заметил в закутке сада группу Граничников. Они ссорились из-за чего-то, явно меня не замечая, пока я не подобрался совсем близко. Тогда они повернулись, и я сообразил, что они разговаривают меж собой, показывая на меня. У одного из них на голове, сдвинутый на лоб, был надет мой телевиовизор.

Значит, Малыш действительно видел предметы, которые папа Чистюли опускал в свою машину.

Поначалу Граничники, кажется, не догадывались, что я их вижу, и стали спокойно приближаться. Я почувствовал, как волосы у меня встают дыбом. С большой охотой я бы повернулся и удрал. Но тут же вспомнил, что они не могут мне ничего сделать, и перестал их бояться.

Они видели, что я без оружия, а может, даже и не знали о ружье папы Малыша. Они вертелись вокруг меня совсем как стая ворон. Те тоже смело приближа-

ются к безоружному, но держатся подальше от человека с ружьем в руках.

Я заметил, что Граничники шевелят губами, показывая на мой телебиовизор. Но, конечно, не слышал ни слова. Я не обращал внимания на их жесты, рассматривал их и думал, что с ними случилось. Может, я встретил другую стайку, не ту, что на лугу у Энди, или они здорово изменились? Они еще напоминали Энди, но больше — кого-то другого и очень знакомого.

Наконец я заметил, как многозначительно они показывают на мой телебиовизор, а потом на свои головы, и догадался, что каждый просит телебиовизор для себя. Я не знал, что им отвечать, но тут они расступились: кто-то сзади толкнул их, и... я оказался лицом к лицу с Мохнатиком. Мы стояли и смотрели друг на друга, не говоря ни слова и не шевелясь. А потом он шагнул вперед, и я шагнул вперед, так что едва не стукнулись носами. Я испугался, что сейчас пройду сквозь него. Интересно, что бы тогда случилось? Наверное, ничего особенного.

— Ну как ты? Все в порядке? — спросил я, надеясь, что, даже если он не услышит, хоть прочтает по моим губам то, что я ему говорю, но он покачал головой. Спросил еще раз медленнее, выговаривая слова как можно четче. Но он вновь покачал головой. Мне пришла в голову другая идея. Я принялся выводить пальцем на невидимом стекле, которое нас разделяло.

ЧТО С ТОБОЙ? Я писал медленно, потому что ему приходилось читать задом наперед. Он не понял, я написал еще раз, и тут-то он сообразил, в чем дело.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ, — ответил он и медленно дописал: **ЗАБЕРИ МЕНЯ ОТСЮДА!**

Я стоял и смотрел на него, и это было ужасно, потому что он находился там, а я не знал, как его оттуда вытащить. Видимо, он прочитал мои мысли, потому что подбородок у него затрясся, и я впервые увидел Мохнатика плачущим. А ведь он не плакал даже при раскопках ящерицы, когда тяжелый камень упал ему на ногу.

Я догадался, как это должно быть страшно: сидеть там и все видеть, но самому оставаться невидимым. Может, он даже вертелся среди тех, кто его искал, в надежде, что его случайно заметят. Или, еще хуже, шел рядом со своим папой, а папа даже не догадывался. Наверное, он ходил домой и смотрел на свою семью,

что было просто ужасно, ведь они не знали о его присутствии. И уж, надо думать, он искал Малыша, который мог его увидеть, но Малыш лежал дома больной.

У меня вдруг появилась одна идея. Сначала я подумал, что ничего из нее не выйдет, но чем дальше я вдумывался, тем хитроумнее мне казался мой план.

Я написал Мохнатику: ВСТРЕТИМСЯ У ЧИСТЮЛИ.

Сунул очки в карман и помчался домой. Я пробрался в дом через сад, боясь, что мама меня заметит и больше уже не отпустит. Потом пролез в сарай, достал длинную веревку и, отыскав ножовку по металлу, вынул полотно. Все это я захватил с собой, направившись к Чистюле. Их сарай стоял за сеновалом, так что из дома меня не видели, а впрочем, дома никого и не было. Я знал, что папа Чистюли, а может, и сам Чистюля ищут Мохнатика вместе со всеми, ведь они могут подняться в воздух над местами, куда никому не забраться.

Положив на землю веревку и пилку, я надел очки и у самых дверей сарая увидел Мохнатика. С ним было несколько Граничников, в том числе и тот, с моим телебизором на голове. А вокруг сарая, как предполагал Малыш, валялись тарелки, кружки, деревяшки и много всякого другого хлама, который папа Чистюли опускал в машину времени.

Я еще раз посмотрел на Граничников и понял, что в них изменилось — они напоминали Мохнатика. Поэтому-то и сгорел сеновал Картеров; Граничники теперь следовали за Мохнатикум и перестали защищать Энди. Ясное дело — им интереснее с настоящим живым существом, которой среди них, чем с неуклюжим Энди, на которого приходится смотреть через стекло.

Я снял очки, сунул в карман и принялся за работу. Перепилить дужку замка оказалось не очень легко. Сталь была дьявольски твердая, а пилка тупая. Я боялся, что она сломается, прежде чем я закончу, и злился на себя за то, что не взял хотя бы пару запасных.

Я страшно шумел, потому что забыл захватить масло, но меня никто не засек.

Перепилив, я открыл дверь и вошел в сарай, где стояла машина времени. Я спрятал веревку и подошел к пульту, чтобы разобраться, и легко включил машину. В воронке забулькала белая пена. Я достал веревку, надел очки и страшно испугался. Сарай стоял на неболь-

шом склоне, пол приподнимался на три-четыре фута над землей, поэтому мне показалось, что я вишу в воздухе.

У меня возникло такое ощущение, что я вот-вот упаду. Конечно, я знал, что мне ничего не грозит, — ведь я стоял на невидимом, но настоящем полу. Знать-то я знал, но меня не покидало неприятное, похожее на сон ощущение, что сейчас я шлепнусь.

И, что самое ужасное, подо мной стоял Мохнатик — его голова находилась на уровне моих ботинок. Он очень хотел выбраться и знаками показывал мне, чтобы я поскорее вытащил его.

Я очень осторожно опустил веревку в воронку и сразу почувствовал, как ее тянет и всасывает в себя белый водоворот. Я посмотрел вниз и увидел, что веревка свисает над местом, где стоит Мохнатик. Он подпрыгнул, схватился за нее, и я сразу почувствовал его немалый вес.

Мохнатик был примерно моего роста, может, чуть пониже, и я прикинул, что тянуть мне придется его изо всех сил. Я намотал веревку на руку, чтобы она не выскользнула, и потянул, но веревка даже с места не двинулась, будто ее привязали к дому. Я присел и пригляделся к подставке машины. Удивительно, но веревка доходила до самого конца горловины воронки, потом прерывалась на фут или два и снова продолжалась. За этот нижний ее кусок и держался Мохнатик. Выглядело это очень странно, ведь веревка должна опускаться в мир Граничников одной непрерывной линией, но она по пути куда-то сворачивала.

Вот почему я не мог его вытащить. Вот почему можно бросить в машину времени любой предмет, но обратно достать уже нельзя.

Я смотрел на Мохнатика, а он на меня. Вид у него был настолько жалкий, что до меня дошло: он все видит и все понимает.

И тут закричала дверь сарая. Я вскочил, не выпуская веревки из рук. В дверях стоял папа Чистюли. Он был очень сердит, что меня не удивило.

— Стив, — сказал он, с трудом сдерживаясь. — Я, кажется, говорил тебе, чтобы ты сюда не входил.

— Да, — воскликнул я, — но там Мохнатик.

— Мохнатик?! — переспросил он, а потом понизил голос. — Ты, кажется, не соображаешь, что говоришь! Каким образом он мог туда попасть?

— Не знаю, — ответил я, хотя знал и мог бы ему рассказать, только очень растерялся.

— На тебе очки, которые сделал папа Малыша? Ты видишь Мохнатика?

— Вижу, — кивнул я, — как на ладони. — И отпустил веревку, чтобы снять очки. Веревка молниеносно ускользнула в воронку.

— Стив, — сказал папа Чистюли, — скажи, пожалуйста, правду: ты не выдумываешь? Не шутишь?

Он страшно побледнел, и я знал, о чем он думает: если Мохнатик угодил в машину, то виноват прежде всего он.

— Чтоб мне провалиться, — ответил я.

Видимо, этой клятвы оказалось достаточно, так как он выключил машину и вышел. Я за ним.

— Подожди меня здесь, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

Он стремительно взмыл над лесом, и я тут же потерял его из виду.

Я сел, опершись спиной о стену сарая, а настроение у меня было ужасное. Я знал, что должен надеть очки, но специально не вынимал их из кармана, потому что не представлял себе, как посмотрю Мохнатика в глаза.

Я боялся, что все потеряно: ни я, ни кто другой на свете не спасет Мохнатика. Он пропал для нас навсегда. И даже хуже, чем пропал.

Сидя так, я выдумывал разные страшные наказания, которые обязательно применю к Чистюле. Я не сомневался, что это он, открыв сарай, скрутил Мохнатика — словно кота, и бросил в воронку машины.

Его разозлила история со скунсом, перекрашенным в кота, и, как только узнал о ней, не сомневался, что он не останется от Мохнатика, пока не сведет с ним счеты.

Пока размышляя, появился папа Чистюли, а с ним запыхавшийся Чистюля, шериф, папа Малыша и другие соседи. Шериф подошел ко мне, схватил за плечо и сильно встряхнул.

— Что означает весь этот бред? — рявкнул он. — Предупреждаю, парень: эта история для тебя плохо кончится, если окажется, что ты над нами смеешься.

Я попытался вырваться, но он меня не отпускал. Тогда к нему подошел мой папа и толкнул в грудь, так что шериф отлетел в сторону.

— Не трогай мальчика, — спокойно сказал папа.

— Но ты, кажется, сам не веришь в эту галиматью? — выпалил шериф.

— Представь себе, сейчас верю каждому слову. Мой сын не станет врать!

Бывает, папа ругается, а то и ремень возьмет да всыплет как следует, но в критической ситуации на его помощь можно рассчитывать.

— Должен тебе напомнить, Генри, — сказал шериф, — про твою стычку с Энди Картером. Едва удалось убедить его не передавать дело в суд.

— Энди Картер... — сказал папа значительно спокойнее, чем можно было ожидать. — Этот тип, что живет недалеко от нас. Кто-нибудь видел его в последнее время?

Он оглянулся по сторонам, но все молчали.

— В последний раз я говорил с Энди по телефону, — сказал папа, — когда просил его помочь нам. Он ответил, что у него работы невпроворот, чтобы еще заниматься поисками пропавшего щенка какого-то там инопланетянина. И добавил, что им же лучше будет, если они отправятся ко всем чертям.

Папа посмотрел на собравшихся, но ему никто не возразил. Думаю, с папиной стороны было не очень вежливо говорить такие вещи в присутствии папы Мохнатика и папы Малыша, и других инопланетян. Но, святая правда, Энди говорил все это вслух и только папа имел смелость пересказать им прямо в глаза.

Тут кто-то начал говорить, а вернее, все сразу, так что я не разобрал, чей это был голос.

— А я вам говорю, ребята, что по справедливости все вышло с сеновалом Картера.

Шериф нахмурился:

— Если узнаю, что кто-то из вас в этом замешан, то я...

— Ничего ты не сделаешь, — сказал папа и повернулся ко мне. — Стив, что ты хотел рассказать? Обещаю, что все тебя выслушают и никто не станет перебивать.

Сказав это, он внимательно посмотрел на шерифа.

— Минуточку, — попросил папа Малыша, — я хочу подчеркнуть одну важную деталь. Я знаю, что этот мальчик видит Граничников, ведь я сам сделал ему специальные очки. И, может быть, это нескромно с

моей стороны, но я хочу заверить вас, что я квалифицированный оптик.

— Спасибо, — сказал папа. — Ну, а теперь, Стив, говори.

Но, едва я успел рот открыть, из-за сеновала появился Малыш со своим ружьем. Во всяком случае, я не сомневался, что это за ружье, хотя оно не было похоже на обычное охотничье. Обычная палка, блестящая на солнце множеством призм и зеркалец, установленных под разными углами.

— Папа! — крикнул он. — Я узнал, что произошло, поэтому пришел с ружьем. Надеюсь, не опоздал.

Он подбежал к своему папе, который взял у него ружье и поднял так, чтобы все видели.

— Спасибо, сынок, — сказал он. — Но ружье нам не понадобится. Сегодня мы не будем стрелять.

И тут Малыш закричал:

— Он там, папа! Там Мохнатик!

Не знаю, все ли поверили, что он увидел Мохнатика. Многие наверняка сомневались, но стояли тихо, потому что не хотели спорить с моим папой. Конечно, Малыш увидел его без этих дурацких очков, но он инопланетянин, а от инопланетян всего можно ожидать.

— Ну, хорошо, — согласился шериф, — может, он и там. Но что нам в данной ситуации удастся сделать?

— Кажется, немного, — сказал мой папа, — но там его оставлять нельзя. — Он посмотрел на папу Мохнатика. — Вы не беспокойтесь. Что-нибудь придумаем.

Но я отлично понял, почему он говорит так уверенно: чтобы папа Мохнатика не думал, что мы признали свое поражение. Что касается меня, то я полностью потерял надежду. Если нельзя вытащить его тем же путем, каким он туда попал, то иного способа я не видел. Ведь в мир Граничников не было двери.

— Джентльмены, — воскликнул папа Малыша, — у меня есть идея.

Мы все повернулись к нему.

— Это ружье, — сказал он, — служит для уничтожения Граничников. Оно приподнимает завесу между двумя мирами, чтобы пропустить заряд. Его можно переделать, и мне кажется...

— Мы не станем стрелять в мальчика, — сказал шериф, — даже если решили освободить его оттуда.

— Я не собираюсь в него стрелять, — объяснил папа Малыша. — В ружье не будет патрона, мы попробуем использовать его только для того, чтобы пробить завесу, разделяющую два мира. А я постараюсь настроить ружье так, чтобы дыра получилась как можно шире.

Он сел на землю и стал возиться с ружьем, переставляя призмы и поворачивая зеркальца.

— Есть одна существенная деталь, — сказал он. — Дыра существует только одно мгновение. Парень должен подготовиться, чтобы не прозевать и прыгнуть сразу же, как появится отверстие.

Он повернулся ко мне.

— Стив, ты не можешь ему объяснить?

— Объяснить?

— Сказать ему. Знаками, или губами, или еще как?

— Конечно, могу.

— Тогда начинай.

Я надел очки, оглянулся и увидел Мохнатика. Прошло много времени, прежде чем он понял, что от него требуется. Нам мешали Граничники, которые все время кружили рядом и показывали то на мой телебиовизор, то на свои головы.

Минут через двадцать я сказал папе Мохнатика, что мы готовы. Папа протянул Малышу ружье. Все расступились, остался только Малыш с ружьем и я позади него. А там, в другом мире, стоял Мохнатик, окруженный дурацкими Граничниками, которые, судя по всему, не были знакомы с ружьем инопланетян, иначе бы они разбежались. Мохнатик побледнел, будто его поставили к стенке и собрались расстрелять.

Краем глаза я заметил Чистюлю, который как раз отплывал в сторону...

Но тут все призмы и зеркальца на ружье Малыша задвигались. Вероятно, он нажал на спуск. А затем нас ослепила яркая вспышка.

На мгновение прямо напротив нас, в воздухе, открылась удивительная дыра с рваными краями. И я увидел, как Мохнатик, одновременно с ее появлением, прыгает сквозь нее.

И снова Мохнатик был среди нас — он как раз пытался удержаться на ногах после этого прыжка, — но не один. Он выдернул за собой одного из Граничников, крепко держа его за руку, очевидно, вытягивая силой, потому что физиономия у Граничника была не

слишком довольной. Я сразу понял, что это тот самый, с моим телебиовизором на голове.

Мохнатик подтолкнул Граничника в мою сторону и сказал:

— Только так я мог вернуть тебе телебиовизор.

Он отпустил руку Граничника, а я быстро схватил его за другую и с удивлением обнаружил, что она вполне осязаема. Я бы не удивился, если б моя рука прошла сквозь нее насквозь, потому что Граничник все еще выглядел туманным и бестелесным, хотя вроде загустел немного. Папа подошел ко мне и сказал:

— Осторожно, Стив!

— Ничего страшного. Он даже не пытается убежать.

В этот момент раздался крик, я обернулся: несколько Граничников уцепились за края дыры в свой мир, удерживая их так, чтобы они не сомкнулись, а остальные лезли сквозь дыру, толкаясь и ссорясь; мне показалось, что их стало больше, чем я предполагал.

Мы стояли и смотрели, пока они не влезли все. Никто не пошевелился, да и что мы могли сделать? И они тоже стояли и смотрели на нас, сбившись в кучу.

Шериф, сдвинув шляпу на самый затылок, подошел к папе, и я увидел, что он обалдел окончательно, но его ошарашенный вид доставлял мне удовольствие, ведь он все еще отказывался верить в Граничников. Не знаю, может, он еще надеялся, что это очередные фокусы инопланетян? Только, по-моему, не надо излишне-то и голову напрягать, чтобы понять, что у них про запас осталось много удивительного кроме этого.

— Как получилось, — подозрительно спросил он, — что у одного из них на голове телебиовизор?

Я объяснил ему, а он в ответ лишь глазами заморгал, но сказать ничего не смог.

И тут все заговорили одновременно, но папа Чистюли, поднявшись над нашими головами, сделал знак рукой, призывая к тишине.

— Минуточку! Прежде чем мы займемся решением серьезных вопросов, я хотел бы сказать вот что. Зная историю со скунсом, вы правильно считаете, что наша семья в значительной степени несет ответственность за происшедшее.

В устах человека это звучало бы глупо и высокопарно, но папе Чистюли как-то сошло.

— Поэтому, — сообщил он, — должен вас проинформировать, что виновник — мой сын — в течение ближайших тридцати дней будет ходить по земле. Ему нельзя будет подняться даже на дюйм в воздух. Если это наказание окажется недостаточным...

— Хватит, — прервал его папа, — парень должен получить по заслугам, но нельзя над ним издеваться.

— Простите, — начал папа Мохнатика, — если это не столь необходимо...

— Я не изменю своего решения, — ответил папа Чистюли. — Я просто не вижу другого способа.

— Может быть, — крикнул шериф, — кто-нибудь мне, наконец, объяснит, что все это значит?

— Слушай, шериф, — обратился к нему папа, — понимаешь ты или нет — сейчас это не важно, а объяснять тебе — слишком долго. У нас есть более существенные дела. — Он слегка повернулся, чтобы стать лицом к собравшимся. — Ну, так что будем делать? У нас гости. А раз эти создания приносят счастье, мы должны к ним относиться самым лучшим образом.

— Папа, — я потянул его за рукав, — я знаю, как можно привлечь их на нашу сторону. Каждый из них хочет иметь свой собственный телебиовизор.

— Это правда, — сказал Мохнатик, — все время, пока я там был, они приставали ко мне с вопросами, как и где достать телебиовизор. И все время ссорились из-за того, кто следующий будет пользоваться телебиовизором Стива.

— Вы хотите сказать, что эти существа умеют говорить? — спросил шериф слабым голосом.

— Конечно, умеют, — ответил Мохнатик. — Там, в своем мире, они способны на такое, о чем мы даже не могли догадываться!

— Если так, — с удовлетворением сказал папа, — то это не слишком высокая цена за удачу, которую они нам принесут. Сбросимся и купим нужное количество телебиовизоров. Может, удастся со скидкой...

— Но если мы дадим их Граничникам, — перебил его папа Малыша, — то нам от них не будет никакой пользы. Мы перестанем быть им нужны. Свои образцы они начнут черпать из телебиовизоров.

— Что ж, — сказал папа, — если так, то мы по крайней мере от них избавимся. Они перестанут преследовать нас несчастьями.

— Как ни крути, ничего хорошего из этой затеи не выйдет, — заявил папа Малыша, который явно недолюбливал Граничников. — Они живут стаями. Всегда так было. И они никогда не помогали всем, только одному человеку или, в лучшем случае, одной семье. Нам не удастся поделить их так, чтобы они всем приносили пользу.

— Если послушаете меня чуток, мужики, — объявился Граничник с моим телебиовизором на голове, — то я вам все растолкую.

Должен сказать, что его голос вызвал у нас шок. Трудно было представить, что они вообще умеют говорить. А тут еще таким языком и таким голосом. Вылитый Энди Картер! Он тоже — либо просто ругался, либо выражался с грубоватой язвительностью. И этот Граничник, который столько лет жил по его образцу, просто не умел говорить иначе.

Мы стояли, уставившись на Граничников, а они так усиленно кивали головами, что едва не сломали себе шеи.

Первым опомнился папа.

— Валяй, — сказал он Граничику. — Мы тебя слушаем.

— Мы будем с вами якшаться, только чтобы все по-честному. Мы будем вас оберегать от несчастий и другой фигни, но за это вы дадите нам телебиовизоры — только без трепача, ясно? И на вашем месте я не стал бы хитрить.

— Звучит вполне разумно, — сказал папа. — Ты имеешь в виду нас всех?

— Как есть всех, — ответил Граничник.

— Значит, вы разделяетесь? На каждого из нас будет приходиться по крайней мере один из вас? И вы больше не будете жить группами?

— Я думаю, — вмешался папа Чистюли, — мы можем на них положиться. Я понял, что хотело сказать это существо. Почти та же история, что и с родом человеческим на Земле.

— А что такое случилось с родом человеческим на Земле? — с легким удивлением спросил папа.

— Исчезла потребность групповой жизни. Когда-то люди были вынуждены жить семьями или племенами. А потом появились патефон, радио, телевидение — исчезла потребность в общении. У каждого человека есть уйма развлечений дома. Ему не надо даже выходить из

своей комнаты, чтобы увидеть мир. Поэтому зрелища и развлечения массового характера постепенно вымерли.

— Вы думаете, что то же самое произойдет с Граничниками, когда мы снабдим их телебиовизорами?

— Наверняка, — ответил папа Чистюли, — мы устроим им, как я сказал, индивидуальное развлечение. И, таким образом, у них исчезнет потребность в групповой жизни.

— Клево сказано, приятель! — с энтузиазмом воскликнул Граничник. Остальные согласно закивали головами.

— Но это ничего не даст! — крикнул папа Малыша, разозлившись не на шутку. — Ведь они теперь в нашем мире, и неизвестно, смогут ли они здесь что-нибудь для нас сделать.

— Заткнись, пожалуйста, — сказал Граничник. — Конечно, здесь мы ничего не сможем для вас сделать. В вашем мире мы не можем заглядывать вперед. А чтобы мы были вам полезны, это необходимо.

— Значит, как только мы дадим вам телебиовизоры, вы вернетесь к себе? — спросил папа.

— Еще бы! Там наш дом, и попробуйте только нас туда не пустить!

— Мы не станем вам мешать, — ответил папа. — Наоборот, даже поможем вернуться туда. Дадим вам телебиовизоры, а вы возвращайтесь и беритесь за дело.

— Мы будем работать честно, — заверил Граничник, — но нам нужно время зырить телебиовизоры. Идет?

— Ладно, — согласился папа.

Я выбрался из толпы. Все как-то устроилось, а я уже был сыт по горло. Хватит с меня всяких историй.

Возле сеновала я увидел Чистюлю, медленно бредущего по земле. Он шел с большим трудом, но мне почему-то ничуть не было его жалко. Сам виноват.

На мгновение мне подумалось: а не подойти ли к нему и не наподдать ли за тот раз, когда он вывалял меня в грязи? Но потом я сообразил, что с моей стороны это означало — бить лежачего, ведь он и так наказан собственным папой на тридцать дней.

Содержание

Незнакомцы во Вселенной

Изгородь, пер. <i>В. Баканова</i>	7
Истина, пер. <i>К. Королева</i>	18
Поколение, достигшее цели, пер. <i>А. Иорданского</i>	33
Плацдарм, пер. <i>А. Корженевского</i>	77
Подарок, пер. <i>З. Бобырь</i>	95
Эволюция наоборот, пер. <i>О. Битова</i>	104

Все ловушки Земли

Воспителлы, пер. <i>Е. Вансловой</i>	127
Поведай мне свои печали, пер. <i>О. Битова</i>	154
Упасть замертво, пер. <i>Вл. Романова</i>	178
Торговля в рассрочку, пер. <i>И. Гуровой</i>	212
Спокойной ночи, мистер Джеймс, пер. <i>А. Горбунова</i>	264
Специфика службы, пер. <i>Л. Жганова</i>	282
Проект «Мастодонт», пер. <i>С. Трофимова</i>	293
Все ловушки земли, пер. <i>С. Васильевой</i>	330
Без своей жизни, пер. <i>П. Кириллова</i>	377

Миры Клиффорда Саймака кн.14 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1994. — 415 с.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах**

Книга четырнадцатая

Составитель *А. Новиков*
Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *А. Александрова, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Т. Куликова, Н. Дундина*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление обложки и форзаца: *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитолов: *А. Бибанаев*

ЛР № 062455 от 3.10.94

Подписано в печать 15.11.94. Формат 84х108/32
Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 20 000 экз. Заказ № 142. С 050

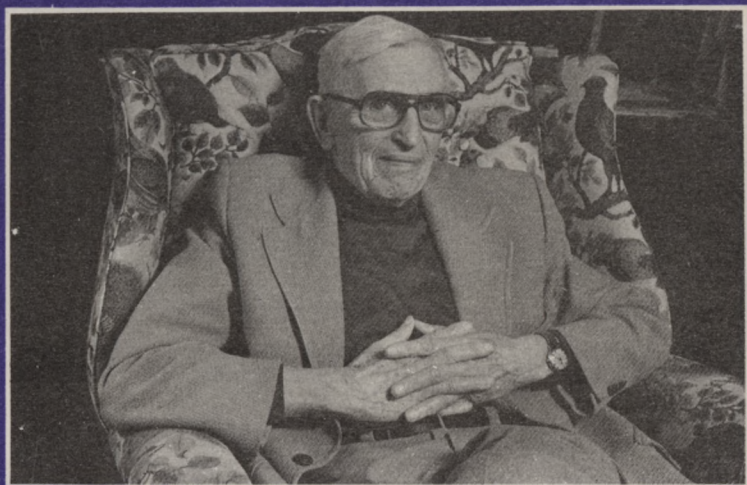
Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers